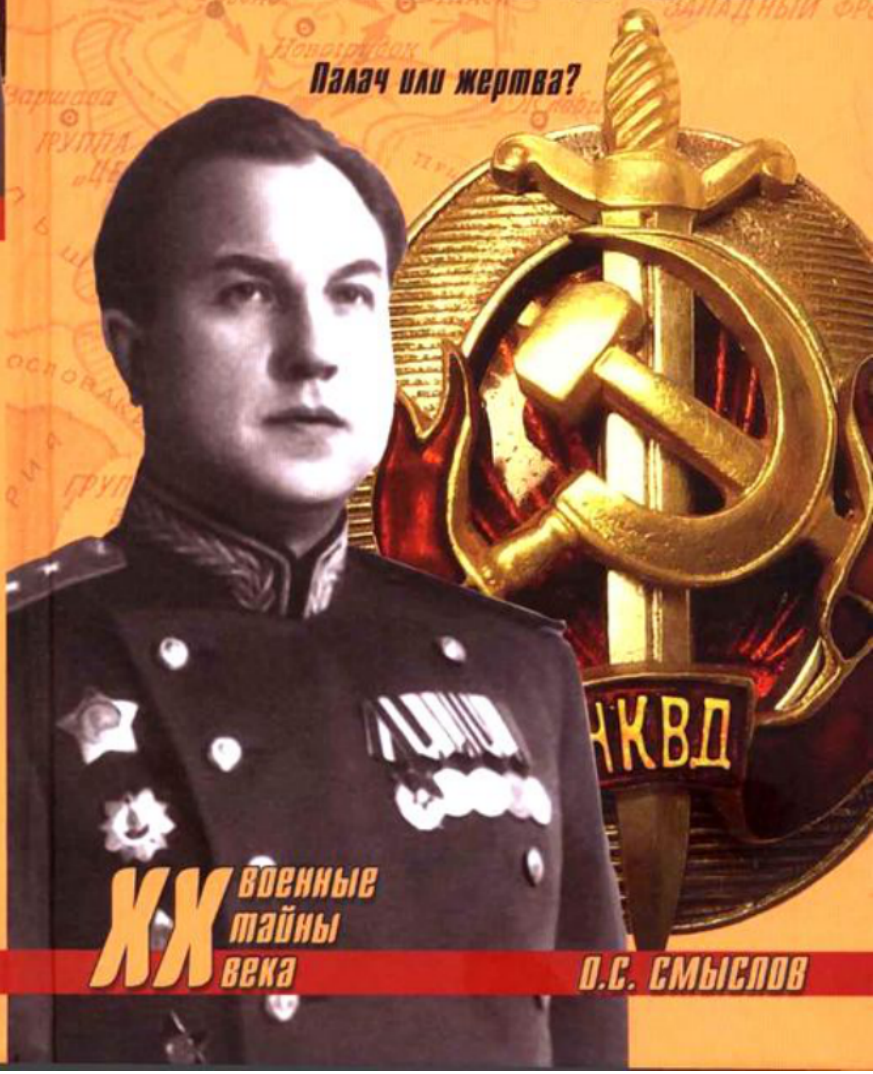
ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ

Палач или жертва?



ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ

ЖЖ военные тайны века

О.С. СМЫСЛОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как известно, у каждой медали есть две стороны, а жизнь человека имеет светлую и темную сторону. В новой книге про В С Абакумова автор показывает обе стороны этой личности, используя ранее неизвестные документы. Почему именно на Абакумова обратили внимание Кобулов и Берия? После каких событий его назначили начальником Ростовского управления НКВД? Был ли виноват Абакумов в захвате немцами Смоленского архива? Какие просчеты допустила военная контрразведка СМЕРШ в годы войны под руководством генерала? Вместе с ответами на эти вопросы читатель узнает правду о последних минутах жизни опального начальника СМЕРШа.

- Смыслов Олег
  - ОТ АВТОРА
  - Глава 1
    - Оргсекретарь и писатели
    - Комиссар госбезопасности
    - Поломанная жизнь
    - Исповедь перед смертью
  - Глава 2 ЧЕКИСТ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ
    - Рожденный в наводнение
    - Восхождение от практиканта
    - Маховик репрессий и маховик карьеры
    - Чекисты Свердлов, Шарок и Кубаткин
    - Начальник областного управления
    - Кто они, палачи из НКВД?
  - Глава 3
    - Осенью 1941 года
    - Дневник подчиненного
    - Смоленский архив
    - Лжевоинская часть
    - Обратная сторона военной контрразведки
    - Абакумов и СМЕРШ
    - Несколько уроков для начальника военной контрразведки
    - О триумфе СМЕРША и его «Апостоле»
  - Глава 4
    - Последняя должность
    - Всесильное ведомство МГБ
    - Личная жизнь министра

        - Интриги и новые «шпионские» лица
    - Глава 5
        - Потеря доверия
        - Перед арестом
        - Подполковник Рюмин
        - Арест и следствие
        - Обвинение и суд
        - И жертва, и палач
    - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - Список источников и литературы
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Смыслов Олег
ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ
Палач или жертва?

В. А. Батуренко
посвящаю.

ОТ АВТОРА

Моя первая книга про В.С. Абакумова вышла в 2005 году. И скажу откровенно, о второй книге я даже не задумывался. Но однажды, после встречи с писателями, где меня попросили рассказать о ней и где я ответил на многочисленные вопросы, один из присутствующих прозаиков настойчиво рекомендовал вернуться к этой теме еще раз. Судя по всему, книга всем понравилась, но вот эта настойчивость не давала покоя все эти годы…

Почему? Я долго думал над этим и на всякий случай собирал все новые и новые материалы про своего героя, пока не понял, что пора садиться за написание книги. Так я вернулся к этой теме во второй раз…

Как известно, у каждой медали есть две стороны, а наши жизни слагаются из света и тени. Видимо, в той книге про Абакумова я рассказал более или менее об одной стороне «медали» его головокружительной карьеры, основанной прежде всего на личных впечатлениях. Тогда мне казалось, что я получил возможность намного глубже познать не только особенности профессиональной деятельности своего героя, но и черты его характера, его личные качества, ощутить его внутреннюю силу и железную волю. На самом деле это оказалось не совсем так… И только поэтому в новой книге, используя новые документы, воспоминания и свидетельства очевидцев, мне бы хотелось открыть и вторую сторону «медали», которая объясняет если не все, то очень многое.

Например, почему именно на Абакумова обратили внимание Кобулов и Берия? После какого грязного дела его назначили начальником Ростовского управления НКВД? Виноват ли был Абакумов в захвате немцами Смоленского архива? Какие просчеты допустила военная контрразведка СМЕРШ в годы войны под руководством Виктора Семеновича и т. д.

Признаюсь, основные вехи восхождения министра госбезопасности остались без особых изменений, но все остальное окажется если и не невероятным, то хотя бы любопытным. Ведь согласитесь, современного читателя удивлять весьма и весьма сложно.

Глава 1
ОДИН ИЗ ВРАГОВ АБАКУМОВА

Оргсекретарь и писатели

Первая повесть Анатолия Наумовича Рыбакова «Кортик» вышла из печати осенью 1948 года. А уже в 1950-м был напечатан его роман «Водители», который имел не просто читательский успех, а успех, что весьма было важно, прежде всего у интеллигенции. Именно после этого достоверного произведения, где персонажами были вполне обычные рядовые люди, новый писатель стал частым гостем на премьерах и всякого рода «культурных» мероприятиях. Отметили Анатолия Наумовича за этот роман Сталинской премией второй степени (1951). Естественно, приняли и в Союз писателей. Между прочим, Союз писателей сразу же выделил ему однокомнатную квартиру на Смоленской площади, правда, в старом доме, но все-таки… квартиру. Стал расширяться круг знакомых. На обеды Рыбаков теперь ходил исключительно в ресторан Центрального дома литераторов.

Сам Анатолий Наумович спустя годы назовет Союз писателей «идеологически — казармой», а «организационно — департаментом». В романе-воспоминании он, в частности, напишет: «Его сотрудники имели дело не со случайными посетителями, а с постоянными, с писателями. Были хорошо с ними знакомы, обслуживали их съезды, пленумы, заседания, обедали в том же ресторане ЦДЛ, ездили в те же Дома творчества, пользовались одной поликлиникой — Литфонда; бывало, молодые сотрудницы выходили замуж за писателей, жили со своими мужьями в писательских домах, писателей во все времена селили кучно: в Лаврушинском переулке, на улице Фурманова, на Ломоносовском проспекте, в районе метро «Аэропорт», в Астраханском переулке. Сотрудники много чего знали о каждом, писательская жизнь протекала у них на виду.

Ко мне в аппарате Союза относились с симпатией: молодой, уже известный, но общительный, демократичный, прошел войну, встречали с улыбкой, приветливо.

Но вот прихожу в Союз, было это в начале марта 1951 года, и сразу, с первого же мгновения, возникло ощущение опасности, хорошо знакомое, въевшееся во все поры моего существа. Быстро промелькнувший взгляд, любопытный или настороженный, замкнутое, отчужденное лицо, подчеркнутое равнодушие, как бы вынужденное рукопожатие, притворная занятость — мелочи, обычному человеку ничего не говорящие, но мне вполне понятные». Ощущение опасности Рыбакову было знакомо как никому другому…

Анатолий Наумович родился в Чернигове в 1911 году в еврейской семье инженера Наума Борисовича Аронова и его жены Дины Абрамовны Рыбаковой. С восьми лет жил в Москве, на Арбате. Учился в бывшей Хвостовской гимназии, а девятый класс окончил в опытно-показательной школе-коммуне на Остоженке. По окончании школы работал на Дорогомиловском химическом заводе: грузчиком и шофером.

В 1930-м поступил в Московский институт инженеров транспорта, а ровно через три года его арестовали и Особым совещанием коллегии ОГПУ осудили на три года ссылки по статье 58–10, что означало «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти».

Когда срок ссылки закончился, Рыбаков, не имея права жить в городах с паспортным режимом, скитался по России. Он работал только там, где не надо было заполнять анкеты.

В 1938 году будущий известный писатель устроился на работу в Рязанское областное управление автотранспорта главным инженером. Оттуда осенью 1941 года он ушел на фронт, закончив войну в должности начальника автослужбы 4-го Гвардейского стрелкового корпуса в звании гвардии инженер-майора. Именно на фронте «За отличие в боях с немецко-фашистскими захватчиками» его признали не имеющим судимости.

Помогли Рыбакову безупречные характеристики и боевые награды: два ордена «Отечественной войны» и четыре медали («За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»). Полностью же реабилитация состоится лишь в 1960 году.

Так вот, после возникшего ощущения опасности пройдет много лет. Анатолий Наумович будет стоять в холле Дома творчества «Малеевка» с Евгенией Семеновной Гинзбург, восемнадцать лет проведшей в сталинских тюрьмах, лагерях и ссылках. Мимо них пройдет Виктор Николаевич Ильин, который поздоровается только с Рыбаковым.

«Евгения Семеновна проводила его взглядом, — вспомнит он.

— Кто этот человек?

— Ильин, секретарь Московского отделения Союза писателей.

— Он — кагэбист.

— Почему вы так думаете? — Мне было интересно, что она скажет.

— У него это на лице написано.

Ильин всю жизнь прослужил в «органах», и Евгения Семеновна с одного взгляда узнала в нем кагэбиста, такое лицо

бывший зэк отличит среди сотни других.

Так и человек, за которым тянется 58-я статья, живет с опасением, что об этом узнают, и по малейшему, едва уловимому признаку чувствует опасность».

В столице Советского Союза Москве тогда было целых три Союза писателей: СССР, РСФСР и Московская писательская организация. Московскую писательскую организацию возглавлял Сергей Михалков. То есть был ее бессменным председателем. Однако его кабинет со всеми телефонами занимал оргсекретарь Ильин.

«… Михалков появлялся на полчаса в день, — утверждает Анатолий Наумович, — не снимая пальто, клал руку на трубку вертушки. Любил помогать людям, спрашивал:

— Кому звонить?

Ильин:

— Промыслову. *(Председателю Моссовета…)*

Михалков (*набирает номер):*

— Владимир Федорович? Михалков приветствует. Здравствуйте. *(Прикрывает трубку ладонью.)* Что просить?

Ильин:

— Квартиру… Коротун…

Михалков *(в трубку):*

— Я насчет квартиры товарищу Коротуну… Сколько можно, Владимир Федорович, просим, просим, пишем, пишем… Что? *(Прикрывает ладонью трубку.)* Когда обращались?

Ильин:

— Два года назад… Персональный пенсионер.

Михалков *(в трубку):*

— Два года пишем… Ну, как можно? Старый член партии, персональный пенсионер, а ведь работает, прекрасный писатель… Крепкий мужик… А как же, я его знаю лично, наш золотой фонд… Спасибо, Владимир Федорович, спасибо. Что? *(Прикрывает ладонью трубку.)* Как имя-отчество?

Ильин:

— Галина Васильевна.

Михалков *(в трубку):*

— Галина Васильевна… Нет, нет, вы не ослышались. Повторяю: Галина Васильевна…

Ильин:

— Коротун.

Михалков:

— Галина Васильевна Коротун, взяли на заметочку, Владимир Федорович? Спасибо, дорогой, доброго здоровья.

И ничего, сходили такие «опечатки», свои ведь люди, чего

там!»

В шестидесятые годы Рыбаков напишет свой знаменитый роман «Дети Арбата», который станет одним из первых в Советском Союзе произведений о судьбе молодого поколения тридцатых годов. Автор романа попытается раскрыть весь механизм тоталитарной власти и понять «феномен» Сталина и сталинизма. Правда, опубликуют его только в 1987 году. Продолжение — роман «Тридцать пятый и другие годы» — выйдет в 1989-м, под закат горбачевской перестройки.

Когда Анатолий Наумович сядет за написание следующего романа, «Страх», секретные архивы еще не были открыты, и он будет, как и раньше, пользоваться теми же источниками, что и при работе над «Детьми Арбата». То есть вполне официальной литературой и рассказами участников событий тех лет.

А однажды в его доме раздастся неожиданный телефонный звонок. А. Н. Рыбаков напишет об этом в воспоминаниях следующее: «Позвонил мне Виктор Николаевич Ильин, бывший многие годы оргсекретарем Московской писательской организации, ее истинным и полновластным хозяином. Ильин приходил на службу ровно в девять, уходил не ранее шести, на обед не отлучался, заваривая в кабинете чай, запивал принесенные из дома бутерброды, исполнительный чиновник с хорошими связями в партийных и советских кругах, в аппарате КГБ, где проработал всю жизнь, дослужившись до генерала. Однако в конце войны или сразу после войны его самого посадили, держали в тюрьме, потом отправили на какое-то строительство за то, что предупредил своего друга о возможном аресте. После XX съезда он вернулся в Москву, и Поликарпов, тогдашний руководитель Союза писателей, взял его на работу во вновь созданную Московскую писательскую организацию.

Ильин позвонил мне, уже будучи на пенсии.

— Зашел бы, посидим, поговорим.

Знает много. Я поехал к нему на Ломоносовский проспект. Ильин провел меня в кабинет, открыл дверцы книжного шкафа:

— Видишь?

Это были книги московских писателей с дарственными надписями: «Дорогому Виктору Николаевичу…»

— Только ни одной твоей нет…

Мы сели.

— Не думай, я не обижаюсь, цену этим подаркам знаю. За глаза-то как меня называли? «Генерал», «кагэбист», так ведь?

— Разве ты им не был?

— Был. Не отрицаю. Всю жизнь прослужил. Честно служил.

Как коммунист. Много чего видел, но веры не терял. За это и поплатился. Знаешь мою историю?

— Слыхал.

— И сейчас веры не теряю. Потому так высоко ставлю твой роман, он все во мне перевернул. В органах всякое приходилось читать, сам понимаешь, все было доступно. Но ты ткнул в то самое место, откуда росла эта опухоль. Удастся ее удалить, как думаешь?

— Надеюсь.

— Говорят, продолжение пишешь. Какие годы?

— Те же. Тридцатые…

— Знакомое время. Наше ведомство присутствует?

— Конечно. Процессы Зиновьева, Бухарина… Дело Тухачевского…

— Какими материалами пользуешься?

— Тем, что было опубликовано… Стенограммы судов…

— Мало!

Он поднял на меня таза, по его взгляду я понял: решение принял.

— Я работал в центральном аппарате, в секретно-политическом отделе, все это проходило через нас. Отвечу на любые твои вопросы.

При двух условиях: никаких магнитофонов, и на меня, как источник информации, сможешь сослаться только после моей смерти, если, конечно, при этом не пострадает моя семья, это на твоей совести.

Мы встречались с Ильиным несколько раз, говорили по многу часов. Он очень мне помог. Знал работников НКВД того времени, их биографии, слабости, сильные стороны, знал механику работы этого учреждения, вспоминал отдельные ситуации, подробности, детали, которые были необходимы для моей работы».

Сам роман вышел в 1990 году…

* * *

Пятой книгой сочинений Георгия Владимова стал его последний, и, к сожалению, неоконченный роман «Долог путь до Типперэри», который задумывался им как автобиографическая трилогия, охватывающая период с 1946 года по 1991-й.

В нем он передает свою беседу с Ильиным, у которого попытался выяснить подробности биографии одного из видных чекистов: «— Его (Масевича) расстреляли в тридцать девятом… За крайнюю жестокость.

— То есть вообще-то жестокость допускалась, но не крайняя?

Виктор Николаевич моего вопроса не услышал. Я спросил:

— А это правда, что он входил к подследственному в камеру с плеткой?

— Нет, неправда… Но тем не менее плетка у него была. Висела в кабинете за шкафом. На гвоздике… Если захотите написать о нем… Обратитесь ко мне. Я постараюсь вспомнить кое-что.

Он расчувствовался, стал рассказывать:

— Я видел, как люди… заслуженные люди… генералы… на коленях молили следователя — какого-нибудь лейтенантика — не покалечить их, когда он их пытает или бьет».

По утверждению Алексея Теплякова, автора статьи «Чекист для Союза писателей», Виктор Николаевич «Ильин был активным организатором преследования инакомыслящих в писательской среде — от Синявского и Солженицына до Галича и Войновича. Он собирал сведения на тех литераторов, которые передавали свои сочинения на Запад, организовывал против них негодующие кампании, добивался исключения диссидентов из Союза писателей».

Имел на него «зуб» и Юрий Маркович Нагибин — русский писатель-прозаик, журналист и сценарист. Член Союза писателей с 1940 года. В двадцать лет он опубликовал свой первый рассказ, который поддержали Ю. Олеша и В. Катаев. В его дневнике, подготовленном к печати незадолго до смерти, есть такая запись, датированная 1 ноября 1972 года: «Ильин опять напомнил о себе после короткого перерыва. На этот раз, чтобы сорвать мне поездку в Колумбию — Венесуэлу с заездом в Нью-Йорк. Какой неугомонный, неленивый, душный и гнусный человечишко! И хорошо, истинно в духе времени, защитил меня оргсекретарь «большого» Союза писателей Верченко. После двух дней изнурительной беготни, звонков, надежд и томлений вот что я услышал:

— Группу сократили, и вас, как не имеющего отношения к ССОДу, отвели.

Группу сократили только на меня, но я-то как раз имею прямое в отличие от прочно оставшегося в группе Холендро. Я активный член правления Общества СССР — Нигерия и всего лишь три дня назад провел там литературный вечер для африканских студентов. Верченко не дал себе труда выслушать, что я ему говорил при первой встрече, объясняя сложившуюся ситуацию. В одно ухо впускал, в другое выпускал.

Невольно начинаешь уважать Ильина, тот врет квалифицированно, убедительно, он работает над своей ложью

(над формой и содержанием), а этот мешок с мокрым дерьмом ляпнул первое, что пришло в его рассеянную башку. Когда я сказал ему, как обстоит дело, он растерялся, заморгал глупыми хитрыми глазами и стал расспрашивать ни к селу ни к городу о встрече с американскими студентами…

Все, что случилось со мной, не ново. Но поражает незамаскированность подлости и та халтурность в исполнении, какой раньше не было. Уверенные в себе, в своей необходимости, сатрапы окончательно разнуздались. Я бессилен против них. Московский СП отдан на откуп Ильину, его даже не пытаются «поправить». Безнаказанность и безответственность входят в условия игры, иначе он «не ручается». Какой поразительный человеческий, вернее, античеловеческий тип создала эпоха! Эти гады налиты враньем, как гостиничные клопы — кровью. Умение врать более ценимо в ответственном работнике, чем организаторские и другие качества. Нет, не умение врать, а готовность к безудержному, беспардонному вранью. И тут Верченко выше Ильина, потому что врет, не заботясь о мелком правдоподобии. И что противопоставить всему этому? Если б можно было подавить в себе «любовь к пространству». Как бы нахаркал я им всем в гнусные рыла! А для чего? Ведь это их не заденет. Взять их можно только страхом, а так, хоть сцы в глаза, все Божья роса. Грустно, грустно…»

Владимир Николаевич Войнович, член Союза писателей с 1962 года, с Ильиным сталкивался множество раз. Например, в «Иванькиаде» (или рассказе о вселении писателя Войновича в новую квартиру) он весьма интересно описывает образ Виктора Николаевича, опять-таки как секретаря Московского отделения Союза писателей по организационным вопросам:

— Я с писателями работаю с двадцать четвертого года, — говорит он.

Теперь, как большинство работников карательных служб, сентиментален.

— Вы слышали: умер Игорь Чекин, мой ровесник. Подходит очередь нашего поколения. Как сказал Олеша: снаряды рвутся где-то рядом. — И за стеклами очков в золотой оправе скупая мужская слеза…

— Вот если бы вы были честным человеком, вы сказали бы, кто дал подписать это письмо. — Но тут же и отступает: — Нет, я на этом не настаиваю. — А немного погодя и совсем наоборот: — Обратите внимание, я не спрашиваю, кто дал подписать вам это письмо.

Однажды, подыгрывая ему, я сказал:

— Виктор Николаевич, но ведь вы в свое время тоже не

поверили в виновность какого-то человека и даже пострадали за него.

— Так это же был мой друг, — сказал он взволнованно. — Я его хорошо знал.

С теми, кого знал недостаточно хорошо, он поступал иначе…

— Я всегда был верен партии, таким и сдохну, — это его слова.

Его представления о литературе вполне примитивны, но он себя и не выдает за знатока. А вот уж что касается следственной части, тут он профессионал (и, думаю, это самый большой комплимент, который он хотел бы услышать). К своим следственным обязанностям он относится отнюдь не формально. Он думает, изобретает, как бы похитрее заманить вас в ловушку, подставить под удар, использовать вашу ошибку. Он играет с вами, как сытый кот с мышью, когда не только результат, но и процесс игры важен. При этом он может не испытывать к вам никакой вражды или может даже симпатизировать вам, это не имеет никакого значения и никак не отражается на его действиях по отношению к вам. У него есть свои достоинства. Вы можете на него накричать, он не обидится (хотя в интересах дела может сделать вид, что обиделся), вы можете ему льстить, он не поверит. Он еще немножко актер, и его отношение к вам в данный момент ничего не значит. И если он проходит мимо вас не здороваясь или, наоборот, кидается в объятия, не обращайте внимания, просто он хочет произвести на вас определенное впечатление. На самом деле, не здороваясь, он на вас не сердится, а обнимая, он вас не любит.

Но главное впечатление, которое он хочет на вас произвести всегда, это, что теперь, когда идеалы ставятся невысоко, может быть, он и чудак, но он служит партии, и только ей, и ради нее готов сидеть хоть в кабинете секретаря Союза писателей, хоть в тюремной камере. Про него говорят, что он держит слово. Это не совсем так. Держать слово не всегда входит в его планы, не всегда под силу ему, специфика его работы не позволяет ему не давать пустых обещаний, но, когда он что-то пообещал, смог выполнить и выполнил, он бывает явно доволен и выражения благодарности принимает охотно…»

В «романе своей жизни» под весьма необычным названием «Автопортрет» Владимир Николаевич в очередной раз вернулся к образу Ильина, назвав его человеком очень незаурядным. Однако, по мнению писателя, ум у Виктора Николаевича был полицейским.

«Полицейский — не значит глупый, а лишь то, что человек видит всему простые объяснения и находит простые решения. Я

думаю, что Ильин по натуре и не злой был, но делал все, что нужно, считая себя солдатом партии. Мне кажется, что эту роль он себе подсознательно придумал для оправдания всех своих поступков…»

И все же В. Н. Войнович, вспоминая прошлое, подчеркивает: «По-моему, Ильин даже неплохо ко мне относился, но раз партия приказала, готов был вгрызться в печенку. А все-таки иногда и его посещали сомнения, и Виктор Николаевич, зажав меня в углу своего кабинета и прикрываясь ладонью от возможных микрофонов, спрашивал шепотом:

— Ну, скажите, как говорится, не для протокола, а мне лично, неужели вы думаете, что ваш «Чонкин» когда-нибудь будет опубликован?

— Виктор Николаевич, — отвечал я ему громко, — я не только думаю, я знаю точно, что когда-нибудь «Чонкин» будет опубликован.

— Ну, вы и самонадеянный, — качал он головой.

— Нет, Виктор Николаевич, я вовсе не самонадеянный. Это вы и ваши единомышленники самонадеянны, потому что думаете, что вы управляете временем. А вы в нем только существуете. Если вы вспомните историю, вы увидите, что ни одна запрещенная книга не пропала. Все они доживали по крайней мере до отмены запретов и только после этого вступали в соревнование с другими книгами…»

Пройдет время, и в декабре 1988 года Виктор Николаевич (старенький и трясущийся) будет скромно сидеть в коридорчике журнала «Юность», зайдя в редакцию по каким-то своим делам. Мимо него будут бегать возбужденные сотрудники журнала с какими-то бумагами.

— Что это вы носите? — не выдержав, поинтересуется Ильин.

— Верстку «Чонкина», — ответят ему.

«Говорят, — напишет Войнович, — он обхватил голову руками и потряс ею так, как если бы ему сообщили о конце Света».

Русский советский критик и литературовед Бенедикт Михайлович Сарнов в своей книге воспоминаний также не обходит стороной темную личность Ильина:

«Насчет того, как стал он оргсекретарем Московского отделения Союза писателей, существовали разные версии. По одной, его пристроил туда знакомый писатель, один из его бывших клиентов. По другой, новая его должность была прямым продолжением старой и сама идея на эту новую должность исходила оттуда.

Сам Виктор Николаевич, разумеется, изо всех сил старался

укрепить веру в то, что верна именно эта, вторая версия.

Однажды, когда меня в очередной раз не пустили в какую-то заграничную туристскую поездку, я выразил ему по этому поводу свое негодование.

— Хорошо. Я выясню, — сказал он.

И, столкнувшись потом как-то со мной в коридоре, нежно взял меня за локоть, отвел в сторону и, многозначительно воздев глаза к потолку, сказал:

— Я узнавал. ТАМ никаких претензий к вам нет.

Писатели перед Виктором Николаевичем трепетали. Но у меня было подозрение, что он слегка блефовал, подчеркивая, что и ТАМ, в ТЕХ сферах его влияние по-прежнему остается соответствующим его генеральскому званию. На эту мысль меня натолкнуло впечатление от первой моей с ним встречи.

В конце пятидесятых создавался писательский жилищный кооператив, в который я очень хотел вступить. (Это был единственный способ выбраться из коммуналки.)

Я тогда еще не был членом Союза писателей. Но тут как раз в каком-то важном докладе меня помянул Степан Петрович Щипачев, возглавлявший в то время московскую писательскую организацию. Он назвал меня в числе двух или трех подающих надежды молодых критиков, и кто-то посоветовал мне обратиться к нему за помощью.

Степан Петрович встретил меня ласково и выразил полную готовность поддержать мою просьбу. Он нажал кнопку звонка. Появилась секретарша. Он сказал:

— Виктор Николаевич на месте? Скажите ему, что он мне нужен.

Тут же — «на полусогнутых» — явился Виктор Николаевич. Наклонив голову, внимательно выслушал Степана Петровича. Взяв меня под локоток, увел из начальственного кабинета к себе. Быстро и очень толково составил нужную бумагу, отдал ее машинистке. Через несколько минут ходатайство — на бланке Союза писателей — было отпечатано, подписано Щипачевым и вручено мне. В кооператив меня сразу же приняли.

У меня тогда создалось впечатление, что должность «оргсекретаря» — вполне ничтожная, скорее техническая, для которой как раз и годится такой вот слегка постаревший Молчалин. Но вскоре облик Виктора Николаевича чудесным образом переменился.

От его молчалинских манер не осталось и следа. А когда выяснилось, что руководители Московской организации приходят и уходят (Щипачева вскоре сменил Луконин, Луконина — Сергей Сергеевич Смирнов, Смирнова — Наровчатов), а Ильин остается,

все постепенно поняли, кто в этой конторе зицпреседатель Фунт, а кто настоящий хозяин».

Автор нескольких десятков книг очерков, рассказов и повестей, участник войны Анатолий Медников в 70-е годы был членом секретариата Московского отделении Союза писателей РСФСР. В своем дневнике он частенько упоминает имя Ильина.

Например, персональное дело писателя В. Е. Максимова обсуждалось после публикации за рубежом его повести «Семь дней творения».

Вот что зафиксировал Медников для истории о состоявшемся заседании секретариата:

«Началось с того, что Ильин зачитывал документы. Он утверждал, что Максимов — это не настоящая фамилия, настоящая — Самсонов; что после отсидки в лагере Владимир Емельянович в Ленинграде купил метрики на имя Максимова… Впрочем, на это никто особенного внимания не обратил.

Мне интереснее показалось другое. Одно время Ильин опекал Максимова, «воспитывал», вел с ним дружеские беседы, выхлопотал ему квартиру. В повести Максимова, и это вспомнил Наровчатов, есть положительный персонаж с биографией Ильина среди десятков отрицательных коммунистов.

После Ильина выступали Наровчатов и остальные члены секретариата; все говорили о том, что Максимову нет места в Союзе писателей. Казалось, вопрос был ясен. Но неожиданно выступил известный критик Ал. Михайлов. Он сказал:

— Видимо, я останусь в одиночестве. Мне не все ясно. Повести «Семь дней творения» я не читал. Когда работал в аппарате ЦК на Старой площади, вызывал Максимова к себе по поручению Поликарпова. Мы ему тогда помогли с издательскими делами. Думаю, что на оценки «Посева» и княгини Шаховской нельзя полагаться, хочу сам прочитать и убедиться…

Как он выразился — «зарезервирую свое мнение». Это означало, что при голосовании Ал. Михайлов воздержится. После этого выступил Стрехин и повторил то, что говорил на бюро прозаиков, — антипатриотическая, фашистская литература. И упрекнул критика за его нерешительность и колебания.

Ильин второй раз взял слово.

— Надо быть глухим и слепым, чтобы не разобраться в Максимове, — заявил он.

Ал. Михайлов, волнуясь, так же резко возразил Ильину, что он не имеет право так думать и с кондачка или с чужих слов не хочет определять свою позицию. Его поддержал Наровчатов и успокоил членов секретариата, сказав, что мы тут собираемся как раз затем, чтобы свободно, согласно гражданской совести

каждого, обмениваться мнениями.

Затем состоялось голосование. Все были за исключение, кроме воздержавшегося Ал. Михайлова. Позвали в комнату Максимова: на само заседание секретариата он явиться отказался и ждал решения, сидя в ресторане. Войдя в комнату, Максимов остановился в дверях. Наровчатов зачитал ставшую уже трафаретной формулу: «Сочли несовместимым творчество Максимова с пребыванием в Союзе писателей и приняли решение исключить из членов Союза писателей СССР»».

Сам В. Е. Максимов так вспоминал о разговоре с Ильиным: «Я предложил, что я, хотя и не буду каяться, все-таки никогда не буду печататься на Западе. При этом я прошу только об одном: чтобы мне дали минимальную возможность зарабатывать деньги литературным трудом — на переводах, на других переводах литературного характера. Больше я ни о чем не просил. Он мне ответил очень просто: «Ты хочешь поставить условия советской власти? Не смеши людей. На колени. А потом мы рассмотрим, что с тобой делать».

Не менее примечательны слова, прекрасно характеризующие внутренний мир Виктора Николаевича Ильина, сказанные им, когда исключали из Союза писателей Лидию Чуковскую. На протест писателя Владимира Корнилова, который совершенно спокойно, без тени страха заявил:

— Истинные мужчины не бьют, пусть словами, немолодую, больную женщину. Поступок такой — по меньшей мере мерзкий.

— Не мелите чепухи! В политике пол никакого значения не имеет. Нашего великого вождя Ленина едва не убила, сократив ему жизнь, тоже женщина, Фаина Каплан. Чтоб ей и на том свете пусто было! — прокричал разгневанный оргсекретарь.

Комиссар госбезопасности

Виктор Николаевич Ильин родился 6 ноября 1904 года в Москве. В 1918-м, четырнадцати лет от роду, он записался в Красную Армию. Там и прошли все юные годы будущего оргсекретаря Московского отделения Союза писателей.

Летом 1920-го политбоец отдельного эскадрона третьего кавалерийского корпуса Ильин во время боя получил осколочное ранение и выпал из седла. Затем долгое время находился на излечении в Вильно и Петрограде. После выписки из госпиталя Виктор Николаевич стал курсантом Елизаветградских кавалерийских курсов, а позже — курсантом военно-политической школы Московского военного округа. Распредилили политрука Ильина в один из эскадронов кавалерийского полка дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ.

Через несколько лет Виктора Николаевича уволили по здоровью, из-за слабости зрения. Но на улице он не оказался, получив место секретаря заместителя начальника Военно-промышленного управления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР.

Здесь он буквально за короткое время обзавелся солидными связями.

Еще через несколько лет Ильин получает назначение во Всероссийское фото-кино-промышленное АО «Советское Кино», которое впоследствии переименовывают в Московскую студию треста «Союзкинохроника». Заместителем директора становится не кто иной, как сам Виктор Николаевич. Кстати сказать, в 1929 году, в год пятидесятилетия Сталина, Ильину довелось сфотографироваться именно в этом качестве вместе с вождем, чем он долгое время гордился.

А в 1933 году по разнарядке ЦК ВКП(б) его мобилизовывают в органы ОГПУ. Начинается совершенно новый этап карьеры этого человека.

Как рассказывал сам Виктор Николаевич, в НКВД он работал сначала в отделе небольшевистских партий, кадетов, эсеров, меньшевиков, разумеется, бывших. Потом в «Восточном» отделе. Его противниками были англичане. И, наконец, его перевели в отдел «культуры». Именно так («культура») Ильин сокращенно обозначал содержание своей чекистской работы в секретно-политическом отделе.

Как утверждает А. Тепляков, «новый чекист показал себя способным работником и недолго входил в тонкости

политического сыска. Оказавшись в штатах секретно-политического отдела (СПО), боровшегося с антисоветскими элементами, он начал делать стремительную карьеру. Умение из нескольких нелояльных к власти высказываний сделать политическую программу, подверстать (с помощью агентуры) к ней побольше «заговорщиков», зачастую даже незнакомых друг с другом, проконтролировать с помощью внутри-камерных агентов-«наседок», чтобы никто не отказался от выбитых показаний, — вот был класс чекистской работы Ильина».

Есть свидетельство очевидца, как ежедневно утром на так называемой «планерке» начальник чекистского подразделения Ильин доводил до следователей схемы будущих показаний арестованных. По этим «лекалам» сотрудники составляли протоколы, которые потом давали подписывать арестованным.

Известный чекист М. П. Шрейдер напишет в своих мемуарах, как после возвращения из отпуска в Иваново он поехал в командировку в Москву и встретил там бывшего комсомольца дивизии Особого назначения Виктора Ильина. Как раз тогда он еще работал в секретно-политическом отделе (СПО) и занимался следственными делами.

«На мой вопрос, — вспоминает Шрейдер, — что из себя представляет новый нарком, Виктор начал расхваливать его демократичность и простоту, рассказывая, что он ходит по кабинетам всех следователей, лично знакомясь с тем, как идет работа.

— И у тебя был? — спросил я.

— Конечно, был. Зашел, а у меня сидит подследственный. Спросил, признается ли, а когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии… И разъяснил: «Вот как надо допрашивать!» — Последние слова он произнес с восторженным энтузиазмом.

Обескураженный, с тяжелым чувством расстался я с ним. Ведь в течение стольких лет при Феликсе Эдмундовиче от всех чекистов строго требовали даже голоса на арестованного не повышать, не то чтобы ударить, а теперь «сталинский нарком» сам учит, как бить арестованных».

В 1937–1938 гг. Ильин отвечал за работу по разработке меньшевиков, а в декабре того же 1938 года выполнял спецпоручение Берия о расследовании в Орле и Ростове-на Дону так называемого дела троцкистских диверсий на дорогах. Считалось, что заговорщики проникли в ряды местных руководителей советских и партийных органов. Как выяснил Виктор Николаевич, в этом деле абсолютно все было сфабриковано. В Москву он вернулся, потрясенный

примитивностью ложных обвинений, с которыми ему пришлось столкнуться, и доложил руководству, о том, что орловское и ростовское УНКВД попросту сфабриковали дела, с тем чтобы упрочить собственное положение и укрепить свою репутацию.

Один из руководителей разведки советских органов безопасности, генерал-лейтенант П. А. Судоплатов, отмечал, что у Ильина были профессорские манеры, и из-за мягкого доброжелательного характера он пользовался большим уважением у коллег по «цеху».

В своих воспоминаниях он, в частности, пишет: «После его представления дело было пересмотрено, а Ильин получил назначение на должность начальника третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, что позволило ему добиться ареста двух важных осведомителей, снабжавших нас заведомо ложной информацией о якобы антисоветских настроениях среди ответственных работников.

Ильин вызвал осведомителей в Москву и приказал им представить подробные данные по делам двух подозреваемых. Получив их информацию, он убедился, что они за годы репрессий прекрасно научились искусству клеветы на тех, кого разрабатывали. Осведомителей-фальсификаторов арестовали и приговорили к десяти годам лагерей, а Ильин получил награду — знак «Почетный чекист». Учитывая личные контакты Ильина с такими писателями, как Алексей Толстой, и прославленными музыкантами и композиторами, его часто принимал у себя Берия. Ильин также был в дружеских отношениях с Меркуловым».

* * *

Многие сегодня знают имя легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Сын уральских крестьян с чисто прусской внешностью с 1938 года выполнял особые задания по обеспечению государственной безопасности. В столице он оказался под началом майора госбезопасности В.С. Рясного из отдела контрразведки центрального аппарата НКВД, который занимался проникновением в иностранные посольства. И в первую очередь, конечно же, немецкое.

Однажды агентурные донесения Кузнецова прочел Виктор Николаевич Ильин. В них Виктора Николаевича поразила прежде всего способность агента из деталей составить картину явления, определить настроения в театральной среде.

«В политическом сыске, считал Ильин, важно определить ту социально-профессиональную группу, которая концентрирует

информацию и ускоряет ее, через которую наиболее интенсивно бегут информационные волны, — подчеркивает Эдуард Макаревич в своей статье «Плейбой советского масштаба». — В СССР в 30-е годы наиболее информационно насыщенной и раскованной группой, в контакте с которой находили вдохновение партийные вожди, наркомы, военные, наши и иностранные дипломаты, была богема: писатели, поэты, музыканты, актеры и прежде всего актрисы.

С богемой общались, дружили, флиртовали. В том хмельном брожении чувств и страстей вертелась информация и обнажались настроения. Нужен был особый талант, чтобы улавливать и впитывать эти информационные и настроенческие потоки. Таким талантом обладал Кузнецов, и Ильин это понял.

Но кроме таланта охотника за информацией нужен был талант человека, которому можно довериться. И здесь Кузнецов не имел себе равных. А деньги и подарки для общения что масло для механизма. Поэтому Кузнецов вел небольшой бизнес — скупка, продажа ценных и дефицитных вещей и весьма талантливо преуспевал и на этой стезе.

Как опытный человековед, Ильин с первой встречи отметил эти кузнецовские способности. Они поняли друг друга весьма скоро. Их взгляды на сущность творческой интеллигенции, на методы работы в этой среде рождали хитроумные ходы…»

Будущий разведчик посещал театры, слушал ансамбли и пение отдельных известных советских певцов. С артистами он гулял в «Метрополе» и «Национале», а на их квартирах виртуозно флиртовал и интриговал. Именно таким образом агент НКВД собирал необходимую информацию в той среде, которая непосредственно волновала Виктора Николаевича Ильина.

А. Тепляков называет его главным делом борьбу с «внутренним врагом» — «от самостоятельно мыслящих ученых и писателей до учащейся молодежи, часто из юношеской романтики создававшей подпольные группы для разъяснения себе и массам недостатков сталинской политики, изучения «истинного марксизма-ленинизма». Отдел Ильина занимался борьбой с «антисоветскими формированиями» среди академической, научно-технической, гуманитарной, медицинской интеллигенции, работников искусства и литературы, советского управленческого аппарата, а также среди молодежи. Только за участие в «антисоветских политических партиях», «организациях» и «группах» за 1941 г. в стране было арестовано 23 648 чел. Немалая часть этих жертв — на счету подчиненных Виктора Николаевича.

В предвоенные и военные годы Ильин проявил себя

человеком, способным плодотворно контактировать и с контрразведкой. Согласно Судоплатову, Ильин с Маклярским в течение ряда лет «вели» очень перспективного агента Демьянова («Гейне») — выходца из дворян, путем классической провокации (ему подбросили оружие), завербованного в 1929 г. в осведомительную сеть. Позже Демьянов поступил в распоряжение Судоплатова и стал главным лицом в большой игре: чекисты его назначили эмиссаром фиктивной антисоветской организации «Престол», перебросили через линию фронта, где «Гейне» тщательно проверили немцы, признали ценным… и сделали своим резидентом, что стоило им в итоге потери более двух десятков агентов».

К слову сказать, до 1941 года в госбезопасности СССР борьбой с «антисоветским элементом» занимался всего лишь один-единственный отдел: Отдел борьбы с контрреволюцией ВЧК с 1917 года; Секретный отдел ВЧК с февраля 1919 года; Секретнооперативный отдел ВЧК с июня 1919 года; Секретный отдел ВЧК-ОГПУ с 1921 года; Секретно-политический отдел ОГПУ с 1931 года; Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД СССР с 1934 года; 4-й отдел ГУГБ НКВД СССР с 1936 года; 4-й отдел 1-го управления НКВД СССР с марта 1938 года; 2-й отдел ГУГБ НКВД СССР с сентября 1938 года.

А 26 февраля 1941 года «вечный» Отдел вдруг преобразуется в «вечное» Управление: 3-е управление НКВД СССР; с апреля 1943-го — функции бывшего 3-го управления НКВД СССР были переданы во 2-е управление НКГБ СССР (отделы 1, 2, 3, 4, 5 во 2-е управление НКГБ СССР).

На декабрь 1939 г. структура 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР включала в себя 12 отделений:

1-е — разработка троцкистов, зиновьевцев, правых оппозиционеров, мясниковцев, шляпниковцев, исключенных из ВКП(б), закордонная работа;

2-е — разработка бывших меньшевиков, анархистов, эсеров, бундовцев, клерикалов, провокаторов, жандармов, контрразведчиков, карателей, белоказаков, монархистов;

3-е — борьба с украинской, белорусской, карело-финской националистической оппозицией;

4-е — агентурная разработка антисоветских партий дашнаков, тюркско-татарских националистов, грузинских меньшевиков, мусаватистов;

5-е — разработка литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелей культуры и искусства;

6-е — разработка и обслуживание Академии наук, научноисследовательских институтов, научных обществ;

7-е — выявление и разработка антисоветских организаций учащейся молодежи, системы Наркомпроса, детей репрессированных;

8-е — обслуживание системы Наркомздрава и его учебных заведений;

9-е — обслуживание системы Наркомюста, Верховного суда, Прокуратуры, Наркомсобеса и их учебных заведений;

10-е — борьба с церковно-сектантской контрреволюцией;

11-е — обслуживание системы физкультурных организаций, добровольных обществ, клубов, спортивных издательств;

12-е — обслуживание Осоавиахима, милиции, пожарной охраны, военкоматов, начсостава запаса.

Так что, вполне можно представить, какой опыт по содержанию своей чекистской деятельности получил в НКВД Ильин, занимаясь небольшевистскими партиями, кадетами, эсерами, меньшевиками. Затем поработав в «Восточном» отделе и, наконец, перейдя в «культуру».

Занимаясь так называемой культурой, Виктор Николаевич Ильин прекрасно знал своего «подопечного» Всеволода Блюменталь-Тамарина. И был несказанно удивлен, когда тот не просто остался на временно оккупированной территории, но и более того, ушел вместе с оккупантами.

Всеволод Александрович родился в 1881 году — актер, режиссер, сын известных актеров Александра Эдуардовича и Марии Михайловны Блюменталь-Тамариных. Официально на профессиональной сцене с 1901 года. Однако известно, что играл с семи лет. Окончил Московское реальное училище. В дальнейшем учился на первом курсе Тенишевского училища, но из-за студенческих волнений, в которых принимал участие, был отчислен. Как вспоминал сам Блюменталь-Тамарин, они выбросили тогда из окна чертежной подосланного полицейского шпика. «Вылетели» за это из училища 35 студентов. «После этого я решил бесповоротно — иду на сцену. Вступил в оперетту Шумана в Вильно, где отец был режиссером».

В 1917–1918 годах Блюменталь-Тамарин жил в Харькове. В Большом театре сыграл Царя Эдипа. При этом входил в труппу Городского театра. Осенью 1918 года был занят в спектаклях «Живой труп», «Маргарита Готье», «Касатка» и других. В 1919-м, когда город был занят частями Добровольческой армии генерала Деникина, Всеволод Александрович помимо театральной работы активно занимался общественной деятельностью. Но как только Красная Армия вошла на земли Украины, Блюменталь-Тамарина сразу же арестовали. Вмешавшийся же в его судьбу Луначарский спас ему жизнь.

А спустя всего-то семь лет (1926 г.) в Москве торжественно отмечалось 25-летие сценической деятельности Всеволода Александровича. Что, безусловно, говорит о его незаурядности как актера. На юбилейном спектакле он играл Кина. Сам Луначарский огласил правительственное постановление о присвоении юбиляру звания заслуженного артиста. Весь вечер для него пели А. Нежданова, Н. Обухова, Л. Собинов, танцевали Е. Гельцер и В. Тихомиров, играл Генрих Нейгауз.

Тем не менее Блюменталь-Тамарин уходит из театра бывшего Корша, собирает собственную труппу и создает Московский передвижной театр, с которым гастролирует по стране. Снимался в кино («На дальней заставе», 1940 год, реж. Е. Брюнчугин).

Известно, что, глубоко травмированный в детстве разводом родителей, известный актер на протяжении всей своей жизни сохранял очень близкие отношения с матерью и написал о ней мемуары («Блюменталь-Тамарина и ее время», опубликованные в 1939 году в журнале «Театр»).

Автор книги «Записки актера. Гении и подлецы» Георгий Бахтаров вспоминал: «В 1931 году мне и двум моим товарищам по Реалистическому театру предложили принять участие в гастрольной поездке Всеволода Александровича Блюменталь-Тамарина в Тулу и Харьков. В Харькове за день до окончания гастролей он пригласил нас на ужин в шикарный ресторан на Сумской. В отдельном кабинете был накрыт стол на четыре персоны. До сих пор помню все эти невообразимые закуски: янтарную лососину с лимоном, анчоусы, белугу в белом вине, холодную индейку с каштанами, на горячее — котлеты «Марешаль» (что-то фантастически вкусное из грудок рябчика, начиненных белыми грибами) и, наконец, десерт — клубника со взбитыми сливками. Всеволод Александрович был в ударе, увлеченно рассказывал о своей молодости, вспоминал театральные легенды, читал Блока и Лермонтова. В какой-то момент на пороге кабинета появился незнакомый человек средних лет в очках. Он внимательно слушал стихи. Блюменталь-Тамарин, уже захмелевший, пригласил его к нашему столу. Незнакомец приблизился и сказал: «Я вчера видел вас в «Кине». Вы удивительный артист! И стихи читаете вдохновенно. А ведь в девятнадцатом году в Одессе по решению подпольного обкома партии я должен был вас застрелить! И только случай помешал мне сделать это. Вас обвиняли в том, что вы предали Лизу В. Она погибла в контрразведке».

Блюменталь мгновенно протрезвел. «Это клевета и ложь, — сказал он, — когда в город вошли красные, я был арестован и приговорен к расстрелу. Но приговор был обжалован, и дело

прекращено за недоказанностью обвинения».

Хорошо начавшийся вечер был совершенно испорчен».

В 1941 году Блюменталь-Тамарину исполнилось 60 лет и в мае он отправляется в гастрольную поездку с программой, посвященной 100-летию со дня смерти Лермонтова. С началом войны, которая застает его на Западной Украине в Черновцах, Всеволод Александрович прерывает гастроли и, потеряв все свои костюмы, с огромными трудностями возвращается в Москву. Затем, захватив самые ценные вещи и архив, перебирается с семьей на дачу в Новый Иерусалим, что в 60 километрах от столицы и рядом с Волоколамским шоссе. Она была выделена еще его матери в дачном поселке НИЛ или «Наука. Искусство. Литература».

Себя Блюменталь-Тамарин считал немцем и неоднократно говорил: «Они нас не тронут — я же немец». Его отец был действительно немцем по национальности.

В октябре 1941 года, когда немецкие войска заняли Истру, они действительно не тронули известного советского актера. Более того, привлекли к сотрудничеству. Например, уже 2 февраля 1942 года Блюменталь-Тамарин выступал по радио с обращением, в котором призвал своих соотечественников не защищать сталинский режим и сдаваться. Дальше подобного рода передачи с участием артиста становятся регулярными: они выходят в эфир каждый вторник и четверг в 18.00. Не чурался Всеволод Александрович и публицистики, выступая в газетах врага своей родины с обличительными статьями: «Блюменталь-Тамарин обличает палача Сталина», «То, что вы не знаете о Сталине» и т. д.

27 марта 1942 года Военная коллегия Верховного Суда СССР заочно приговаривает Блюменталь-Тамарина к расстрелу.

У немцев бывший заслуженный артист РСФСР возглавляет Театр русской драмы в оккупированном Киеве, где одной из наиболее известных его постановок была переделанная пьеса «Фронт» А. Корнейчука, которая ставилась под названием «Так они воюют». Сам же он играл в ней главную роль генерала Горлова. Словом, известный советский артист поставил на службу Третьему рейху всю силу своего таланта.

Ловко имитируя голос Сталина, Блюменталь-Тамарин озвучивал фальсифицированные указы советского правительства. Записанные на немецком радио Варшавы речи транслировались на оккупированных территориях. Затем он перебрался в Берлин. Там в эмигрантской газете «Новое слово» печатались объявления о его выступлениях в сценах из спектаклей: «Маскарад» Лермонтова, «На людном месте» Островского, «Гамлет»

Шекспира, «Медведь» Чехова — 17 февраля 1943 года — в Шуман-зале, 13 июня 1943-го — в Бах-зале.

7 июля 1942 года очередное выступление Блюменталь-Тамарина по радио вызвало гнев Сталина, а 13 августа народный комиссар внутренних дел Берия разрешил Судоплатову и его подчиненным «проведение специального мероприятия в отношении Блюменталь-Тамарина».

В августе 1942 года из Москвы в блокадный Ленинград вылетел Виктор Николаевич Ильин, а уже вечером в штабной землянке он терпеливо ожидал чемпиона Ленинграда по боксу, начальника прожекторной станции отдельного прожекторного батальона 189-го зенитно-артиллерийского полка Ленинградского фронта сержанта Игоря Миклашевского.

Когда солдат наконец вошел, то интеллигентного вида чекист кратко представился: «Ильин». В тот вечер они проговорили несколько часов, а затем уже вместе вылетели в столицу. Говорят, только через несколько лет Миклашевский узнал, кем был на самом деле тот самый чекист Ильин.

В Москве Игорь Миклашевский (оперативный псевдоним «Ударов») на специальной базе 4-го Управления, в соответствии с планом, утвержденным заместителем народного комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Кругловым, под непосредственным контролем своих кураторов начал готовиться к выполнению специального задания.

Почему для этого Виктор Николаевич выбрал именно «Ударова»?

Во-первых, Игорь родился (1918 г.) в известной театральной семье. Его отец, Лев Лощилин, был хореографом Большого театра. Мать — актриса Камерного театра Августа Миклашевская — слыла одной из первых московских красавиц. Как известно, сам Сергей Есенин посвятил ей в 1923 году цикл стихов «Любовь Хулигана». Блюменталь-Тамарин был женат на Инне Лощилиной, родной сестре отца Игоря.

Во-вторых, «Ударов» учился в престижной московской школе, где достаточно углубленно изучался немецкий язык.

В-третьих, «Ударов» страстно увлекался боксом, а его успехи на ринге были впечатляющими. Он быстро стал мастером спорта, был чемпионом Ленинграда в среднем весе в 1938 и 1939 годах. В апреле 1941 года занял первое место в среднем весе на чемпионате Ленинграда, что автоматически открыло ему дорогу к участию в первенстве СССР. В спортивной прессе отмечали его наступательную манеру ведения боя, тактическую грамотность, не по годам зрелую технику, выдержку, хладнокровие.

Словом, Ильин весьма тонко подошел к подбору кандидата

для выполнения специального задания в тылу противника, а также вместе с другими чекистами участвовал в его подготовке.

22 апреля 1943 года на одном из участков Западного фронта в районе деревни Борисовка Смоленской области «Ударов» под видом перебежчика перешел в расположение гитлеровских войск…

«В соответствии с разработанной легендой, — пишет автор статьи «Приступить к операции «Ворон» Николай Абин, — «Ударов» довел до немецких офицеров информацию о своем несправедливом «осуждении» судом военного трибунала за хулиганство и направлении в штрафную роту, из которой дезертировал. Но, видимо, что-то в его поведении вызвало подозрение у командира батальона, и тот устроил ему очную ставку с двумя другими военнослужащими-перебежчиками. И здесь обнаружились некоторые разночтения в их показаниях. Над разведчиком нависла угроза расстрела.

Избежать его помог счастливый случай. Переводчик, бывший кинооператор, среди стопки пропагандистских материалов наткнулся на газету «Новое слово», в которой была статья о Блюментале-Тамарине. «Ударов» воспользовался ситуацией и обратил ее в свою пользу.

Подозрения с него были сняты, фамилия дядюшки сыграла свою роль. Но поездка в Германию и встреча с ним разведчика, на которую так рассчитывали в Москве, не состоялись. «Ударова» вместе с другими перебежчиками и военнопленными отправили в смоленский лагерь. Казалось, что гитлеровцы о нем забыли, но в конце мая 1943 года на его имя поступило письмо от дяди.

Тот писал, что «рад благополучному уходу племянника из того ужасного строя», советовал поступить на службу в РОА и обещал отозвать в Берлин для пропагандистской работы». Воспользовавшись советом дядюшки, Миклашевский 15 июня 1943 года был зачислен в 437-й Восточный батальон, а в октябре он инициативно вышел на резидента разведотдела штаба Западного фронта с условной фразой: «Дорогая Лелечка, чувствую себя хорошо. Игорь». Это сообщение руководству 4-го Управления означало: «легализовался хорошо, но подходов к Блюменталю-Тамарину не имею».

Первая встреча Игоря Миклашевского с дядей произошла в Кенигсберге 27 января 1944 года. Однако ликвидации бывшего советского актера помешала осечка пистолета. Перезарядить же оружие ему не удалось…

И только 10 мая 1945 года «Ударов» выстрелом из парабеллума, который похитил у своего приятеля еще 18 апреля, поставил последнюю точку в биографии предателя. Произошло

это в городе Мюнзингене, когда брошенный своими фашистскими покровителями и разругавшийся с власовскими руководителями Блюменталь-Тамарин целыми днями просиживал в своей квартире.

А 3 июля «Ударов» вышел на связь с сотрудниками НКГБ СССР в Париже, назвав пароль: «Агент СССР «Ударов» прибыл». После чего доложил: «Задание выполнено. Печатные материалы, документы и личные записи артиста Блюменталя-Тамарина находятся у меня». Но об этом Виктор Николаевич Ильин узнал спустя долгие годы…

Поломанная жизнь

По утверждению А. Теплякова, «любвеобильный Абакумов подставился, связавшись с одной неблагонадежной особой. Ильин сообщил Абакумову, что для него не является секретом «бытовые связи последнего с одной женщиной, на которую… были компрометирующие материалы». Абакумов пришел в ярость. Ильин для него стал личным врагом, подлежащим уничтожению. Сначала в оборот взяли боевого товарища Ильина еще по Гражданской войне генерал-майора Бориса Теплинского, в досье которого были зафиксированы некоторые неосторожные высказывания. Тот, не выдержав «применения к нему мер физического воздействия», признал вину в антисоветской пропаганде.

Самого же Ильина обвинили в разглашении служебных тайн, вредных разговорах и покровительстве Теплинскому. До поры до времени видному чекисту сходили с рук и родственники за границей, и приятельство с арестованными коллегами. Оказывается, брат матери жены и брат отца жены Ильина проживали аж в Соединенных Штатах, а сам Ильин в 1937 г. получил выговор «за притупление политической бдительности в отношении бывш. Начальника УНКВД Ленинградской области Медведя, осужденного в связи со злодейским убийством С. М. Кирова». По версии Судоплатова, Сталин, узнав, что Ильин по телефону якобы предупредил Теплинского об интересе к нему со стороны контрразведки, пришел в ярость и велел немедленно арестовать болтуна. Начальник же следственного управления КГБ СССР А.А. Козырев, присутствуя в 1954 г. при рассмотрении партийного дела Ильина, заявил, что поводом к аресту стало высказывание Виктором Николаевичем претензий к Абакумову насчет одной из женщин: ту же версию приводит и М. П. Шрейдер».

Сам Ильин рассказывал про свой арест (М. Степичеву «Встань за правду»), который помнил до мелочей, примерно так: однажды весной 1943 года комиссар госбезопасности 2-го ранга заместитель наркома обороны СССР (19.04.43 г.) и начальник ГУ КР СМЕРШ НКО СССР (19.04.43 г.) Виктор Семенович Абакумов попросил Ильина зайти к себе. «Ильин знал Абакумова еще в то время, когда тот работал помощником оперуполномоченного ГУЛАГа. Потом оказался в следственной группе, где и отличился умением фабриковать «дела» на невинных людей, «добывать» у арестованных любые нужные начальству признания.

— Знаешь Теплинского? — с ходу спросил Абакумов.

— Знаю.

— Откуда?

— Это мой товарищ. Вместе служили в армии. Я рекомендовал его в партию.

— А знаешь ли ты, что он тебе пишет одно, а сам думает о другом? — мрачно заметил Абакумов. Неожиданно хозяин кабинета достал из папки фотокарточку и сказал: — Вот его лицо. Лицо, которое не вызывает доверия.

— Для такого заключения одного выражения лица мало… Я не верю, чтобы Теплинский мог допустить что-то нехорошее, — твердо заявил Ильин. — Он надежный партийный товарищ. Активный участник гражданской войны. Имеет три ранения. Патриот до мозга костей. За каждое свое слово отвечаю перед партией…

Абакумов резко встал и заговорил тоном приказа:

— Прекрати связь с ним. Но так, чтобы он ничего не заподозрил. Не смей ему говорить ничего о нашем разговоре. Ни единого слова!

Видя, что Ильин не уходит, Абакумов спросил:

— Ты что-то хочешь сказать?

Ильину было ясно, что сегодня разговор не получится, ситуация складывается трудная, но он не мог даже в этот критический момент отступить ни на йоту от правды.

— Бориса Теплинского я знаю лучше тебя.

— Лучше меня? — вспыхнул Абакумов. — Не забывайся, комиссар госбезопасности.

Было уже поздно, но он решил пешком пройтись до дому. Ясно одно: над Теплинским нависла угроза. За что? И чем больше думал в тот вечер, тем больше утверждался в мысли: нет, не может он отшатнуться от друга, предать товарища, верного бойца революции».

В апреле 1943 года «Теплинский позвонил Виктору на работу и сообщил, что его вызывают к начальнику отдела кадров ВВС. После этого Теплинский не вернулся на квартиру. Потом выяснилось, что сам Абакумов арестовал генерала, привез в свой кабинет и, сорвав с него погоны, приказал «обрядить» в старые солдатские гимнастерку и брюки.

На другой день зам. наркома Кобулов предложил Ильину дать письменное объяснение, почему он не только игнорировал указание Абакумова порвать связь с Теплинским, но и привез его к себе на квартиру. Ильин дал такое объяснение и в конце его заключил: «Я написал все. Добавить больше нечего. Если бы все это повторилось снова, я поступил бы точно таким же образом».

3 мая 1943 года вечером Ильина вызвали к Меркулову. Здесь

уже сидел Абакумов. В томительной тишине Меркулов внимательно читал какую-то бумагу. Наконец закончил чтение, вернул листы Абакумову и, обращаясь к Ильину, глухо произнес:

— Получено указание о твоем аресте.

— Неужели сейчас, когда идет жесточайшая битва на фронте, я нужнее в лагерях, а не на передовой? — сказал Ильин.

Ему не ответили. После звонка Меркулова в кабинет вошел начальник внутренней тюрьмы и увел Ильина в камеру-одиночку».

Уже в тюремной камере как-то вырвалось из уст Виктора Николаевича по поводу Абакумова:

— Он у меня когда-то папки подшивал. Но быстро вырос благодаря своей жестокости!

И вот начальник внутренней тюрьмы, хорошо знакомый Ильину, смущаясь произносит:

— Виктор Николаевич, придется вам пройти со мною…

Как запомнил на всю свою жизнь Ильин, при этом он произвел сразу же два нарушения порядка при аресте. Во-первых, не отобрал тут же у Ильина личное оружие — пистолет, и второе — не снял с него погоны. Все это проделали уже другие во внутренней тюрьме…

И еще. Как отмечает генерал Судоплатов, «в соответствии с правилами, отмененными лишь при Горбачеве, никто не имел права арестовать высокопоставленное должностное лицо без согласия начальства. Бывали, правда, исключения, но каждый раз они рассматривались как ЧП. Ордер на арест подписывал прокурор, но на нем в левом нижнем углу обязательно должна была быть санкция непосредственного начальника того лица, которое подвергалось аресту: «Согласовано» — и подпись. Как я уже сказал, санкция Берия в данном случае отсутствовала». То есть Абакумов арестовал Ильина без санкции Берия…

* * *

Согласно учетно-послужной карте (№ 268 490), до сих пор находящейся на хранении в Российском государственном военном архиве, генерал-майор авиации Теплинский Борис Львович родился 12 августа 1899 года в городе Харькове. По национальности украинец, родной язык русский (украинский). Социальное происхождение: мещанин, профессия до поступления на службу: учащийся. Основная профессия родителей записана, как работники сцены. В дальнейшем у матери указана профессия актера. Беспартийный. Женат: жена Александра Васильевна

Савушкина.

Образование: 8 классов 2-й Харьковской мужской гимназии. Военное: окончил Военную академию РККА.

Участвовал в боях:

Против Краснова и Каледина с 10.01 по 15.03.1918 года. Петлюры с 9.04 по 10.07.1918 года.

На Царицынском фронте с 15.07 по 20.10.1918 года.

В Наступлении на Украину с 20.10.1918 г. по 1.02.1919 года. Против Врангеля и Деникина с 16.07.1919 г. по 24.11.1920 года. Ранения:

Ранен в левое плечо 20.07.1918 года.

Ранен в левую ногу и контужен 6.08.1919 года.

Ранен в правую руку 3.08.1920 года.

Вступил на службу рядовым 17 июля 1916 года. Рядовой 17 Черниговского Гусарского полка.

Прохождение службы в Красной Армии:

1 месяц — отряды Червонного казачества — инструктор по формированию. 21.12.1917 г.

3 месяца — отряды Червонного казачества — комвзвода.

10.01.1918 г.

5 месяцев — Бахмутский рабочий полк — начальник конной разведки. 23.04.1918 г.;

5-й Карачинский стрелковый полк — начальник конной разведки. 18.07.1918 г.;

1-й Суджинский стрелковый полк — начальник конной разведки. 11.10.1918 г.

3 месяца — Туземная сотня при коменданте г. Харькова — пом. командира сотни. 1.02.1919 г.

2 месяца — комендатура г. Харьков — адъютант строевой части.

3 $^1/_2$ месяца — 46 дивизия — для поручений при начальнике дивизии. 1.04.1920 г.

1 месяц — 52 стрелковая дивизия — комроты. 15.07.1920 г.

2 $^1/_2$ месяца — сводная кавдивизия войск 13-й армии — пом. нач. штадива по оперативной части — 6.08.1920 г.

11 месяцев — 115-й кавполк — командир эскадрона.

13.10.1920 г. 16-я кавдивизия — командир эскадрона. 1.12.1920 г.

1 месяц — 16-я кавдивизия — для поручений при нач. развед. отдела. 1.10.1921 г.

6 месяцев — командующий ЧОН и начальник Всеобуча Крыма — секретарь. 28.09.1921 г.

5 месяцев — начальник управления войск ОГПУ Украины и

Крыма — для поручений. 20.03.1922 г.

1 год — штаб ч. ПУ Украинского округа — ком. кав. полка. 1.09.1922 г.

3 года — Военная академия РККА — слушатель. 7.10.1922 г.

11 месяцев — дивизия ОСНАЗ при коллегии ОГПУ — пом. ком. див. 29.10.1925 г.

Высшая пограничная школа ОГПУ — шт. преподаватель. 1.11.1926 г.

1-е Управление штаба РККА — помощник нач. III отдела. 1.11.27 г. РВС-381.

Школа Червонных старшин — преподаватель тактики. 1.10.29 г. РВС-502.

10-е Управление штаба РККА — Пом. нач. 4 сектора. 1.04.30 г. РВС-305.

10-я артиллерийская бригада — начальник штаба. 15.11.30 г. РВС-907.

Военно-техническая академия РККА — преподаватель. К-10. 17.11.31 г. Р-0401.

Военно-Воздушная академия — преподаватель. 15.12.31 г. Р-0468.

Борис Львович Теплинский был награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА». В дальнейшем, после окончания Академии Генерального штаба, был оставлен в ней адъюнктом на кафедре авиации. Хорошо владел двумя иностранными языками: английским и французским. Последняя должность — начальник штаба ВВС Сибирского военного округа. Кандидат в члены ВКП(б) с 1939 года.

* * *

Генерала Теплинского арестовали 28 апреля 1943 года как участника антисоветского военного заговора. В. Смирнов в своей книге «Вплоть до высшей меры» пишет: «В ходе «следствия» Теплинский вынужден был признать себя виновным в том, что с 1929 года состоял участником антисоветского военного заговора, в который был вовлечен бывшим заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии Вакуличем (в 1938 году осужден к расстрелу…). Признавал себя виновным Теплинский и в антисоветской агитации. Затем он отказался от показаний об участии в антисоветском военном заговоре. Поскольку объективных доказательств в подтверждение этого обвинения не имелось, обвинение Теплинского в

совершении преступлений, предусмотренных ст. 58–1 «б» и 58–11 УК РСФСР, было снято. Но это не означало освобождения Теплинского из-под стражи. Ведь он признался в проведении антисоветской агитации. Поэтому «следствие» продолжалось. Как оно велось? Обычным для того времени способом: путем лишения сна, применением многодневных «стоек», жестоким избиением».

На первом же ночном допросе, который проводился с пристрастием, Абакумов выбил Теплинскому два передних зуба. И Борис Львович вынужден был рассказать, что сам Ильин советовал ему, как лучше себя вести, чтобы не дать оснований для обвинения в симпатиях к врагам народа. Именно после показаний арестованного Теплинского была получена санкция Сталина на арест Ильина.

На очной ставке, которую Абакумов с «любовью» устроил для двух друзей, избитый накануне Теплинский повторил свои показания. А Виктор Николаевич Ильин, возмущенный таким поведением генерала, влепил ему пощечину, назвав друга самой настоящей бабой.

Вспоминая эти страшные, дни Ильин рассказывал: «С усердием следствие занялось «созданием» дела на Ильина — Теплинского. Его было поручено вести Лихачеву и Соколову. Они пользовались особым доверием Абакумова.

Сначала Соколов добивался у Ильина самооговора и дачи ложных, клеветнических показаний. Не удалось. Занялись политической компрометацией Ильина как члена партии и чекиста. В свое время Ильин дал Теплинскому рекомендацию для вступления в кандидаты партии. Потом написал партийный отзыв, когда Теплинского назначили начальником оперативного отдела ВВС. Следователи представили дело так: Ильин, давая свои рекомендации, якобы не только знал о троцкистских взглядах и высказываниях Теплинского, но и сам принимал участие в этих разговорах. Ильин возражал:

— Это — ложь! Я отказываюсь отвечать на провокационные вопросы.

Следователи вынудили Теплинского признать факт участия Ильина в разговоре Теплинского со своим товарищем по академии, когда они с троцкистских позиций критиковали политику ЦК, а Ильин с ними не соглашался и защищал политику, проводимую ЦК партии. Необоснованно принимая на себя удар, Теплинский этим хотел спасти Ильина, облегчить его участь.

На очной ставке Виктор Николаевич твердо и доказательно заявил:

— Теплинский клевещет на себя, на своего товарища и на

меня. Такого разговора не было. И не могло быть!

Очную ставку прервали, и Соколов грубо вытолкнул Ильина из кабинета. Теплинский, поняв, что его обманули следователи, полностью отказался от своих показаний… И ничто уже, даже применение средств физического воздействия, не помогло следователям добиться, чтобы Теплинский повторил свои ложные показания.

После очной ставки, идя по узкому, темноватому коридору, Ильин думал, что этот разговор, видимо, приблизит развязку. Шедший рядом следователь, словно угадав мысли, сказал:

— Что вы упрямитесь?

— Это не упрямство, а борьба за истину.

— Все равно ведь конец…

— У каждого он будет, — заметил Ильин. — Но еще посмотрим, у кого раньше.

— Посмотрим».

Пройдут годы. Бывшего начальника отделения следственного отдела ГУКР СМЕРШ, а также бывшего заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковника К. А. Соколова уволят в отставку в возрасте 53 лет в июне 1954 года.

Когда Ильин уже будет работать в Московском отделении Союза писателей, ему сообщат, что к нему на прием просится один соискатель. В кабинете оргсекретаря проситель принялся аккуратно раскладывать на столе свои документы. Внимательно присмотревшись к человеку, Ильин узнал в нем того самого следователя Соколова.

«По-моему, мы знакомы», — глядя в упор, холодно сказал он ему.

Вошедший, внимательно посмотрел в лицо бывшего арестанта, побледнел, подхватил свои бумажки и пулей вылетел из кабинета…

Но вернемся к мемуарам П. Судоплатова: «Не найдя свидетелей для подтверждения показаний Теплинского, Абакумов оказался в сложном положении: ведь необходимо было заручиться показаниями двух свидетелей. Поскольку никто из окружения Теплинского в военных верхах даже не знал о существовании Ильина и не мог дать показания против него, найти второго свидетеля для обвинения представлялось проблематичным, а без этого нельзя было передавать дело для слушания в Военную коллегию. Ильина избивали, лишали сна, однако он не только отказывался признать себя виновным, но даже не подписывал протоколы допросов. Для оформления дела их необходимо было предъявить Сталину, чтобы он решил

дальнейшую судьбу подследственного, и Абакумов боялся предстать перед Сталиным без убедительного обвинительного заключения. Хотя Абакумов не смог доказать вину Ильина, тот по-прежнему оставался в тюрьме.

На допросы Ильина вызывали в течение четырех лет, с 1943 по 1947 год. Его держали в одиночной камере и периодически избивали, чтобы получить признания. Через четыре года на него махнули рукой, но еще целых пять лет он оставался в тюрьме, где в разное время его сокамерниками были министр авиационной промышленности Шахурин, маршал авиации Новиков и министр иностранных дел Румынии. Ильин никому не говорил, что он офицер-чекист. По его версии, он работал в техническом отделе киностудии документальных фильмов. Понимая, что является жертвой борьбы за власть, Ильин дал себе слово ни в чем не признаваться и лучше умереть, чем запятнать свою честь. Ему удавалось даже сохранять чувство юмора. Однажды он спросил у своего следователя, проводившего допрос:

— А что означает орденская ленточка у вас на груди?

Офицер ответил, что это орден Ленина. Ильин заметил:

— Вот какая мне оказана честь — дело поручено человеку, награжденному орденом Ленина. Значит, мое дело очень важное!

В июле 1951 года Ильин был переведен в Матросскую тишину и помещен в специальный блок тюрьмы ЦК партии. Находившимися там подследственными занимался Комитет партийного контроля, который расследовал дела членов ЦК и офицеров госбезопасности. Начальник тюрьмы предупредил его о серьезных последствиях, если он не признает свою вину перед партией. Новый следователь, появившийся на очередном допросе в форме генерал-майора юстиции, был заместитель военного прокурора Советского Союза Китаев. К безмерному удивлению Ильина, Китаев потребовал от него показаний о предательской деятельности Абакумова, в ответ Ильин попросил предъявить доказательства, что это не провокация. Охранник вывел его в коридор и подтолкнул к глазку камеры, где сидел заклятый враг Ильина Абакумов.

Тем не менее, Ильин отказался свидетельствовать против Абакумова, дальновидно рассудив, что Абакумов в свое время обо всем докладывал Сталину и если он, Ильин, сейчас расскажет о сфабрикованных Абакумовым делах, то его могут обвинить в содействии этим преступлениям. Ильин дал показания, что в своей работе после 1933 года не имел с Абакумовым никаких контактов, лишь изредка встречал его на Лубянке, а также во время инспекционной поездки в Ростов в 1938 году. Китаев был неудовлетворен его заявлением и перевел Ильина обратно на

Лубянку, где допросы тут же возобновились. Однако их тон сделался совершенно иным. Теперь его обвиняли в том, что он неправильно понимал свой служебный долг, поддерживая контакты и дружеские отношения с подозрительными людьми. Через полгода Комендант Министерства госбезопасности (МГБ) генерал-майор Блохин объявил ему: за служебные упущения Особое совещание приговаривает Ильина к девяти годам тюремного заключения.

Срок заключения истек — Ильин отсидел девять лет. Перед освобождением ему предложили пройти в кабинет для оформления необходимых документов. Ильин рассказывал мне, что Блохин являлся не только начальником комендатуры, но отвечал и за приведение смертных приговоров в исполнение (в ряде случаев он сам приводил их в исполнение), поэтому, когда его вызвали к Блохину, перед ним за одну-две секунды мысленно прокрутилась вся его жизнь. Он был уверен, что сейчас, сию минуту, его поведут в комендатуру на расстрел. Однако его привели в обычный кабинет, где он дал подписку о неразглашении обстоятельств дела и условий содержания под стражей. Он получил справку об освобождении, временный паспорт и свою старую форму комиссара госбезопасности, теперь генерал-майора, без погон, которая за эти годы порядком обветшала».

16 февраля 1952 года обвинительное заключение по делу Теплинского утверждает заместитель министра государственной безопасности СССР полковник Рюмин. В нем, в частности, указывалось: «во время учебы в Военной академии в 1923 году Теплинский установил связь с рядом троцкистов, разделял их взгляды и сам выступал против политики партии и Советского правительства. В 1927 году якобы от троцкизма отошел. В 1927–1928 годах встречался с активными троцкистами Радеком и Серебряковым. В 1933 году в беседе с Трухиным и Бессоновым высказывал «террористическое намерение против главы Советского правительства»».

27 марта 1952 года дело Теплинского рассмотрела Военная коллегия Верховного Суда СССР. В содержании протокола судебного заседания будет отмечено: «Теплинский признал себя виновным в проведении антисоветской агитации и заявил, что в тюрьме он находится за дело». Более того, суд признает Теплинского виновным в том, «что он в 1937–1940 годах, будучи антисоветски настроенным, среди своего окружения вел антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий партии и Советского правительства. Во время Отечественной войны в 1941–1942 годах в Новосибирске продолжал вести

антисоветскую агитацию, также направленную против мероприятий партии и Советского правительства. Заявлял о необходимости упразднения в Советской Армии военных советов и института комиссаров. На основании ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР Теплинский приговаривается к лишению свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества».

Виктор Николаевич Ильин до конца дней своих будет помнить, как ночью в коридоре раздавался лязг соседней камерной двери и был четко слышен скрип сапог выходящего из такой же одиночки человека, которого в очередной раз вели на допрос. Это был его друг генерал авиации Теплинский. На скрип его сапог Ильин обратил внимание еще в прошлой жизни — на аэродроме. Теперь же его шаг был неровный, с явной аритмией… Аритмия появилась после перенесенного в тюрьме инфаркта.

За все долгие годы заключения и на допросах, и на очных ставках Виктор Николаевич не подписал ни одного протокола. «Я сам себя зауважал, стал к себе обращаться на «вы»», — нередко с заслуженной гордостью говорил бывший чекист.

Спустя годы Ильин расскажет Судоплатову, как выпущенный на волю поздним вечером, без денег, он решил найти убежище в приемной МГБ на Кузнецком мосту.

«Он знал, что война кончилась, но не знал, как она изменила жизнь людей: ему было неизвестно, что в стране произошла денежная реформа и в обращении совсем другие деньги. Он также не знал, где его семья и что с ней. Утром выяснилось, что его жена развелась с ним, так как не имела сведений о нем и считала, что он погиб. Она снова вышла замуж, и их дочь жила с ней.

Ильин попробовал связаться с Меркуловым, который стал министром Госконтроля. Он пришел в министерство, секретарь доложил Меркулову, а потом сказал, что фамилия Ильина министру ни о чем не говорит. Ему некуда было идти. Но снова вернулся в приемную МГБ и сделал попытку позвонить Шубнякову, бывшему своему заместителю.

Он не знал номер его телефона и у него не было монеты, чтобы позвонить из автомата, поэтому он набрал свой старый номер, воспользовавшись внутренним телефоном в приемной МГБ. Ответил дежурный офицер, который узнал его и разговаривал с ним с явной симпатией: репутация Ильина все еще оставалась высокой среди ветеранов НКВД. Оказалось, что Шубняков арестован в 1951 году, вслед за Абакумовым. Офицер из приемной МГБ одолжил Ильину пятьсот рублей (тогда это была довольно большая сумма) и посоветовал немедленно уехать из Москвы.

Ильин поехал в Рязань, где жил его двоюродный брат. Там он

устроился на работу грузчиком на железнодорожной станции. О своем прибытии в город он сообщил в местное отделение госбезопасности на железной дороге, и через два месяца они помогли ему получить должность бригадира грузчиков. От него, правда, потребовали, чтобы он сказал своим товарищам по работе, что был осужден не по политической статье, а за растрату и другие должностные преступления, и обещали сделать соответствующую запись в трудовой книжке. Но Ильин отказался, опасаясь, что его могут обвинить в сокрытии своего прошлого. Так в возрасте сорока восьми лет он начал новую жизнь».

Борис Львович Теплинский первым стал писать наверх жалобы, по которым была проведена дополнительная проверка. В ходе нее он категорически отказался от своих «признательных» показаний, заявив, что они были буквально выбиты из него. В течение десяти суток его лишали сна: все это время он стоял, его жестоко избивали.

Также в ходе проверки было установлено: «Теплинский допрашивался в ночное время до 5–6 часов. Его 108 раз вызывали на допросы, а протоколов допросов составлено всего 15. К тому же некоторые из них датированы не теми числами, когда его фактически допрашивали. Свидетели, изобличавшие его в 1943 году в проведении антисоветской агитации, от своих показаний отказались, заявив, что вынуждены были оговорить Теплинского в результате избиений, которым они подвергались. Бессонов и Трухин, изобличавшие Теплинского в совершении преступлении, умерли в 1944 году. Другие свидетели не привели ни одного высказывания Теплинского, которое можно было бы квалифицировать как антисоветскую агитацию.

На допросе 20 февраля 1954 года Теплинский показал, что перед рассмотрением дела в судебном заседании вызвавший его полковник Флягин рекомендовал «не брыкаться» на суде, иначе ему будет плохо. Когда же он спросил Флягина, что за суд через восемь с половиной лет после ареста, тот цинично заявил: «Надо же юридически оформить ваше пребывание в тюрьме». Поэтому, пояснил Теплинский, он вынужден был в суде оговорить себя».

Военная коллегия Верховного Суда СССР 14 мая 1955 года рассмотрела заключение Генерального прокурора СССР, составленное в порядке ст. 373 УПК РСФСР, и приговор в отношении Теплинского отменила по вновь открывшимся обстоятельствам, дело прекратила за отсутствием состава преступления, а не за недоказанностью обвинения, как это предлагалось в заключении Генерального прокурора СССР.

Вскоре друзья встретились… Трудно описать эти секунды, когда Ильин, находясь уже на свободе, в городе Щербакове

встречает исхудалого и прихрамывающего друга Теплинского… Они крепко молча обнялись, а потом вместе стояли и плакали… Два взрослых человека, два генерала, два участника Гражданской войны, два бывших заключенных…

А потом Борис Львович дрожащими руками достанет из ящика письменного стола документ и протянет Виктору Николаевичу. Будто помутневшими глазами Ильин бегло прочтет: «Приговор Военной коллегии от 27 марта 1952 года в отношении Теплинского Б. Л. в связи с вновь открывшимися обстоятельствами отменить, и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Позднее, в партийном органе, Ильину выдадут копию письма, написанного Теплинским, в котором слова Бориса Львовича будут звучать, как звуки колокола: «Я считаю долгом своей совести заявить, что та ленинская партийность, верность нашей дружбе, которые проявил Ильин в течение пережитых нами обоими страшных девяти лет, является одним из самых высоких проявлений человеческого духа и относится к тем качествам, которыми может гордиться каждый подлинно советский человек».

31 июля 1953 года Особое совещание прекратило дело Ильина за отсутствием состава преступления, а в июне 1954 г. ему вернули партийный билет. А. Тепляков в своей статье отмечает: «При рассмотрении дела в КПК партследователи отметили, что Ильин, будучи ответственным работником НКГБ… разглашал перед своими знакомыми известные ему по службе секретные данные. Так, в 1938 году Ильин в разговоре с уволенным из органов НКВД Рутковским А. Ф. (осужден в 1939 году как участник антисоветской организации) информировал его об арестах их общих знакомых работников НКВД и характере их показаний, а также рассказал, что знакомый ему скрипач оркестра ГАБТа (М. И.) Садовский арестован за шпионскую деятельность и на допросе дал на него, Рутковского, компрометирующие показания, и что органы НКВД намечали арест Рутковского».

Признав это, Ильин напишет в своих объяснениях, что он сообщил эти данные Рутковскому, «исходя из товарищеских с ним взаимоотношений, возникших по совместной работе в органах НКВД». Также Ильин в 1942 г. «сообщил жене Теплинского… известные ему данные о переходе на сторону немцев знакомого им бывшего генерал-майора Трухина Ф. И. (начальник штаба Власова), имея цель предупредить Теплинских, чтобы они порвали дружеские отношения с женой Трухина».

После реабилитации Теплинскому вернули воинское звание «генерал-майор авиации», он переехал в Москву, где снова

вернулся к разработке важнейших научных проблем. Например, работа Бориса Львовича «Об особенностях взаимодействия авиации с наземными войсками и о роли авиации в современной войне» будет издана в 1965 году. Фамилия генерала Теплинского будет стоять рядом с такими именами, как М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, С. С. Каменев, А. И. Егоров, Б. М. Шапошников. А 1 декабря 1972 года Бориса Львовича Теплинского не стало.

О своей реабилитации В. Н. Ильин рассказал генералу Судоплатову, который еще только собирался написать книгу, вышедшую лишь в девяностые годы прошлого столетия.

«После смерти Сталина он подал на реабилитацию. Первое прошение было отклонено, но ему разрешили вернуться в Москву. Ильин устроился в транспортный отдел Моссовета. Реабилитировали его в 1954 году после расстрела Берии и моего ареста. В течение года ему отказывали в полной пенсии, положенной сотрудникам госбезопасности. Этому противился Серов, заявляя, что Ильин скомпрометирован связью с Теплинским, все еще отбывавшим срок как враг народа.

Через три дня после моего освобождения из тюрьмы в 1968 году Ильин навестил меня. Я узнал, что судьба вновь улыбнулась ему. В 1956 году его бывший куратор в ЦК стал заместителем заведующего отделом культуры ЦК партии. Ему нужен был честный и опытный администратор на пост оргсекретаря Московского отделения Союза писателей. Предшествующий опыт работы Ильина, в прошлом комиссара госбезопасности по вопросам культуры, делал его кандидатуру на этот пост вполне подходящей. К тому же его поддержали такие писатели, как Федин и Симонов. Партийному руководству нужен был в Союзе писателей человек, который бы знал всех, включая осведомителей. Ильин идеально соответствовал своей новой должности и работал в Союзе писателей до 1977 года».

Исповедь перед смертью

В 1976 году Виктор Николаевич Ильин принял решение уйти на пенсию. Об этом событии есть весьма любопытная запись в дневнике писателя Анатолия Медникова: «… И вот памятный мне оргпленум 1976 года. Первым вопросом шло выдвижение Михаила Луконина на должность Первого секретаря правления. С этим предложением выступил Михалков. Он сказал о Луконине: «Большой русский поэт, видный общественный деятель, воин, лауреат Государственной премии, секретарь СП СССР». Потом взял слово Наровчатов и прочитал свое стихотворение о том, как он и Луконин уезжали на фронт в октябре сорок первого года с Киевского вокзала. Затем сказал, что Михаил Луконин «интернационалист», храбрый, но осмотрительный, ибо можно быть храбрым безрассудно.

После голосования — «тронная речь» Михаила Луконина. Она была краткой. Между прочим, он сказал:

— Не такая уж она трудная, Московская организация. Она по своей духовной сути — здоровая. Линия, которую вели Наровчатов и Смирнов, правильная, и я буду ее продолжать… Никто не собирается руководить в том смысле, чтобы водить пером писателя. Мы создаем спокойную творческую обстановку, — заметил Луконин.

Но для спокойной творческой обстановки не подходил Ильин. Я не знаю, был ли у него с Лукониным предварительный разговор, прямое объяснение. Когда, в какую из бессонных ночей Ильин принял решение уходить. Сначала на партгруппе, а затем и на пленуме для всех неожиданно прозвучало его заявление об уходе на пенсию. Сидевший в президиуме секретарь горкома Макеев сказал о Викторе Николаевиче самые добрые слова: заслуженный, уважаемый, но поступило такое заявление. Мнение горкома партии — уважить.

Начались выступления писателей. Хорошо говорили об Ильине поэт Сергей Смирнов, прозаики Григорий Бакланов, Сергей Болдырев, Петр Сажин, Виктор Полторацкий — все люди пожилые, в той или иной степени пользовавшиеся вниманием и благорасположением Виктора Николаевича. Сам уход Ильина на пенсию никто не оспаривал, поскольку было его заявление. Однако становилось неясным: почему организация должна лишиться такого отличного работника?

И, может быть, поэтому в президиуме возникла какая-то нервозность. Тогда, чтобы успокоить людей, слово взял сам Ильин. Он сказал: «Дорогие товарищи! За двадцать лет работы

много пришлось потрудиться. Я износил нервную систему. Инстинкт самосохранения продиктовал мне это решение». На это тут же откликнулся Макеев: «Ну, что ж! Кто за то, чтобы уважить этот инстинкт?»» Проголосовали единогласно…

… Ну а Виктор Николаевич Ильин еще многие годы изредка появлялся в клубе на партийных собраниях, подчеркнуто уважительно здоровался со всеми знакомыми, но в зале сидел тихо и больше уже никогда не выступал в доме писателей. Умер не от болезней, а попав под машину неподалеку от дома, где долго жил в одном подъезде с Сергеем Сергеевичем Наровчатовым.

Всю жизнь Ильин не только не скрывал своей принадлежности к Комитету государственной безопасности, но и не раз упоминал, что он лично знал многих руководителей ОГПУ-НКВД, с иными из них начинал вместе служебную карьеру в пору своей комсомольской молодости, в двадцатые-тридцатые годы…

Он много знал тайного и страшного, этот бывший генерал Ильин, и многое унес с собою в могилу. Был ли он тогда, в начале девяностых годов, так уж стар, что мог считаться в равной мере и бесполезным, и безопасным? Он-то сам, по-моему, так не думал. Ведь не случайно же по слухам, просочившимся в печать, последние слова его, лежащего на асфальте под колесами машины, были: «Кто меня сбил?…»

Потрет Ильина, дополняет и такой случай, подчеркивающий особенный, чекистский юмор: Сын Л1. Кузнецовой провожал дочь Виктора Николаевича с затянувшейся вечеринки. «Уже за полночь подошли к номеру, который занимали Ильины. Виктор Николаевич дремал на диване в прихожей, видимо, поджидал дочь. Услышав скрип двери, приоткрыл один глаз и внятно сказал сыну: «Еще раз так поздно приведешь мою дочь — дам ход доносам на твоего отца»».

И еще один маленький штрих. Б. Сарнов вспоминает, как его двоюродный брат попросил оформить его дочку его литературным секретарем. Она не смогла поступить на дневное отделение Института иностранных языков, поступила на вечернее. «А там нужна была справка (хотя бы и липовая), подтверждающая, что она где-то работает. Дело это было простое. Я должен был написать заявление, мне выдавали соответствующую бумагу, с которой я должен был пойти в какую-то контору (профсоюзную, что ли), где оформляли (договором) домашних работниц, секретарей и прочих служащих у частных лиц по вольному найму. Препятствием тут могло служить только одно: слишком маленький доход нанимателя. Поэтому в заявлении я свой доход несколько преувеличил.

Написав заявление и придя за бумагой, я не сомневался, что она уже лежит там для меня — готовенькая. Но секретарша… сказала:

— Виктор Николаевич твою справку не подписал. Он сказал, чтобы ты к нему заглянул.

Я заглянул.

Виктор Николаевич был, как всегда, вежлив. Осведомившись о том, как я живу, и получив соответствующий ответ, не торопясь, приступил к делу. Стал расспрашивать про девицу, которую я хочу оформить своим литературным секретарем: сколько ей лет, чем занималась раньше, не родственница ли она мне? Я, не моргнув глазом, ответил, что нет, не родственница. Ложь эта далась мне легко: во все время этого разговора я видел, что беспокоит его вовсе не возможное мое родство с будущим моим литературным секретарем, а что-то совсем другое.

И вдруг в какой-то момент я почувствовал, что все это его беспокойство как рукой сняло. Случилось это, когда на прямой вопрос о моей Ирке — кто она? — я ответил: «Студентка-вечерница».

Тут у него словно камень с души свалился. Он быстро подмахнул нужную мне бумагу и милостиво отпустил мою душу на покаяние.

Он понимал, конечно, что справка липовая. Но эта «липа» его совершенно не волновала. А волновало его вот что. Как мне тогда же рассказали, незадолго до моего визита к Виктору Николаевичу Володя Максимов оформил своим литературным секретарем только что вышедшего (увы, ненадолго) из тюрьмы известного диссидента Володю Буковского. И Виктор Николаевич решил на всякий случай меня пощупать: не принадлежит ли девушка, которую я хочу снабдить липовой справкой, к той же шайке диссидентов-правозащитников».

Как мы видим, неоднозначно относились писатели к Виктору Николаевичу Ильину. Но многие его, безусловно, недолюбливали или же вовсе ненавидели. «Гэбэшник», как они называли оргсекретаря за глаза, никак не мог быть им другом. Да что там другом — даже товарищем! Однако большинство из них не знали всю трагедию его жизни. Окружающие его писатели не знали, как однажды Ильину сломал всю его жизнь коллега Абакумов. Как система доламывала его долгие годы в тюремной камере, а потом и на свободе за сто первым километром. Но если бы хоть один из них оказался в роли ненавидимого им Ильина, то интересно, что бы он сделал на своем месте? А ведь многие из них считали, что он жил в душевном комфорте до глубокой старости и казался неизносимым. Да нет! Просто этот человек пережил такое… и

выжил, вопреки системе, вопреки Абакумову, вопреки смерти, что, как человек сильный, пережил многих. В том числе и своих врагов…

В отличие от большинства свидетельство литературного критика и писателя Владимира Федоровича Огнева можно назвать теплым, объективным и, если хотите, честным. В «Бликах памяти» он пишет: «Про Ильина кто только не писал потом. Все, разумеется, хулили. А он был не худшим из множества тех, кого к нам приставляли «для порядка». Получше многих. Известно, что и сам сидел, за то же самое, за что ему надо было сажать других. У него было свое понятие чести, преданность идее имела границы хотя бы элементарной порядочности. Для последующих охранителей эти качества вообще были недосягаемы.

Сегодня, сознаемся, странно читать рассказ Роя Медведева.

В. Н. Ильин первым допрашивает Бухарина — они пьют чай с бутербродами, говорят о «деле», потом, видя, что Бухарин устал, Ильин предлагает ему лечь на диван тут же, в комнате следователя. Накрывшись кожаной курткой, Бухарин спит. И только где-то в первом часу ночи уходит в камеру. Соображение о том, что «добрый» и «злой» следователи так и были задуманы, имеет резон. Но скажем и так: «злой» и не смог бы сыграть роль «доброго»…

Не знаю, как там было дело с Бухариным. А как со мной — знаю.

Ильин питал ко мне, как он понимал, добрые чувства. Любил беседовать на темы нейтральные или рассказывал об отсидке. Оказывается, знал стихи и сам писал их. Ей-богу, не графоманские. Особенно запомнилось мне одно — об отчаянии. «Три шага вперед, три шага назад. Там — стена. И там стена». Сидел он в карцере, ждал приговора, и, видно, пронзило — стал писать стихи. Важно вовремя почувствовать себя в чужой шкуре. Несомненно, зашоренный и ограниченный, Ильин и служа режиму, не чужд был шагов «в сторону», не только — в стену.

Помню, как он достал для Окуджавы фотографию его отца из секретного архива, как искренне был обижен, что Булат якобы забыл фото на столике в ресторане. Помню, как он умолял нас со Слуцким уговорить Коржавина не эмигрировать, как мы с Борисом его почти уговорили. Но на следующий день переуговорила его жена. Ильин качал головой: «Ну что он там будет делать! Он же не такой…» «Не такой» — в устах генерала КГБ многое значило.

В те времена без визы Ильина (считалось, что — Правления МО) никто не мог выехать в загранкомандировку. Не мог и я после подписания «Письма 63-х».

Ильин приглашает меня. «Правила для всех одни, — сурово говорит он, — но если вы напишете письмо о раскаянии, для меня, я положу его в сейф, и даю слово чести…» Я усердно дергаю головой, чтоб и сомнения не оставалось, что продолжать не следует, не покаюсь.

— Постойте, — раздраженно, — неужели вы думаете, что я прошу от вас отречения? Хотите работать, хотите ездить — надо соблюдать правила. А правило простое. Вы сожалеете, ведь правда — ничего изменить вы и товарищи ваши не смогли?

Это подсказка? Я беру листок бумаги и пишу: «Теперь я сожалею, что подписал письмо 63-х. Оно ничего не изменило — ни в судьбе Синявского и Даниэля, ни в положении в литературе». Подпись.

Ильин читает бумагу и… хохочет! Хохочет! Потом рвет бумагу на мелкие кусочки и, продолжая уже хихикать фальцетом, дает отмашку: «Идите, Огнев».

Я звоню Слуцкому. Борис серьезно, после паузы, роняет сухо: «Иллюзий не питайте. Но В. Н. хорош. По-своему хорош», — на всякий случай добавляет Борис. Я соглашаюсь.

За границу меня, конечно, не пустили, но то, что Ильин не так уж скрупулезно служил «правилам», — для меня вне сомнений.

Он многое знал и по одну и по другую сторону баррикад».

В 1949 году в камеру, где сидел Виктор Николаевич, конвоир привел нового заключенного. Им оказался писатель Абрам Гонтарь. Они познакомились. Спустя годы А. Гонтарь расскажет: «Первое время, я, по правде говоря, растерялся. Мне казалось, что выхода из этих стен нет… Но моим счастьем в этих невероятных условиях было то, что моим соседом по камере оказался Виктор Николаевич. Он понял мое состояние и убеждал меня: «Не оговаривай себя и не оговаривай других; правда восторжествует. Ты коммунист и не имеешь права поступать против совести. Я сам чекист и нахожусь здесь потому, что не хотел поступиться совестью…» Почти целый год я просидел с Виктором Ильиным в одной камере, и этот человек стал для меня примером коммуниста, который ни на минуту не переставал верить в справедливость ленинской партии.

В архивах Союза писателей найдутся копии документов за подписью Ильина, в которых он ходатайствовал перед Военной коллегией Верховного Суда о моей реабилитации. Я находился еще в лагере, когда Виктор Николаевич разыскал мою семью и нашел для нее слова утешения. Мне известно, что он помог в реабилитации семьи поэта И. Фефера.

Не случайно одно из первых моих стихотворений после

реабилитации было посвящено В. Н. Ильину. Оно заканчивается словами:

Меня рукопожатие спасло
В минуту одиночества большого!

Это стихотворение опубликовано в моем сборнике «Серебряные нити».

Член КПСС с 1940 года. Член Союза писателей».

«О принципиальности нашей, — вспоминает В. Ф. Огнев. — Уже после ухода на пенсию В. Н. встретился мне как-то на улице. Звал в гости. Я мялся, мямлил, что собираюсь в отпуск. Мне было его жалко. Он все время говорил о том, что, пока работал, ему надарили столько книг, что негде держать их, а теперь «забыли». Особенно запомнилось: «Эх, Огнев, знали бы вы, какие посвящения! Какие признания в дружбе! И кто, вы думаете?» — он горько усмехнулся и почему-то поднял худой, подагрический палец в небо…»

В 1990 году уже плохо видевший Виктор Николаевич Ильин попал под машину возле своего дома.

* * *

У него была достаточно просторная комната, вся заполненная книгами. И действительно, превеликое множество автографов на авторских экземплярах книг — непременно теплых и дружественных.

Например, от самого Федина: «Дорогой друг, Виктор Николаевич, поздравляю Вас, чуткого, талантливого организатора нашей писательской жизни. Благодарю за все хорошее. Будьте здоровы, счастливы. Ваш Федин».

Или от самого Константина Симонова: «Мне хочется сказать Вам о том глубочайшем уважении, которое я испытываю к Вам, к тому огромному труду, который Вы вложили и продолжаете вкладывать в наше нелегкое общественное и писательское дело… Вы настоящий человек, человек, отдающий себя людям… Живите подольше и подольше работайте вместе с нами — я очень этого хочу, любя Вас и любя то дело, которое Вы делаете».

Писатель Анатолий Рыбаков не в первый раз внимательно рассматривал комнату старого чекиста.

— Все уже увидел, а теперь слушай и запоминай. Тебе это очень пригодится, — сказал Ильин и загадочно улыбнулся. — Абакумов у нас в отделе появился весной 37-го простым

оперуполномоченным секретно-политического отдела. До этого он просидел тем же оперуполномоченным в 3-м отделении Отдела охраны ГУЛАГа. У нас Витя Абакумов первое время подшивал бумаги. На большее не годился. Но скоро пошел в гору. Сначала его назначили помощником начальника отделения СПО, а затем и начальником отделения. Еще при Ежове поставил у себя в кабинете шкафы с конфискованными книгами, а ведь за всю жизнь, наверное, ни одной не прочитал. Темный, необразованный, матерщинник, бабник, фокстротчик, такой медведь, а почитал себя великим танцором.

Уже при Берия становится он начальником Ростовского областного управления НКВД. И это сразу же после начальника отделения! Притом, что Ростовское управление было одним из крупнейших в наркомате. Так вот, после этого появлялся он на Лубянке (а в Москву он наезжал часто) как-то шумно, как самый что ни на есть большой начальник. Тот самый, который еще недавно допрашивал своих бывших начальников и сослуживцев по СПО. В общем, шел он шумно, не кричал, не стучал, сапогами не топал, а все равно было видно, что идет большой начальник. Никому дороги не уступает, прет как танк посередине коридора, кивает головой и знакомым и незнакомым, и часовым кивает мимоходом, а те у него пропуск даже не спрашивают, уже знают в лицо.

Анатолий Рыбаков старался все запомнить близко к тексту. Ведь никаких магнитофонов, да и на Ильина сослаться можно было только после смерти… И все же несколько встреч дали для романа много, но, увы, не все. Подводила старика память. Годы взяли свое…

* * *

В свой роман Рыбаков ввел образ чекиста под подлинной фамилией Шарок. Его неплохо знал Ильин. Но то ли Виктор Николаевич сам многое не знал, то ли не захотел говорить про него всю правду, неизвестно. Словно СИСТЕМА так и не отпустила его от себя даже перед смертью. А значит, не получилось и исповеди!

Глава 2 ЧЕКИСТ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Рожденный в наводнение

Он родился 11 (24) апреля 1908 года в Москве в Хамовниках. [1] К слову сказать, «хамовниками» в Московской Руси называли жителей одной из многочисленных дворцовых черных слобод, занимавшихся тканьем столового белья на дворец. Именно там, в Хамовниках, младенца четы Абакумовых нарекли именем Виктор, что означает «победитель». Именно там, в Хамовниках, его крестили в церкви Николы по месту жительства родителей, в рабочем квартале около Хамовнических казарм.

Отец Виктора, Семен Семенович Абакумов, до революции работал на Московской фармацевтической фабрике братьев Келлер простым рабочим, а мать — Ефросинья Петровна швеей по разным мастерским, и, кроме того, ей приходилось еще брать шитье на дом, чтобы подзаработать. Жили Абакумовы, как многие простые смертные на Руси, тяжело. «Заработок отец получал очень низкий, семья из 5-ти человек (брат, сестра и я) всегда находилась в нужде», — напишет спустя годы в своей автобиографии Виктор Семенович. Рождение известного в будущем чекиста по-настоящему «подпортило» лишь одно немаловажное событие — катастрофическое наводнение, ставшее одним из крупнейших в истории Москвы. Произошло оно, как сообщают летописцы, 10–14 апреля (23–27) 1908 года из-за сверхснежной затянувшейся зимы, резкого потепления и дождей. Именно по этим причинам уровень воды в Москве-реке поднялся на 8,9 метра выше постоянного летнего горизонта — она вышла из берегов, затопив низменные районы и набережные. Неглинка, Кузнецкий мост, Зарядье, «Болотный» остров, Садовники, Кадаши, Зацепа, Хамовники, Драгомилово, Лужники превратились в самую настоящую Венецию. Москва-река и Водоотводный канал слились в одно русло шириной до 1,5 километра. Стены Кремля были затоплены в среднем до 2,2 метра от уровня мостовой. Едва не погибла Третьяковская галерея, не работал трамвай, а половина Москвы осталась без света. Около 100 километров московских улиц и переулков ушли под воду. Затопленной оказалась пятая часть территории города. Кроме всего прочего, это огромное бедствие произошло накануне Светлого праздника Пасхи.

Газета «Русское Слово» в день рождения Виктора Абакумова, в частности, писала: «Два-три теплых дня кряду и несколько дождей сразу настолько дружно продвинули таяние снегов и разрыхлили лед, что быстрый и многоотводный разлив реки Москвы был уже вне сомнения. […].

К 9 час. веч. Центр города — вся площадь между Москвой и

Водоотводным каналом представляла оригинальную картину, полную удивительной красоты. Начиная от дома Протопопова, у Каменного моста уже не было возможности проехать ни на Неглинный проезд, ни вдоль кремлевской стены, ни по Московской набережной, так как все это было залито водой. Небольшой сухой оазис был лишь у въезда с Балчуга на Москворецкий мост. Далее по Москворецкой набережной можно было проехать только до Китайского проезда: вперед по направлению к Устьинскому мосту двигаться на лошадях было уже невозможно, и городовые героически бросались в воду, хватая любопытствующих обывателей и заставляя их поворачивать обратно.

На Устьинский мост можно было проехать только кружным путем — через Китайский проезд, Солянкой и к Устьинскому проезду. С половины последнего экипаж попадал в громадное озеро, образовавшееся от соединения вод Москвы-реки и Яузы. При переезде через Устьинский мост жуть брала. Старый ненадежный мост дрожал от сильного напора воды. […].

Все Садовники были в воде, «Болото» превратилось в настоящее море, Кадашевская и Болотная набережная были сплошь, со всеми улицами и переулками, выходящими на них, залиты водой. […].

С большими трудностями, сидя уже с ногами на сиденье экипажа, можно было проехать по Раушской набережной. Здесь вода бурлила во всю. Особенно красива была картина между Москворецким и Каменными мостами. С одной стороны тонули в воде ярко освещенные электрическими фонарями обеих мостов кремлевские стены, с другой — отражались в ней красивые дома и особняки Софийской набережной. […].

Поминутно встречались лодки с пассажирами, возвращавшимися из церквей с зажженными свечами. Совсем как на Большом канале в Венеции. Только серенад не было. […].

Где совсем была настоящая Венеция, так это в Дорогомилове. […] Здесь Москва-река разлилась вовсю. […] На большой Дорогомиловской улице все помещения первых этажей были залиты водой почти на 1 Уг аршина. […] Брянский вокзал оказался отрезанным от всего города, и проникнуть к нему можно было только на лодках или на полках ломовых. За доставку к вокзалу брали по 20 коп. с человека, сажая на полок по 15–20 человек. […].

Все смежные переулки и улицы были сплошь залиты водой, а обыватели первых этажей и подвалов бежали, кто куда попало. […] Здесь во тьме раздались душу раздирающие крики: «Караул! Помогите!» Раздались свистки городовых, с площади вокзала

бросилась публика.

Из окон второго этажа дома Ушкова, со всех сторон окруженного водой, кричали, что обывателей этого дома грабят.

— Как грабят?

— Приехали на лодках, ломают двери и грабят затопленные квартиры.

В доме Ушкова открывались окна и люди требовали полицию, лодок, чтобы задержать грабителей. Публика потребовала от городовых немедленно разыскать околоточного и достать лодки. Чем кончилась эта история, мы не знаем…»

Как сообщалось в этой же газете на следующий день, наводнение одним причинило массу горя, а другим принесло выгоду: «Никогда, кажется, за все время своего существования в Москве так хорошо не торговали лампами, керосином и свечами, как вчера. В некоторых крупных ламповых магазинах к вечеру был расхватан почти весь «недорогой» товар. Дело в том, что с утра стала электрическая станция французского общества, дающая электрическую энергию почти всему городу, кроме городских трамваев».

Как говорится в газетах того времени, от паводка пострадали десятки тысяч человек. При этом утонуло только двое. Для оказания помощи пострадавшим был создан специальный Комитет — со всей России в «затонувшую» Первопрестольную люди присылали деньги, одежду, продукты. Например, пожертвования в пользу пострадавших от наводнения в Москве и Московской губернии принимала Московская купеческая управа. 23 апреля (6 мая) в Большом и Малом театрах состоялись благотворительные спектакли, которые прошли с аншлагом. Все билеты были проданы еще утром, и масса желающих попасть на них остались, как буквально подчеркивает «Русское Слово», «за бортом».

А через шесть дней произойдет распределение между пострадавшими от наводнения 50 ООО рублей, пожертвованных самим Государем Императором. Для этого на заседании, состоявшемся под председательством помощника командующему войсками генерала Глазова, будут присутствовать градоначальник, городской голова и представители всех ведомств и учреждений. На долю пострадавших в Москве они назначат сумму в 16 ООО рублей, а остальную сумму в 34 ООО рублей — на Московскую губернию.

Кроме того, биржевое и купеческое общества в пользу пострадавших от наводнения соберут 65 ООО рублей…

Но самым ярким событием 1908 года станет Тунгусское событие или Тунгусский метеороид — гипотетическое тело,

вероятно, кометного происхождения, послужившее причиной воздушного взрыва, произошедшего в районе реки Подкаменная Тунгуска 17 (30) июня 1908 года в 7 часов 14,5 минуты по местному времени. Мощность взрыва оценивается в 10–40 мегатонн, что соответствует энергии крупной водородной бомбы.

Вот что напишет на своих страницах «Русская Газета» того времени:

> «03 июля (20 июня) 1908 года КЕРЧЬ, 19, VI. Вчера и третьего дня ночью на небосклоне наблюдалось невиданное здесь необыкновенно яркое сияние, напоминающее северное сияние. Явление прекратилось только к утру.
>
> 04 июля (21 июня) 1908 года.
>
> Белые ночи.
>
> Как теперь выясняется, белые ночи наблюдались и в Москве, в ночь на среду и на вторник. Это явление обратило внимание многих и служило предметом оживленных разговоров. На северо-западе небо было ярко освещено зеленоватым светом. […].
>
> 05 июля (22 июня) 1908 года.
>
> Провинция.
>
> Редкое атмосферическое явление.
>
> Царицын
>
> *(От нашего корреспондента).*
>
> 17-го июня в Царицыне-на-Волге наблюдалось довольно редкое для умеренного пояса северное сияние. Сейчас же после заката солнца в северной части небосклона появилась сильная полоса света. Обычные вечерние сумерки казались нескончаемыми, и далеко за полночь было светло. Стояла белая петербургская ночь. Все предметы освещались каким-то зеленоватым светом, и от домов и заборов ложились тени, как при лунном освещении. Это явление продолжалось до рассвета, когда северо-восток озарился как бы ярким заревом громадного пожара.
>
> Обыватели, заинтересованные редким атмосферическим явлением, по-своему толковали его.
>
> — Конец света приходит.
>
> — Пришествие антихриста! — говорили одни.
>
> — Войны, междоусобные брани, нашествие иноплеменников, — толковали другие.
>
> Большинство же принимало северное сияние за зарево большого пожара в каком-либо из близлежащих сел».

Кто знает, рассказывали ли своему сыну родители об этих и других катаклизмах и событиях, но в апреле 1917 г. Виктору Абакумову исполнилось девять лет, и день 18 апреля (1 мая) он должен был запомнить на всю жизнь, как и последующие за ним дни и месяцы. По свидетельству очевидца, несмотря на холодную погоду (снег, дождь, град), на улицах и площадях Москвы в те часы сошлось более три четверти всего московского населения: «с 11 ч. утра до 2 ч. дня. За эти три часа мы прошли по Сретенке, Большой Лубянке, Лубянской площади, Театральным проездом, Театральной, Воскресенской и Красной площадям и затем по Тверской до Страстной площади. Везде тучи народа — демонстрирующего и созерцающего. Демонстранты с флагами-знаменами. Конечно, красного цвета, иногда с богатыми украшениями, золотыми и серебряными позументами и кистями, а также с вышивками и рисунками разных эмблем. Участвовали в демонстрации и войска со своими оркестрами, но не скажу, чтобы они радовали своим видом. Как-то шли нестройно, подчеркивающее демократично — не было строевого порядка, офицеры тушевались и, смешиваясь с солдатами, не давали нужного военного тона, одним словом, это уже было не войско, а толпа.

Впрочем, такое явление теперь уже повседневно. И мы «буржуи» уже как-то мало верим в мощь такого воинства — воинства, не по форме одетого, расстегнутого, неподтянутого, не признающего в своем укладе чинов и старших, всекурящего, бредущего гражданской косолапой походкой и готового в случае чего «дать в морду» своему начальнику, якобы раньше тоже дававшему им, солдатам. Лучше всего шли юнкера, да оно и понятно — тут полная сознательность».

Не пройдет и шести месяцев, как во второй половине дня 25 октября В. И. Ленин заявит во всеуслышание на сессии Петроградского совета: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

А тем временем в Москве, где жил Виктор Абакумов, все еще, начиная с 20 октября, ожидали «выступления» большевиков. Напуганные обыватели готовились к тому, что ночью на их квартиры произойдут вооруженные нападения. В общем, ожидалась самая настоящая «Варфоломеевская ночь».

Но в Москву революция пришла только к утру 28 октября 1917 года.

Очевидец событий записал 10 ноября в свой дневник: «Итак, большевики совершили переворот в свою пользу, но «не бескровно», как похвастался Троцкий. В одной Москве, говорят, от 5000 до 7000 жертв, а сколько испорчено зданий, имущества и всякого добра, и не перечесть.

Уже в субботу вечером, 28 октября, послышались по Москве выстрелы из ружей, пулеметов и пушек, но где происходило, узнать было невозможно.

30-го, в понедельник, было тише, но далеко от дома выходить опасно.

На каждом шагу злые солдатские фигуры. К ним присоединились «красногвардейцы», молодые, плохо одетые люди из тех, которые вечно ищут мест и которые в былые годы жались к Хитрову рынку и составляли собой так называемую «золотую роту».

31-го, во вторник днем, стрельба была страшная. Об выходе из дома думать нечего.

1-го ноября, в среду, попытался пробраться в контору, где на моей ответственности большие деньги и документы, но дошел закоулками и переулками лишь до Лубянского проезда, дальше идти было невозможно: по Лубянской площади летели снаряды, шрапнель и пули. Говорят, юнкера отчаянно защищают здание телефона и Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Возвращался домой под музыку выстрелов. Над головой и где-то близко, незримо, свистели пули, ударяясь в стены домов, разбивали стекла, грохотали по крышам, ранили, убивали и пугали мирных обывателей, а также — ворон и голубей.

Встречались безумно мчавшиеся автомобили с безумными людьми, злобно поглядывавшими на каждого проходящего и готовыми беспрестанно стрелять в непонравившиеся им морды.

В пятницу 3-го ноября Военно-революционный комитет издал «манифест», в котором торжественно объявляет, что после пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов р. и с.д.

8-го ноября в среду, наконец, вышли настоящие газеты, то есть — «Русск. Слово», «Русск. вед.», «Утро России» и др. На первых страницах — траурное объявление о кончине многих московских обывателей, случайно погибших за эти дни или павших идейно.

В министерстве никто не работает. Чиновники не признают новой власти.

Все отбирается от них насилием. Все спуталось. Все пошло в окончательной разрухе ужасающими скачками».

Сразу после революции родители Абакумова потеряли работу на предприятиях. Отец устроился уборщиком-истопником в одной из больниц столицы, а мать в этой же больнице уборщицей. Сам он до 1921 г. учился в городском училище. В России эти училища существовали с весны 1872 г. специально «для городского населения, и преимущественно для бедной части его». С целью «доставить законченное общее элементарное образование и дать те сведения, которые могут быть наиболее полезны в практической жизни».

Городские училища подразделялись на одно-, двух-, трех- и четырехклассные. Во всех училищах курс учения продолжался шесть лет. Такое разделение основывалось на количестве учителей и денежных средств, отпускаемых на содержание училищ. В учебном курсе таких училищ, как правило, обязательными были следующие предметы: чтение и письмо, русский язык, арифметика, практическая геометрия, география и история, сведения из естественной истории и физики, черчение и рисование, пение, гимнастика.

В 1921 году Виктор Абакумов окончил четыре класса городского училища, а в конце года, как сам написал в автобиографии, еще мальчишкой, ушел добровольцем в РККА, где служил во 2-й особого назначения Московской бригаде ЧОН.[2] Зачислили юного москвича санитаром.

В 1922 году у Абакумова умирает отец, а в конце следующего года его демобилизуют из армии, так как части ЧОН начали постепенно расформировываться за ненадобностью. В автобиографии в 1939 г. Виктор Семенович напишет: «В конце 1923 г. демобилизовался из армии. В связи с безработицей я весь 1924 г. работал рабочим на разных временных работах».

В 1925 г. Виктор Абакумов поступил упаковщиком в Московский союз промысловой кооперации, где он проработал до конца 1926 г. В 1927 г. он получает должность стрелка первого отряда военнопромышленной охраны в ВСНХ СССР. Там же в 1927 г. вступает в комсомол.

Уже в конце 1928 г. Абакумов вновь устраивается упаковщиком, но только на складах Центросоюза, где в 1930-м вступает в ВКП(б).

Позднее в автобиографии Виктор Семенович напишет: «В этом же году, когда проходило выдвижение рабочих в Советский аппарат, меня через профсоюзы выдвинули в систему

Наркомторга РСФСР, где я работал зам. начальника административного отдела торговопосыльной конторы и одновременно был секретарем комсомольской организации.

Проработав всего лишь 8 месяцев, в сентябре 1930 г. решением Замоскворецкого райкома ВЛКСМ я был послан на руководящую комсомольскую работу на штамповочный завод «Пресс». На этом заводе меня избрали секретарем комсомольской организации. В последующем на заводе «Пресс» меня избрали делегатом замоскворецкой конференции, а на конференции я был избран членом пленума и бюро Замоскворецкого райкома ВЛКСМ. В связи с этим меня тогда же перевели на работу в райком ВЛКСМ зав. Военным отделом».

К слову, мать Виктора, работая уборщицей в больнице, зарабатывала мало, а, проработав после революции тринадцать лет, заболела и вышла на пенсию. Из самых близких у будущего чекиста оставались сестра и брат. Однако жизнь постепенно налаживалась. Комсомольская карьера предвещала Абакумову реальное «светлое» будущее, гораздо большее, нежели бы он числился в обычных пролетариях. Теперь ему было позволительно козырять своим пролетарским происхождением, выдвинувшим его из самых низов благодаря октябрьской революции.

Восхождение от практиканта

В январе 1932 г. по партийной путевке Виктора Абакумова определили на более чем скромную должность штатного практиканта экономического отдела полномочного представителя ОГПУ по Московской области. Как раз в этом году ЦК ВКП(б) объявил очередной партийный набор «лучших и наиболее проверенных коммунистов» в органы госбезопасности. После соответствующей практики бывшего молодого комсомольского работника назначают уполномоченным экономического отдела полномочного представителя ОГПУ по Московской области.

Все в том же 1932 году штатного практиканта 5-го отделения ЭКО ПП ОГПУ МО Виктора Семеновича Абакумова аттестовали следующим образом: «Активный и исполнительный, работает интенсивно. Ориентируется быстро. Кругозор развит, но требуется дальнейшая работа по расширению общественных знаний».

С 1933 года он уже уполномоченный экономического управления ОГПУ, затем экономического отдела ГУГБ НКВД.

Из аттестации уполномоченного 1-го отдела Экономического Управления ОГПУ Абакумова Виктора Семеновича за 1933 год: «К оперативной работе имеет большое влечение. Порывист. Иногда мало обдумывает последствия агентурного хода работы. В следственных делах участия не принимал. Дисциплинирован».

Из аттестации уполномоченного 1-го отдела Экономического Управления ОГПУ Абакумова Виктора Семеновича за 1934 год: «К оперативной работе влечение имеет. Порывист. Быстро делает выводы, подчас необоснованные. Иногда мало обдумывает последствия. В следственных делах не участвовал. Дисциплинирован. Требуется руководство воспитательного характера».

Автор мемуаров «НКВД изнутри: Записки чекиста» М. П. Шрейдер называет молодого чекиста Абакумова бесталанным оперативником, фокстротчиком и беспринципным человеком. Как свидетель начального выдвижения Виктора Семеновича, он, в частности, пишет: «В 1933 году, когда я работал начальником 6-го отделения ЭКУ Московской области, мне позвонил первый заместитель полпреда ОГПУ Московской области Дейч[3] и порекомендовал мне «хорошего парня», который не сработался с начальником 5-го отделения, и хотя он «звезд с неба не хватает», но за него «очень-очень просят». Кто именно просит, Дейч не сказал, но, судя по тону, это были очень высокопоставленные лица, а скорее всего, их жены.

«Возьмите его к себе и сделайте из него человека… А если не получится, выгоните к чертовой матери». Затем Дейч добавил, что Абакумов чуть ли не приемный сын одного из руководителей Октябрьского восстания — Подвойского.

Поскольку мне как раз нужны были работники, я принял Абакумова, поручив ему керамическую и силикатную промышленность, и предупредил, что буду требовать полноценную работу и никаких амурных и фокстротных дел у себя в отделении не потерплю. (О слабости к этим делам Абакумова я предварительно навел справки у начальника 5-го отделения.)

В течение первых двух месяцев Абакумов несколько раз докладывал мне о якобы развиваемой им огромной деятельности.

Воспользовавшись тем, что близкая подруга моей жены принимала его ухаживания, Абакумов несколько раз заходил с нею ко мне в гостиницу «Селект», где я сначала жил, а затем и на квартиру, которую как раз в этот период я получил в Большом Кисельном переулке. Причем дважды — один раз в гостинице, а второй — на квартире — в тот момент, когда Абакумов был у меня, неожиданно заходил Островский,[4] который немедленно его выгонял, процедив сквозь зубы вполголоса: «А что делает здесь этот фокстротчик? Вон отсюда!» — и Абакумов мгновенно ретировался.

Через два месяца я решил проверить работу Абакумова. В день, когда он должен был принимать своих агентов, я без предупреждения приехал на конспиративную квартиру, немало смутив Абакумова, поскольку застал его там с какой-то смазливой девицей. Предложив Абакумову посидеть в первой комнате, я, оставшись наедине с этой девицей, стал расспрашивать ее о том, откуда она знает, что такой-то инженер (фамилия которого фигурировала в подписанном ею рапорте) является вредителем. А также, что она понимает в технологии производства, являясь канцелярским работником? Она ответила, что ничего не знает, а рапорт составлял Виктор Семенович и просил ее подписать. Далее мне без особого труда удалось установить, что у нее с Абакумовым сложились интимные отношения с самого начала «работы».

При проверке двух других «завербованных» Абакумовым девиц картина оказалась такой же.

На следующий день я написал руководству ЭКУ рапорт о необходимости немедленного увольнения Виктора Абакумова как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще к работе в органах. По моему рапорту Абакумов был из ЭКУ уволен. Но какая-то «сильная рука» снова поддержала его, и

он был назначен инспектором в Главное управление лагерями.

Не знаю уж, когда именно его перевели из ГУЛАГа обратно в НКВД, но, видимо, он оказался способным и растущим фальсификатором и палачом и поэтому после прихода в органы Ежова был назначен начальником УНКВД в Ростовскую область.

Надо полагать, что Абакумов, как и многие другие подлецы, взлетевшие в 1937–1938 годы с головокружительной быстротой вверх по служебной лестнице, сделал свою карьеру с помощью здоровых кулаков и садистских наклонностей, которые по указанию Ежова, а затем Берии с успехом применял против ни в чем не повинных людей.

Я не знал основных этапов головокружительной карьеры Абакумов, но от кого-то из товарищей слышал, что он приложил руку к провокационному делу группы военачальников во главе с Тухачевским. Во всяком случае, я был ошеломлен, когда узнал, что начальник Ростовского областного управления НКВД Абакумов после кровавого разгрома партийных и руководящих кадров Ростовской области стал начальником особого отдела Центра. А затем в числе немногих, начавших свою карьеру при Ежове, с еще большим успехом продолжал ее при Берии. Во время Отечественной войны был начальником СМЕРШ — «Смерть шпионам», переименованного особого отдела, потом заместителем министра госбезопасности — Берии, заместителем министра обороны и, наконец, министром госбезопасности.

Люди подобного типа выдвигались как особо доверенные на руководящую работу в органах, причем им представлялись особые и, по существу, ничем не ограниченные полномочия».

В 30-е годы, когда Виктор Абакумов пришел на работу в Экономическое управление ОГПУ, количественный состав органов вырос, но качественный подбор сотрудников оставлял желать лучшего. Дело в том, что в результате партийных мобилизаций сотрудники ОГПУ были направлены на хозяйственную работу, ослабив тем самым аппарат карательных органов.

Как утверждает О. Мазохин, автор книги «ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата», «в это время было проведено изучение материалов Центральной аттестационной комиссии, качественно характеризующих состав центрального аппарата в части его основных отделов… Начальником отдела кадров Булатовым был сделан вывод о необходимости освежения состава сотрудников ОГПУ в целях постепенного «орабочивания» его в большей степени, чем это имело место».

Именно в тридцатые годы, по мнению автора, «создается и постоянно укрепляется Экономическое управление ОГПУ в

Центре и его подразделения на местах, которые выполняли главную роль в обеспечении экономической безопасности молодого Советского государства».

Экономическое управление являлось органом, руководящим борьбой с преступлениями, направленными на подрыв хозяйственной жизни СССР.

В том же 1932 году очередной приказ ОГПУ (№ 963/с от 11 октября) объявил перераспределение функций отделения ЭКУ ОГПУ:

1-е отделение — машиностроительная промышленность, топливо, энергетика;

2-е отделение — черная и цветная металлургия;

3-е отделение — резиновая, химическая, строительная промышленность и Госплан;

4-е отделение — военная промышленность;

5-е отделение — легкая промышленность;

6-е отделение — снабжение и кооперация;

7-е отделение — внешняя торговля;

8-е отделение — сельское хозяйство;

9-е отделение — финансы — кредит;

10-е отделение — техническая разведка;

11 — е отделение — техническое.

Например, одним из наиболее важных направлений деятельности экономических подразделений ОГПУ был сбор и анализ информации по экономическим вопросам. В обязанности ЭКУ входило предоставление сведений руководству государства о состоянии экономической жизни страны. Также большое внимание в ЭКУ уделялось созданию сети осведомителей на предприятиях, учреждениях и в организациях.

Служба Виктора Семеновича в ЭКУ ОГПУ действительно не сложилась и его перевели на должность сначала просто уполномоченного 3-го отделения Оперативного отдела охраны ГУЛАГа, а потом на должность оперативного уполномоченного. В ГУЛАГе он прослужил с 1 августа 1934 года по 15 апреля 1937 года. Уполномоченным ровно один год (по 16.08.35 г.). Все остальное время оперативным уполномоченным — один год и восемь месяцев. И все-таки почему?

Воспоминания старого чекиста Шрейдера игнорировать полностью нельзя, хотя, безусловно, в них много неточностей. Однако все, что говорится о слабостях молодого чекиста, соответствует действительности. Так оно и было. Да и было много еще чего…

Правда, на этот счет есть и другие мнения. Автор статьи про Абакумова «На доклады в Кремль он ездил в машине Гиммлера»

Е. Жирнов пишет: «Считается, что Абакумову повредила его неумеренная страсть к танцам и женщинам. Коллеги называли его фокстротчиком из-за любви к этому танцу. А в ГУЛАГ его якобы перевели потому, что Абакумов вербовал женщин исключительно в сексуальных целях, а конспиративные квартиры использовал для интимных встреч.

Вряд ли это соответствовало действительности. Большинство оперативников всегда рассматривали женщин-агентов как своеобразную надбавку к жалованью, полагающуюся им из-за вредных условий работы, и за это никого никогда не наказывали. Как рассказывал мне один отставной генерал, в госбезопасности нередко вербовали красивых, но бесполезных в оперативном плане дам, чтобы при случае было чем «угостить» начальство. «Она ж под подпиской! — ухмыляясь, вспоминал старик. — Ни мужу, ни родным ни гугу, полная конспирация».

На самом деле Абакумова подвели вовсе не дамы. Как рассказывал мне знавший его с 1937 года полковник Сергей Федосеев, у Абакумова, как и у многих других людей, не получивших систематического образования, отсутствовали аналитические способности и прихрамывала память. Собираясь на доклад к начальству, он судорожно, шевеля губами, зазубривал относящиеся к делу цифры, даты и факты и все равно не раз попадал впросак. Зато крепкое телосложение делало его незаменимым при обысках и задержаниях. ГУЛАГу человек с такими способностями очень подходил».

Другой автор, А. Тепляков, в книге «Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг», опираясь на подлинные свидетельства и документы подчеркивает: «Важно отметить, что самостоятельно уйти с чекистской службы было очень непросто. Считалось, что быстрое увольнение неподходящего сотрудника компрометирует принявших его руководителей, поскольку систему покидал человек, уже осведомленный о секретных методах работы. Понимание того, что чекистская работа заключается в вербовках, проведении провокационных «оперативных игр», беспощадном следствии и расстрелах вызывали у начинающих работников психологический перелом. Большая часть соглашалась с предложенной судьбой, остальные пытались сопротивляться. В 30-х годах добровольное оставление «органов» часто стоило партбилета. Так, в 1934 г. практикант Особого отдела ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области Я. П. Азаренко несколько недель спустя после зачисления на службу был исключен из партии за подачу заявления об увольнении и «дезорганизационную работу среди молодых сотрудников ОГПУ». Когда курсанты основанной в 1935 г. новосибирской школы НКВД

подавали рапорты об отчислении, эти попытки расценивались как «дезертирство с боевого участка классовой борьбы» и решительно пресекались. После соответствующих внушений курсанты забирали заявления и публично каялись на комсомольском собрании в своем «антипартийном и трусливом поступке». Даже болезненное состояние не гарантировало от обвинений в дезертирстве…»

По мнению Вадима Кожинова, «сами деятели НКВД, подвергшиеся репрессиям, но все же уцелевшие в разгуле террора, обычно рассказывают о себе именно и только как о жертвах». Это он про М. П. Шрейдера, автора «НКВД изнутри. Записки чекиста». Читаем дальше: «В 1937 году Шрейдер был заместителем начальника управления НКВД Ивановской области (начальником являлся прославленный чекист В. А. Стырне), а в феврале 1938 года по личному указанию Н. И. Ежова (о чем он сам сообщает в «Записках») получил немалое повышение: стал заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР (наркомом был в то время свояк Сталина, комиссар Госбезопасности 1-го ранга С. Ф. Реденс. Между тем, если верить Шрейдеру, в Ивановской области (то есть перед его повышением в должности) он, мол, всячески стремился противостоять «ежовскому» террору.

Но одновременно с книгой Шрейдера — хотя и совершенно независимо от нее, — в том же 1995 году, было опубликовано изложение сохранившейся в архиве г. Иваново стенограммы пленума тамошнего обкома партии, состоявшегося в августе 1937 года, — своего рода чрезвычайного пленума, которым командовали прибывшие из Москвы секретарь ЦК Л. М. Каганович и секретарь партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК М. Ф. Шкирятов. И уже пожелтевшая стенограмма показала, что (цитирую) «Шрейдер обрушился на секретаря горкома (Ивановского. — В. К.) партии Васильева. Он выразил возмущение по поводу того, что Васильев, имевший связь с врагом народа, занимает место в президиуме…

— У меня нет никаких (! — В. К.) данных о том, что Васильев враг, — сказал он (Шрейдер. — В. К.), — но я позволю себе выразить ему недоверие.

Затем Шрейдер обвинил начальника управления НКВД Стырне в том, что тот противодействовал репрессиям и якобы имел связь с бывшим сотрудником НКВД Корниловым, который в 1936 году обвинялся в сотрудничестве с троцкистами. Стырне, старый чекист, активный участник гражданской войны, тут же был снят с работы, а впоследствии арестован и расстрелян… Шрейдер выразил недоверие еще нескольким ответственным работникам, ничем это не мотивируя».

Между тем в мемуарах Шрейдер не только преподносит свои отношения со Стырне как истинно товарищеские, но и уверяет, что он не раз предостерегал этого знаменитого чекиста, раскрывал ему глаза на «ежовщину»!

Увы, подобного рода «забывчивость» типична для авторов изданных в последнее время мемуаров…»

Что же касается Иосифа Островского, то сам он не мог бы претендовать на роль чистенького чекиста и человека. Например, в апреле 1933 года Рудзутак получает письмо от работника типографии ОГПУ, в котором читает о «безобразиях», происходящих в этой секретной организации: «В письме сообщается, что Островский Иосиф — помощник Управделами ОГПУ — является авантюристом, обставил квартиру мебелью из имения Юсупова и т. д. Ранее, живя в Киеве, занимался контрабандой, проходил по делу Панкратова, который был расстрелян.

Яфедов Федор — друг Островского, не раз судимый. Известный кутила, снабжает проститутками ответственных работников ОГПУ (Кацнельсона и др.).

Ваншрейн Яков работает в Экономическом управлении ОГПУ, бывший контрабандист, известный по Киеву, не раз судился. Скупает золото. Был известен под кличкой Яшка, проходил по делу контрабандистов». Как утверждает О. Мозохин, это письмо Рудзутак переправил Сталину с просьбой дать поручение Ягоде тщательно проверить изложенные факты.

И, наконец, про фокстрот. Наркома Луначарского, тонкого партийного ценителя прекрасного, говорят, весьма раздражали вошедшие в моду в период НЭПа танго и фокстроты. Почему? «Эти ритмы не человечны, они рубят вашу волю в котлету… По фокстротной линии буржуазия идет к такой неразберихе, дадаистской изобретательности и нелепым, неприятным звукам, что все это, несомненно, приведет к прямой противоположности музыки — античеловеческому шуму, и на этом она кончится. Но не кончится музыка: к этому времени мы свернем буржуазии голову и начнем свое творчество.

У нас имеется оппортунистическое направление, которое говорит, что напрасно делается попытка искоренения фокстрота в клубах. Мы-де стоим за радость, у нас есть причины радоваться и танцевать. У нас есть молодые силы, которые одержали уже гигантские победы и которым предстоит еще одержать много побед. Почему же им не танцевать? Но вот вопрос — что им танцевать? Почему непременно, если танцевать, то только фокстрот? Я не вижу никаких данных для этого, и я приветствую попытку к созданию собственного пролетарского танца. В

фокстроте основное от механизации, от притупленной эротики, от желания притупить чувство наркотизмом. Нам это не нужно, такая музыка нам не нужна».

Что ж, это было мнение новой власти. Однако ее верные слуги не всегда и не во всем с ней соглашались. Как рассказывали очевидцы, Виктор Абакумов в гости ходил только с патефоном. «Это мой портфель», — говорил он. В углублении, которое там имелось, у него постоянно лежала бутылка водки и уже нарезанная колбаса. Словом, в кругу друзей молодой чекист слыл хорошим парнем: «Женщины, конечно, от него с ума сходили — сам красивый, музыка своя, танцор отменный, да еще с выпивкой и закуской».

Но чем отличался молодой оперуполномоченный от своих коллег или начальников?

Например, чекисты-руководители, как правило, ощущали себя видными государственными деятелями. Огромная власть позволяла им чувствовать себя хозяевами жизни или людьми особого ранга. Что тут говорить, если один из наркомов НКВД выделял чванство чекистов как непременный тип внутренний и внешний… А отсюда и хамское отношение чекистского начальства не только к подследственным, но и к своим подчиненным. Отсюда же виртуозное владение нецензурной лексикой, которую, кстати сказать, называли универсальным языком чекиста. Мат был пригоден для разговоров не только с арестованными, но и друг с другом.

Эти и другие негативные черты характера чекистов имели давние истоки. Так, видный чекист М. Берман писал: «Работа в Чека часто развращает еще не «обстрелянных» коммунистов, и они, прикрываясь «охраной революции», иногда начинают творить безобразия». Немудрено, что в период тяжелейшей экономической и продовольственной ситуации в Советской России начальники отделов и территориальных ЧК начали оставлять часть реквизированных денег и драгоценностей в своих сейфах и направлять затем на удовлетворение личных и оперативных нужд.

Сам Ф. Э. Дзержинский в 1921 году в одном из циркуляров уточнял: «Работа чекистов тяжелая, неблагодарная (в личном отношении), очень ответственная и важная в государственном, вызывающая сильное недовольство и отдельных лиц, и саботажных учреждений. Вместе с тем работа, полная искушений на всякие злоупотребления властью, на использование своего положения и одного факта службы в ЧК для личных выгод»».

Как пишет Е. Жирнов, «в годы расцвета новой экономической политики и оживления частного предпринимательства некоторое

подобие приличий соблюдалось чекистами лишь в столице и крупных городах. В провинции сотрудники ОГПУ крышевали мелких торговцев и крупных нэпманов, ввиду чего имели достаточно средств для отдыха на полную катушку — пили, проводили время в игорных притонах и у проституток».

А ведь не так давно чекисты, получавшие мизерное денежное вознаграждение и такой же продовольственный паек, находились в состоянии голода. Отсюда падала дисциплина, возникало озлобление. Доходило до того, что сотрудницы ЧК были вынуждены заниматься проституцией, а сотрудники шли на банальный разбой. И все из-за голода.

Е. Жирнов пишет: «Судорожные массовые расстрелы чекистов оказались столь же неэффективными, как и всепрощенчество. Снижение числа должностных преступлений и грабежей под видом обысков началось лишь после относительной нормализации снабжения и выплаты денежного содержания.

После этого руководство начало закрывать глаза на факты самоснабжения чекистов, только если они не становились широко известными. А к стенке ставили лишь тех, чьи нарушения выглядели особенно злостными и вызывали широкий резонанс…

После смерти Дзержинского в 1926 году к власти в госбезопасности пришли его соратники и руководители среднего звена, имевшие серьезный опыт мздоимства. Так что дело обогащения с годами росло и ширилось. Однако не забывались и старые традиции».

Примечательна история «валютного соперничества» ОГПУ и Торгсина (государственной торговой конторы, занимающейся продажей товаров населению в обмен на валюту и драгоценности). «Неизвестно, кому первому в ОГПУ пришла идея использовать Торгсин для выполнения плана «добычи» валюты — скорее всего, определенного плана не было, — пишет Е. А. Осокина. — Агенты ОГПУ стали следить за покупателями в Торгсине, выявляя «держателей ценностей», а затем привычными методами (угрозы, аресты, обыски, конфискации) заставляли их сдавать ценности государству безвозмездно. Одни чекисты соблюдали конспирацию — следили за покупателями скрытно, устанавливая его место жительства, потом приходили с обыском. Другие действовали топорно, видимо, пытаясь взять «укрывателя золота» с поличным: врывались с оружием в магазин, арестовывали людей прямо у прилавка, забирали наличную валюту, а вместе с ней и купленные товары. После таких операций ОГПУ доходы Торгсина падали, а финплан был под угрозой срыва. Со всех концов страны в правление поступали жалобы от контор Торгсина на действия местных отделений

ОГПУ».

Любопытно, что руководство Наркомата торговли даже провело переговоры с Экономическим отделом ОГПУ, разъяснив свое право продажи на «эффективную» (несоветскую) валюту. Тем не менее жалобы на действия сотрудников ОГПУ — аресты покупателей в Торгсине, обыски в квартирах, конфискация валюты и товаров — продолжали поступать вплоть до самого закрытия объединения.

23 сентября 1933 г. под грифом «совершенно секретно» вышел приказ ОГПУ № 00 325 «О дисциплине в органах и войсках ОГПУ», подписанный Г. Ягодой. В нем говорилось: «Значительное количество фактов, отмеченных за последнее время, говорят о проявлениях недисциплинированности, а в некоторых случаях о полном отсутствии дисциплины в рядах чекистов. Недисциплинированность начинается с таких проявлений, как неряшливость, небрежное ношение формы, пьянство и распущенность, что неизбежно приводит не только к ухудшению качества работы каждого отдельного чекиста, но и к притуплению энергии и бдительности в борьбе с к.-р.». И вот еще: «Грязный, неряшливый, распущенный, пьянствующий чекист — позорит наши ряды и должен быть немедленно изгнан из них. Эти же чекисты, в результате болтовни и сплетни, зачастую разглашают секреты нашей работы, этим самым играя на руку врагам. Таким чекистам также не должно быть места в наших рядах. Внешняя недисциплинированность, вялость, личная дезорганизованность приводит к несвоевременному, а иногда и полному невыполнению оперативных указаний и приказов.

Такой чекист начинает откладывать на завтра то, что он может и должен сделать сегодня, немедленно, — для того чтобы своевременно выявить и ударить по врагу.

За последнее время отмечены серьезные случаи нарушения дисциплины, выражающиеся в недопустимой медлительности, а иногда и прямо невыполнении приказов ОГПУ и Полномочных представительств нижестоящими органами».

По всей видимости, именно этот приказ вполне мог сыграть свою роль в переводе Виктора Абакумова в Центральный аппарат ГУЛАГа. Отметим лишь, что его, таким образом, лишь «пожурили», не отправив на периферию, то бишь, в самое отдаленное подразделение все того же ГУЛАГа. Безусловно, сыграли свою роль и связи.

Маховик репрессий и маховик карьеры

Та работа, которой занимался в ГУЛАГе Виктор Абакумов, не зря называлась оперативной. Секретно-оперативное отделение, а раньше третье информационно-следственное отделение обеспечивало руководство и проведение оперативно-чекистского обслуживания заключенных, спецконтингента и вольнонаемных работников исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД.

В его задачи входило:

— обеспечение своевременного выявления вражеской деятельности среди заключенных и других лагерных контингентов, своевременное предотвращение организационных контрреволюционных выступлений среди них;

— обеспечение своевременного выявления и предотвращения готовящихся групповых вооруженных и индивидуальных побегов, а также хищений и разворовывания лагерного имущества. И кроме того, организация работы по выявлению и агентурной разработке оставшихся на воле не разоблаченных преступных связей заключенных, а также руководство следственной работой по делам, вскрытым в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. По своей сути это не иначе как обеспечение государственной безопасности в исправительно-трудовых лагерях, проводимое за счет комплекса оперативно-чекистских мероприятий.

Судя по тем задачам, которые приходилось решать В.С. Абакумову в ГУЛАГе, будучи оперуполномоченным, и судя по его влечению к оперативной работе, можно с уверенностью сказать, что те несколько лет, которые он провел там, не прошли даром. В любом случае он получил знания, умения и навыки в контрразведывательной практике по агентурной проработке заключенных с целью выявления не вскрытых в процессе следствия их прежней преступной деятельности и связей, а также по агентурной разработке лиц из вольнонаемного состава, подозрительных по шпионажу. Приходилось ему заниматься выявлением и предотвращением вредительства.

Более того, пять лет службы в ОГПУ-НКВД, после двух лет руководящей комсомольской работы, не могли пройти для Виктора Абакумова даром. И это при том, что он был еще достаточно молод. В 1937 году, когда он пришел в 4-й Секретно-политический отдел, ему было двадцать девять лет. Правда, молодость Абакумова не совсем уже подходила для карьеры в органах НКВД. Приходили люди гораздо моложе. Но именно такие на Руси долго запрягают… Для каждой судьбы свое время!

Действительно, младший лейтенант ГБ (20.12.1936) Виктор Семенович до сих пор ничем не отличился, никак не выдвинулся, а потому прибыл к новому месту службы в 1-е отделение 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР снова на рядовую должность оперуполномоченного. Знал ли он сам, что будет дальше? Вряд ли.

А попал он в Секретно-политический отдел в самое историческое время, перед июньским 1937 года пленумом ЦК ВКП(б) (23–29 июня). Этот пленум историки называют не иначе как «значимой точкой отсчета начала разгрома партийно-советской номенклатуры», когда за несколько предшествующих его началу недель и в ходе работы самого пленума были арестованы руководящие работники ЦК ВКП(б), первые секретари обкомов и крайкомов, наркомы.

Заместителем начальника 1-го отделения 8 мая 1937 года был назначен лейтенант ГБ Лев Емельянович Влодзимирский. В задачи этого отделения входила борьба с бывшими оппозиционерами, которых теперь именовали не иначе, как «троцкистско-бухаринской бандой шпионов и диверсантов». Как утверждает Н. Петров, «В Москве Влодзимирский специализировался на ведении следствия. Ему сразу же поручили дела важнейших арестованных. В конце 1937-го вместе с будущим министром госбезопасности Абакумовым он вел допросы секретаря Днепропетровского обкома Н. В. Марголина. Оба столь усердствовали в избиениях и пытках Марголина, что тот в отчаянии пытался повеситься в камере на изготовленной из платков веревке».

Кстати сказать, незадолго до этого «дела» Виктору Семеновичу присвоили очередное звание «лейтенант ГБ» (05.11.37).

Летом 1938 г. был арестован один из организаторов советской внешней разведки старший майор ГБ Яков Исаакович Серебрянский. До 13 февраля 1939 г. он содержался под стражей во внутренней тюрьме на Лубянке без санкции прокурора. Только 21 февраля его уволили из НКВД в связи с арестом. В ходе следствия, которое вел В.С. Абакумов, а после него заместитель начальника следственной части НКВД Соломон Мильштейн, Серебрянского подвергали «интенсивным методам допроса». Известно, что первый его допрос состоялся 13 ноября 1938 года. А 12 ноября сам Л. П. Берия написал на документе следующую резолюцию: «Тов. Абакумову! Хорошенько допросить!» Спустя четыре дня в допросе Серебрянского приняли участие сам Берия, его заместитель Кобулов и Абакумов. Талантливый разведчик был жестоко избит и вынужден оговорить себя. Допросы,

сопровождающиеся пытками и истязаниями, продолжались.

Неизвестно почему, но старый чекист Ведерников однажды засвидетельствовал вопреки фактам, что Абакумов даже пальцем подследственных не трогал: «Бывало, допрашиваешь какого-нибудь вредителя, а он врет, изворачивается, сочиняет всякие небылицы. Вот слушаешь, потом не вытерпишь и закатишь ему оплеуху, чтобы сказки не рассказывал. Бывало в моей практике и такое, чего греха таить, бывало. Молодой был, горячий. А вот Абакумов, тот нет, пальцем подследственного не тронет, даже голоса на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тещи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим, что ты, Виктор Семенович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил. Он на нас глянул так, словно на врагов народа».

Учитывая противоречивость свидетельств, весьма любопытно остановиться на исследовании А. Теплякова «Машина террора», где он приводит неопровержимые факты «игры по правилам»: «Парадоксально, но в прославившийся своей жестокостью чекистский мирок, в отличие от начала 20-х годов, когда его наполняли привыкшие к убийствам партизаны и демобилизованные военнослужащие, в 30–40-е годы действительно старались отбирать лучших. По партийно-комсомольским мобилизациям в органы ОГПУ-НКВД принимали активных молодых людей проверенных с моральнополитической точки зрения, нередко с выраженной тягой к знаниям. Но ни передовики-рабочие, ни даже студенты техникумов и вузов не могли привнести в «органы» свою индивидуальность. Чекистский коллектив, подобно сильнейшей кислоте, стремительно разрушал личность, оставляя рабское послушание и уверенность в том, что начальству виднее. Чекистская машина превращала людей в винтики и шестеренки. Личность каждого Начальника регионального управления накладывала очень сильный отпечаток на его подчиненных. Э. Г. Герштейн справедливо отметила: «Конечно, на эту работу шли люди, имевшие склонность к садизму, но были и такие, которые были доведены до звериной жестокости всей системой и круговой порукой всех сотрудников». Необходимо учитывать, что советская молодежь изначально воспитывалась в духе слепой преданности к коммунистической идее и вождям, ненависти к врагам и инакомыслящим, презрении к жалости и милосердию. Однако в ОГПУ-НКВД неофиты сразу наблюдали сочетание беспощадной власти «органов» над всеми остальными гражданами с не менее жестким подавлением личности самих чекистов, которые попадали в атмосферу тотальной слежки, начальственного самодурства, издевательств

над арестованными и особой жестокости к репрессированным из «своих». Чекистов сразу обучали ломать людей при вербовках и на допросах, избивать и расстреливать, а потом забываться в алкогольном дурмане. Понимание, что всякий, мобилизованный в «органы», оказывается в системе, которую невозможно покинуть добровольно, диктовало приспособление к чекистскому образу жизни и, как правило, принятие его.

Поскольку работа в «органах» неизбежно разрушала личность, в чекистской среде концентрировались все возможные человеческие пороки: жестокость, нередко доходившая до садизма, высокомерие, хамство, обман, клевета, подхалимство, равнодушие, бюрократизм, доносительство, подсиживание, пьянство, наркомания, развращенность, воровство и мародерство. Начальство с этим мирилось, в т. ч. потому что, как правило, само обладало данными качествами в превосходной степени».

А как же иначе, разве Виктор Абакумов мог играть не по правилам?

Уже в марте 1938 года его назначают на должность помощника начальника отделения 4-го отдела 1-го управления ГУГБ НКВД СССР. И это было первое в его жизни повышение со дня службы в органах. За шесть-то лет!

А 9 мая этого же года Виктора Семеновича удостоят высокой награды — наградят знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)». К слову сказать, этот знак был учрежден Приказом ОГПУ № 1087 от 23 ноября 1932 года. Как и предыдущий знак (V годовщины), он присваивался за «выдающиеся заслуги», но при этом оговаривался стаж службы претендента в органах или войсках ОГПУ — не менее 10 лет. Однако этот критерий строго не соблюдался, и в последующие годы почетный знак порой вручался и партийным выдвиженцам, недавно попавшим в «органы».

Но вот прошло лето 38-го, и 22 августа первым заместителем наркома внутренних дел СССР был утвержден Л. П. Берия. Наркомом его назначат 25 ноября, вот только о смене руководителя карательного ведомства объявят всей стране в декабре — 8-го.

Естественно, Лаврентий Павлович привел на Лубянку своих людей: и друзей и товарищей.

29 сентября 1938 года после очередного реформирования органов госбезопасности, была объявлена и новая структура, в которой 4-й Секретно-политический отдел стал 2-м (по степени важности направлений работы). Начальником этого отдела сразу же назначили Богдана Захаровича Кобулова, который уже с 15 сентября возглавлял 4-й отдел, где обратил самое пристальное

внимание на лейтенанта ГБ Абакумова.

29 сентября 1938 г. Абакумова утверждают в должности помощника начальника отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, а 1 ноября назначают начальником 2-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Сам Б. Кобулов расскажет впоследствии, как осенью 1938 года на одном из торжественных собраний в клубе НКВД Абакумов поднял страшный шум — он возмущался, что портрет дорогого Лаврентия Павловича висит слишком далеко от центра сцены. Как пишет Е. Жирнов, «произошло это, как нетрудно догадаться, именно в тот момент, когда в зал входил Берия. Он заинтересовался сначала причиной переполоха, а затем и устроившим его сотрудником. Кобулов дал подчиненному лестную характеристику, и вскоре Абакумов получил новое назначение».

Начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР старший майор ГБ Б. З. Кобулов 17 декабря 1938 года станет заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР, а 22 декабря 1938 года — начальником следственной части НКВД СССР. С Берия он работал еще в ГПУ Грузии с 1925 г. и был самым близким к нему человеком. Он ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами. При этом огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене.

Бывший заведующий отделом печати НКИД Евгений Гнедин вспоминал, как его после ареста привели к Кобулову (май 1939 г.): «Передо мной за солидным письменным столом восседал тучный брюнет в мундире комиссара первого ранга — крупная голова, полное лицо человека, любящего поесть и выпить, глаза навыкате, большие волосатые руки.

Кобулов заканчивал разговор по телефону. Заключительная реплика звучала примерно так:

— Уже сидит и пишет, да-да, пишет, а то как же!

Кобулов весело и самодовольно хохотал, речь шла, очевидно, о недавно арестованном человеке, дававшем показания.

Обернувшись ко мне, Кобулов придал лицу угрожающее выражение. Не отводя глаз, он стал набивать трубку табаком из высокой фирменной коробки «Принц Альберт». Я сам курил трубку и очень ценил этот превосходный американский табак, который в Москве нельзя было достать. Грозным тоном Кобулов заявил мне, что я разоблачен и вскоре буду расстрелян. Он потребовал, чтобы я рассказал ему о моих «связях с врагами народа»».

Серго Берия в своей книге описал Богдана Захаровича так: «У него была большая голова и жирное лицо, выдававшее в нем

человека, любившего хорошо поесть, глаза навыкате, большие волосатые руки и короткие кривые ноги». По мнению сына Лаврентия Павловича, Кобулов был жирным отвратительным типом, питавшим слабость к роскоши, особенно к произведениям искусства.

Один из товарищей генерала госбезопасности Е. П. Питовранова рассказывал ему характерную для того времени и тех людей историю: «Он принес на подпись Кобулову документ, направлявшийся в ЦК. Обычное — просим утвердить такого-то в должности. Подпись: «Заместитель министра внутренних дел Б. Кобулов». Богдан посмотрел бумагу и сказал: «Не пойдет. Переделать». Ошибок в документе не было. Ну что-то подправили, принесли снова. Та же история. Третий раз — то же. Наконец ребята догадались, что дело в подписи. Перепечатали документ в четвертый раз с подписью: «Б. Кобулов».

— Вот теперь правильно, — сказал Богдан, — в ЦК и так знают, кто такой Кобулов».

Все в том же сентябре по предложению Берия вслед за ним на работу в Москву перешел Всеволод Николаевич Меркулов. Он выгодно отличался от всего близкого окружения Лаврентия Павловича своей образованностью и интеллектом, работая с ним с 1922 года.

17 декабря 1938-го комиссар ГБ 3-го ранга Меркулов будет назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР и начальником ГУГБ НКВД СССР.

Меркулов увлекался спортом, хорошо рисовал и даже писал пьесы. Был вежлив, разговаривал спокойно, но не был решительным и безжалостным, как его шеф. О своем назначении в Москву Всеволод Николаевич позднее напишет: «Признаюсь, мне было тогда по приезде в Москву страшно тяжело работать в НКВД СССР, чего я никак не ожидал, едучи в Москву. С одной стороны, у меня не оказалось поначалу достаточных оперативных навыков… с другой стороны, новые чекистские «методы», применявшиеся тогда и неизвестные мне до того времени (я ведь уже 7 лет был на партработе), меня крайне угнетали».

И тем не менее именно ему Берия поручал самые важные дела и расследования. Например, по его указанию Меркулов лично отвез тело насмерть забитого на допросе маршала Блюхера на кремацию. Именно на допросе у Меркулова 13 апреля 1939-го, после пяти месяцев молчания, «сознался» в участии в «ежовском заговоре» чекист Ефим Евдокимов.

Именно эти люди, благодаря тонкому чутью Кобулова, выдвинули Виктора Семеновича за весьма короткое время во власть… В начале декабря 1938 г. в областные и республиканские

центры выехали группы по пять — семь офицеров госбезопасности. «Об их приезде в месте назначения предупреждался только первый секретарь обкома, — пишет Е. Жирнов. — Схема действий этих бригад была единой во всех городах. Прямо с вокзала они приезжали к первому секретарю, объявляли, что располагают неопровержимыми доказательствами того, что начальник местного УНКВД — враг народа, и предлагали немедленно пригласить его в обком. Затем они арестовывали ничего не подозревавшего коллегу и отправлялись в управление, где секретарь обкома представлял их коллективу как новых руководителей госбезопасности области. Замов начальника управления и начальников отделов арестовывали лишь после того, как они передавали дела своим преемникам. Как рассказывал мне один из ветеранов госбезопасности, начальник отдела, которого менял он, все понимал и две недели, передавая хозяйство, безостановочно рыдал. Некоторые из «вычищаемых» стрелялись, не дожидаясь ареста. В Москве подобные инциденты считались проколом: требовалось, чтобы смена власти в НКВД производилась без лишнего шума.

У Абакумова, осуществлявшего смену состава в Ростовском УНКВД, судя по всему, никаких эксцессов не произошло. Уже 5 декабря 1938 года его назначили исполняющим обязанности начальника УНКВД, а перед новым годом он из лейтенантов, минуя звание старшего лейтенанта, стал капитаном ГБ. Как рассказывал мне полковник Федосеев, Абакумов появился на Лубянке в новой форме с тремя прямоугольниками в петлицах и долго ходил туда-сюда по коридорам: «наверное, хотел, чтобы как можно больше товарищей увидели его триумф»».

На сегодняшний день о «Большом терроре» написано огромное количество книг. До сих пор многие историки продолжают спорить о причинах сталинских репрессий. Однако, по-моему, уже не вызывает сомнение сам факт спланированной Политбюро ЦК ВКП(б) акции по ликвидации потенциальной «пятой колонны» в преддверии возможной войны, «генеральной чистки» советского общества. В это трудно поверить сегодня, но, оглядываясь в глубь нашей истории, можно заметить, что период массовых репрессий не являлся чем-то необычным на фоне предшествующего развития советского государства.

Как констатируют историки В. Хаустов и Л. Самуэльсон в своей монографии «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.», «после окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству в стране не установились отношения сотрудничества между всеми слоями населения. Определенная часть общества рассматривалась советским руководством в

качестве силы, враждебной новому государству, советская пропаганда навязывала обществу представление о существовании в стране целой армии «врагов», мешающих созидательному строительству. Наряду с перманентным использованием принудительных мер в отношении основной массы населения проводилась явно и тайно политика преследований и изоляции в отношении слоев, которые занимали определенное социальное и экономическое положение при старом царском режиме, представителей оппозиционных партий и групп, подавления инакомыслия. Идея гражданского мира не стала определяющей в мировоззрении Сталина и его ближайшего окружения.

После окончания гражданской войны Сталин продолжил преследование всех представителей оппозиционных партий и групп внутри РКП(б) — ВКП(б)…

Отсутствие публичной политики приводило к тому, что способы решения внешнеполитических вопросов и внутренних проблем определялись узкой группой членов Политбюро правящей Коммунистической партии. Все это усиливало роль личностного фактора, повышало уровень субъективности при принятии решений в условиях идеологического противостояния СССР и развитых стран Европы».

Не менее интересно и мнение генерала госбезопасности Судоплатова, который по поводу участия органов в «Большом терроре» черным по белому написал: «Сознательно или бессознательно, но мы позволили втянуть себя в работу колоссального механизма репрессий, и каждый из нас обязан покаяться за страдания невинных. Масштабы этих репрессий ужасают меня. Давая сегодня историческую оценку тому времени, времени массовых репрессий — а они затронули армию, крестьянство и служащих, — я думаю, их можно уподобить расправам, проводившимся в царствование Ивана Грозного и Петра Первого». Касается это не в последнюю очередь и Виктора Семеновича Абакумова.

Чекисты Свердлов, Шарок и Кубаткин

30 августа 1952 г. на стол секретаря И. В. Сталина А. Н. Поскребышева курьер положил спецсообщение министра государственной безопасности С. Д. Игнатьева, адресованное САМОМУ. Это было заявление А. Я. Свердлова.

«ЦК ВКП(б).
Товарищу СТАЛИНУ И. В.
Арестованного СВЕРДЛОВА А. Я.,
бывш. члена ВКП(б) с 1939 г., зам. нач. отдела «К» МГБ СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Иосиф Виссарионович!

Очень тяжело сознавать, что ошибки и недостатки, только теперь понятые до конца, привели, вопреки всем устремлениям, к преступным действиям. До ареста я сам, большинство окружающих считали меня примером. С раннего детства, прошедшего в семье большевиков, я стремился стать активным деятелем партии, достойным отца, в этом состояла цель, самый смысл существования. Почти вся сознательная жизнь прошла в КСМ, партии, напряженной работе. Никогда не боялся трудностей, ответственности, старался во всем быть принципиальным, не использовал в личных целях имени, служебного положения. Однако, попав в детстве в привилегированные условия, сталкиваясь с грязными людьми, пробравшимися в окружение руководителей, я рано зазнался, пристрастился к политическому словоблудию, сплетням. Осенью 27-го года поддался троцкистской демагогии, выступил в школе в защиту троцкистов, не будучи никогда с ними организационно связан. Поняв после 27-го года правоту партии, вступив в КСМ, я некоторое время продолжал считать большевиками восстановленных в партии троцкистов, не сразу избавился от словоблудия, троцкистского отношения к Вам, допустил террористическое высказывание, хотя никогда не имел подобных намерений.

Попав в 1930 г. в здоровый коллектив, целиком

отдаваясь большой КСМ работе, я начал выправляться, порвал с прежними приятелями из детей б. ответработников, не поддерживал связи ни с одним врагом партии, прекратил преступные сплетни, болтовню, но, преуменьшая свой троцкизм, не расценив правильно разговоров 30-го года, скрыл и в 1935 г. был арестован. Рассказав все, будучи по Вашему указанию освобожден, стремился искупить вину. Окончив учебу, пошел на ЗИС мастером, вскоре стал старшим, зам. нач. цеха. Просил НКВД проверить на деле, начал выполнять поручения, вел партработу, я в 1938 г. был вновь арестован без всякой вины, по показаниям ОСИНСКОГО, не содержавшим ни слова правды, и освобожден только после Вашего вмешательства. С 1935 г., особенно теперь, считал, что всем обязан Вам, в Ваше 70-летие написал Вам, что чувствую, чем живу, прочтите это письмо!

Я решил, что с прошлым покончено, жил только работой, стремился вырасти, наряду с оперативной, партработой в 1948 г. с отличием окончил заочную Высшую партшколу ЦК, написал учебник, вел большую работу в спорторганизациях, Всесоюзном комитете, спал 4–5 час. в сутки, но из-за излишнего самомнения, сложной обстановки запутался вновь.

Проработав до 1940 г. под руководством МАТУСОВА, проводившего преступную практику, усвоил ряд пороков. Будучи в 1941 г. назначен зам. нач. отдела, фактически до 43 г. руководя самостоятельным подразделением, возомнил себя выдающимся чекистом, для которого не все общепринятые нормы обязательны, хранил а/с литературу, часть оружия и диверсионных устройств, полученных для спецработы, но не скрывал этого, не преследовал преступных целей. Переоценивая себя, общаясь с руководящими работниками МГБ, промышленности, культуры, превозносившими меня, я решил, что засиделся, перерос рамки зама, стремился к большему размаху, самостоятельности, тем более что непосредственные начальники ни в чем не поправляли, работали слабо, зачастую тормозили наиболее серьезные вопросы. В то же время после смены руководства МГБ, увольнения АБАКУМОВЫМ ряда старых работников, чувствуя, в противоположность прежнему, настороженное отношение к себе, я решил, что новое руководство оценивает меня по материалам о прошлом, не будет способствовать росту, держит только в силу

Ваших указаний, не дает работу в полную силу, перспектив нет. Я только свое прошлое винил в этом, думал, что жизнь сложилась неудачно, поддавался упадническим настроениям, начал бояться прошлого, запутался, допускал ошибки, преступные действия, о которых подробно рассказал следствию.

Остро переоценив ряд фактов, я понял, что, по существу, потворствовал АБАКУМОВУ, проводил националистическую практику.

Мне невероятно тяжело, потому что никогда вражеских замыслов не было, свои действия, настроения считая правильными, не скрывал их, ни с кем не вел тайных разговоров, не обсуждал преступных планов, не поддерживал организационной связи. Никогда не был близок АБАКУМОВУ, его окружению, многое в нем вызывало сомнение, несколько раз начинал писать в ЦК (один черновик сохранился), но не довел до конца. Никогда национальная принадлежность не играла для меня роли, не симпатизировал евреям, как таковым, себя всегда по матери, документам (метрика) считал русским, не было евреев в семье, среди знакомых преобладали русские, были украинцы, армяне, грузины; запутавшись, решил, что в отношении евреев допускаются перегибы, разговоры о якобы притеснениях, болезненная реакция на них, но не национализм. Так поддался националистическим настроениям и проводил националистическую практику.

Я глубоко осознал свою вину, раскаиваюсь и прошу простить меня, помочь ее загладить. За это время я столько пережил, понял, что никогда не споткнусь впредь, могу несоизмеримо лучше работать, стать, наконец, настоящим человеком, но помогите встать на ноги, плодотворно прожить жизнь. Я прошу дать мне самое большое, трудное дело, чем сложнее оно будет, тем скорее смогу Вам лично, партии доказать свою искренность.

Если можно, разрешите вести прежнюю работу, чтобы в своем коллективе реабилитировать себя.

Я прошу простить и помочь не только ради себя, но близких, матери 76 лет, 50 лет в партии, она живет последние дни, с каким сознанием умрет. Дочь кончила школу. Прошу ради памяти отца — перед всеми я виноват, но должен загладить вину.

Иосиф Виссарионович! Во многом я виноват,

неоднократно путался, но выродком, врагом партии, изменником не был, заверяю Вас, никогда Вам, ЦК не придется сожалеть, что помогли вернуться в строй, всю силу, способности, жизнь отдам делу, которое поручат.

СВЕРДЛОВ».

А теперь перенесемся к книге воспоминаний под названием «Незабываемое». Ее написала Анна Ларина-Бухарина — дочь Юрия Ларина, видного революционера, соратника Ленина, впоследствии ставшей женой одного из руководителей Советского государства Николая Бухарина. Почему? Вы обязательно догадаетесь…

«Одна деталь биографии Ягоды косвенным образом протянула нить к раздумьям о моем следствии и напомнила тяжелый эпизод, пережитый в недалеком прошлом. Ягода был связан родственными узами с Я. М. Свердловым — женат на его племяннице, дочери сестры. Тем не менее ему пришлось выполнить указание Сталина об аресте сына Свердлова Андрея и его ближайшего товарища, сына известного революционера-большевика В. В. Осинского, Димы. На такой шаг Ягода никогда бы самостоятельно не пошел и инициатором в этом случае быть не мог. Оба молодых человека (им было в то время года 22–23) учились тогда в одной из военных академий и были хорошо мне знакомы. Их арест меня чрезвычайно взволновал: для всех в той среде, к которой мы принадлежали, это стало событием необъяснимым. Произошло это в 1934-м или в начале 1935 года, точно не помню.

Об аресте Димы и Андрея я рассказала Николаю Ивановичу, который был крайне удивлен и решил позвонить Сталину, чтобы выяснить причину. Со Сталиным удалось связаться сразу же. «Пусть, пусть посидят, — ответил он, — вольнодумы они» (я не ошиблась, он выразился именно так, «вольнодумы», а не вольнодумцы). На вопрос Н. И., в чем же выразилось их вольнодумство, Сталин ничего вразумительного не ответил. «Похоже, — сказал он, — что у них троцкистские взгляды»…

Николай Иванович просил Сталина освободить юношей, не усмотрев в их «вольнодумстве» преступления, и грустно посмеивался над ответом Сталина: «вольнодумы они». Полагая, что В. В. Осинский и сам мог говорить со Сталиным о своем сыне, Н. И., хотя и упоминал при разговоре сына Осинского, главным образом просил об освобождении Андрея Свердлова — его отец Яков Михайлович Свердлов скончался в 1919 году.

— Коба, я прошу за Якова Михайловича, в память о нем это надо сделать. Жаль мальчишек, арест их может только обозлить и

загубить. Оба они способные, подающие надежды юноши.

— Я этими делами не занимаюсь, звони Ягоде, — раздраженно ответил Сталин и повесил трубку.

Звонить Ягоде Н. И. счел бессмысленным.

И. Д. Осинский и А. Свердлов вскоре были освобождены».

Но это история, как и всякая другая, имела продолжение…

«…к исходу сентября 1939 года, то есть через десять месяцев моего пребывания в московской тюрьме, меня вызвали на допрос.

Опять-таки допросом, то есть объективным расследованием дела для выяснения истины, мой разговор со следователем назвать никак нельзя. Вместе с тем это не был типичный для того времени допрос с пристрастием, с применением пыток или психологического воздействия, с целью умышленно получить заведомо ложные показания. Скорее это были переправы тех же мотивов, что звучали при разговоре с Берией. Тем не менее первый вызов после длительного «покоя» точно обухом по голове ударил.

Я вошла в кабинет, где когда-то уже побывала. За письменным столом сидел все тот же Матусов — тот самый, который вместе с заместителем Ежова Фриновским (к этому времени уже арестованным, возможно, уже и расстрелянным) разговаривал со мной, убеждая в необходимости ехать в астраханскую ссылку добровольно, чтобы избежать применения насильственных мер. Этот, на вид нежный херувимчик, пережил почти всех ответственных сотрудников НКВД со времен Ежова (быть может, работал и при Ягоде) и, как я потом узнала, умер своей смертью. Не знаю, в какой должности он был, но только не рядовым следователем.

— Здравствуйте, Анна Михайловна! Рад вас видеть! — произнес Матусов непонятно восторженным тоном, будто мы были давнишними приятелями и я к нему в гости пришла.

— А я вовсе не рада видеть вас, — ответила я на его глупое приветствие. — Вы не выполнили обещаний, данных мне перед высылкой в Астрахань. Там не оказалось «ни заботы, ни работы, ни квартиры». Кроме того, вы не выполнили главного: не дали мне свидания с Н. И. после окончания следствия. А ведь обещали для этой цели вызвать меня из Астрахани. Не дали возможности проститься с ним.

В этот момент дверь в кабинет Матусова открылась и вошел Андрей Свердлов. «С какой целью?» — мгновенно пронеслось у меня в голове. Я сразу же предположила: он арестован и вызван на очную ставку со мной. Ведь в моем «деле» в связи с информацией, поступившей из Новосибирска, Андрей Свердлов, якобы с моих слов, фигурировал как член контрреволюционной

организации молодежи. И хотя я это опровергала перед Берией, опасалась, что в случае повторного ареста Андрей подтвердит существование контрреволюционной организации молодежи. Будет клеветать на самого себя и на меня. Случай для этого времени типичный. Однако, приглядевшись к Андрею, я пришла к выводу, что он не похож на заключенного. На нем был элегантный серый костюм с хорошо отутюженными брюками, а холеное, самодовольное лицо говорило о полном благополучии. Андрей сел на стул рядом с Матусовым и внимательно, не скажу — без волнения, вглядывался в меня.

— Познакомьтесь, Анна Михайловна, это ваш следователь, — сказал Матусов.

— Как — следователь! Это же Андрей Свердлов! — в полном недоумении воскликнула я.

— Да, Андрей Яковлевич Свердлов, — подтвердил Матусов удовлетворенно. (Вот, мол, какие у нас следователи!) — Сын Якова Михайловича Свердлова. С ним и будете иметь дело.

Сообщение Матусова показалось мне ужасающим, я пришла в полное замешательство. Пожалуй, легче было бы пережить мое первоначальное предположение об очной ставке.

— Что, не нравится следователь? — спросил Матусов, заметив изумление и растерянность на моем лице.

— Я как следователя его не знаю, но знакомить меня с ним нет необходимости, мы давно знакомы.

— Разве он был вашим другом? — с любопытством спросил Матусов.

— На этот вопрос пусть вам ответит сам Андрей Яковлевич.

Другом своим я бы Андрея не назвала, но я его знала с раннего детства. Мы вместе играли, бегали по Кремлю…

Никаких подробностей нашего знакомства Матусову я не рассказала. Ответила кратко:

— Я знакома с Андреем Яковлевичем достаточно хорошо. В таком случае, насколько мне известно, он не может быть моим следователем, я имею право на его отвод.

Но Матусов повторил, что моим следователем будет, несмотря на обстоятельства, именно Свердлов.

Видеть Андрея Свердлова в качестве следователя НКВД для меня было мучительно, потому что он был сыном Якова Михайловича, большинство соратников которого к тому времени пали жертвой террора; были репрессированы также и дети известных партийных деятелей, принадлежащие к окружению Андрея…

Андрей молча слушал мой диалог с Матусовым, затем решил высказаться.

— Что ты там про меня болтала? — спросил он уверенным тоном, давшим понять, что моя «болтовня» никак не повлияет на прочность его положения, не отразится на его карьере. А по натуре он, несомненно, был человеком с карьеристскими наклонностями.

Я лишь выражала опасение, пояснила я Андрею, что его первый арест повлечет за собой повторный, и на этот раз сфабрикуют контрреволюционную организацию молодежи, занимающуюся террором, вредительством и т. д., и что к этой организации причислят и меня. Я полагала, что наше знакомство будет способствовать этому и не улучшит положения ни его, ни моего.

— Как вы выражаетесь, — заметил Андрей (обращаясь ко мне на этот раз на «вы»), — «сфабрикуют контрреволюционную организацию» — мы здесь ничего не фабрикуем.

Я в ужасе промолчала и, как ни странно, только в тот миг окончательно поняла, что между нами — пропасть, что мы находимся по разные стороны баррикад. Я брезгливо посмотрела на Андрея. На этом наше первое свидание окончилось.

Вторично мы встретились через два-три дня. Первое потрясение прошло — ко всему привыкаешь. Другое мучило меня: встретившись с ним с глазу на глаз, я не сразу смогла сказать ему в лицо, что я о нем думаю. Я была возмущена до крайности, был даже порыв дать ему пощечину, но я подавила в себе это искушение. (Хотела — потому что он был свой, и не смогла по той же причине…) Вместе с тем я понимала, что падение Андрея — отнюдь не досадное недоразумение, за этим скрывался безнравственный и беспринципный характер…

Допрос оказался не таким, каким я себе его представляла. На этот раз Андрей был мягче, смотрел теплее. Проходя мимо, сунул мне в руку яблоко, но все же про свои обязанности следователя не забывал. Он сидел за письменным столом в небольшом узком кабинете. Мы смотрели друг на друга молча. Глаза мои наполнились слезами. Казалось, что и Андрей заволновался. Возможно, мне хотелось хотя бы это в нем увидеть.

У нас были схожие биографии: оба мы были детьми профессиональных революционеров…

Деятельность Андрея Свердлова нельзя было расценивать иначе как предательство. На меня смотрели глаза Каина. Но виновником катастрофы и его, и моей было одно и то же лицо — Сталин.

Молчание Андрея было невыносимо, но и сама я на некоторое время потеряла дар речи. Наконец взорвалась:

— О чем будете допрашивать, Андрей Яковлевич? Николая

Ивановича уже нет, и добывать ложные показания против него не имеет смысла, после драки кулаками не машут! А моя жизнь — она у вас как на ладони, не вам о ней допрашивать. И ваша до определенного времени мне была достаточно ясна. Именно поэтому я защищала вас, заявляя, что к контрреволюционной организации вы не могли быть причастны.

Андрей, облокотившись о письменный стол, ссутулившись, смотрел на меня загадочным взглядом и, казалось, пропустил сказанное мимо ушей. И вдруг он произнес слова, никоим образом не относящееся к следствию, возможно, правильней сказать, к теме нашего разговора:

— Какая у тебя красивая кофточка, Нюська! (Нюсей меня называли мои родители и все мои сверстники.)

Пожалуй, в этот момент я почувствовала жалость к предателю, подумав, что и он в ловушке, только зашел в нее с другой стороны.

— Так, кофточка моя тебе понравилась (я тоже обращалась к Андрею то на «вы», то на «ты», в зависимости от того, какие эмоции брали верх), а что же не нравится?

Андрей тотчас же собрался, и в нем проявился следователь. Он проговорил знакомые казенные слова, слышанные мною не один раз из других уст:

— Вы распространяете вредные антисоветские измышления, будто процессы есть судебная инсценировка и ваш Бухарин никаких государственных преступлений не совершил.

Все один и тот же мотив. Однако слышать эту песню от Андрея Свердлова было несравненно тяжелее, чем от Сквирского или Берии.

— А вы думаете, — воскликнула я, — что большевики предали дело всей своей жизни? Думайте, если вам так выгодно думать и легче жить. Неужто вы искренне считаете, что ваш близкий друг, Дима Осинский, — контрреволюционер, а вы нет! Что Страх Ганецкий — враг народа, а вы друг! Вероятно, вы их тоже допрашивали! Да разве только их, не меня же одну!

— Вас не касается, кого я допрашивал! — крикнул Андрей.

Затем, как и Берия, он зафиксировал внимание на моих разговорах с Лебедевой. Выразился так:

— Болтала слишком много, и стихами и прозой, а из этой болтовни наворотила гору лжи…

… Я сразу же сообщила ему, что «враг народа» Бухарин после его, Андрея, ареста звонил по телефону Сталину и просил за него.

Мой следователь изменился в лице, покраснел от волнения.

— Неужели? — переспросил он, хотя великолепно понимал, что это правда, и я подтвердила сказанное. На этот раз мое

сообщение положило конец разговорам на следственные темы, и Андрей переключился на семейные… Сказал, что его жена Нина (дочь Подвойского), которую я знала, преуспевает на ответственной комсомольской работе и якобы она, как он выразился, «между прочим», шлет мне привет. «Привет, между прочим», кроме раздражения, никаких иных эмоций у меня не вызвал. Предполагаю, что жена Андрея и не знала о нашей драматической встрече.

Однако я в долгу не осталась и на один привет ответила несколькими. Передала привет от тетки Андрея — сестры Якова Михайловича — Софьи Михайловны, с которой побывала в Томском лагере; привет от двоюродной сестры Андрея — дочери Софьи Михайловны, жены Ягоды…

Понял ли Андрей, что не за тем столом сидит? В этом я сомневаюсь.

Наш разговор подходил к концу, и я нашла момент подходящим, чтобы попросить своего следователя позвонить по телефону моей бабушке и спросить от моего имени, не знает ли она, жив ли, где и у кого находится мой сын. Эту просьбу Андрей выполнил. Звонил при мне. Так я узнала, что Юра, которому в ту пору шел четвертый год, живет в Москве, у моей тетки — сестры матери. И, несмотря на тяжесть разговора с Андреем, я ушла из его кабинета окрыленная.

Я видела его еще трижды. Но если поначалу мне удавалось заметить в нем хоть проблески человечности, то в дальнейшем и они исчезли.

Я снова была вызвана на допрос лишь через полтора года, в феврале 1941-го. Все три последующих допроса были краткими. Андрей встретил меня суровым взглядом и непонятным криком:

— Скоро будете давать показания?

В этом возгласе не было ни логики, ни смысла: полтора года назад Свердлов не требовал от меня никаких показаний.

— Мы вас еще как следует не допрашивали! Посадим в Лефортовскую тюрьму, тогда заговорите!.. Это военная тюрьма, там вы поймете, что такое следствие! — кричал Свердлов.

Об ужасающих пытках в Лефортовской тюрьме я слышала от сидевших одновременно со мной в Томском лагере жен сотрудников НКВД. Я не успела спросить у А. Свердлова, для какой цели он хочет подвергнуть меня пыткам, как вдруг, по-видимому, от сильного потрясения, от того, что со мной так разговаривает именно он, я почувствовала, что теряю зрение: сначала все помутнело и закружилось, затем, кроме светлого пятна горящей лампы на письменном столе следователя, я ничего уже не видела.

— Самую страшную пытку вы уже совершили, Андрей Яковлевич, я ослепла!

— Что вы симулируете! — крикнул Андрей.

— Я не симулирую, я вас не вижу, — дрожащим голосом произнесла я.

Я слышала, как Андрей звонил врачу. Кто-то, очевидно тюремщик, привел меня под руку в кабинет врача. Перед глазами зажигали лампу, спички, и снова, кроме светового пятна, я ничего не видела. Так продолжалось два дня. На третий зрение постепенно восстановилось. Тюремный надзиратель усиленно наблюдал за мной. «Глазок» почти беспрестанно шуршал. Товарищи по камере помогали мне во всем. Как только надзиратель убедился, что я прозрела, на следующий же день меня вызвали на допрос.

Андрей на этот раз был предупредителен и вежлив. Интересовался моим здоровьем, особенно зрением».

Вскоре жена Бухарина узнала, кому все это было нужно.

— Хозяину, — коротко ответил Свердлов.

Андрей Яковлевич Свердлов родился в 1911 году в семье видного революционера Якова Свердлова. Известно, что до первого своего ареста был комсомольским пропагандистом. Дважды, в 1935 и 1937 годах, арестовывался органами НКВД за антисоветские высказывания в кругу молодежи. В кругу своих друзей он неоднократно и прямо говорил, что Сталина нужно убить…

С 1938 года на работе в НКВД. О том, как он допрашивал подследственных, сохранилось немало свидетельств. Например, репрессированный полковник Мещеряков вспоминал, как на допросе у Свердлова тот выбил ему 6 зубов всего лишь одним профессиональным ударом. Грубо обращался Свердлов и с женщинами. Так перед носом одной из них он просто махал нагайкой, угрожая избить. Долгое время другой репрессированный, Лев Игнатович Варшавский, боялся упоминать вслух страшное для него имя своего следователя Свердлова. Лишь однажды, придя на прием к зубному врачу и хваля за удачное удаление зуба из нижней челюсти, Лев Игнатович не выдержал, обмолвившись: «Вы спрашиваете, где все мои зубы с верхней челюсти? Их удалил мне в молодости другой «зубной врач» — Свердлов!»

Другие очевидцы рассказывали, как упорно нежелающим говорить подследственным по указанию Свердлова конвоиры приспособляли руку жертвы в дверной проем кабинета следователя, после чего Андрей Яковлевич спокойно захлопывал дверь, ломая по 4–5 пальцев сразу.

После войны Свердлов работал в охране секретов советского атомного проекта, надзирая за учеными. Как свидетельствовали ученые-атомщики, при общении с А. Я. Свердловым веяло каким-то замогильным садистским холодом. Он был насквозь фальшив, лжив и имел склонность к позерству. В последние годы службы полковник А. Я. Свердлов занимал должность заместителя начальника отдела «К» (контрразведка) Главного управления МГБ СССР. В 1952 г. его арестовали вновь по «делу Абакумова».

После освобождения Свердлов работал в 4-м секретнополитическом отделе управления МВД СССР, а затем, после увольнения, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук.

Умер Андрей Яковлевич в 1969 году от разрыва сердца. Говорят, что в последнее время он постоянно чувствовал за спиной шепот: «Убийца!»

При жизни он умудрился написать и издать две книги, правда, в соавторстве и под псевдонимом: повесть «Двуликий Янус» — 1967 год (Яков Наумович Наумов, Андрей Яковлевич Яковлев (Свердлов) и повесть «Тонкая нить» — 1968 год.

Повести рассказывали о самоотверженной работе советских чекистов, умело раскрывающих сложное и запутанное дело и разоблачающих крупного фашистского резидента.

Третья книга — роман «Схватка с Оборотнем» — увидит свет уже после смерти Свердлова.

Отец Андрея Яковлевича — Яков Михайлович Свердлов родился в 1885 году. Видный политический и государственный деятель, революционер, большевик. Председатель Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) с ноября 1917 года по март 1919-го.

Период между 1901 и 1917 годами провел в бесконечных ссылках и тюремных камерах. Умер он 16 марта 1919 года и был похоронен в некрополе на Красной площади. Долгие годы еще при Советской власти говорили, что умер Свердлов от простуды. Однако доподлинно известно, что умер председатель ВЦИК от удара в голову, полученного во время выступления перед рабочими железнодорожных мастерских города Орла. Кто-то из них бросил полено, угодившее в видного большевика. Его срочно увезли в Москву, где ему стало совсем плохо. После нескольких дней, которые Свердлов-отец провел в бреду, и наступила смерть.

Парадоксально, но факт. В конце 20-х годов сын Свердлова Андрей случайно обнаружил у матери восемь весьма крупных бриллиантов от 22 до 36 карат. А в 1935 г. тяжелый несгораемый шкаф отца Свердлова, который стоял теперь в кабинете у М. И.

Калинина (ключи были утеряны), из любопытства вскрыли. В этом большом сейфе находилось: ассигнации царской России — на сумму 750 тысяч рублей, золотые монеты дореволюционной чеканки на сумму 108 тысяч рублей, золотые изделия — 705 предметов, чистые бланки паспортов Российской Империи — 7 штук, заполненные паспорта РСФСР (три на мужчин и четыре на женщин), иностранные паспорта (один на мужчину и один на женщину).

* * *

Карл Радек и Григорий Сокольников в 1937 году были приговорены к тюремному заключению по делу так называемого Антисоветского троцкистского центра. Других, а именно Г. Пятакова, J1. Серебрякова, Н. Муралова, Я. Лифшица и Я. Дробниса, вообще расстреляли. Оставшиеся в живых Радек и Сокольников как бы подтверждали всему миру «объективность и непредвзятость» «самого гуманного» советского суда.

Но ни талантливый публицист и экономист, как бывшие оппозиционеры, Сталину живыми были никак не нужны. И через год с небольшим, в мае 1939 года, Радек и Сокольников все же были убиты сокамерниками… По крайней мере так считали долгие годы…

Однако расследованием обстоятельств убийства Радека и Сокольникова, которое началось сразу же после XX съезда КПСС, было неопровержимо доказано, что за этими убийствами стоял сам вождь и, конечно же, исполнители.

Н. Петров, в частности, пишет: «Как пояснили вызванные в ЦК КПСС в 1961 г. бывшие руководящие работники секретно-политического отдела ГУГБ НКВД П. В. Федотов и Я. Н. Матусов: «… Оперативно-чекистские отделения при политизоляторах свои донесения о поведении Радека и Сокольникова и им подобных лиц направляли непосредственно в адрес лично Берии, который их посылал или докладывал Сталину, что было работникам отдела известно как со слов Кобулова, так и по смыслу, сколько помнится, его письменных указаний на донесениях политизоляторов». Причем оба, и Федотов и Матусов, утверждали, что «убийство Радека и Сокольникова было совершено по указанию Сталина»».

Вот подробности убийства Радека, изложенные сухим канцелярским стилем документа из архива комиссии Н. М. Шверника:

«В Верхнее-Уральскую тюрьму в мае 1939 года выезжал

оперативный работник 2-го управления ГУГБ НКВД Кубаткин. Первый раз он возил с собой некоего Мартынова, якобы заключенного (личность не установлена), который был помещен в одну камеру с Радеком, преднамеренно учинил с ним драку, но убить Радека не смог и был увезен Кубаткиным из тюрьмы. Через несколько дней Кубаткин вновь приехал в тюрьму с другим заключенным по фамилии Варежников. Этого заключенного также поместили в камеру к Радеку. На следующий день, 19 мая, Варежников, спровоцировав драку, убил Радека. В акте, составленном администрацией тюрьмы, указано, что убивший Радека Варежников является якобы троцкистом. В действительности под фамилией Варежников был зашифрован Степанов И. И., бывший комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР, арестованный в феврале 1939 года за серьезные должностные преступления. В ноябре того же года по указанию Берии Степанов освобожден из-под стражи. В постановлении о прекращении дела указано, что он выполнил «специальное задание», имеющее важное государственное значение».

А теперь ознакомимся со справкой председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова в ЦК КПСС по делу «Антисоветского центра» об обстоятельствах убийства Г. Я. Сокольникова и К. Б. Радека:

> «№ 1621-с.
> 29 июня 1956 г.
> Совершенно секретно…
>
> Радек и Сокольников после осуждения среди своих сокамерников стали утверждать о своей невиновности и о инсценировании всего процесса. Несомненно, что это и привело к тому, что в мае 1939 года было принято решение о их «ликвидации». Имеющиеся в архиве КГБ документальные данные свидетельствуют о том, что убийство Радека и Сокольникова проводилось под руководством Берии и Кобулова в соответствии со специально разработанным планом.
>
> Непосредственное осуществление этих актов было возложено на работников 2-го отдела НКВД СССР — ст. оперуполномоченного Кубаткина, оперуполномоченного Шарока и специально подобранных людей из числа арестованных, которые в секретном порядке выехали для выполнения задания в верхнеуральскую и Тобольскую тюрьмы, в которых содержались Радек и Сокольников.
>
> Как установлено, убийство Сокольникова было произведено при следующих обстоятельствах. Предварительно Сокольников был переведен в

одиночную камеру, а 21 мая 1939 года, как это было обусловлено по плану, к нему вошли начальник тюрьмы Флягин, оперуполномоченный Шарок и прибывший из Москвы заключенный Лобов (быв. пом. нач. ОО ЛВО, осужденный в связи с убийством С. М. Кирова), набросились на него и убили.

О случившемся тогда же был составлен фиктивный акт и оформлен протокол допроса заключенного Котова П. М. (под такой фамилией фигурировал Лобов). В этом протоколе, составленном начальником тюрьмы, обстоятельства убийства Сокольникова описывались так:

«Вызывающий тон в вопросе Сокольникова побудил во мне злобу. Я назвал его фашистским наймитом, и что за вас и подобных вам лидеров приходится и мне нести ответственность. Сокольников моментально встал с кровати и с угрожающим видом начал приближаться ко мне. Я сидел на своей кровати, рядом с которой стояла камерная параша, я схватил ее и ударом по голове отстранил его от себя» (Арх. дело № 300 954, т. 1, л. д. 138.)

При аналогичных обстоятельствах под руководством ст. оперуполномоченного Кубаткина 19 мая 1939 года в Верхнеуральской тюрьме НКВД был убит и Радек.

И в данном случае это заранее подготовленное убийство было затем оформлено как результат драки. Так, в акте смерти Радека, составленном администрацией тюрьмы, указывается:

«При осмотре трупа заключенного Радека К. Б. обнаружены на шее кровоподтеки, из уха и горла течет кровь, что явилось результатом сильного удара головой об пол. Смерть последовала в результате нанесения побоев и удушения со стороны заключенного троцкиста Варежникова, о чем и составили настоящий акт».

Как установлено проверкой, вскоре после этого осуществлявшие убийство заключенных Радека и Сокольникова Кубаткин и Шарок, работавшие до этого рядовыми сотрудниками аппарата НКВД, были назначены — Кубаткин — Начальником Управления НКВД Московской области, а Шарок — заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР…

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР И. Серов».

Что касается Петра Николаевича Кубаткина, то к его персоне нам придется еще вернуться в другое время и в другой главе. А вот на биографии Григория Федоровича Шарока стоит остановиться. Ведь именно его под собственной фамилией описал в романе «Дети Арбата» А. Рыбаков.

Шарок родился в 1900 году в Виленской губернии в семье крестьянина. Русский. Окончил сельскую школу, работал чернорабочим на постройке железнодорожной ветки и на заводе. В 1919-м был призван в Красную Армию. Служил сначала пулеметчиком, а с 1921 года в дивизионе особого назначения ВЧК-ГПУ. В 1922 г. он вступает в партию.

С 1924-го, после демобилизации, работает на административнохозяйственной работе — управляющим делами ВСНХ, управделами в Мосжилстрое, кадровиком в Наркомате снабжения РСФСР. В 1927 г. окончил курсы при Московском промышленно-экономическом институте. Пытался поступить в институт, но попытка оказалась неудачной. С 1932 г. снова на работе в органах ОГПУ: уполномоченный, помоперуполномоченного в секретно-политическом отделе. С 1936 г. — младший лейтенант ГБ, с ноября 1937-го — лейтенант ГБ и с 4 апреля 1939 г. — старший лейтенант ГБ.

С октября 1939 г. — заместитель наркома внутренних дел Казахстана. С мая 1940-го — начальник городского управления НКВД в Вильнюсе. С 5 октября 1939-го — капитан ГБ, с 14 марта 1940-го — майор ГБ, с 14 февраля 1943 г. — полковник ГБ.

С началом Великой Отечественной войны возглавлял оперативную группу НКВД 22-й армии на Западном и Калининском фронтах. И только потом работал у генерала Судоплатова в 4-м управлении НКГБ заместителем начальника отдела, а с августа 1943 г. начальником 1-го отдела.

В 1943–1944 гг. — начальник 2-го управления НКГБ Белоруссии, затем заместитель начальника УНКГБ по Гомельской области.

С ноября 1945-го — начальник УНКГБ-УМГБ по Молодеченской области. С 1947 года на работе в центральном аппарате МГБ: заместитель начальника отдела в 5-м управлении, с 1949-го в 7-м управлении.

В мае 1954 года уволен в запас по возрасту.

За годы службы в госбезопасности был награжден: орденом Ленина (1954 г.), орденом Красного Знамени (1954 г.), орденом Отечественной войны 1-й степени (1945 г.), орденом Отечественной войны 2-й степени (1948 г.), двумя орденами Красной Звезды (1943 г. и 1944 г.), орденом «Знак Почета» (1940 г.) и 11 медалями.

На пенсии с 1961 по 1968 г. работал инструктором Центрального автомотоклуба в Москве. Умер в 1981 году.

Начальник областного управления

Когда Лаврентий Павлович пришел в НКВД, то первым делом он, как и положено, начал знакомиться с руководящим составом наркомата. Так, при утверждении нового начальника Ростовского областного управления НКВД Д. Д. Гречухина в ходе беседы Берия поинтересовался, вербовал ли кто-нибудь его в какую-либо антисоветскую организацию.

И страх Гречухина оказался вовсе не напрасным. Именно его приехал заменить Виктор Семенович Абакумов в конце 1938 года. Меньше трех месяцев майор ГБ Гречухин руководил УНКВД Ростовской области (с 19 сентября 1938 г. по 03 декабря 1938 г.).

Его арестовали 3 декабря 1938 года, а уже 22 февраля 1939-го приговорили к высшей мере наказания по ст. 58–1 «а» и 58–11 УК РСФСР. Понял ли он что-нибудь перед смертью, разобрался ли он в хитросплетениях СИСТЕМЫ? Неизвестно.

А незадолго до этого, все в том же 1938 году к известному писателю М. А. Шолохову подбирались именно из УНКВД Ростовской области. К нему вообще подбирались не в первый раз, но на этот гораздо серьезнее…

Началось все с письма Сталину возмущенного писателя, по которому была организована тщательная проверка с выездом на место. 23 мая на стол вождю лета докладная записка секретаря партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятова и начальника 4-го отдела Главного управления НКВД СССР В. Е. Цесарского «О результатах проверки письма тов. Шолохова на имя товарища Сталина». Второй экземпляр этой докладной записки был направлен наркому НКВД Ежову.

В ней официальным тоном, без тени смущения подчеркивалось: «В своем письме на имя товарища Сталина тов. Шолохов выдвигает против работников НКВД Ростовской области ряд обвинений, которые в основном сводятся к следующему:

1. Группа работников УНКВД Ростовской области создавала и продолжает создавать ложные дела на честных и преданных Советской власти людей. «Согни коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылках» (из письма т. Шолохова).

2. В органах НКВД Ростовской области к арестованным применяются физические насилия и длительные допросы, толкающие арестованных на путь оговаривания неповинных людей и приписывания себе преступлений, ими не совершенных. «Надо покончить, — писал т. Шолохов, — с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным».

3. Против тов. Шолохова подбирались ложные материалы и распускались провокационные слухи с единственной целью его скомпрометировать. «В такой обстановке, какая была в Вешенской, невозможно было не только продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги» (из письма т. Шолохова).

В своем письме т. Шолохов требовал пересмотреть следственные дела за 1937 и 1938 гг., освободить из-под стражи невинно осужденных и привлечь к ответственности работников УНКВД по Ростовской области, повинных в этих преступлениях. Тов. Шолохов писал: «Надо тщательно проверить дела осужденных по Ростовской области в прошлом и в нынешнем году, так как многие из них сидят напрасно»».

Естественно, проверяющие корпоративно пришли к выводу, что «факты, изложенные т. Шолоховым в его письме, не подтвердились». Тем более что непосредственным начальником Шкирятова в Комиссии партийного контроля был сам Ежов. Его ответ не заставил себя долго ждать: осенью 1938 г. в Ростовское областное управление НКВД был тайно вывезен из ст. Вешенской Ростовской области известный активист, член КПСС И. С. Погорелов. Начальник управления Гречухин доверительно сообщил ему, что на Северном Кавказе обнаружена подпольная контрреволюционная организация, возглавляемая М. А. Шолоховым, в руководящее ядро которой входят: секретарь Вешенского райкома партии Луговой, председатель Вешенского райисполкома Логачев, старый казак Громославский (тесть Шолохова) и другие. В частности, Гречухин заявил: «Сталин и нарком НКВД Ежов приказали нам разоблачить и ликвидировать эту организацию. Вопрос согласован с Ростовским обкомом партии, получено указание об аресте Шолохова и всей его группы, и исполнение этой операции поручается Погорелову».

Погорелов в свою очередь хоть и дал согласие взяться за эту «операцию» все же не верил тому, что Шолохов «враг народа». И когда великий писатель приехал в Ростов, он на свой страх и риск встретился с ним и рассказал о грозящей расправе.

Сам Шолохов вспоминал: «Предупредили меня, что ночью приедут арестовывать и из Ростова уже выехала бригада. Наши станичные чекисты, как сказали мне, тоже предупреждены, их у окон и ворот поставят… Что делать? Бежать! В Москву. Куда же еще? Только Сталин и мог спасти… И бежал. На полуторке. Но поехал не в Миллерово, а к ближайшей станции в другой области».

В Москве Шолохов написал Сталину короткую записку:

«Дорогой Сталин!

Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу.

М. Шолохов. 16.10.38 г.».

Сталин принял писателя 23 октября в 18.30 и беседовал с ним 50 минут. А 31 октября в кабинете вождя состоялось заседание по «делу» писателя, на котором присутствовали Молотов, Маленков, Шолохов, Луговой, а также Ежов, Гречухин и работники его аппарата Щавелев и Коган, начальник Вешенского районного отделения НКВД Лудищев. Главным свидетелем стал Погорелов.

На этом заседании в своем последнем слове вождь сказал: «Человек с такими глазами не может быть нашим врагом. Товарищ Шолохов, как вы могли подумать, что партия даст вас в обиду? Великому русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для работы».

Кстати сказать, Михаил Шолохов познакомился с женой самого Ежова — Евгенией Соломоновной — еще в феврале 1938 года. Поэтому у наркома внутренних дел, кроме всего прочего, были личные мотивы ненавидеть известного писателя. И вот почему.

Знакомство состоялось в тот момент, когда Шолохов приезжал в Москву жаловаться на бесчинства чекистов в его родном Вешенском районе.

«После беседы в наркомате Ежов пригласил Шолохова к себе на дачу, где и произошла встреча знаменитого писателя с женой не менее знаменитого сталинского наркома, — рассказывает А. Е. Павлюков. — Евгения Соломоновна понравилась Шолохову, и когда в июне 1938 года писатель снова побывал в столице, он посетил ее в редакции журнала «СССР на стройке» под предлогом своего участия в выпуске номера, посвященного красному казачеству.

В середине августа 1938 г. Шолохов в очередной раз оказался в Москве и вместе с писателем А.А. Фадеевым заехал в редакцию к Евгении Соломоновне, после чего они втроем отправились обедать к Шолохову в гостиницу «Националь».

Домой Евгения Соломоновна приехала в тот день поздно вечером. Ежов уже вернулся с работы и был очень недоволен, когда узнал, как она проводила время, тем более что из поведения жены ясно следовало, что ухаживания Шолохова не оставили ее равнодушной.

На следующий день Шолохов снова был в редакции, опять они, теперь уже вдвоем, отправились в «Националь», но в этот раз

одним только обедом в гостиничном номере дело не ограничилось.

Прослушиванием номеров в гостиницах, в том числе в гостинице «Националы), занималось 1-е отделение Отдела оперативной техники. Порядок был установлен следующий. Номера, где проживали представляющие интерес постояльцы, прослушивались по специальным указаниям, поступающим от тех или иных оперативных подразделений НКВД (такое задание было получено, в частности, и на прослушивание номера Шолохова во время его предыдущего пребывания в Москве в июне 1938 г.). Контролеры (стенографистки), не имеющие на данный рабочий день конкретного задания, должны были периодически, методом свободной охоты, подключаться к различным гостиничным номерам и, если услышанный ими разговор оказался интересным, записывать его.

Накануне того дня, когда Евгения Соломоновна пришла в гости к Шолохову, одна из стенографисток, подсоединившись к гостиничному номеру писателя и узнав его по голосу, запросила у руководства санкцию на дальнейшее прослушивание. Начальник Отдела оперативной техники М. С. Алехин связался с начальником Секретно-политического отдела А.С. Журбенко и, получив от него подтверждение целесообразности контроля, распорядился продолжать прослушивание. Поэтому, когда на следующий день ничего не подозревающие Евгения Соломоновна и Шолохов оказались в номере писателя, их свидание было добросовестно запротоколировано, причем фиксировались не только произносимые слова, но и то, что, по мнению стенографистки, в этот момент происходило («идут в ванную», «ложатся в постель» и т. д.).

Ознакомившись на следующий день с представленной ему записью, М. С. Алехин сразу же направился на доклад к Ежову. По возвращении он вызвал помощника начальника 1-го отделения Н. П. Кузьмина и приказал никому о случившемся не рассказывать, даже начальнику отделения В. В. Юшину, находившемуся в тот момент в командировке, а в дальнейшем все материалы (стенограммы и тетради стенографических записей) в запечатанном виде и, ни в коем случае не читая, передавать лично ему.

Свидетелем реакции Ежова на случившееся стала подруга Евгении Соломоновны З. Ф. Гликина. Вот что она потом рассказала об этом:

«На другой день (после свидания с Шолоховым) поздно ночью Хаютина-Ежова и я, будучи у них на даче, собирались уж было лечь спать. В это время приехал Н. И. Ежов. Он задержал нас и

пригласил поужинать с ним. Все сели за стол. Ежов ужинал и много пил, а мы только присутствовали как бы в качестве собеседников.

Далее события разворачивались следующим образом. После ужина Ежов в состоянии заметного опьянения и нервозности встал из-за стола, вынул из портфеля какой-то документ на нескольких листах и, обратившись к Хаютиной-Ежовой, спросил: «Ты с Шолоховым жила?»

После отрицательного ее ответа Ежов с озлоблением бросил его (т. е. документ) в лицо Хаютиной-Ежовой, сказав при этом: «На, читай!»

Как только Хаютина-Ежова начала читать этот документ, она сразу же изменилась в лице, побледнела и стала сильно волноваться. Я поняла, что происходит что-то неладное, и решила удалиться, оставив их наедине. Но в это время Ежов подскочил к Хаютиной-Ежовой, вырвал из ее рук документ и, обращаясь ко мне, сказал: «Не уходите, и вы почитайте!» При этом Ежов бросил мне на стол этот документ, указывая, какие места читать.

Взяв в руки этот документ и частично ознакомившись с его содержанием… я поняла, что он является стенографической записью всего того, что произошло между Хаютиной-Ежовой и Шолоховым у него в номере.

После этого Ежов окончательно вышел из себя, подскочил к стоявшей в то время у дивана Хаютиной-Ежовой и начал избивать ее кулаками в лицо, грудь и другие части тела. Лишь при моем вмешательстве Ежов прекратил побои, и я увела Хаютину-Ежову в другую комнату.

Через несколько дней Хаютина-Ежова рассказала мне, что Ежов уничтожил указанную стенограмму».

После всего этого большого грязного дела и прибыл в Ростов Виктор Семенович Абакумов.

В предвоенные годы в Ростове-на-Дону значительно улучшилось транспортное сообщение. Были проложены новые трамвайные линии, в том числе и на далекие городские окраины, а в июне 1936 года открылось движение троллейбусов. Ростов стал третьим городом в СССР (после Москвы и Киева), получившим этот новый вид городского транспорта. Для гостей города была построена одна из крупнейших в стране гостиниц, получившая имя «Ростов».

К 1937 году в городе действовали 98 общеобразовательных школ (включая начальные) и 8 вузов, 19 техникумов, 4 музыкальные и художественные школы (к концу 30-х гг.).

Также в Ростове функционировали 34 научных учреждения, 110 библиотек, 34 клуба, 9 музеев, 6 театров и 17 кинотеатров. В

ноябре 1935 года на бывшем пустыре, когда-то служившем границей между Ростовом и Нахичеванью, было завершено строительство великолепного здания Ростовского драматического театра имени М. Горького с залом на 2200 мест. Накануне войны Ростов являлся одним из крупнейших промышленных и культурных центров страны. Темпы промышленного производства здесь были заметно выше, чем в целом по стране. В 1940 г. валовая продукция промышленности по сравнению с 1913 г. выросла в 18 раз. Ростов производил 25 процентов сельскохозяйственных машин, 33 процента цинковых белил и эмалированной посуды, изготовляемых в СССР. Развитие жилищного строительства привело к росту города, длина его улиц увеличилась на 140 км. В целом территория Ростова к 1940 году увеличилась более чем в два раза. По данным переписи, в 1939 году в Ростове проживало уже 510 тысяч человек. За 20 лет население Ростова увеличилось более чем в два раза. Ростов занимал по этому показателю устойчивое десятое место среди городов СССР.

Словом, не Москва, но жить можно было и здесь, а тем более большим и самым страшным начальником…

Областное управление, которое принял Абакумов, состояло из аппарата Управления госбезопасности (экономический отдел, секретно-политический отдел и другие). Именно этим аппаратом непосредственно руководил начальник управления НКВД.

Далее ему подчинялись: инспекция внутренней охраны, управление милиции, аппарат инспекции резервов, инспекция противопожарной охраны, старший инструктор, аппарат связи, финансовое отделение, секретариат.

По воспоминаниям одного из ветеранов ГБ, «в то время от территориальных Управлений ничего особенного не требовалось — выполняй указания Москвы и вовремя отчитывайся. Приказывали пересматривать дела на арестованных и осужденных — мы пересматривали, многих отпускали. Приказывали очистить оборонные предприятия от поляков, потенциальных вражеских агентов, — мы очищали».

Сын Берия Серго в книге про отца пишет: «В одну из таких групп включили тогда и Абакумова. Именно там он и выдвинулся. При его непосредственном участии было освобождено до 60 процентов заключенных, арестованных в Ростовской области. Потом пошла гулять версия, что Абакумов «освобождал заключенных огульно», зарабатывая на этом авторитет. Так это или нет, судить не могу, но доброе дело он сделал».

Например, все тот же Петр Кубаткин весной 1939 г., будучи старшим оперуполномоченным, назначается начальником

Московского управления НКВД. Как подчеркивает М. Карих, новый начальник «там не застал практически ни одного сотрудника, звание которого было бы выше младшего лейтенанта. Большинство не имело ни соответствующего образования, ни профессиональных навыков. А между тем в наследство новому руководителю управления досталась масса незавершенных дел, возбужденных преимущественно по 58-й статье УК РСФСР: антисоветская агитация, вредительство, шпионаж. В общем потоке обвинений преобладали дела по антисоветской пропаганде. Рассмотрев часть этих дел, Кубаткин быстро разобрался, что они заведены без достаточных на то оснований. Более чем по 100 делам, заведенным по 58-й статье, он вынес мотивированное заключение об их прекращении, так что все арестованные по ней были отпущены на свободу.

Первые шаги нового руководителя спасли жизнь многим людям, но поддержки наверху не получили. Петру Николаевичу сделали внушение за увлечение «либеральной линией» и «легкий подход» к пересмотру дел».

Что-то подобное происходило и в Ростове, тем более после скандала с писателем Шолоховым. Но в инициативу благородства нового начальника УНКВД верится с трудом. Не те времена были, не те нравы…

21 августа 1938 г. был арестован профессор Лев Александрович Велихов (1875 г.р.). Он преподавал в высших учебных заведениях Новочеркасска и Ростова-на-Дону, часто выступал с лекциями в рабочих центрах Донбасса. В 1937 г. он получил инвалидность второй группы в связи с заболеванием сердца и был вынужден уйти на пенсию.

И вот арест и заключение под стражу во внутреннюю тюрьму УНКВД Ростовской области.

Как утверждает В. Шелохаев, «за время следствия, сроки которого неоднократно продлевались, его допрашивали 16 раз. Материалы следственного дела Велихова составляют пять томов. 63-летнего профессора обвиняли сразу по пяти пунктам 58 ст. Уголовного кодекса. Он якобы являлся «организатором и руководителем нелегальной организации кадетов в Ростовской области, которая вела активную борьбу против Советской власти путем вредительства, организации кадров для вооруженного восстания против Советской власти и создания террористических групп для совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства». Начальник УНКВД по Ростовской области В.С. Абакумов работал с размахом. Дело, в котором названы десятки имен бывших лидеров кадетской партии, сулило продвижение в карьере, и

действительно вскоре он оказался на ключевых постах в НКВД СССР.

Сломив волю старого больного человека, следователи заставили его признаться в том, что он якобы с 1925 г. проводил контрреволюционную деятельность, регулярно встречался с бывшими членами ЦК кадетской партии в Москве и Ленинграде, получал от них соответствующие инструкции по формированию террористических групп в Ростове и Новочеркасске, готовил вооруженное восстание в казачьих районах, разрабатывал планы покушения на руководителей партии и правительства.

В показаниях зафиксированы фантастические сведения о том, например, что в кадетскую контрреволюционную террористическую организацию завербовано «свыше 1 млн граждан», что кадеты готовили покушение на Ленина в 1918 г.» и т. д. и т. п.

28 июня 1939 г. военный прокурор Северо-Кавказского военного округа отказался удовлетворить просьбу следственных органов об очередном продлении следствия, вызвал Велихова на допрос, а затем вынес решение об окончании дела в пятидневный срок.

На заседании Особого совещания в Москве 5 января 1940 г. профессору дали 8 лет с заключением в исправительно-трудовой лагерь, засчитав срок с 19 августа 1938 года.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Бывший генерал Георгий Николаевич Масляников (1868 г. р.) перед своим арестом 19 марта 1938 г., накануне семидесятилетия, работал главным бухгалтером артели «Геркулес». Потомок генерала В. Н. Белопольский в своем исследовании указывает: «Характерно, что обвинение было предъявлено много позже — 14 декабря 1938. Дело в том, что у следователя не было компрометирующих сведений (кроме главного по тому времени: перед ним бывший генерал!), поэтому он заявил: «Пишите о своей контрреволюционной деятельности». На ответ арестованного, что никакой контрреволюционной деятельности не ведет, последовали методы пыточного следствия: 9 суток заставили стоять «в стойке», не двигаясь, избиение кулаками по лицу и ногами по спине, оскорбления и, наконец, особенно мучительные избиения резиновыми дубинками.

Семидесятилетний старик понял, что сердце его не выдержит, и решил под влиянием сокамерников (среди них, конечно, были «подсадные утки») дать требуемые показания. Следователь снабдил его «программкой», и Масляников написал при помощи соседа по камере, что однажды к нему в артель явился ротмистр Дубровский, сказал, что он от генерала Артамонова из Парижа, и

завербовал его в контрреволюционную организацию. Следователь взял показания, сказал, что это черновик, и он оформит протокол позднее. Это было 9 апреля 1938. После этого Масляникова не вызывали на допросы 8 месяцев…

На допрос генерал был вызван лишь 27 января 1939, затем было еще два допроса 7 февраля и 19 февраля 1939. Они показали, что следствие за это время получило, точнее, состряпало «улики».

Дело в том, что допрос сослуживцев Масляникова по «Геркулесу» не дал желаемого результата. Сослуживцы отзывались о нем хорошо, говорили, что он учил их бухгалтерскому делу, разговоров на политические темы не вел… Лишь один из них (культурник, кандидат в члены партии), стараясь выслужиться, показал, что Масляников был против Советской власти… поскольку на вопросы о зарплате отвечал: «Начислят сколько надо. Не мешайте работать, все равно ничего не поймете».

Но в июле 1938 появились показания Р. — бухгалтера артели слепых в Ростове, бывшего казачьего полковника. Эти показания занимают в деле 30 страниц и были положены в основу обвинительного заключения… Контрреволюционное подполье (или, как значится в деле, «Контрреволюционная белогвардейская казачья организация, ставящая своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания») было организовано, согласно версии следствия, в 1922 году… Для ее организации из Стамбула по заданию генералов Краснова и Богаевского был нелегально доставлен и высажен в районе Севастополя полковник Данилов. Он перебрался в Новочеркасск и приступил к формированию подполья. Во главе организации стали два казачьих генерала…»

А всего 8 генералов, 7 полковников, больше 10 диверсионных групп, десятки участников. Неправда ли «хорошая работа»? Обвинительное заключение по всему этому бреду подписал начальник управления НКВД по Ростовской области капитан ГБ В. Абакумов.

На закрытом заседании военного трибунала войск СевероКавказского округа, состоявшемся 25 мая 1939 года и длившемся всего 40 минут, генерала признали виновным по 58 статье УК РСФСР (пункт 2 — вооруженное восстание, захват власти в центре или на местах; п. 9 — диверсия; п. 10 — антисоветская пропаганда и агитация; п. 11 — вступление в к/р организацию) и приговорили к лишению свободы сроком на 15 лет тюремного заключения с поражением политических прав на 5 лет.

Масляников умер в Орловской тюрьме 27 октября 1940 года. И ничего удивительно в этом нет. Удивительно другое: на суде, стоя в гордом одиночестве, генерал виновным себя не признал, от прежних показаний отказался, сказал, что перечисленных в обвинительном заключении лиц не знает, а фамилию Дубровский, который будто бы завербовал его в организацию, он взял из повести Пушкина.

Только так и работало управление НКВД под руководством Абакумова, а никак иначе. Не за такую ли работу его утвердят в этой должности 27 апреля 1939 года? Не за такую ли работу ему присвоят звание старшего майора ГБ (минуя майора) 14 марта 1940 г.? Не за такую ли работу его наградят орденом Красного Знамени № 4697 26 апреля 1940 года?

В сентябре 1937 года Азовско-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область. За первые два года своего существования Ростовская область потеряла почти 12 тысяч человек. К 1939 году массовые аресты пошли на убыль, но репрессии продолжались. Люди продолжали пропадать, и больше их никто не видел.

До сих пор неизвестны места их захоронения. Например, в той же Ростовской области документально подтверждено только одно — Воловья балка под Таганрогом. Но там похоронены три десятка человек. Где остальные, неизвестно до сих пор!

Примечательно, что именно 10 января 1939 года, а не раньше Сталин подписал свою знаменитую шифротелеграмму. Вот ее текст:

> «26/ш.
> Шифром ЦК ВКП(б)
> СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ,
> ЦК НАЦКОМПАРТИИ, НАРКОМАМ
> ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД
>
> ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле

заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении «заядлых» агентов буржуазии, «заклятых» врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин»

(*_* Вписано от руки Сталиным).

И представьте себе, били. Да еще как!

Коллега Абакумова Л.Е. Влодзимирский, будучи начальником следчасти, лично занимался делом «военных заговорщиков» (Локтионова, Рычагова, Смушкевича и других) в 1941 году. Бывший следователь В. Г. Иванов покажет в 1956 году: «Я вызвал по указанию Родоса арестованного Локтионова и привел его на допрос в кабинет начальника следственной части НКВД Влодзимирского. Во время допроса Влодзимирский и Родос требовали от Локтионова показаний о его антисоветской работе. Локтионов не признал себя виновным. Тогда Влодзимирский и Родос приказали Локтионову лечь животом на пол и принялись поочередно на моих глазах избивать Локтионова резиновыми палками, продолжая требовать от него показаний об антисоветской деятельности. Избиение продолжалось длительное время с небольшими перерывами. Локтионов от ударов, от боли катался по полу, и ревел, и кричал, что он ни в чем не виноват. Во

время избиения Локтионов лишился сознания, и его откачивали водой».

Тоща же, в 1956-м, другой свидетель, бывший начальник 1 — го спецотдела (учетно-архивного) Баиггаков, показал, как заместитель начальника следчасти капитан ГБ Родос вместе с Берия и следователем Эсауловым зверски избивали перед расстрелом кандидата в члены Политбюро ЦК Эйхе в отместку за его заявление на суде: «Домогаясь от Эйхе ложного признания о том, что он якобы являлся шпионом, Родос, Берия и Эсаулов выбили у Эйхе глаз. Однако и после этого Эйхе виновным себя не признал». Подробнее это выглядело следующим образом: «На моих глазах по указаниям Берия Родос и Эсаулов резиновыми палками жестоко избивали Эйхе, который от побоев падал, но его били и в лежачем положении, затем его поднимали, и Берия задавал ему один вопрос: «Признаешься, что шпион?» Эйхе отвечал ему: «Нет, не признаю». Тогда снова началось избиение его Родосом и Эсауловым, и эта кошмарная экзекуция над человеком, приговоренным к расстрелу, продолжалась только при мне раз пять. У Эйхе при избиении был выбит и вытек глаз. После избиения, когда Берия убедился, что никакого признания в шпионаже он от Эйхе не может добиться, он приказал увести его на расстрел».

Другой подследственный Родоса, заведующий отделом руководящих комсомольских органов ЦК ВЛКСМ Белосудцев, в своем заявлении Сталину от 20 февраля 1940 года так описал методы работы этого палача: «Родос взял крученую веревку с кольцом на конце и давай хлестать по ногам, ударит и протянет ее по телу… Я извивался, катался по полу и наконец увидел только одно зверское лицо Родоса. Он облил меня холодной водой, а потом заставил меня сесть на край стула копчиком заднего прохода. Я опять не выдержал этой ужасной тупой боли и свалился без сознания. Через некоторое время, придя в сознание, я попросил Родоса сводить меня в уборную помочиться, а он говорит: «Бери стакан и мочись». Я это сделал и спросил, куда девать стакан. Он схватил его и поднес мне ко рту и давай вливать в рот, а сам кричит: «Пей, говно в человечьей шкуре, или давай показания». Я, будучи вне себя, да что говорить, для меня было все безразлично, а он кричит: «Подпиши, подпиши!» — и я сказал: «Давай, я все подпишу, мне теперь все равно»».

К слову сказать, через пару месяцев этот самый Родос был награжден орденом Красной Звезды. Произошло это 26 апреля 1940 года. День в день вместе с Абакумовым.

14 декабря 1939 года в автобиографии В.С. Абакумов напишет: «Работая в органах НКВД (УНКВД МО, ЭКУ НКВД, 3-й

отдел ГУЛАГа, 2-й отдел ГУГБ) я все время был на низовой работе.

В 1939 г. руководством НКВД СССР был выдвинут на руководящую чекистскую работу — нач. УНКВД Ростовской области. Работая начальником УНКВД Ростовской области, я был избран делегатом на XVIII съезд ВКП(б). Являюсь членом бюро и пленума Ростовского обкома ВКП(б) и членом пленума горкома ВКП(б).

Жена — Смирнова Т. А., дочь сапожника. Дома учится».

К слову сказать, Татьяна Андреевна Смирнова так и осталась гражданской женой Виктора Семеновича. Тогда почему-то было модно жениться, не регистрируясь. Так жили многие товарищи Абакумова, годами не оформляя своего брака.

25 февраля 1941 года Абакумова назначили заместителем наркома внутренних дел СССР.

После разделения НКВД СССР 3 февраля 1941 года на два наркомата — НКВД и НКГБ, приказом НКВД СССР № 00 212 от 26 февраля 1941 года была объявлена новая структура НКВД СССР. Наркомом внутренних дел оставался Л. П. Берия.

Первым заместителем наркома назначили С. Н. Круглова, затем два «чистых» зама: В.С. Абакумов и В. В. Чернышев и еще два И. П. Масленников (по войскам) и Б. П. Обручников (по кадрам).

В должности заместителя наркома внутренних дел Абакумов курировал Главное управление милиции (ГУМ), Главное управление пожарной охраны (ГУПО) и 3-й отдел НКВД (контрразведывательное обеспечение пограничных и внутренних войск НКВД, пожарной охраны и милиции).

Кто они, палачи из НКВД?

Палач — лицо, приводящее в исполнение приговор о смертной казни или телесном наказании, осуществляющее пытки…

В конце 1937 года некто Луховицкий, общчный следователь из НКВД, вел дело Аркадия Емельянова, бывшего начальника Главного строительного управления Наркомпиидепрома СССР.

В 1955 году, после реабилитации, Емельянов в своих показаниях военному прокурору Главной военной прокуратуры СССР майору юстиции Кожуре расскажет, как с ним «работал» тот самый следователь: «»… Вы знаете за что Вас арестовали?» — спрашивает меня Луховицкий. «Нет, не знаю». Луховицкий сделал шаг вперед, плюнул в лицо и обругал матом. Я бросился на него. Он ждал этого и ударил меня ногой в пах. Я потерял сознание. Очнулся на полу в уборной, которая была напротив комнаты следователя, в мокрой и окровавленной одежде с разбитыми губами и носом. Возле меня стоял Луховицкий и фельдшер, который дал лекарство, прощупал пульс и сказал: «Страшного ничего нет». Меня ввели снова в комнату и поставили к стенке. Луховицкий предупредил, что я буду стоять на «конвейере» до тех пор, пока не подпишу показаний. Издевался до утра. Ему на смену пришел другой 23–25 лет с вьющимися светлыми волосами. Был до середины дня, уговаривал не мучить себя и дать показания. Затем пришел в штатском 20–22 лет. Его поздно вечером сменил Луховицкий. Так — трое суток. Я все время стоял на ногах. Не давали пищи. В дежурство Луховицкого не давали воды и не разрешали курить. На четвертые сутки у меня на опухших ногах полопались сосуды и ноги превратились в бесформенную кровавую массу. Появились галлюцинации, временами я терял сознание, падал. Меня поднимали и, как выражался Луховицкий, «подбадривали пробойками»: в пробках от бутылок были проколоты иголки и булавки, которые выходили на 2–3 миллиметра. Ими кололи бока, снизу ноги. Применяли и другие способы «подбадривания»: когда я закрывал глаза, выдергивали волосы из бороды и усов. «Напишите на клочке бумаги, кто вас завербовал, протокол составлять не будем». — «На кого конкретно я должен дать показания?» — «Вы сами должны знать. Но это лицо должно быть известным в стране и должно принадлежать к руководству партии». — «Член ЦК?» —

«Пусть вас не смущает, даже если это будет член Политбюро, и учтите, что у нас уже сидят члены Политбюро Рудзутак, Косиор, Чубарь, Эйхе». — «А какие показания вас могут интересовать?» — «Получите тезисы. Их надо только развить». Не в силах выдержать «конвейер» написал: «Считаю бесцельным дальнейшее сопротивление следователю. Я признаю, что входил в…» Через несколько дней вызвал: «Думаете ли вы давать показания?» — «Я уже дал, что еще надо?» — «Это ерунда. Нужны настоящие показания». Я молчал. «Поедете в Лефортовскую тюрьму и уж там напишите все, что требуется». Через два-три дня, ночью Луховицкий допрашивал в Лефортове с еще двумя следователями и избивал в течение часа резиновой дубинкой, скруткой из голого медного провода, топтал ногами.

Двое ушли, привели Темкина (Арон Темкин, начальник управления снабжения Наркомпищепрома…). Темкин: «Я был свидетелем, когда нарком пищевой промышленности давал Емельянову поручение убить Микояна». Темкина тут же увели.

«Вы подтверждаете сказанное Темкиным?» — «Мне все понятно».

«Показания Темкина — обеспеченный смертный приговор, и от вас зависит теперь ваша судьба». Сфабрикованный протокол допроса я не подписал. Снова били и поставили в стойку. Наступили каблуком на пальцы, сорвали ногти. В октябре подписал не читая»».

К слову, Аркадий Емельянов вынужден был подписать 82 страницы «собственноручных» показаний, то есть продиктованных следователем. За что получил «только» 15 лет лагерей Виктор Семенович Абакумов просто не мог не быть палачом, переступив порог Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР в 1937 году. Он проработал там самое страшное для советских людей и для советской страны время: 1937 и 1938 годы.

Неужели его это могло миновать или обойти стороной? Ведь если он чего-то не умел, то его учили, и ему приходилось учиться. А как же иначе?

Писатель Юрий Дружников однажды записал воспоминания чекиста Спиридона Карташева: «У меня была ненависть, но убивать я сперва не умел, учился. В Гражданскую войну я служил в ЧОНе. Мы ловили в лесах дезертиров из Красной армии и расстреливали на месте. Раз поймали двух белых офицеров, и после расстрела мне велели топтать их на лошади, чтобы проверить, мертвы ли они. Один был живой, и я его прикончил…

Мною лично застрелено 37 человек, большое число отправил в лагеря. Я умею убивать людей так, что выстрела не слышно… Секрет такой: я заставляю открыть рот и стреляю вплотную. Меня

только теплой кровью обдает, как одеколоном, а звука не слышно. Если бы не припадки, я бы так рано на пенсию не ушел».

30 июля 1937 года Николай Ежов подписал приказ № 00 447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно этому приказу, попадание в первую категорию репрессируемых означало расстрел, а во вторую — в ГУЛАГ. Третьей категории, увы, не было.

Начало же событий, названных десятилетиями позже «Большим террором», датировано 3 июля 1937-го, когда секретарь ЦК ВКП(б) Сталин передал народному комиссару внутренних дел СССР Н. И. Ежову и региональным руководящим органам партии принятое днем раньше решение Политбюро о начале кампании репрессии… А после 4 июля абсолютно все подразделения Главного управления госбезопасности НКВД СССР немедленно приступили к просмотру своих картотек и архивов в поисках указанных в приказе жертв…

Работы было много, но когда началось выполнение приказа № 00 447, ее стало гораздо больше. Людей катастрофически не хватало…

Например, только в 1937 году по делам органов НКВД было арестовано 936 750 (за контрреволюционные преступления, в т. ч. за антисоветскую агитацию, — 234 301, за другие преступления — 157 301). Всего было осуждено 790 665 (в том числе к высшей мере наказания — 353 074).

В 1938 году по делам органов НКВД было арестовано 638 509 (за контрреволюционные преступления — 593 326, в т. ч. за антисоветскую агитацию, — 57 366, за другие преступления — 45 183). Всего было осуждено 554 258 (в том числе к высшей мере наказания— 328 618).

То есть в 1937–1938 годах к ВМН было осуждено 681 692. Для сравнения с 1921 по 1929 год по делам ВЧК-ОГПУ к высшей мере наказания было осуждено всего 23 391. С 1930 по 1936 год по делам ОГПУ-НКВД к высшей мере наказания было осуждено 40 137. А с 1939 по 1-е полугодие 1953 года к высшей мере наказания было осуждено — 54 235. Согласитесь, что цифры очень точно воспроизводят динамику «Большого террора» и те два года (1937-й, 1938-й) в этом плане показательны.

Александр Исаевич Солженицын в своем знаменитом «Архипелаге» по поводу следствия в органах безопасности СССР напишет: «Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать — тридцать — сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами,

голого и привязанного пытать муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые части, а в виде самого легкого — пытать по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо, — ни одна бы чеховская пьеса не дошла бы до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом».

Далее Александр Исаевич подчеркивает, что не существовало такого перечня пыток и издевательств, который в типографски отпечатанном виде вручался бы следователям. Просто требовалось, чтобы каждый следственный отдел в заданный срок поставлял трибуналу заданное число во всем сознавшихся кроликов. А просто говорилось (устно, но часто), что все меры и средства хороши, раз они направлены к высокой цели; что никто не спросит со следователя за смерть подследственного; что тюремный врач должен как можно меньше вмешиваться в ход следствия. Вероятно, устраивали товарищеский обмен опытом, «учились у передовых»; ну, и объявлялась «материальная заинтересованность» — повышенная оплата за ночные часы, премиальные за сжатие сроков следствия; предупреждалось, что следователи, которые с заданием не справятся…

Понимая, что старшие страхуются, часть рядовых следователей (не те, кто остервенело упиваются) тоже старались начинать с методов более слабых, а в наращивании избегать тех, которые оставляют слишком явные следы: выбитый глаз, оторванное ухо, перебитый позвоночник, да даже и сплошную синь тела.

Вот почему в 1937 году мы не наблюдаем — кроме бессонницы — сплошного единства в разных областных управлениях, у разных следователей одного управления. Есть молва, что отличались жестокостью пыток Ростов-на-Дону и Краснодар. В Краснодаре придумали кое-что оригинальное: вынуждали подписывать пустые листы бумаги, а затем уже сами заполняли ложью. Впрочем, зачем пытки: в 1937-м там не было дезинфекций, тиф, трупы в людской тесноте лежали по 5 дней, кто в камерах сходил с ума — тех в коридоре добивали палками».

Приводит он перечень некоторых простейших приемов, которые сламывали волю и личность арестантов, не оставляя следов на его теле.

1. Ночь. Ночью вырванный изо сна арестант не может быть уравновешен и трезв по-дневному, он податливый.

2. Убеждение в искреннем тоне.

3. Грубая брань.

4. Удар психологическим контрастом.

5. Унижение предварительное.
6. Любой прием, приводящий подследственного в смятение.
7. Запугивание.
8. Ложь.
9. Игра на привязанности к близким.
10. Звуковой способ.
11. Щекотка.
12. Гасит папиросу о кожу подследственного.
13. Световой способ и т. д.

Был и еще один способ заставить говорить — битье, не оставляющее следов:

«Бьют и резиной, бьют и колотушками, и мешками с песком. Очень больно, когда бьют по костям, например следовательским сапогом по голени, где кость почти на поверхности. Комбрига Карпунича-Бравена били 21 день подряд. (Сейчас говорит: «И через 30 лет все кости болят и голова».) Вспоминая свое и по рассказам он насчитывает 52 приема пыток. Или вот еще как: зажимают руки в специальном устройстве — так, чтобы ладони подследственного лежали плашмя на столе, и тогда бьют ребром линейки по суставам — можно взвопить! Выделять ли из битья особо — выбивание зубов? (Карпуничу выбили восемь.)».

Был такой следователь Александр Григорьевич Хват. В 1938 году с должности начальника Орготдела ЦС ОСОАВИАХИМа он пришел на работу в НКВД во 2-е отделение 6-го отдела 1 — го управления. Было ему тогда уже 30 лет. Естественно, что сразу назначили его оперуполномоченным и присвоили звание младшего лейтенанта ГБ.

Уже в ноябре 1938-го Хват участвовал в следствии по делу арестованных руководящих работников Кабардино-Балкарской АССР, обвинявшихся в принадлежности к антисоветской организации, возглавляемой 1-м секретарем обкома ВКП(б) Б. Э. Калмыковым. На допросах у Хвата заместитель председателя СНК КБАССР Х. Б. Хабуров, первоначально отрицая свою вину, признался в итоге в причастности к вышеназванной организации, хотя потом отказался от признательных показаний и заявил, что оговорил себя и других после применения к нему физического воздействия.

В 1939–1940 годах, будучи следователем, помощником начальника следственной части ГЭУ НКВД СССР, Хват вел дела жены М. И. Калинина, бывшего заместителя наркома КБАССР Д. В. Кащеева, а в 1940–1941 годах — дело вице-президента ВАСХНИЛ академика Н. И. Вавилова.

«Знаменитое дело»! Вице-президента ВАСХНИЛ академика Вавилова Хват мучил одиннадцать месяцев — четыреста раз

вызывая на долгие, многочасовые допросы.

«Что, по свидетельству очевидцев, после этих допросов Вавилов идти сам не мог: до камеры № 27 в Бутырской тюрьме его доволакивали надзиратели и бросали возле двери. Сокамерники помогали Вавилову забраться на нары и снять ботинки с огромных, вздутых, синих ступней. Академика ставили на так называемые «стойки» — пытка эта означала, что человеку по десять и больше часов (иногда она растягивалась на дни, и тогда у пытаемых лопались на ногах вены) не позволяли сесть… После полугода такого следствия (Вавилова обвиняли в шпионаже и вредительстве) из крепкого, подтянутого, даже чуть франтоватого пятидесятилетнего мужика, академик превратился в очень пожилого человека», — рассказывает Евгения Альбац.

Ей же чудесным образом удалось встретиться с тем самым следователем…

«Я поднялась на третий этаж этого дома и позвонила. Дверь открыла женщина средних лет.

— Здесь живет Александр Григорьевич Хват?

— Папа, — негромко позвала она.

Он вышел из соседней комнаты. Широкогрудый. Когда-то, видно, высокий. Голый череп в обрамлении коротко Стриженных седых волос. Старость, хотя он выглядел моложе своих восьмидесяти лет, выдавала шаркающая походка и какая-то сгорбленность, фигуры. Нет, точнее, не сгорбленность — согбенность: как будто что-то давило на него сверху и все больше склоняло в странном полупоклоне, все больше прижимало к земле. Потом я пойму: его давил не только возраст — страх.

Хват профессиональным жестом раскрыл мое редакционное удостоверение, внимательно прочитал, сверился с фотографией.

— По какому вопросу? — спросил.

— Давайте пройдем в комнату, — оттягивая возможность быть изгнанной, сказала я.

— Пожалуйста, — он покорно открыл дверь комнаты и пропустил меня вперед.

В комнате стояла двуспальная кровать — по примятым подушкам видно было, что он, когда я пришла, лежал. Еще стояли две тумбочки для белья, шкаф, пара стульев. Больше — ничего.

Хват поставил стул у окна — так, чтобы свет падал мне на лицо. Сам сел у стены, напротив.

Я начала в лоб:

— Вы работали следователем НКВД?

— Да.

— Помните, в сороковом году вы вели дело Вавилова, академика…

— Как же, конечно, помню…

Покорность Хвата поразила и сковала меня. Я ожидала чего угодно, но только не этого. Вся заготовленная загодя агрессия оказалась не нужна.

Передо мной сидел старик. Просто — старик. Уставший и, кажется, больной…

Я неловко выдавила из себя:

— Свидетели утверждают, что вы применяли к Вавилову… (я искала слово помягче) жесткие методы следствия…

— Категорически отвергаю, — быстро и заученно ответил Хват. — Был же и другой следователь, Албогачиев, — тут же продал он своего коллегу. — Нацмен, — добавил…

— Албогачиев — он малообразованный человек был. Ну и нацмен, сами понимаете… — снова повторил Хват. — У него с ним… отношения так, не очень были…

— Скажите, вы верили в то, что Вавилов — шпион?

— В шпионаж я, конечно, не верил — данных не было. То есть было заключение агентурного отдела — существовал такой в Главном экономическом управлении НКВД: так и так, шпион. Агентурный отдел его «разрабатывал», но данные нам не передавали — у себя оставляли. Они и постановление на арест по таким делам писали. Ну, а что касается вредительства — что-то он не так в своей сельскохозяйственной науке делал. Тут я собрал экспертизу — академик ее возглавлял, к Трофиму Лысенко ездил. Они, то есть академики и профессора, подтвердили: да, вредил.

— Вам не было жалко Вавилова? Ведь ему грозил расстрел. Так, по-человечески, не было жалко?…

Хват рассмеялся:

— Что значит жалко? — Так и сказал. — Ну что он, один, что ли?…»

За свою безжалостную работу Хват уже в сентябре 1944 года получил звание «полковник». То есть всего за шесть лет, с 1938 года до 1944 года, он дослужился с младшего лейтенанта ГБ до этого высокого звания. Имел ордена, медали.

Из органов его уволили в 1955 году. Хват не пропал: с того же года работал начальником 1-го отдела отделения Института прикладной математики АН СССР, в 1958-м устроился начальником отдела и секретарем партбюро Управления Министерства среднего машиностроения СССР.

Вспомнили о Хвате в конце 1958 года, в период реабилитации. Теперь же, во изменение прежней формулировки: уволен со службы по служебному несоответствию с применением ограничения в пенсионном обеспечении, предусмотренного Постановлением СМ СССР № 2509 от 24 сентября 1953 г. А в

сентябре 1962 г. «за грубейшее нарушение советской законности в бытность на работе в органах НКВД-МГБ СССР» решением КПК при ЦК КПСС исключили из партии.

Начальник УНКВД по Калининской области Д. Токарев однажды свидетельствовал о прибытии весной 1940-го в город Калинин группы высокопоставленных работников НКВД во главе с Блохиным для расстрела поляков, содержащихся в Осташковском лагере. «Когда все было готово к началу первого расстрела, Блохин, как рассказал Токарев, зашел за ним: «Ну, пойдем…» Мы пошли, и тут я увидел весь этот ужас… Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. На меня это произвело огромное впечатление — я увидел палача!» В первую же ночь команда под руководством Блохина расстреляла 343 человека. В последующие дни Блохин распорядился доставлять ему для расстрела партии не более 250 человек. Весной 1940-го под руководством и при непосредственном участии Блохина в Калинине было расстреляно 6311 военнопленных поляков», — пишет Н. Петров.

Василий Михайлович Блохин свою чекистскую службу начал в 1921 году, получив назначение в 62-й батальон войск ВЧК в Ставрополе. Ему всего 26 лет.

Через три года Блохина выдвигают на должность комиссара особых поручений Спецотделения при Коллегии ОГПУ. Фактически с 22 августа 1924 года в его обязанности входит в том числе приведение расстрельных приговоров в исполнение.

В марте 1926 года Блохина назначают временно исполняющим должность коменданта ОГПУ, а 1 июня этого же года утверждают в этой должности.

Как пишет Н. Петров, «в 1937–1938 годах Блохин участвовал в самых громких расстрелах. Он командовал расстрелом маршала Тухачевского и высокопоставленных военных, приговоренных вместе с ним. При расстреле присутствовали прокурор СССР Вышинский, председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих. Иногда баловал своим присутствием и сам «железный нарком» Ежов. При нем расстрельное действо обретало черты художественной постановки. Осенью 1937-го: «Перед расстрелом своего приятеля в прошлом Яковлева Ежов поставил его рядом с собой — наблюдать за приведением приговора в исполнение». Яковлев, встав рядом с Ежовым, обратился к нему со следующими словами: «Николай Иванович! Вижу по твоим глазам, что меня жалеешь». Ежов ничего не ответил, но заметно смутился и тотчас велел расстрелять Яковлева».

Карьера Блохина оказалась стремительной из-за особой востребованности таких профессионалов, как он.

Если в 1935 году ему присвоили звание «капитан ГБ», то уже в 1944-м он становится комиссаром ГБ, а в 1945-м — генерал-майором. На груди этого палача-генерала сверкали: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны первой степени, орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден «Знак Почета», два знака «Почетного чекиста» и т. д.

Сегодня трудно себе даже представить генерала, расстреливающего людей из немецкого вальтера. Говорят, за все годы службы он лично расстрелял на Лубянке не менее 10–15 тысяч человек. Именно за эти заслуги его награждали и премировали. Например, награждали его и почетным оружием — маузером, и золотыми часами, и даже легковым автомобилем «М-20» («Победа»).

В 1953 году Блохин был уволен на пенсию приказом МВД СССР № 107 от 2 апреля 1953 г., с объявлением благодарности за 34-летнюю «безупречную службу» в органах. За 36 лет выслуги ему была назначена пенсия в размере 3150 рублей. Огромные по тем временам деньги! Но, после лишения генеральского звания в ноябре 1954 года, выплата пенсии от КГБ была прекращена. Он умер 3 февраля 1955 года от инфаркта миокарда. Оказывается, палач давно страдал гипертонической болезнью 3-й степени. Кто знает, может быть, она и была профессиональной?

Были у Блохина и коллеги, и подчиненные. Например, в 1922–1929 годах акты о расстрелах подписывали Г. Хрусталев, Г. В. Голов, П. И. Магго, А. К. Чернов, А. П. Рогов, Ф. И. Сотников, В. И. Шигалев, П. П. Пакалн, Р.М. Габалин, И. Ф. Юсис.

При этом большинство из них были сотрудниками специального отделения при Коллегии ОГПУ, которое занималось охраной советских вождей. Значились они «комиссарами для особых поручений» (А. П. Рогов, И. Ф. Юсис, Ф. И. Сотников, Р.М. Габалин, А. К. Чернов, П. П. Пакалн, Я. Ф. Родованский. Другие проходили свою тяжелую службу в комендатуре ОГПУ у Блохина: П. И. Магго и В. И. Шигалев. Позднее к ним присоединятся И. И. Шигалев, П. Я. Яковлев, И. И. Антонов, А. Д. Дмитриев, А. М. Емельянов, Э. А. Мач, И. И. Фельдман, Д. Э. Семенихин.

После расстрелов, как и после любой тяжелой работы, эти мужики устраивали пьянку. Один из них припомнит: «Водку, само собой, пили до потери сознательности. Что ни говорите, а работа была не из легких. Уставали так сильно, что на ногах порой едва держались. А одеколоном мылись. До пояса. Иначе не избавиться от запаха крови и пороха. Даже собаки от нас шарахались, и если

лаяли, то издалека».

Б. Сопельняк в своей книге «Палачи сталинской эпохи» рассказывает: «Природа брала свое и наказывала палачей по-своему: в отставку они уходили глубокими инвалидами. Тот же Магго окончательно спился, приобрел целый букет самых разнообразных заболеваний и незадолго до войны умер. Петр Яковлев заработал и кардиосклероз, и эмфизему легких, и варикозное расширение вен, и глухоту на правое ухо — верный признак, что стрелял с правой руки.

Его коллега Иван Фельдман уволился инвалидом группы с таким количеством заболеваний, что не прожил и года. А у подполковника Емельянова вообще, как теперь говорят, поехала крыша. В приказе о его увольнении так и говорится: «Тов. Емельянов переводится на пенсию по случаю болезни (шизофрения), связанной исключительно с долголетней оперативной работой в органах».

В таком же положении оказался и бывший латышский пастух, затем тюремный надзиратель и, наконец, образцовый сотрудник для особых поручений Эрнест Мач. Двадцать шесть лет отдал любимому делу Мач, дослужился до майора, был назначен воспитателем «молодняка» — так называли молодых чекистов, получил несколько орденов и стал психом.

Во всяком случае, его непосредственный начальник в рапорте руководству просит уволить Мача из органов как человека, «страдающего нервно-психической болезнью».

Инвалидом первой группы уходит на пенсию подполковник Дмитриев…

А вот два бравых полковника Антонов и Семенихин в отставку ушли не по болезни, а по возрасту. Судя по их послужным спискам, они вовремя поняли, к чему приводит ежедневная стрельба по живым мишеням, и пробились в руководители групп — иначе говоря, сами они в последние годы не расстреливали, а лишь наблюдали, как это делают подчиненные».

К слову, в 1937 году сами оказались жертвами и были расстреляны Г. В. Голов, П. П. Пакалн, Ф. И. Сотников. Своей смертью умерли Юсис (1931), Магго (1941), В. Шигалев (1942), И. Шигалев (1944).

Действительно, палачом было быть не просто!

Возвращаясь к палачу Борису Родосу, которого Н. С. Хрущев назвал никчемным человеком, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродком, хотелось бы остановиться на некоторых размышлениях его сына.

В частности, Валерий Родос вспоминает: «Потом в Москве я

не видел его неделями: я просыпался — его нет, на работе, ложился спать — он все еще на работе. Приходил ночью, уходил ночью — такая бандитская работа».

Сын не видел своего отца, а отец не находил времени поговорить со своим сыном. Ему было некогда. В 1938–1941 годах Родос вел самые громкие дела, допрашивая видных руководителей страны, деятелей науки и искусства. Это члены Политбюро ЦК ВКП(б) С. Косиор и В. Чубарь; кандидаты в члены Политбюро П. Постышев и Р. Эйхе; генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев; члены ЦК ВКП(б) А. Стецкий и Н. Антипов; ряд секретарей обкомов: Кабардино-Балкарского — Б. Калмыков, Омского — Д. Булатов, Ивановского — И. Носов; видные военачальники Мерецков, Штерн, Локтионов, Смушкевич, Рычагов и другие военные, и руководители оборонной промышленности, арестованные в 1941 году; писатель И. Бабель, режиссер В. Мейерхольд.

Это он, Родос, их истязал и заставлял под пытками давать ложные показания против себя.

И вот его сын размышляет: «Десятки раз я сам безжалостно приговаривал своего отца к расстрелу, сам вел его на расстрел, мысленно взводил и нажимал курок, и пуля раскаяния пробивала мою собственную голову…

Иногда, если никого из близких долго не было рядом, я доводил себя этими мазохистскими упражнениями до слез, до рыданий, до обморока. Я старый человек, в этом нелегко, стыдно сознаваться, но чего стоит этот стыд рядом с тем, большим, стыдом за родного отца.

Сотни раз я выстраивал защиту отца, подбирал оправдания, исступленно искал и находил ложь и огрехи в речи Хрущева, в нем самом. В КПСС, в бериевском управлении карательным органом, в правомерности существования и деятельности самого этого органа, в политике Сталина, в ленинской революции, в марксистской идеологии, в устройстве государства».

И вот он, наконец, говорит в защиту: «Ну не было бы моего отца. Вообще бы не было, не родился бы, не пошел в чекисты, а стал бы, как и положено еврею, мужским портным, как его отец, мой дедушка… Что же тогда? Остались бы эти Чубарь, Косиор и Косарев в живых? Не были бы даже арестованы? Чепуха!

Да не он, не мой отец на них дело заводил, ордера на их арест подписывал. Он только подручный. Исполнитель. Главный убийца не он, не отец! Не было бы его, все равно и этих, и всех остальных замученных моим отцом точно также и в те же сроки арестовали бы, били, пытали, ломали бы, вымогая признания, судили бы и расстреляли! Их жизни, их кровь не моему отцу

нужны были — проклятой революции».

Вот определяет вину: «Мой отец персонально виновен в том, что не захотел мужские брюки кроить, захотелось мир переустраивать, с Господом Богом соревноваться.

Виновен в том, что в бесовский комсомол записался… в сатанинскую команду «моральных выродков» — чекистов не побрезговал пойти.

В том, что старался в бесовской камарилье лучше других быть, стал изувером.

Мой отец виноват в том, что, раз поняв, где он и с кем, не сумел выйти, а не сумев выйти, не застрелился».

А вот находит смягчающее обстоятельство: «Его старший брат Лев, самый добрый из них, говорил мне, что отец делился с ним, сетовал на судьбу, на кровавый долг, каялся, раскрыл секрет, что часто думает застрелиться. Жену жалко, детей маленьких — ну да, а как же, моральный выродок.

Лев был мужик простоватый, не горазд на выдумки, но я ему не поверил. Хотел бы поверить, мечтал бы, но слишком много и тяжко я обо всем этом думал-переживал.

Но мне о том же Неля, моя старшая сестра, тоже единожды сказала. Мы с ней, любимой дочкой отца… всего пару раз, да и то коротко, о нем говорили. А она больше моего знала. Он с ней часто разговаривал, что-то о себе рассказывал. И вот она мне сказала, что однажды отец признался, что жизнь ему такая не мила и, если бы не она, не семья, не мама застрелился бы».

Хотелось бы поверить во все это, но как же изощренная фантазия палача, когда он не просто допрашивал с пристрастием, он пытал, как не пытали до него…

Он изощрялся в этих экзекуциях и, видимо, получал удовольствие. Но, будучи человеком слабым (пытал-то он людей, не имеющих возможность ему ответить), он никогда бы не смог застрелиться. Для этого ему надо было быть хоть чуть-чуть посильнее, помужественнее, а еще иметь хоть какую-то душу, которая могла бы хоть немного сострадать… Но ее, судя по всему, не было, или она сгнила в палаче вместе с человеком!

Глава 3
ВО ГЛАВЕ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ И СМЕРШ

Осенью 1941 года

На третий день войны заместитель народного комиссара внутренних дел СССР старший майор госбезопасности В.С. Абакумов в своем кабинете читал только что принесенные документы. В одном из них, названном как «информация», говорилось:

«… Совершенно секретно.

ХОД МОБИЛИЗАЦИИ:

Мобилизация в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР в районах г. Москвы и Московской области проходит организованно.

В райвоенкоматы города и области продолжает поступать значительное количество заявлений о досрочном зачислении в Красную армию. Только по 29 районам города и области подано 3539 таких заявлений.

Вместе с тем в отдельных райвоенкоматах отмечены факты недостаточной подготовленности в организации призыва и зафиксированы отрицательные настроения среди призывников.

Райвоенкомат Щелковского района опоздал с укомплектованием команд на 5–6 часов. Отправка укомплектованных команд была задержана по причине отсутствия плана перевозок людского состава…

СОСТОЯНИЕ ТОРГОВЛИ:

К 18 часам 23 июня очереди у продовольственных магазинов г. Москвы значительно сократились.

За последние 6 часов очереди наблюдались только у шести крупных магазинов, главным образом за солью, сахаром, крупой, спичками и керосином.

В июне месяце в районы Московской области запланирован завоз муки в количестве 48 тыс. т. На 20 июня фактически завезено было только 18 тыс. т.

В некоторой части торговой сети районов области в продаже отсутствовали продовольственные товары / Ногинский, Мытищенский, Ухтомский, Кунцевский районы…

В Щелковском районе в течение 23 июня было реализовано сахара в полтора раза выше дневной нормы, круп в 3 раза и хлеба в 2 раза…

Всего за 23 июня по г. Москве и Московской области задержано скупщиков и спекулянтов 40 человек».

Эта сводка была за прошедший день и проходила по линии милиции. Другие документы тоже пока еще не были тревожными, потому что в них еще не было печати катастрофы. Той самой, которая появится гораздо позже.

Не пройдет и месяца, как Виктора Семеновича назначат на более ответственную и даже более значимую должность — начальника 3-го Управления ГУГБ НКВД СССР. В документах будет зафиксирована и дата — 19 июля 1941 года. В самый разгар Великой Отечественной войны. То есть с этого дня тридцатитрехлетний Абакумов возглавил Управление Особых отделов. То самое, которое в 43-м переименуют в СМЕРШ.

А в преддверии этого назначения, буквально за восемь дней, ему присвоят очередное специальное звание комиссара ГБ третьего ранга (09.07.1941 г.).

Как утверждает Е. Жирнов, «на новом посту дела у Абакумова тоже пошли хорошо. Начальство по-прежнему было уверено, что может на него положиться, а среди подчиненных он сумел прослыть человеком слова, суровым, но справедливым и заботливым командиром.

Стиль руководства Абакумова в значительной степени отличался от методов управления Берии и Кобулова. Оба его шефа считали, что дисциплина может держаться только на страхе и окрике. Берия мог вызвать провинившегося и в течение суток не принимать его, но и не отпускать из приемной, и подчиненные, не сходя со стула, получали инфаркты или седели. Кобулов мог обложить площадной бранью любого подчиненного.

Абакумов, по воспоминаниям подчиненных, материл исключительно руководителей, которых считал виновными в любом просчете рядовых сотрудников. И практически все офицеры «Смерша», с которыми мне довелось беседовать, рассказывали какую-либо историю о том, как Абакумов позаботился о них или их семьях: для кого-то добился усиленного пайка, а кому-то дал свой личный самолет, чтобы слетать в глубокий тыл к заболевшим близким. Истории о заботливом Абакумове, как это обычно бывает, при пересказах обрастали невероятными подробностями, и каждый особист свято верил, что в тяжелую минуту может обратиться за помощью к начальнику и ни в коем случае не должен подводить его. И Абакумов спокойно мог требовать от подчиненных результатов, причем любой ценой.

Вспоминает ветеран-особист: «Он пришел к нам уже сложившимся чекистом. Опыта у него хватало, все-таки почти десять лет в органах. На основе мельчайших деталей не всегда, но довольно часто он делал правильные выводы и принимал верные решения. В чем ему нужно было отдать должное — хватка у него

была крепкая. Он требовал беспрекословного исполнения своих указаний и уж о данных поручениях никогда не забывал и если что-то решал, от своего решения не отступал никогда, жестоко настаивал на своем. Работать с ним было нелегко, но всегда была уверенность в том, что назавтра он не скажет: я ничего подобного вам не поручал. Чекисты высоко ценили Абакумова, хотя многие и побаивались его».

Оперативную работу, как и отношения с коллегами, Абакумов всегда выстраивал предельно просто. Разрабатывавшиеся лично им операции никогда не отличались особым изяществом. «Тонких многоходовых комбинаций продумывать и организовывать он не любил и не умел. Подход был кавалерийский: руби — и делу конец. Он считал, что чем проще операция, тем лучше», — вспоминает ветеран.

К примеру, в Ленинграде во время блокады особисты использовали для увеличения числа выявленных агентов и паникеров-провокаторов следующий прием. Агент ходил по немногим уцелевшим знакомым и вел разговоры о том, что город надо сдавать, большевики сошли с ума и т. д. Не арестовывали лишь тех, кто мог добраться до телефона и сообщить куда следует о госте и его умонастроениях. За теми, кто не сообщал, приезжали на «воронке». Сфальсифицированные от начала и до конца дела можно было обнаружить практически в любом следственном отделе или отделении особых отделов».

К слову, главной задачей Особых отделов в период войны стала решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии. Также эта борьба должна была быть направлена на ликвидацию дезертирства в непосредственной прифронтовой полосе.

Только теперь борьба с «контрреволюцией» была отведена на второй план. А ведь совсем еще недавно на Особые отделы НКВД возлагались специальные задачи по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в армии и на флоте, пограничных и внутренних войсках.

Все же война расставила все точки над «и».

В августе 1941 года, наблюдая за полетами немецких разведчиков, в штабе ВВС Московского округа обратили внимание, что они фотографируют дороги, ведущие к столице. В результате оценки данных разведки было установлено, что противник готовит наступление именно по этим дорогам. Тогда командующий ВВС МВО Н.А. Сбытов сразу же принял решение организовать «воздушный контроль обстановки на дорогах московского направления путем регулярных полетов наших

истребителей на всех угрожаемых участках фронта. Каждые четыре часа над всеми дорогами проносились двойки истребителей закрепленного за данным направлением авиаполка. Однако долгое время особых результатов такое наблюдение не давало».

«И вот 5 октября на рассвете разведчики доносят: по Варшавскому шоссе, примерно в 50 км от города, безусловно, в нашем тылу, двумя колоннами идут немецкие танки и пехота, — вспоминал генерал-лейтенант авиации Николай Александрович Сбытов. — Информация исключительно важная, поэтому нуждается в тщательной проверке. Был у меня такой майор Карпенко, инспектор по технике пилотирования, человек исключительно храбрый. Посылаю перепроверить. Прилетает назад, докладывает: «Товарищ командующий, точно идут немецкие танки, очень много». Потом оказалось, что целый немецкий корпус в обход фланга наших войск на направлении Москва — Смоленск прошел практически без боя в наш тыл и спокойно движется на Москву.

А у нас никаких резервов нет. Только строительные батальоны и женщины, которые копают окопы для наших войск, которых нет.

Командующий округом Артемьев как раз накануне неизвестно почему уехал в Тулу, поэтому я доложил о немцах Телегину. «Что будем делать?» — говорит. «Давайте поднимать курсантов военных училищ — больше некого. В Подольске два военных училища, хоть немного задержать, а тем временем может, какие-нибудь резервы подойдут. А я буду создавать авиационный кулак — возьму понемногу отовсюду, откуда можно. Два-три полка наскребу и буду бить с воздуха, опять-таки задержим».

Договорились, решили. Было 7 часов утра с минутами. И напрасно Телегин в своих мемуарах теперь пишет, что я ему доложил не то в 12, не то в 15 часов. В это время меня уже допрашивал сам начальник контрразведки Абакумов и решался вопрос о моем аресте. Ладно, по порядку. Я по своей линии все распоряжения сделал, авиацию собрал, авиагруппа готовилась уже к 12-ти, максимум к 13 часам нанести удар по немецкой танковой колонне. Вдруг звонок (а мне Маленков кремлевский телефон поставил): Абакумов приглашает меня к себе. Даже, говорит, машину пришлем, если хотите. Нет, говорю, спасибо, я на своей. Ладно, приезжай на Лубянку. Ведут сразу к Абакумову, а у него в кабинете и Меркулов, заместитель Берии, и еще начальник контрразведки штаба ВВС на меня из угла косится, Абакумов сразу же:

— Откуда вы взяли, что немецкие танки идут по Варшавскому шоссе и уже чуть ли не под Юхновом?

Я докладываю: так, мол, и так.

— А если это не немецкие танки, а наши?

Я говорю:

— Летчики проверенные, ошибиться не могли, к тому же я два раза посылал для страховки. Я за эти данные отвечаю.

А Абакумов тогда вообще понес:

— На каком, собственно, основании вы проводите разведку дорог в нашем тылу, а не в немецком? Разведка ведется в тылу противника, а не в своем собственном. А если в своем, то вопрос: для чего это делается? А может, для того, чтобы панику в Москве устроить? — и все в таком духе. — Сейчас, говорит, проверим! Вызвать сюда Климова, командира шестого авиакорпуса!

Приезжает Климов, говорит:

— Я не посылал самолеты, ничего не знаю.

— Ага! А где у вас, Сбытов, фотографии немецких танков на Варшавском шоссе? Тоже нету?

Я объяснил, что танки обнаружены визуальным наблюдением, фотографирование с боевых истребителей вестись не может, а что самолеты на разведку вылетали, об этом есть записи в соответствующих журналах в штабе. Проверили — записи есть, слава Богу.

А Абакумов все равно:

— Вы не можете командовать, мы считаем, что вас надо снять с должности. Поезжайте!

— Куда ехать?

— Как куда? К себе!

— А я думал, в Бутырку.

— В Бутырку еще успеете.

Приезжаю к себе, у кабинета уже часовой стоит, Телегин поставил. Я вошел в кабинет, достал маузер, положил рядом автомат, думаю: придут забирать — будем воевать.

Телегин, оказывается, никаких мер, о которых мы утром договорились, не принял.

Тут вскоре приезжает Артемьев, и мы стали звонить начальнику Главного оперативного управления штаба Василевскому. Тот говорит, что наших танков там быть не может. Значит — точно немецкие. Но мер никаких не принял. И Артемьев не принял. А время уже 18 часов. Практически темно. Авиацию использовать сегодня уже нельзя. Значит, одни сутки потеряны.

Только Абакумов что-то делает: прислал полковника с протоколом допроса, а там написано, что я специально хотел

устроить провокацию с целью создать в Москве панику, бегство ответственных работников и так далее. Я взял ручку и написал: «Последней разведкой установлено, что немцы к исходу дня займут Юхнов», — и подписал. А потом думаю: зря подписал. Они подпись поставят, остальное выведут как-нибудь, и все, ничем не отмоешься. Ну ладно, сижу, жду. Звоню в секретариат Сталина, там говорят: «Идет заседание ГКО, приказано никого не соединять». Так и сидел, как пень, до утра».

К слову сказать, командующий ВВС МВО Сбытов был старше Абакумова на три года. И в отличие от главного особиста, не имевшего никакого образования вовсе, окончил Военно-техническую школу спецслужб ВВС РККА в 1928 году, Военную школу летнабов в 1929 году, 1-ю военную школу летчиков им. А. Ф. Мясникова в 1934 году, а также оперативный факультет усовершенствования высшего комсостава при Академии Генштаба в 1939-м.

Кроме всего прочего, Сбытов имел большой опыт руководства авиационными частями и соединениями, обладал хорошими организаторскими способностями, был настойчивым в проведении своих решений и требовательным командующим. Но самое главное — он был профессионалом своего дела и занимал свое место…

Что же касается стиля работы Виктора Семеновича, то в 1941 году он мало чем отличался от стиля работы его протеже и руководителей. А, в сущности, был таким же: держался на страхе и окрике. Ничего нового он пока придумать не мог.

Но вернемся в октябрь сорок первого. Пока Сбытов «сидел, как пень, до утра», на фронте работали опергруппы НКВД СССР, направленные туда с целью выяснения истинного положения дел. По первым результатам было написано соответствующее донесение, в котором говорилось: «К 18 час. 5 октября противник силой до одного батальона при 12 танкетках с минометами, заняв Юхнов, вышел на рубеж р. Угра и оседлал Варшавское шоссе, где вступил в бой с находившимися в этом районе авиадесантным батальоном нашей 53-й авиабригады. После того как противник просочился в стыке 33-й и 43-й армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5 октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы… Между Юхновым и Медынью 5 октября около 15 час. капитаном 53-й авиабригады Сорокиным был взорван железный висячий мост через р. Шань, что находится примерно в 8 км западнее Медыни. В результате взрыва моста, с одной стороны, затруднен отход нашим частям и автотранспорту; с другой — создано препятствие для продвижения наших частей навстречу противнику. Из-за создавшейся паники 5 октября на

участке Юхнов — Малый Ярославец были сняты все посты ВНОС и зенитные батареи. Снятие их было произведено в результате того, что лейтенант Сорокоумов, который командует постами ВНОС на этом участке, неправильно информировал командира полка ПВО Васильева в г. Москве и добился от него распоряжения о снятии постов ВНОС. Самолеты противника усиленно обстреливали пулеметным огнем и производили бомбометание днем и ночью 5–6 октября на участке шоссе от Малого Ярославца до Юхнова».

Побывавший с проверкой в Подольске начальник кафедры авиации Академии имени Фрунзе полковник Власов в своем докладе констатировал:

«1. Непосредственная оборона Москвы внушает большие опасения, т. к. в ее системе отсутствует организационное руководство и управление теми подразделениями, которые предназначены для выполнения этих задач, и губительное для нас зло — неорганизованность — до сих пор продолжает процветать.

2. Наиболее показательно это выявилось в обстановке 6–7 октября, что мне пришлось наблюдать лично и через подчиненных мне командиров. Так, в ночь с 5-го на 6-е по тревоге за 70 км от Москвы, к юго-западу от Подольска, в районе Лукошкино, Вороново, Кресты была выброшена рота в составе слушателей Военной Академии им. Фрунзе и в район Лопасня — рота в составе слушателей Артиллерийской Академии им. Дзержинского. Обе эти роты были подчинены своим начальникам академий и коменданту города Москвы. Мне было приказано организовать пункт сбора донесений от этих рот в Подольске и информировать коменданта города Москвы и Начальника Академии им. Фрунзе о положении на участке действий этих рот. Задача этих рот — прикрыть подступы к Москве и вести разведку до р. Нара. На месте, в районе Подольска, мною установлено, что внутри города, кроме двух милиционеров, никакой военной охраны нет, на дорогах к Подольску только посты проверяющих проходящие автомашины. И в это время, когда, по сообщению комиссара авиачасти и начальника штаба этой авиачасти капитана Таран, в районе аэродрома Подольск вечером техники этой части видели, как были сброшены 8 парашютистов, но в которых они не стреляли и даже не видели, куда они скрылись.

Посланный мною на аэродром для проверки обороны аэродрома старший лейтенант Никулин прошел весь аэродром, ходил около самолетов, дошел до самого начальника штаба капитана Таран, и никто его не остановил и не проверил. В этой обстановке безответственности и неорганизованности невозможно было установить, действительно ли были сброшены

парашютисты.

3. Оборона Подольска, этого одного из главных направлений на подступах к Москве, также неорганизованна, и никто этим до сих пор не занимался и не хотел, видимо, заниматься… Вследствие этого командование округа, комендант города Москвы и начальники академий, не зная фактической обстановки на подступах к Москве, дополняют эту неорганизованность, выбрасывая две роты слушателей академий вперед имеющихся там частей, и сами за 70 км управляют этими ротами через пункт связи в Подольске — разговорами по городским телефонам открытым текстом… Эта неорганизованность дополнялась еще и тем, что в лесу в районе Белоусово скопились остатки частей 43-й и 33-й армий, имевшие более 200 автомашин, абсолютное большинство красноармейцев без винтовок; в лесу у Лукошкино — 500 человек артполка во главе с комиссаром и десятки автомашин. Помимо этого, в Подольске было задержано более 50 автомашин и около 350 человек рядового и 40 человек начальствующего состава, прибывших разными путями в Подольск с фронта.

О мобильности работы штаба округа можно судить хотя бы по тому, что два батальона пехотного училища в Малоярославец были направлены по железной дороге через Москэу, когда их можно было перебросить на автомашинах, которых было в Подольске более сотни без дела. Погруженные вечером, эти батальоны к утру следующего дня еще не прибыли в Малоярославец…»

Таким образом, только утром 6 октября Сбытову позвонил начальник штаба ВВС генерал Ворожейкин и сказал: «Сообщаю тебе, что ГКО на своем заседании твои действия одобрил! Это, безусловно, немцы идут. Немедленно собери все силы, которые только можно собрать, и бей!»

«А у меня уже со вчерашнего дня все собрано и готово, — вспоминал Сбытов. — Начали бить. Сразу же уничтожили примерно 100–120 танков, около 300 машин пехоты. Но к этому времени немцы сами немного подзадержались. Я думаю, они неладное заподозрили. Ведь не было никакого сопротивления, как на прогулке шли. И они подумали, что их заманивают в мешок. Пошли осторожно, прощупывая разведками местность. Юхнов заняли, как я предсказывал, вечером 5 октября. После нашего авиаудара вообще рассредоточились с главной дороги, чтобы затруднить действия нашей авиации. И тем не менее упорно шли вперед, темпом примерно 10 км в сутки.

Поступил приказ Сталина: задержать наступление немцев любой ценой. Минимум на 5–7 суток. А чем задержать,

неизвестно. Я организовал командный пункт около Подольска, рядом с ним создал оперативный склад снабжения штурмовой авиации. На пути немцев мы смогли поставить только тех же подольских курсантов всего лишь с двумя противотанковыми пушками и мои самолеты, штурмовавшие наступающие немецкие войска по нескольку раз в день».

Очень часто проезжая на троллейбусе памятник подольским курсантам, что находится в городе Подольске на пересечении улицы Кирова, Парковой улицы и Архивного проезда, я не мог не задуматься о подвиге этих восемнадцати-девятнадцатилетних мальчишек. Отдавших свою жизнь в тяжелейших боях осени 41-го из-за преступных просчетов, глупости и бездарности военачальников и руководителей той страны, за которую они погибли…

В 1939–1940 годах в Подольске были созданы артиллерийское и пехотное училища. А 5 октября 1941 года, когда немцы заняли Юхнов, выйдя на подступы к Малоярославцу, когда в обороне советских войск образовалась брешь на Ильинском боевом участке Можайской линии обороны столицы, о них не просто вспомнили, а сняли с занятий, подняли по тревоге и направили на оборону Малоярославца. Сводному отряду курсантов, а это 2000 курсантов артиллерийского и 1500 курсантов пехотного училищ, поставили боевую задачу преградить путь немцам на Ильинском боевом участке на 5–7 дней, пока не подойдут резервы из глубины страны.

6 октября мальчишки прибыли на этот боевой участок и заняли оборону по рекам Лужа и Выпрейка от деревни Лукьяново до Малой Шубейки. В течение нескольких дней курсанты сдерживали наступление немцев, отбив 11 октября атаку многократно превосходящих сил немцев, а 13 октября — атаку с тыла. Немецкие танки подошли с красными флагами, однако обман был раскрыт, а танки — уничтожены.

16 октября немецкие войска захватили оборонительные рубежи на Ильинском боевом участке, и почти все курсанты, державшие оборону на этом участке, погибли.

Известно, что в боях на этом участке фронта подольские курсанты уничтожили около 5 тысяч немецких солдат и офицеров, подбили или вывели из строя около 100 танков, потеряв при этом две с половиной тысячи своих товарищей.

Вечная им память!

Дневник подчиненного

23 августа 1941 года капитан госбезопасности И. С. Шабалин был назначен начальником Особого отдела 50-й армии Брянского фронта. Эта армия формировалась в июле — августе на Уа из уроженцев Брянской и Орловской областей на базе 2-го стрелкового корпуса Брянского фронта. Из Улан-Удэ в Москву за назначением Иван Савельевич выехал 12 августа, а прибыл в столицу 21-го. Бывший народный комиссар ГБ Бурят-Монгольской АССР, сам того не понимая, войдет в историю Второй мировой войны благодаря тому, что будет вести дневник, первая запись в котором появится 12 августа — в день отъезда в столицу, в поезде. Как напишет П. Полян, «удивительное в этом дневнике даже не его экстраординарная история, а самый факт его ведения и существования. Небезызвестная склонность истории к иронии проявилась тут сполна: ведь именно особые отделы были призваны особо тщательно следить, чтобы никто в действующей армии йе вел никаких дневников, мотивируя это ровно тем, что заветные блокноты могут попасть к врагу и будут использованы им против нас. Но на себя Шабалин это правило не распространил: видимо, полагал, что с ним-то ничего не случится, а если и случится, то он успеет уничтожить дневник».

Однако не следует забывать ту должность, которую занимал капитан ГБ до своего назначения на фронт — наркома АССР. А это очень ответственная и, я бы сказал, солидная должность. Более того, автор дневника позволил себе такую «слабость», имея желание выговориться, зафиксировать для себя важные исторические события, в которых принимал участие впервые в своей жизни. Видимо, он действительно не сомневался в том, что даже в случае гибели его записи могут попасть к врагу. Такая у него была ответственная должность и теперь…

Несколько слов о Шабалине, биография которого необычна и интересна…

Иван Савельевич родился в 1902 году в д. Яморка Яранского уезда Вятской губернии в семье крестьянина-середняка. В 1914 году окончил сельскую школу. В течение пяти лет работал в хозяйстве своего отца. С 1919 по 1920 год служил в отряде по борьбе с дезертирством и отправке хлеба из районов рядовым 1-го Вятского территориального полка. Затем еще целых четыре года работал в хозяйстве своего отца.

В 1924 году призван в армию, где был старшиной роты 166-го стрелкового полка (по 1927 г.). Там же вступил в партию в 1926 году. Еще один год отработал в хозяйстве отца и только в 1928-м

начал свою трудовую деятельность совершенно в ином ключе: заведующим секретной перепиской, техническим секретарем завкома Верхне-Исетского металлургического завода в Свердловске, с 1928 по 1929-й — членом Свердловского окружного суда.

В органы ОГПУ он приходит в 29-м и сразу же становится уполномоченным полномочного представительства по Уралу. В этом же году его назначают районным уполномоченным ОГПУ по Верхнее-Уральскому району. В 1931-м — районным уполномоченным ОГПУ по Старо-Уткинскому району. В 1932 году — он курсант Центральной школы ОГПУ СССР, а после ее окончания — заместитель начальника политического отдела МТС по ОГПУ-НКВД в Ровном Одесской области (1933–1935).

С этой должности его забирают в Управление ГБ УНКВД по Ленинградской области. Там он сначала уполномоченный отдела, затем оперуполномоченный и, наконец, начальник Дзержинского районного отдела НКВД города Ленинграда.

После пяти лет работы в городе на Неве Ивана Савельевича назначают на новую должность — заместителя наркома внутренних дел Бурят-Монгольской АССР (07.01.40).

19 ноября этого же года он уже нарком внутренних дел этой автономной республики. А 26 февраля 1941 года — нарком госбезопасности.

И вот 21 августа 1941 года он прибывает в Москву, где в этот же день записывает: «…тотчас же отправился в ОК и к моему удивлению немедленно получил назначение».

На следующий день следует новая запись: «Начинаю формирование Особого отдела 50-й армии».

23 августа: «Был в Наркомате. Читал приказ. Получил звание майора государственной безопасности».

24 августа: «Продолжаем снаряжаться. Получаем обмундирование. Я принес товарищу Борисковскому шинель в Наркомат, отправил телеграмму Наде, еду в Брянск».

25 августа: «Я нервничаю. Нет покрышек для автомашины, нет бензина. Состав отдела еще не полон. В 17.00 выехали из Москвы в Тулу».

26 августа: «Переночевали в авто. Продолжаем поездку, в пяти автомашинах. Настроение людей хорошее».

27 августа: «Прибыли на место назначения в деревню Вышковичи, близ г. Брянска, расквартировались в сельхозтехникуме».

28 августа: «Утром зенитки обстреливают немецкие самолеты. Выехал в дивизию на передовые позиции».

29 августа: «Принял дела. Аппарат бежит. Противник

предпринимает налеты на г. Брянск. Стучат пулеметы и зенитки. Самолеты немцев безнаказанно улетают. Наших ястребков пока что не видно».

30 августа: «Выезжал в некоторые дивизии, чтобы дать практические указания».

2 сентября: «Мы перебрались со штабом в д. Чайковичи, близ Орджоникидзеграда».

3 сентября: «Город О. почти безлюден. Во многих местах он разрушен авиацией противника».

4 сентября: «Брянск сильно пострадал от атак немецкой авиации. Целые городские кварталы разрушены».

5 сентября: «При посещении линии фронта я купался в Десне и наблюдал бомбардировку нашей передовой линии немецкой авиацией. Атака продолжалась приблизительно 2 часа и была ожесточенной. Самолеты пикировали и удалялись все безнаказанно».

6 сентября: «Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают».

7 сентября: «Допрашивали одного рыжего немецкого военнопленного, оборванного парня, обовшивевшего, на редкость тупоумного».

30 сентября: «Положение с личным составом очень тяжелое. Почти весь состав армии подобран из людей, родина которых занята немцами. Они хотят домой. Бездеятельность на фронте, отсиживание в окопах деморализует красноармейцев. Появляются случаи пьянки командного и политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки. Противник ведет слабый минометный огонь. Он укрепляет передовые позиции отлично. Мы живем в землянке. Бывает немного холодно, особенно по утрам.

Вчера 29.9.1941 г. меня вызывал командующий армией на командный пункт. Был чрезвычайно интересный разговор о политикоморальном состоянии войск и наших мероприятиях. Ночью я возвратился в свою землянку, без света, в ужасной темноте. Я возвратился очень расстроенным. Дела идут плохо. Знает ли Москва действительное положение на фронте.

На пути через колхозные поля видно много хлеба, собранного в скирды и копны. Сколько добра пропадает! Становится страшно. Некоторые красноармейцы собирают рожь для лошадей. Копают себе картофель и заготавливают дрова».

1 октября: «Я встал рано утром. Из Москвы прибыли т.т. Тутушкин и начальник Особого отдела фронта Бегма. Это дало хороший толчок. Затем все выехали в дивизии, также и мои два

представителя. В дивизиях дело обстоит неблагоприятно как с нашим аппаратом, так и с командно-политическим составом. Он работает плохо.

Хорошим уроком будет для нас происшедшая катастрофа с 42 красноармейцами в 258-й стрелковой дивизии и подобное же дело с 18 людьми в 217-й стрелковой дивизии. Позорно, что мы проспали и расследование дела не приносит необходимого результата.

Вывод: Положение 50-й армии неблестяще. Она состоит почти целиком из людей, родственники которых находятся в областях, занятых противником.

От нас и от командования требуются жестокие мероприятия. Многие военные инстанции и часть нашего аппарата работают все еще, как в мирное время. Этому благоприятствовало еще и то, что армия почти два месяца находится в обороне и ведет только артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, и то лишь периодически и очень слабо. Ночью люди на передовых позициях обороны спят; немцы выставляют посты и уходят для ночевки в деревню. Это не война, а пародия. Нет никаких активных действий, атак, и из-за этого среди красноармейцев возникают нездоровые проявления.

Сегодня я провожал «москвичей». Возвратился в свою землянку и пишу эти строки при свете свечи. Душа болит, настроение отчаянное. Все же нужно положение немедленно восстановить, и это надо сделать любой ценой».

2 октября: «Я встал в 8 часов утра, позавтракал: хлеб, сыр, чай с сиропом. Лежит донесение о том, что противник наступает на фланге 13 армии нашего фронта. У нас беспрерывно слышна артиллерийская стрельба. Мне нравятся наши пушки, или, как их называют немцы, — «дьявольская артиллерия». Если бы эти пушки были здесь у нас, это подняло бы дух нашей армии. Вражеские машины часто пролетают мимо, слышна стрельба зениток. Вчера был захвачен военнопленный немец, оборванный и обовшивевший молокосос. Настроение у них нисколько не воинственное. В голове у них пустота, буквальный мрак. Этого я не ожидал. В 17.00 часов противник наступает по всему фронту, на нескольких участках он потеснил наши войска и форсировал Днепр. Весь день слышна артиллерийская стрельба».

3 октября: «Я спал в землянке. Встал в 7.30. Кричат, что прибыл тов. Колесников. Я поехал поэтому во второй эшелон. Мы обменялись мнениями о наступлении противника. Позорно, что враг снова одержал победу, прорвал позицию 13 армии, занял г. Кромы, находящийся в 30 километрах от Орла. Отрезает нас. Занял на нашем участке фронта несколько деревень. В 12.00 мы

выехали на участок 258-й дивизии, где провели 2 часа, чтобы затем вечером возвратиться в Т. Огонь нашей артиллерии силен, пехота готовится к атаке. Есть приказ возвратить потерянные позиции. Вечером, когда я пишу эти строки, положение еще не прояснилось. Подразделение связи работает плохо. Штаб то же самое.

В тылу сидят трусы, которые не приготовились к отступлению. О боже, сколько льстецов здесь. К. говорит, что в Орле НКВД уже эвакуируется. Но от нас до Орла еще 150 километров! Что за путаница, что за беспомощность! Если бы была здесь твердая рука! Хорошо продуманный штурм — и немцы побегут без оглядки. Их силы в сравнении с нашей армией истощены и наше отступление кажется немцам отчасти неожиданностью.

Еще 1.10.41 г. у нас появился один немецкий солдат и заявил: «Завтра мы атакуем вас по всему фронту». Он видел в нашей армии силу, однако эта сила задрожала и дала противнику возможность форсировать безнаказанно Десну в нескольких пунктах. Однако на участке 258-й стрелковой дивизии наша артиллерия хорошо поработала, и противник оставил на поле боя много убитых и раненых».

4 октября: «Рано утром я с товарищем К., который прибыл ко мне из деревни Т., пошел к Петрову. Мы сидели около 2-х часов и обменивались нашими мнениями о ходе немецкого наступления. В 12.00 часов мы выехали в автомашинах в Дятьково. В пути встретили К., начальника Особого отдела 217-й дивизии. Он сказал: «Я ищу командный пункт для 217-й дивизии». Мы дали ему указания. В пути мы встретили также комиссара 217-й дивизии. Он рассказал нам об обстановке, мы мало верили ему. Мы встретили группу красноармейцев и послали ее в дивизию.

Положение 217-й дивизии следующее: 2.10.41 г. немцы провели усиленную артиллерийскую подготовку, разбили пулеметные гнезда и позиции наших стрелков, отогнали наши передовые посты и перешли в атаку. Немецкая авиация проявляла деятельность и не давала нашим силам возможность развернуться.

Результат: 766, находившийся на правом фланге, потерян; связь дивизии разбита. Полк № — прервана и никто не знает, где она осталась. От 755-го полка осталось человек 20. Остальные мертвы, ранены или рассеяны. Дивизия потеряла руководство. Красноармейцы были оставлены на произвол судьбы. Все приходят с оружием. От дивизии осталось не более 3 тысяч человек, и эти также рассеяны.

Сегодня немцы не наступают, они только ведут разведку. По-

видимому, у них здесь много сил. Здесь нужно было бы теперь наступать, но для этого ничего нет. Две бессильные армии стоят друг против друга, одна боится другую.

Вечером: говорят, что Орел горит. Нас обошли. Весь фронт, т. е.

3 армии, попали в клещи, в окружение, а что делают наши генералы? Они «думают». Уже стало привычкой: «Я уклоняюсь от окружения, мы сдаем фронт», а что теперь? Но нужно сказать, что отдельные участки фронта удивительно устойчивы; это было врагу неприятно. Но, несмотря на это, мы уже наполовину окружены — что будет завтра?

В 22.00 я поехал в лес и говорил с командующим армии — генерал-майором Петровым об обстановке. Он сказал, что фронт не может здесь больше помочь, и спросил меня: «Сколько людей расстреляли Вы за это время». Что это должно означать?

Комендант принес литр водки. Ах, теперь пить и спать, может быть тогда будет легче.

Перспективы войны далеко не розовы, так как противник вогнал мощный клин в наш фронт. Но у нас, как всегда, потеряли голову и не способны ни к каким активным действиям».

5 октября: «Мы встали в 8.00 часов утра. Я поехал бриться. Большая очередь. Я не стал ожидать. Целый час стоял у машины, мотор не работал. В 11 часов я поехал на участок 260-й стрелковой дивизии, беседовал с начальником штаба, спал во втором эшелоне, заблудился и попал на передовые позиции к одному из наших батальонов. Я нашел второй эшелон в д. Орменка, побрился и помылся. С начальником Особого отдела тов. Клейман пошел обедать. Обед был отличный, обслуживание тоже. Дивизия отошла очень немного, они имеют большие потери, против 260-й дивизии противник сосредоточил 3 дивизии. Немцы идут в атаку во весь рост. Наши солдаты буквально косят их.

4.10.41 г. вступили в действие наши танки и после выполнения своей задачи возвратились в д. Шимятово, где подверглись бомбардировке. Дураки, поставили их в кучу и не замаскировали.

Выводы: Дивизия дерется отлично, красноармейцы храбры.

Утром прибыл гвардейский дивизион. Командир этой «дьявольской артиллерии» говорит, что они также подвергались бомбардировке. Дивизия имеет 3 орудия, стреляющие залпами. Задачу на нашем фронте он еще не получил.

Немецкие солдаты имеют только куртки, они снимают с убитых красноармейцев шинели и носят их. Для отличия они отрезают рукава до локтей.

Танки отправились в направлении Брянска. Вероятно, они ожидают сзади противника».

6 октября: «В 9.00 утра К. возвратился с фронта. Он говорит, что штаб переехал. Остались военный совет и оперативный отдел. Особый отдел полностью отрезан. Он (К.) возвратился поэтому к нам. К. был там около 2-х часов, он говорит, что он едет в штаб фронта. У него болит сердце. Я не советовал ему ехать, затем я ему сказал: «Ну поезжай, только вечером возвращайся обратно». Мы обменялись затем мнениями относительно сегодняшнего дня.

В 15.30 часов сообщили, что танки противника окружили штаб фронта. Происходит стрельба. Затем нет никаких известий из штаба фронта. Около 17 часов танки возвратились в город. Об этом сообщили нам во время обеда. Второй эшелон уехал на велосипедах в деревню Гололобовка. Вечером разведка донесла, что в Брянске 6 танков и 5 или 6 автомашин с пехотой. Брошено 2 полка, чтобы изгнать противника из Брянска. Имеется противотанковое орудие. Пехота 154-й дивизии еще не прибыла. Брянск горит, мосты через Десну не взорваны. Противник проявляет оживленную деятельность. Гвардейский дивизион уехал в распоряжение командира 290-й пехотной дивизии. Паники нет, но состояние нервозное.

В 5 часов я остался в землянке, автомашина готова к отъезду. Жаль товарища К. Весьма возможно, что он наткнулся на танки противника. У него было такое предчувствие, и он не находил себе места. Генерал принимает предварительные решения. Ждет указания из Москвы. Взять армию с фронта нельзя, так как слева 3-й и 13-й армии, которые могут попасть в тяжелое положение. Неизбежность окружения всего фронта, а не только нашей армии очевидна.

Стрелковые дивизии удерживают первоначальный участок обороны. Командование фронта в лице начальника штаба — генерала Сахарова и командующего фронтом Еременко уже приказало отвести дивизии на второй участок обороны. Они, однако, это распоряжение сами изменили. Руководство штаба фронта в течение всего времени немецкого наступления потеряло управление и вероятно потеряло голову. Было бы гораздо лучше предоставить армии возможность самостоятельных действий.

Снабжение боеприпасами проходит с перебоями. 5.10.41 г. в Брянске было около 100 поездов. Удалось еще отправить их куда-нибудь. По сообщению начальника тыла, осталось приблизительно 130 тонн горючего, но сколько осталось на отдельных участках железной дороги, неизвестно».

7 октября: «Я встал очень рано. На фронте не произошло никаких существенных изменений. Дивизии удерживают свои

позиции. Идут бои за городом Брянском. Оба наши полка 154-й дивизии отражают наступление полка. В 6 часов вечера противник занял большую часть Брянска. Имеется решение менять командный пункт. В 16 часов мы покинули г. Брянск, согласно приказа об отходе.

Итак, мы оставим также г. Орел.

В 18 часов мы выехали с оперативной группой на 3-х автомашинах в район тыла в деревню Огорь и прибыли туда в 24 часа. Расстояние составляет только 40 километров. Вокруг нас паника и слухи всякого рода. Мне было больно оставлять свою землянку. Здесь в лесу мы прожили больше месяца и чувствовали себя на этом месте, так сказать, по-домашнему.

Ничего подобного поражению Брянского фронта история еще не видела. Противник подошел сзади и окружил почти 3 армии, т. е. по меньшей мере 240 тысяч человек, которые занимали область размером приблизительно 600 км по кривой линии обороны. Прибыл приказ из Москвы руководству штаба: «Весь фронт должен отойти». Громадные усилия, кажется, начнется бегство людей.

Последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы сдавали города почти без боя. Командование фронтом потеряло руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, что эти глупцы уже изъяты и отправлены в Москву.

Отступление! Все усилия, которые были приложены для укрепления оборонительной зоны, оказались напрасными. Гигантские усилия! Эту линию используют немцы, если мы их погоним назад. Командование фронтом 6.10.41 г. передано Петрову. Интересно отметить следующее. Я прихожу к Петрову, он говорит: «Ну, меня тоже скоро расстреляют». «Почему же», — спрашиваю я его. «Да, — говорит он, — меня назначили командовать всем фронтом». Я отвечаю: «Если Вас назначили, то Вы должны браться за дело и стремиться к победе». — «Ну да, но ты видишь, однако, в каком положении находится фронт и его армия. Я еще не знаю, что осталось от этих двух армий (3 и 13) и где они находятся»».

8 октября: «Деревня Огорь. Я не спал целую ночь. В 5.00 часов утра я отослал второй эшелон. В деревне остались 8 человек оперативных работников и две автомашины. В 10 часов утра мы выпили вчетвером литр водки, хорошо позавтракали. Я лег спать в машине и спал хорошо. Едунов разбудил меня. Я выехал на грузовике, чтобы установить связь с командным пунктом, который переехал в другое место, неизвестно куда.

Все жители остались здесь, они убирают картофель. Не слышно ни одного выстрела. Как быстро забывают ужасы войны!

В 6 часов вечера слышен большой шум моторов, слышна стрельба артиллерии и пулеметов. В 9 часов вечера приехал И. с группой людей с командного пункта. Прибыло 150 раненых. Школу оборудовали под лазарет. Я ночевал в автомашине».

9 октября: «Встал в 8 часов, спал плохо. В 9 часов выехал на командный пункт, видел Петрова и Шляпина. Узнал, что второй эшелон за ненадобностью уехал, так или иначе он мог попасть в плен. Весь день кругом стреляли, непрерывно летали самолеты. Ночью выпал небольшой снег. В 8 часов вечера был зажжен артиллерийский склад. Была ужасная канонада; было видно гигантское пламя, я вышел из лесу в поле, чтобы посмотреть этот фейерверк. Это красиво. Ночь темна, идет маленький дождик».

10 октября: «Мы спали вчетвером в одной машине. Очень холодно. В 7 часов встали. Идет снег, он падает большими хлопьями. Мы позавтракали из старых запасов, случайно достали кипятку и хорошо согрелись. В 11 часов мы выехали в район Хвастовичи. По дороге двигается масса автомашин и людей. Грязь непролазная; вся дорога превратилась в тягучее тесто. В деревне Слобода мы остановились. Я встретил Никонова из 217-й стрелковой дивизии, он мне сказал, что их потери в людях составляют 75 %, потеряна также часть вооружения».

11 октября: «Мы переночевали в деревне Березовка. В 10 часов утра пришел товарищ И. и сообщил, что в деревне Огорь 9.10.1941 г. был убит товарищ Миша Чернецов, при взрыве бомбы. Мне очень жаль этого симпатичного человека. Его похоронили около школы у липовой аллеи.

В час 30 мин. немцы начали обстреливать поле вблизи штаба из минометов. Штаб армии уехал в беспорядке в Авдеевку. На дороге уже господствовало беспорядочное нагромождение автомашин; над нами кружились 4 немецких самолета, дважды мы останавливали нашу машину; самолеты летали очень низко, кругом стреляли зенитки, но напрасно. Самолеты не сбросили бомб, это было странно, но вероятно они не имели их с собой.

Положение для армии печально; где тыл, где фронт, — трудно сказать. Кольцо в котором находится армия, суживается. Обоз армии — это груз, все колонны тянутся туда. Армия терпит значительные потери в людях и материалах».

12 октября: «В 5 часов утра мы прибыли в деревню Буяновичи.

Немедленно позавтракали, я выпил стакан водки и лег спать в машину. В 10 часов утра меня разбудили. Оказалось, что в то время, когда я спал, немецкие самолеты сбросили 4 бомбы и обстреляли деревню из пулеметов. Одна хижина горит. Два человека из санитарного батальона убиты. Я брился во время

стрельбы из пушек и пил чай. Население в этих деревнях принимает нас не очень дружелюбно. Это нужно отметить. Минометы противника ведут огонь. Я послал в штаб, чтобы узнать, как обстоят дела. В час 30 минут противник начал вести сильный минометный огонь. Штаб быстро отправился в направлении на Фроловку. Прибыв на кладбище, я остановил машину, затем стал у края кладбища, наблюдал огонь вражеских минометов и беспорядочное бегство штаба армии.

Двигалось приблизительно 1 ООО машин в 3 ряда. Командующий армией проехал мимо и показал рукой на лес. Мы сели в автомашины и уехали в лес, находящийся в одном километре от деревни Б. Мы собирались ехать в направлении деревни Ф. В лесу я остановил машину и приказал ехать к переправе через Москву. Я сам шел пешком через лес.

Когда я прибыл к переправе, то встретил товарищей Едунова, Зайцева и Шляпина. Мы остановились у переправы и наблюдали восстановление дороги. Наши машины были уже на той стороне. Внезапно прибыло 3 кавалериста и сообщили, что там немцы. Одновременно нас начали обстреливать из легких пулеметов и минометов. Возник беспорядок. Наши солдаты начали стрельбу; я и С. медленно отошли в глубь леса. Вокруг нас свистели пули и осколки гранат. Я потерял весь оперативный состав, блуждал до вечера. Стрельба прекратилась. Командующий, члены Военного совета и начальник штаба выехали, их не было больше в лесу. Вечером я получил приказ: ночью отойти в деревню Нехочи.

Настроение мрачное. Мы были близки к тому, чтобы прорваться. Немцы были изгнаны из деревни Ф. И теперь мы должны снова идти во внутрь кольца, которое конечно, станет еще уже».

13 октября: «Всю ночь я не сомкнул глаз. Я потерял 2 автомашины. Вчера вечером я встретил товарища И., сегодня утром я встретил шофера Ф., который мне сказал, что весь оперативный состав в порядке. Сильный холод. Нет ни перчаток, ни теплого белья. Я хожу в гимнастерке. Мы двигаемся очень медленно, застряли в болоте. Было около 1000 автомашин. Всю ночь мы строили переправу, переводили автомашины с помощью тягача и, несмотря на это до утра не закончили. В болоте осталось около 50 грузовиков и приблизительно такое же число на поле.

В 6 часов утра немцы начали стрелять из многих минометов. Мы прибыли к одному маленькому ручью, где нас обнаружил немецкий разведывательный броневик. Он дал знак, и противник открыл по нашему обозу минометный огонь. Мы остановились у ручья. Ночь прошла спокойно. Мы строили переправу».

14 октября: «Противник оттеснил нас в кольцо. Непрерывная канонада. Дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Опасность и ужас почти целый день. Я уже не говорю больше о лесе, болоте и о ночевке. С 12-го я не спал. Со 2-го октября я не читал ни одной газеты».

15 октября: «Это ужасно, у меня кружится голова; трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал. Я достал фляжку спирта. Я ходил в лес на рекогносцировку. У нас полное уничтожение. Армия разбита, обоз уничтожен. Я пишу в лесу у огня. Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась».

16 октября: «Я переночевал в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу очень много красноармейцев. Командиры отсутствуют. В течение всей ночи и утром немцы обстреливали лес оружием всех видов. Около 7 часов утра мы встали и пошли на север. Стрельба продолжалась. На отдыхе я помылся. Мы достали продуктов питания и сварили обед. Я нашел для себя маленькое одеяло, полевую фляжку и сумку. С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли до нитки. Нас мучает ужасная жажда, мы пьем болотную воду.

Под вечер мы пришли к деревне К. Адский холод, сыро. Мы построили палатки, разожгли огонь, высушили одежду, пошли вчетвером в колхоз и достали соломы. Мы спали очень беспокойно. На дороге мы видели немецкий обоз, пропустили его мимо. Наткнулись на мертвых красноармейцев. По пути лежат кучи брошенных противогазов и касок».

17 октября: «Я проснулся от голода. Красноармейцы уже разожгли огонь. Я высушил мою шинель. Вскоре позавтракали и затем отправились дальше. Уже третий день мы не имеем хлеба. Вышли для разведки на опушку леса. Немецкий разведывательный отряд обнаружил нас и обстрелял из миномета. Вечером мы перешли железную дорогу и канал, достали сена для ночевки. Немецкий патруль обнаружил нас и обстрелял из легких пулеметов и минометов. В пути я бросил сено. Ночь была ужасно холодна, хотя в лесу мы спали на сене».

18 октября: «Не позавтракав, продолжали мы двигаться через лес. Мы видели немецкий патруль. Перестрелки не было. Как всегда, шли через болото. Около 12 часов остановились позавтракать, высушили одежду, ели теплый суп и кашу, кусочек мяса на 4-х человек, немного картофеля и гороха. Я побрился. Ночью предстоит переход через шоссе. Оно находится под обстрелом. К сожалению, у меня нет больше одеяла, так как вчера во время перехода через железнодорожную линию оно исчезло. Ужасно холодно».

19 октября: «Всю ночь мы шли под проливным дождем через болотистую местность. Непроницаемый мрак. На мне нет больше ни одной сухой нитки. Моя правая нога опухла. Двигаться ужасно тяжело. На рассвете мы остановились в лесу. С большим усилием я обсушился у огня и оделся, не поев и не поспав. Предстоит нам теперь путь через безлесную местность. Мы разделились на две группы, половина из нас не имеет оружия. Днем я вышел из лесу в качестве охранения, но безрезультатно. Разведка ходила за лес в…, но там немцы. Слышна стрельба легких пулеметов и минометов». На этом дневник начальника Особого отдела 50-й армии обрывается…

Известно, что эта 50-я армия в начале октября 1941 г. попала в окружение вследствие начавшегося 30 сентября глубокого прорыва 2-й танковой группы Х. Гудериана. А 7 октября все три армии Брянского фронта развернулись на 180 градусов и начали прорыв из окружения. По докладу будущего маршала Советского Союза Еременко А. И., к 20 октября 1941 года в район Белева вышли 1600 человек из 217-й стрелковой дивизии, 1524 человека — из 290-й, полностью два полка с артиллерией.

По мнению современных исследователей, 50-я армия попала в окружение и прорывалась с тяжелыми боями из-за ошибок Генерального штаба и командующего фронтом генерал-лейтенанта А. И. Еременко. В частности, В. Р. Ератов из Карачевского краеведческого музея пишет: «Например, М. Ю. Мягков прямо указывает на то, что если для 13-й армии (генерал-майора А. М. Городнянского) и 3-й армии (генерал-майора Я. Г. Крейзера) соединение частей Вейхса и Гудериана означало фактическое окружение, то для 50-й армии (генерал-майора М. П. Петрова) оставалась возможность отступления на северо-восток, на город Белев. К 8 октября командование группы армий «Центр» смогло прикрыть это северо-восточное направление лишь силами 112-й пехотной дивизии и частично 52-й пехотной дивизии (2-й армии). Здесь немцы не имели сплошного фронта. Однако начавшийся успешный прорыв 50-й советской армии на Белев вскоре был остановлен по приказу Б. М. Шапошникова, начальника Генштаба РККА. Все попытки частей армии пробиться в юго-восточном направлении (на р. Рессета) оказались безуспешными. Потеряв свыше 80 % личного состава и более 97 % артиллерии, лишившись командующего генерала М. Н. Петрова, остатки армии все же вышли из окружения, но в направлении на северо-восток, на Белев.

Прорыв отдельных частей и бои на Рессете продолжались более двух недель. В результате из окружения сумели прорваться всего 11,5 тыс. бойцов и командиров — все, что осталось от

армии численностью более 100 тысяч человек».

Командующему 50-й армией генерал-майору Михаилу Петровичу Петрову в ту холодную осень 41-го было всего сорок три года от роду. За годы своей службы он окончил всего лишь Тамбовскую военную пехотную школу (1923), бронетанковые курсы усовершенствования командного состава (1932) и высшие академические курсы при Академии Генштаба (1941). А также принимал участие: в штурме Зимнего дворца, в национально-революционной войне испанского народа и освободительном походе Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Кстати сказать, за умелое и мужественное руководство танковым батальоном Петрову было присвоено звание Героя Советского Союза. После Испании он командовал бригадой, дивизией, а в 1941 году принял 17-й механизированный корпус Западного округа. Уже в начале августа этого года Михаил Петрович принимает под свое командование 20-й стрелковый корпус, который после боев на гомельском направлении переформировывают в 50-ю армию.

С середины августа армия Петрова прикрывала брянско-калужское направление. В ходе Орловско-Брянской оборонительной операции в начале октября 1941 года соединения армии и фронта попали в окружение, а 7 октября Генштабом генералу Петрову было приказано возглавить войска фронта вместо выбывшего по ранению командующего генерал-лейтенанта А. И. Еременко.

Считается, что генерал Петров погиб 10 октября у деревни Голынка Карачевского района Брянской области. Однако, как пишут авторы публикации дневника И. С. Шабалина П. Полян и Н. Поболь, «на следующий день 20.10.41 г. Шабалин встретился с генерал-майором Петровым, вместе с которым он погиб юго-западнее Пасеки в 16 часов».

Но это не совсем так. Юго-западнее Пасеки погиб начальник Особого отдела Шабалин, а генерал Петров умер гораздо позже и совсем в другом месте. Об этом рассказал сын командующего А. М. Петров маршалу А. И. Еременко: «В боях на р. Рессета Михаил Петрович был тяжело ранен в верхнюю часть обеих ног. Он не только не мог двигаться, но от потери крови почти все время находился без сознания. Штабу армии предстоял длительный путь с боями. Транспортировка тяжелораненого в таких условиях была невозможна. Пришлось оставить генерала Петрова в одной из глухих деревень под надзором врача и медсестры. Полагали, что в последующем, если даже территория не будет в ближайшее время освобождена, Петров по выздоровлению с помощью партизан вернется на большую землю.

Группа красноармейцев во главе с врачом и медсестрой доставили раненого в небольшое лесное село Голынка (Карачевский район Брянской области). Гитлеровцы обошли это глухое селение стороной. Раненого поместили в доме колхозников Новокрещеновых. Красноармейцы после этого вернулись к своим, а врач и медсестра остались. У Петрова началась гангрена. Он приказал медицинской сестре уйти, видимо, для установления связи с партизанами, так как она была уроженкой этих мест. Примерно через неделю — дней десять в Голынку нагрянули гитлеровцы-автоматчики. Врач скрылся в лесу. Раненого же перенести не успели, и он остался у Новокрещеновых. Фашисты пожаловали и в этот дом. Хозяйка укрыла генерала старым тулупом и на вопрос врагов ответила, что это лежит ее хворый мужик, ходивший в лес и подорвавшийся на мине. Никто в деревне не видал генерала, и гитлеровцы ушли, по своему обыкновению начисто ограбив крестьян.

После этого случая врач вскоре привел группу пробиравшихся на восток красноармейцев. Они сделали удобные носилки из жердей и перенесли генерала на заброшенный лесопункт в 7 км от деревни. Здесь жил лесник и несколько человек, скрывавшихся советских людей. Гитлеровцы сюда еще не добрались. Здесь Петров был помещен в отдельной комнате, относительная безопасность позволила улучшить уход. Но гангрена усиливалась. Было решено отвезти его в Карачев, где среди врачей районной больницы были верные люди, с тем, чтобы сделать операцию. Начали подготовку к этой сложной перевозке. Сам Петров, однако, не одобрил этого решения. Состояние его резко ухудшалось. Пробыв около 10 дней на лесопункте, Михаил Петрович скончался. Ночью он был похоронен. Это была середина ноября 1941 г.».

А что касается дневника Шабалина, то после его гибели записи попали к немцам. Как утверждают авторы публикации, «немцы сочли его дневник вполне интересным трофеем! В сопроводительном письме командованию 2-й танковой армии вермахта об этом дневнике говорилось, что «он дает интересную картину настроения командующего 50-й армией генерала Петрова и его ближайшего окружения во время битвы за Брянск и характерен для боевого духа противника. Он показывает, что трудности управления войсками и напряжение войск у противника значительно больше, чем у нас. Дневник следует использовать в работе с войсками»».

К слову, немцы завладели дневником, вытащив его из планшетки убитого, а затем отправили в соответствующее подразделение абвера, где весь текст перевели, прочли и

размножили для сведения определенного круга лиц.

Авторы публикации констатируют: «Уже переведенный на немецкий язык, 3 ноября 1941 года он был разослан штабом 2-й танковой группы Гудериана по частям. А в начале марта 1942 года один из его экземпляров был захвачен Красной Армией. Тогда пришел черед советских контрразведчиков разбираться, что к чему, переводить с немецкого обратно на русский и внимательно изучать приоткрывшиеся створки судьбы его автора».

И еще один исторический факт. В дневнике Шабалина не однажды упоминается фамилия Едуков, правильно Едунов. Это не кто иной как заместитель Шабалина Едунов Яков Афанасьевич. После выхода из окружения его назначили начальником ОО НКВД 9-й армии Южного фронта, затем он был назначен начальником ОО НКВД 48-й армии Северо-Западного фронта, в марте 1943-го начальником ОО НКВД Приволжского военного округа, в апреле 1943-го начальником У КР СМЕРШ Северо-Западного фронта и в феврале 1944-го начальником УКР СМЕРШ 2-го Белорусского фронта.

В 1951 году генерал Едунов возглавит 3-е Главное управление МГБ СССР, а закончит службу в органах в 1956 году в должности начальника ОО КГБ по Белорусскому военному округу. Что ж, Якову Афанасьевичу просто повезло. Он проживет долгую жизнь и умрет в 1985 году.

Смоленский архив

Когда освободили город Смоленск, а произошло это событие 25 сентября 1943 года, то через некоторое время, все той же осенью, на стол Верховного Главнокомандующего его личный секретарь положил всего лишь две странички машинописного текста. Это была справка о результатах гитлеровской оккупации города. Известно, что Сталин красным карандашом жирно подчеркнул в этом документе всего лишь одну строчку, в том месте, где говорилось о захвате немцами партийного архива. На полях он лишь добавил: «Тов. Шкирятову — создать комиссию, разобраться и доложить через месяц о результатах…» Чуть ниже вождь дописал: «Т.т. Берии, Абакумову — оказать помощь в расследовании…»

Сегодня некоторые историки, пытаясь придать пропаже Смоленского архива более весомое значение, чем оно было на самом деле, практически утверждают о вызове Абакумова Сталиным ранним апрельским утром 1942 года. Например, доктор исторических наук Георгий Чернявский в статье «Судьба Смоленского архива — зеркала большевистского тоталитарного режима» пишет: «По знаку секретаря Сталина Александра Поскребышева чекист вошел в кабинет и по-военному представился. Сталин не ответил. Он сделал вид, что не заметил посетителя и молча продолжал мерно прохаживаться по ковровой дорожке в течение нескольких минут. Вслед за этим, подойдя к Абакумову вплотную, тихим и в то же время яростным голосом «вождь» спросил: «Что вы чувствуете, товарищ Абакумов, когда ваши подчиненные вам врут?» Характер поставленного вопроса явно означал, что Сталин обвинял самого Абакумова во лжи. Правда, всего через несколько минут дело начало разъясняться. Но минуты эти показались страшно напуганному холую-палачу вечностью.

Тихий, поначалу скрываемый гнев Сталина прорвался наружу, он ругал Абакумова самыми грязными словами. Тому хотелось упасть на колени и умолять о пощаде, о державной милости. Но было хорошо известно, что такое поведение может привести только к еще большему державному гневу владыки. Наконец, лишь слегка успокоившись, Сталин объяснил: «ваши люди осенью прошлого года доложили мне, что при отступлении из Смоленска все ценное вывезли на восток, а сейчас выясняется, что забыли партийный архив! Отдали фашистам самое ценное оружие! По Вашим глазам вижу, что Вы не представляете, во что это ротозейство обойдется нашей партии и государству»».

Далее Чернявский уточняет: «Через непродолжительное время перед заместителем наркома стоял навытяжку главный архивариус Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, большевик с дореволюционным стажем Иосиф Перельман, который считался крупнейшим экспертом в области архивного дела. Формально Перельману как буцто ничего не могло грозить, так как система партийных архивов находилась вне сферы ответственности его ведомства — его архив хранил документацию высших государственных органов власти и управления, а также профсоюзов и некоторых других общественных организаций. За партархивы же отвечал общий отдел ЦК ВКП(б), а их эвакуация в условиях войны была доверена ведомству самого Абакумова».

И еще несколько деталей из статьи: «Однако, услышав вопрос и поняв, в конце концов, суть дела в сбивчивом и не очень поначалу понятном изложении начальства, Перельман побледнел и произнес: «Там же находятся тайные, секретные постановления!»

Изложенную выше историю Абакумов помнил всю оставшуюся ему жизнь — вплоть до расстрела в 1954 г. в качестве «члена банды Берии»… Рассказал он, однако, об этом только один раз — следователю в Лефортовской тюрьме, где содержался в одиночной камере без фамилии, как узник № 15. При этом «раскололся» Абакумов лишь только тогда, когда узнал, что «великий вождь и учитель» отдал душу дьяволу.

Протокол этого допроса сохранился в Архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации, ныне доступен исследователям и является документальным подтверждением рассказанного выше».

Проблема заключается в том, что первая встреча Абакумова с вождем состоялась только 31 марта 1943 года. Эту дату детализируют тетради (журналы) записей лиц, принятых Сталиным с 1924 по 1953 год. Да и заместителем наркома обороны, то есть Сталина, он стал все в том же 1943-м — 19 апреля. В этот день его назначили начальником ГУКР СМЕРШ НКО СССР.

Если же говорить о рассказе Абакумова следователю в Лефортовской тюрьме, то это мог быть всего лишь рассказ, а не показания. Следовательно, никакого протокола допроса, в котором бы отразилось упоминание о Смоленском архиве, в реальной жизни не существует. И тем более нет его на хранении в Архиве ФСБ. Но это, так сказать, к слову…

Сам же вопрос о Смоленском партийном архиве возник именно осенью 1943-го. Более того, он будет иметь продолжение

и гораздо позже… Но все по порядку.

Как вспоминал первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, уже на второй день войны, проанализировав военное положение, они пришли к выводу о необходимости развернуть эвакуацию. В середине дня он позвонил Сталину и сообщил о решении Белорусского ЦК. Сталин немного подумав, сказал: «Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов и государственные ценности, какие считаете необходимым вывезти в первую очередь. Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Все должны понимать, что эвакуация — это тоже элемент войны».

«Так или иначе, в течение 23–24 июня из Минска успели вывезти ценности Госбанка и сберегательных касс, архивы партийных органов, — пишет Э. Иоффе, профессор БГПУ им. Танка, доктор исторических наук. — По свидетельству того же М. И. Сарычева, подготовка к эвакуации шла в здании ЦК… в течение всего дня 24 июня. Как только был получен приказ об эвакуации, архивы были «с молниеносной быстротой погружены на машины и под прикрытием темноты отправлены в Могилев»».

Официальные указания архивным органам, как сообщает И. В. Дорогуш, «поступили только 30 июня 1941 г. Был разработан план эвакуации ценных документальных материалов государственных архивов НКВД-УНКВД, находящихся в угрожаемой зоне за подписью зам. Наркома Внутренних дел СССР В. В. Чернышева. В нем давались указания Архивному отделу НКВД БССР о вывозе в Пензу государственных архивов: Октябрьской революции и социалистического строительства, архив Минской области, исторический архив в Могилеве» и только «Приказом по НКВД СССР № 0401 от 30 августа 1941 г. всем архивным органам были даны развернутые указания по вопросам охраны и эвакуации документальных материалов, а также по разгрузке государственных архивов от материалов, не имеющих научно-исторической и оперативной ценности».

А что же в Смоленске? Там в первые же дни войны, согласно решению Обкома ВКП(б) и Облисполкома от 23 июня 1941 года, была создана специальная комиссия по эвакуации жителей Смоленска и всего госимущества области. Как сообщается в книге «История Смоленской милиции (1941–1945)», «в ее состав был включен начальник УМ УНКВД Г. И. Шишков. Предстояло решение сложных задач эвакуации государственного имущества, ценностей. Кроме того, на сотрудников милиции были возложены

задачи усиления охраны общественного порядка, борьбы с лазутчиками и диверсантами, паникерами, расхитителями личного и государственного имущества. Вот так вспоминает это время сам Г. И. Шишков в своем отчете секретарю Смоленского Обкома ВКП(б) Д. М. Попову: «Мне, как члену комиссии была отведена роль — обеспечить все заявки на автомобильный и гужевой транспорт по требованию фабрик и заводов, складов, баз и учреждений для эвакуации промышленного оборудования, ценного сырья, продовольствия и прочего имущества. Понадобились колоссальные усилия, привлечение большого количества работников милиции, для того, чтобы справиться с этой непростой задачей. В условиях прифронтовой полосы, когда автотранспорт был уже отмобилизован, это было исключительно сложным делом. Однако комиссия находила ежедневно сотни автомашин и сотни лошадей для того, чтобы график перевозки грузов не срывать. До самых последних часов оставления нашими войсками Смоленска комиссия не прекращала эвакуации государственного имущества. Работа не прекращалась и при бомбардировках вражеской авиацией!»».

Если учесть, что только 11 июля 1941 года немецкий 39-й мотокорпус, сломив сопротивление не успевшей сосредоточиться 19-й армии в районе Витебска, начал наступление на Демидов, Духовщину и Смоленск, то времени на эвакуацию партийного архива с 23-го июня было фактически достаточно.

Так оно, собственно, и было, в конце июня Смоленский партийный архив начал подготовку к эвакуации документов. Однако только 8 июля 1941 года, когда фронт вплотную подошел к границам Смоленской области, «Областной комитет по эвакуации населения, скота и имущества» дал указание о вывозе фондов партийного архива на восток области — в город Юхнов (ныне Калужская область). Но этого города достигли только 6 грузовых автомашин с документами персонального учета членов партии. Оттуда по распоряжению Управления делами ЦК ВКП(б) эти документы были перевезены в Казахстан, в г. Уральск. Другая часть документов партархива, а это отдельные протоколы заседаний бюро обкома партии, документы аппарата (отделов) обкома, протоколы заседаний бюро райкомов и горкомов ВКП(б) Смоленской области, присланные в обком в качестве информации о деятельности местных партийных органов, была сожжена сотрудниками архива в июле 1941 г., буквально перед захватом города немцами.

Основной же комплекс документов Смоленского партархива оказался в руках противника. Из захваченной ими части 541 дело было отделено от общей массы документов, скорее всего для

использования в антисоветской пропаганде. По хронологии дела распределялись следующим образом: 1917–1920 гг. — 24 дела; 1921–1924 гг. — 49 дел; 1925–1928 гг. — 124 дела; 1929–1932 гг. — 122 дела; 1933–1936 гг. — 156 дел; 1937–1941 гг. — 50 дел; разные годы — 16 дел. Но отделение дел было произведено впоследствии, а пока вместе с книгами всех смоленских библиотек оставшиеся в городе архивные документы были свезены в здание Смоленского собора, а затем вывезены в Польшу. Известно, что только за 9 месяцев 1943 года оккупанты смогли вывезти из Смоленска 4 железнодорожных вагона, набитых архивными документами. Правда, и хлопот с этим архивом им досталось прилично. Так, 19 марта 1943 года руководитель Главной рабочей группы «Остланд» д-р Нерлинг в направленном в Берлин отчете о поездке руководства группы в Смоленск в своем рапорте указал: «Перевозка коммунистического партийного архива из Смоленска в Вильну, стоившая много времени и труда, тем не менее закончилась. Архив прибыл в Вильну в хорошем состоянии». Другой представитель группы, айнзатцфюрер Немцов, 2 мая 1943 года в новом рапорте уточнил: «Последние акты партийного архива, находящиеся в Аврамиевском монастыре, 30 апреля были отправлены в Вильну, так что весь партийный архив находится теперь там». То есть сначала немцы перевезли Смоленский архив в Вильнюс и только потом в Баварию. В феврале 1945 года на станции Пщина, более чем в сотне километров от Кракова, частями 4-го Украинского фронта были отбиты у противника вагоны с архивными документами. Среди них оказались и документы Смоленского партийного архива. Уже в апреле документы, погруженные в несколько железнодорожных вагонов, вернулись в Смоленск. А вот отобранный массив, тот самый из 541 дела, оказался гораздо западнее — в Баварии и после победы попал в руки командования американских войск. С 1947 года и до возвращения в Россию эти документы находились в Национальном архиве США в Вашингтоне.

Так как же все эти документы попали к противнику?

15 июля в 17 часов к Смоленску подошли основные силы 29-й моторизованной дивизии противника и, развернувшись в боевой порядок, начали наступление на город с трех сторон: вдоль Рославльского, Киевского и Краснинского шоссе.

К 20 часам немецкие части с боями вошли в центральную часть Смоленска. Через час немцы появились со стороны Рославльского шоссе. В 24.00 был взорван новый мост через Днепр, а через 2–3 часа взорван старый мост.

На рассвете противник форсировал Днепр в районе

Колхозной площади и Рачевки, после чего начались бои за северную часть города. В течение всего дня противнику удалось переправиться на северный берег Днепра и овладеть основной частью города. В этот же день в оперативном окружении оказались три советские армии: 19-я, 20-я и 16-я.

Такое стремительное наступление вполне естественно породило панику и не только среди бойцов и командиров. В большей степени это коснулось советских чиновников, которые, бросая все, спешили убежать из города. Таким образом, вступление передовых частей противника в город, уличные бои в городе, окружение советских армий стали главными причинами как невозможности эвакуации партийного архива, так и уничтожения.

Со всем этим и пришлось разбираться комиссии Шкирятова, которому помогали по своей линии нарком внутренних дел Л. П. Берия и начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР В.С. Абакумов. Многое пришлось изучить и расследовать их подчиненным. Естественно начали они это расследование с самых первых дней войны.

Например, пришлось обратиться к материалам «военно-экспертной комиссии по вопросу оставления Смоленска нашими войсками 15–16 июля 1941 г.», возглавляемой генералом И. П. Камерой.

«Результаты работы этой комиссии были обобщены в ноябре 1941 г., — рассказывает Д. Комаров. — Согласно данным, собранным комиссией, непосредственно обороной города «занимались части общей численностью 6,5 тыс. человек», причем в гарнизоне «не было кадровых частей, а только запасные и специальные». Относительно боев непосредственно за город комиссия делает однозначный вывод: «Бои непосредственно за город Смоленск 15.07.1941 г. продолжались крайне скоротечно». Как командованием гарнизона, так и командованием 16-й армии, на которых была возложена ответственность за оборону города, не было принято действенных мер по обеспечению устойчивой и эффективной обороны Смоленска: «вместо организованного сопротивления противнику, в южной части города имеющимися силами… оборона города вылилась в форму разрозненных боев с противником», «со стороны 16 А, знавшей о тяжелом положении города, реальных мероприятий проведено не было, и вся борьба с наступающим противником была передана в руки только начальника гарнизона». В отношении тех частей, которые прикрывали южную часть города вывод комиссии, основанный на выводах Военного совета 16-й армии звучит однозначно: «оказались крайне неустойчивыми и при первом боестолкновении

с противником сдали город без какого-либо вооруженного сопротивления»».

Интересно, что выводы комиссии о стремительном захвате города без стойкого сопротивления его защитников подтверждается документами и германской стороны: «Когда мы вступили в этот мертвый город, перед нами открылась призрачная картина. Выстрелов не слышалось. Отдельные появившиеся советские солдаты бросались наутек. Все мосты через Днепр были разрушены».

В ходе расследования контрразведчикам вновь пришлось вернуться к взрыву мостов через Днепр. Как это происходило, свидетельствовал писатель И. Ф. Стаднюк: «Начальник штаба армии полковник Шалин Михаил Алексеевич, многоопытный, рассудительный штабист, участник гражданской войны, крайне удивился, узнав, что смоленские мосты до сих пор не заминированы. Прежнего убеждения Малышева, что заложенная в фермы мостов взрывчатка могла бы облегчить диверсию немецких агентов, Шалин не разделял и вызвал к себе в автобус начальника инженерной службы армии. Они тут же сочинили проект приказа, адресуя его начальнику Смоленского гарнизона полковнику Малышеву. В приказе, написанном красным карандашом на полулисте бумаги, категорически требовалось немедленно подготовить мосты через Днепр к взрыву, усилить их охрану и, если нависнет опасность захвата мостов противником, взорвать без промедления. Приказ этот выходил за рамки компетенции одного военачальника, и его решили совместно подписать командующий армией генерал-лейтенант Лукин, член Военного совета генерал-майор Лобачев и начальник штаба полковник Шалин.

Когда пришли с проектом приказа в землянку Лукина, то застали там и Лобачева. Прочитав подготовленный документ, оба генерала озабоченно переглянулись. Лукин спросил у Шалина:

— Но вы-то понимаете, что мосты эти стратегического значения?

— Понимаю, товарищ командующий, поэтому нельзя медлить ни минуты с подготовкой их к взрыву.

— Нужна санкция штаба фронта, — напомнил Лобачев.

— К утру санкция будет, — пообещал Шалин и объяснил Малышеву: — Взамен линий связи, перехваченных немцами, связисты сейчас прокладывают обходную — через дорогобужские леса.

— Сделайте запрос по радиотелеграфу, — приказал Шалину Лукин и подписался под приказом. Передавая бумагу на подпись генералу Лобачеву, Лукин сказал стоявшим рядом Малышеву и

начальнику инженерной службы армии: — Заложите в фермы взрывчатку и подготовьте все к взрыву. В случае опасности звоните мне… Пока штаб фронта не даст «добро», эта бумажка не имеет силы. — Он указал пальцем на приказ, который уже подписал и Шалин. — Даем вам ее, как говорят, авансом, на аварийный случай…

Южную часть Смоленска пришлось оставить. По мостам устремились в Заднепровье госпитальные машины с ранеными, врачами, медсестрами, эвакуировались «обитатели» Лопатинского сада — руководители областного комитета партии, облисполкома, районов города.

На одном из мостов собрался «летучий» военный совет: раненый осколком в висок полковник Малышев, первый секретарь обкома Попов, председатель облисполкома, начальник управления НКВД области… Решали единственный вопрос: взрывать или не взрывать мосты. Все сходились на том, что надо взрывать. Но связи со штабом 16-й армии не было (…). Через два дня после того как мосты были взорваны, в расположении войск 16-й армии, пытавшейся всеми силами отбить у немцев Смоленск, приземлился самолет, а в нем представитель военной прокуратуры Западного фронта с ордером на арест полковника Малышева Петра Федоровича…»

Свидетельствует генерал-майор А.А. Лобачев, в 1941-м член Военного совета 16-й армии: «В штаб фронта доложили, что южная часть Смоленска находится в руках противника, организована оборона северной части, попытки восстановить положение пока не имеют успеха; форсирование Днепра при отсутствии понтонов представляется затруднительным. Сразу же пришел запрос: «По чьему указанию взорваны мосты через Днепр?». Радировали. Получили новую радиограмму. На этот раз от прокурора фронта: «Малышева, взорвавшего мосты через Днепр и помешавшего восстановлению положения в Смоленске, арестовать и доставить в штаб фронта».

Все эти события развернулись 16 июля. Малышев появился на КП в Жуковке только на следующий день, около 7 часов вечера. Лукин уехал в 152-ю дивизию. Я разговаривал по телефону с генералом Городнянским. Комдив был явно встревожен положением на левом фланге 46-й дивизии, где разрозненные группы бойцов стали отходить от реки и железной дороги.

— Видимо, какая-то провокация, — заключил комдив 129-й.

— Поехали, товарищ полковник, в Смоленск наводить порядок, — предложил я Малышеву. По дороге спросил: — Почему вы взорвали мосты в Смоленске?

Он ответил вопросом:

— Речь Сталина от третьего июля читали? — и, помолчав, продолжал: — Я и взорвал. У меня не было другого выхода.

— И закрыли пути для восстановления положения?

— Если бы я оставил мосты и немцы перешли на северный берег Днепра, вы бы первый меня арестовали.

— Но это сейчас придется сделать. Вы арестованы, товарищ Малышев. Есть такое указание: арестовать вас и отправить в штаб фронта.

Малышев невесело улыбнулся:

— Начальству виднее…

За аэродромом появились отдельные группы бойцов. Мы остановили и построили их. Собрали человек триста.

— Смирно! За мной, шагом марш!

Я вел колонну к Днепру, замыкал Малышев, вел и думал, что вот люди идут обратно, значит они могут поверить, обязательно поверят в победу!

Бойцы залегли в оборону во ржи, почти у самой реки. Продвижение заметили на том берегу, тотчас же начали строчить пулеметы. Мы ответили. Теперь ни один человек не поднялся и не покинул переднего края. Обстрел усилился, заговорили вражеские минометы. Осколком мины ранило в голову Малышева.

— Я никуда не уйду, — ответил он, когда предложили отправиться в медсанбат.

— Что ж, оставайтесь, свяжитесь с Городнянским и держитесь! — согласился я.

На командном пункте ждала новая радиограмма от прокурора: «Почему не арестовали Малышева? Примите меры. Препроводите в штаб фронта».

Я ответил: «Малышев ранен, остался в боевых порядках, командует подразделением на берегу Днепра».

Из штаба фронта прибыл за полковником самолет».

Петру Федоровичу Малышеву было тогда сорок три года. Выпускник Военной школы прапорщиков (1917 г.), курсов «Выстрел» (1923 г. и 1930 г.) и Военной академии имени Фрунзе (1935 г.). Был командиром батальона и полка. Богатейший опыт. Однако судьба словно испытывала его на особую прочность. В 1937 г. его арестовали и до 1940 г. Петр Федорович находился под следствием. В феврале этого года его восстановили в кадрах РККА и зачислили в распоряжение Управления по начсоставу. А в феврале назначили командиром 64-й стрелковой бригады.

В начале войны полковник Малышев командовал 3-й запасной стрелковой бригадой. Был назначен командиром 64-й стрелковой дивизии, но соединение не принял, так как исполнял

обязанности по обороне г. Смоленска. После занятия города противником был арестован во второй раз и до марта 1942 г. находился под следствием. После освобождения за отсутствием состава преступления Малышев получил назначение командиром 288-й стрелковой дивизии. С декабря 1943 г. и до конца войны он командующий 4-й ударной армией. Генерал-лейтенант (1943 г.). С 1959 г. в отставке. Умер в 1972-м.

Но вот прошел месяц, и Матвей Федорович Шкирятов, заместитель председателя Комитета партийного контроля, с помощью Берия и Абакумова завершив расследование, доложил Сталину о более чем двадцати военнослужащих, «изобличенных» в трусости и халатности при выполнении своих обязанностей во время обороны Смоленска. Почти все они были осуждены. Часть ответственности взвалили на генерала Лукина, потому что не смог отстоять город. Особую вину возложили на помощника коменданта Смоленска Бочкарева. Якобы по его команде был взорван мост через Днепр раньше, чем это требовалось обстановкой. Однако генерал Лукин в это время находился в немецком плену, а Бочкарев погиб во время бомбежки.

Было и еще одно интересное продолжение этой истории…

Князь Алексей Щербатов в мае 1945 года объезжал близлежащие районы послевоенной Германии вместе с американским шофером-капралом. Он искал новые материалы, которые могли бы заинтересовать американцев. Однажды по дороге из маленькой баварской деревеньки ему повстречался литовский священник. «Я подошел, объяснил нашу миссию, — вспоминает князь. — Он понимающе кивнул и спросил на немецком:

— Вы знаете этот язык? Будем общаться на нем?

— Да, знаю.

— Вы — явно русский.

— Князь Алексей Щербатов.

— Очень приятно. Я могу вам доверять? У меня в амбаре находится огромный архив Смоленского ГПУ, замаскированный силосом. Документы, вывезенные в конце 43-го года, немцы спрятали, упаковав в ящики. Ко мне уже приезжали советские агенты, я скрыл этот факт, поняв, что они не уверены в точном местонахождении архива. Прошу вас, срочно сообщите об этой находке. Здесь очень важные бумаги, вывезенные Гиммлером. Спасите документы, иначе их уничтожат».

В дальнейшем Щербатову удалось выяснить, что архив был разделен на две части: «Первая — с 1917 по 1936 год — находилась в церкви Св. Петра и Павла. Вторая — с 1937 по июнь 1941 года — в бывшем здании смоленского окружного суда, где

размещалось главное управление НКВД. Из Смоленска, окруженного немцами, Красная армия бежала, документы эвакуировать не успели. Партийное руководство дало приказ «архив взорвать и поджечь». К счастью, этого не произошло. Первая часть была спасена, поскольку сотрудник ЧК, фон Энгельгардт, получил приказ, но его не выполнил. Застрелив своего напарника, он сообщил об архиве немцам, вошедшим в город. Благодаря немецким корням, Александра сразу восприняли, как фольксдойча — чистокровного немца, и оставили при архиве до конца войны в Баварии, где и произошла наша первая встреча. Здание управления НКВД с хранившейся там второй частью архива подожгли, но немцы успели потушить огонь, и документы почти не пострадали».

13 декабря 2002 года в Министерстве культуры Российской Федерации состоялась пресс-конференция, посвященная возвращения в Россию Смоленского архива…

Лжевоинская часть

В Постановлении ГКО № 187СС «О преобразовании органов 3-го Управления в Особые отделы» от 17 июля 1941 года говорилось: «Главной задачей Особых отделов на период войны считать решительную борьбу с шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе».

В Постановлении ГКО № 3222СС/ОВ с утверждением «Положения о Главном Управлении контрразведки Народного Комиссариата Обороны (СМЕРШ) и его органах на местах» среди задач органов СМЕРШ борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах занимала свое отдельное и особое место. И надо сказать, особисты-контрразведчики справлялись с этой задачей весьма успешно. На сегодняшний день об этом написано множество книг, статей и публикаций. Однако, несмотря на успехи Особых отделов и СМЕРШа в этой борьбе, были там, что называется, и просчеты. А где их не бывает? Вот только этот просчет войдет в нашу историю как не имеющий аналогов. Поэтому на нем следует остановиться подробнее…

Николая Максимовича Павленко война застала в Минске, а уже 27 июня 1941 года мобилизованный воентехник 1-го ранга был назначен на должность помощника инженера 2-го стрелкового корпуса. К слову сказать, воинское звание «воентехник 1 ранга» приравнивалось тогда к воинскому званию «старший лейтенант». Впервые появились они в Красной армии в 1935 году с установлением персональных воинских званий.

Второй стрелковый корпус с начала войны находился в резерве Западного фронта, а затем вошел в состав 13-й армии этого фронта. В корпус входили всего две стрелковые дивизии: 100-я и 161-я. Именно они под командованием генерал-майора А. Н. Ермакова во взаимодействии с 44-м стрелковым корпусом армии, выдвинутые в конце июня 1941 года на рубеж Минского укрепленного района, вели тяжелые оборонительные бои с 3-й танковой группой немецко-фашистских войск. Под ударами превосходящих сил противника соединения 2-го корпуса вынуждены были отойти за р. Березина в район г. Борисов и южнее, а затем за р. Днепр, где закрепились на рубеже Копыев, Нов. Быхов. Например, вот как описывал краткие итоги и выводы из боев за Минск помощник начальника оперативного отдела штаба 2-го стрелкового корпуса капитан Гаран 17 сентября 1941 года: «Бои за Минск в полосе обороны 2-го стрелкового корпуса носили ожесточенный и динамический характер. Противник,

пользуясь превосходством в подвижных частях, стремился наносить удары во фланг и тыл частям корпуса. Пехота 100-й и 161-й стрелковых дивизий показала высокую стойкость даже без артиллерии, смело отражая атаки танков, поджигая их. Когда танкам противника удавалось прорваться через позиции нашей пехоты, последняя обрушивалась на пехоту противника, нанося ей огромнейшие потери. Тыловые органы и штабы с первых дней боев начали правильно маскироваться, передвигаться по дорогам мелкими группами, чем уменьшали свои потери. Противотанковая артиллерия, не имея в первый день практики боя с танками противника, понесла значительные потери.

100-я стрелковая дивизия за 27 и 28.6.41 г. потеряла до 45 орудий главным образом противотанковых. Скорострельность противотанковой артиллерии оказалась недостаточной для борьбы с подвижными немецкими танками. Потери пехоты, хотя точных данных собрано не было, были невысокими. Потери от авиационных бомбардировок и пулеметного обстрела с воздуха, несмотря на низкие высоты и абсолютное господство авиации противника, оказались очень незначительными…»

С 10 июля 2-й корпус участвовал в Смоленском сражении, а с 24 июля в составе 13-й армии был включен в состав Центрального, а с 15 августа Брянского фронтов, в составе которых вел оборонительные бои на рр. Сож, Судость и Десна.

В августе 1941 года на базе 2-го корпуса формируется 50-я армия. Та самая, Особый отдел которой формировал автор дневника майор ГБ Шабалин. В отличие от него Павленко уже немного повоевал. Правда, пусть при штабе корпуса, но не все ли равно. Впечатлений хватало и там. Воентехник прекрасно видел царившую на фронте полную неразбериху, а порой и хаос. Видел, как штабы передавали все новые приказы и распоряжения, а они банально отставали от стремительно меняющейся обстановки. Видел, как военное руководство, ошеломленное непредвиденным развитием событий, вносило своими неадекватными обстановке действиями еще больше путаницы. Оказалось, что одного жертвенного мужества и стойкости солдат было явно недостаточно. Отсутствие взаимодействия, потеря управления, незнание истинной обстановки усугубляли и без того крайне тяжелое положение войск. Всеми фибрами души Павленко чувствовал наступление неминуемой катастрофы… И он почти не ошибался: в первые дни июля из 44 дивизий Западного фронта 24 были полностью разгромлены, а остальные 20 дивизий утратили от 30 до 90 % сил и средств. Что и говорить, если уже к исходу первых суток боев вся система управления фронта была парализована.

На Юго-Западном фронте картина была не лучше: около 30 дивизий фактически перестали существовать и около 70 потеряли более 50 % личного состава…

Все висело на волоске, а немцы упорно двигались к столице. В общем, ни война, ни тем более смерть не входили в планы старшего лейтенанта. Только поэтому в сентябре 1941-го он выписывает себе фальшивое командировочное удостоверение (благо, в большом штабе это не являлось проблемой) и вместе со своим шофером красноармейцем Щеголевым дезертирует в хорошо знакомый ему город Калинин. По дороге помощник инженера корпуса подбирает прибившихся к нему несколько дезертиров. Еще немного и все трудности и опасности позади. В Калинине он решил затеряться. Как пишет Э. Хруцкий, «Павленко до войны был человеком денежным. Умелый прораб всегда сможет сделать фиктивные наряды и акты. Человеком он был разгульным и щедрым, поэтому имел широкий круг знакомых. Вот у них-то он и перебивался в тыловом городе. Но война приближалась. В городе началась эвакуация. У бывшего воентехника не оставалось выбора. За дезертирство он вполне мог получить высшую меру».

В Солнечногорске и Клину Павленко случайно встретил нескольких сослуживцев по довоенной артели. Во время одного из очередных застолий его земляк, шестнадцатилетний мальчишка Людвиг по фамилии Рудниченко, продемонстрировал подвыпившим приятелям свои исключительные способности. Прямо на их глазах вырезал из резиновой подошвы гербовую печать с надписью «Участок военностроительных работ № 5 Калининского фронта». Собственно, с этого все и началось…

Очень скоро в прифронтовом Калинине появилась организация с одноименным названием. Учитывая неразбериху того времени, вдруг ниоткуда появившаяся военная часть никого не удивила. Спустя годы следствие зафиксирует дату этого события — март 1942 года. Теперь без труда Павленко удалось открыть по сфабрикованным документам расчетный счет в Калининской областной конторе Госбанка, а затем получать там денежные средства, перечисляемые из ФЭП-165. В местной типографии за взятку продуктами он отпечатал несколько тысяч бланков своей организации. По поддельным документам (бланки, продаттестаты, командировочные удостоверения и другие документы) дезертиры получали на складах продовольствие. Обмундирование сначала закупили на базарах, а уже потом наладили связи с некоторыми работниками швейной фабрики имени Володарского и Калининской облпромкооперации.

«В те дни в «синдикат» Павленко входили всего несколько

человек, автомашина Щеголева и пара лошадей, — рассказывает автор статьи «Миллионы фальшивого полковника» Е. Павлова. — Но вскоре там числилось уже несколько десятков рабочих, потому что Павленко умело организовал пьянку с нужными людьми, щедро их «отблагодарил», а затем направил в военную комендатуру и комиссариат Калинина официальные запросы на рабсилу. И тут же ряды фиктивной организации начали пополняться за счет бойцов-нестроевиков, выписанных из госпиталя после ранения». Затем Николай Павленко договаривается с начальником одного из эвакопунктов врачом 1-го ранга Биденко о том, что тот зачисляет всех бойцов «УВСР-5» на все виды довольствия эвакопункта, а за это «УВСР-5» производит бесплатный ремонт его строений. Собирает он и брошенную на дорогах технику: автомашины, бульдозеры, экскаваторы. Из наиболее преданных ему дезертиров создает «офицерский корпус» и даже свою контрразведку. Себе для начала воентехник «присвоил» воинское звание «военинженера 3 ранга», то есть «капитана». Что было для правдоподобности логичным.

Теперь банда, что называется, легализовалась полностью, «появились договоры на выполнение дорожных и строительных работ с разными организациями Калинина, которые исправно перечисляли ему «гонорары». Часть средств «командир» тратил на питание рядового состава и зарплату офицерам части, а остальные присваивал вместе с соучастниками».

Осенью 1942 года, когда Калининский фронт был ликвидирован, Павленко дает крупную взятку командиру 12-го района авиационного базирования (РАБ) подполковнику Цыплакову, в результате чего личный состав лжевоинской части был зачислен на все виды довольствия 12-го РАБа. Правда, пришлось поменять на всякий случай и «вывеску» на «УВР-5», то есть без буквы «С».

Для несведущих лишь подчеркну, что так называемые РАБы, или Районы авиационного базирования, появились в советских ВВС в апреле 1941 года, как совершенно новая «автономная» система тыловых служб авиации. Каждый РАБ состоял из двух или трех авиабаз, которые в свою очередь имели 3–4 батальона обслуживания (БАО). Каждый РАБ должен был обеспечивать несколько авиадивизий в своей зоне ответственности, а каждый БАО (Батальон аэродромного обслуживания) поддерживал свой авиационный полк.

12-й РАБ в своем составе имел 12-ю отдельную роту связи (потом батальон), 212-й отдельный батальон оперативной связи, 112-й отдельный автотранспортный батальон, 210-ю техкоманду

по сбору и эвакуации трофейных боеприпасов (с 29.3.45 по 9.5.45), 38-ю техкоманду по уборке аварийных самолетов (с 25.11.42 по 29.9.43), 12-ю отдельную трофейно-эвакуационную роту (с 21.4.44 по 9.5.45), 585-ю отдельную зенитно-пулеметную роту (с 21.4.44 по 9.5.45), 12-й прачечный отряд (с 23.12.42 по 30.9.43 и с 21.4.44 по 9.5.45), 12-й полевой военно-хозяйственный склад (с 19.2.43 по 30.9.43), 420-ю полевую кассу Госбанка (потом 1298-я полевая касса Госбанка) и 684-ю военно-почтовую станцию.

Серьезная организация. Но еще серьезнее было то, что в этом РАБе был Особый отдел, а впоследствии отдел контрразведки СМЕРШ, который мог возглавлять целый полковник. И вот именно такой отдел, как, впрочем, до него и другие, просто проморгали пребывание дезертира Павленко в Калинине, а также создание им лжевоинской части или попросту банды. Самое удивительное, что органы НКВД действительно работали, в том числе и в этом городе.

Например, в спецсообщении начальника УНКВД по Калининской области майора ГБ Токарева о выявлении и задержании дезертиров говорилось:

> «С 1 декабря 1941 г. по 1 апреля 1942 г. задержано 3341 дезертир. В том числе:
>
> 1. Арестовано и предано суду — 1949 чел.
>
> 2. Направлено в воинские части, пересыльные пункты и в особые отделы — 1392 чел.
>
> Большое количество дезертиров выявлено в освобожденных от немецких оккупантов районах. Так, в Куньинском р-не задержано 700 человек».

Все хорошо, но Павленко так никому и не попался. Мало того, так он ни у кого даже не вызвал никаких подозрений. Видимо дезертиров было проще ловить по одному. А вот целую организацию вычислить оказалось не под силу. В этом-то и заключается еще один прецедент созданной Павленко организации!

«Часть Павленко, поменявшая вывеску на УВР-5, двигалась вслед за наступающими советскими войсками, сохраняя безопасное расстояние до передовой, — сообщается в книге «100 великих авантюристов». — На пути до границы СССР люди Павленко заработали по договорам около миллиона рублей. Для увеличения объема выполняемых работ требовалось пополнение. Тогда Павленко начал вербовать солдат, отставших от своих частей. Начальник штаба УВР М. Завада говорил: «Людей вербовали, как правило, из лиц отставших от воинских частей…

Шоферов брали вместе с машиной… Когда подходили к советской госгранице, в УВР было более двухсот человек. Половина из них — дезертиры и лица, укрывавшиеся от призыва в действующую армию». На вооружении у них находилось до 100 единиц огнестрельного оружия и огромные запасы трофейного имущества.

Часть Павленко прошла вслед за советскими войсками всю Польшу и закончила свой «боевой» путь под Берлином. Здесь «строители» занялись откровенным грабежом местного населения. К концу войны часть Павленко превратилась в вооруженную банду, одетую в форму советских военнослужащих».

На своем первом допросе «командир» лжевоинской части не без гордости утверждал, что в составе 4-й воздушной армии его «УВС» дошла до Белостока, а затем и до Одера, построив немало аэродромов и получая от командования одни лишь благодарности. Однако следователями из Главной военной прокуратуры будет установлено, что основные усилия «УВС» направляла вовсе не на строительство военных объектов. Некоторые участники этой организации систематически разворовывали все, что попадалось им под руку: строительные материалы, автомашины, фураж.

В 1944–1945 годах на территории Польши и Германии участники «УВС» под видом сбора трофейного имущества захватывали автомашины, трактора, мотоциклы, радиоприемники, ружья, аккордеоны, велосипеды, ковры, швейные машинки, угоняли скот, похищали продукты питания и другие материальные ценности. Следствием будет доподлинно установлено: «по далеко неполным данным, на территории Германии было похищено около 80 лошадей, не менее 50 голов крупного рогатого скота, большое количество свиней, около 20 грузовых и легковых автомашин, до 20 тракторов, электромоторы, автотракторные прицепы, значительное количество муки, крупы и сахара».

Из книги «100 великих авантюристов»: «Уже после победы набравший силу и обнаглевший командир УВР с помощью обмана и крупных взяток установил связи с военпредами Управления вещевого и обозного снабжения Министерства обороны СССР, а также с представителями временной военной комендатуры Штутгарта и получил в свое распоряжение железнодорожный эшелон из тридцати вагонов. Помимо десятков тонн муки, сахара, круп и сотен голов домашнего скота, на нем вывезли десять грузовиков, пять тракторов, несколько легковушек и другую технику. На родину банда возвращалась с богатой добычей, с орденами и медалями. По фиктивным документам о мнимых

подвигах бойцов УВР Павленко получил свыше 230 наград, которые раздал своим наиболее отличившимся соратникам. Себя же наградил двумя орденами Отечественной войны 1 — й и 2-й степени, орденом Боевого Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

По возвращении в Калинин Павленко сразу же демобилизовал всех, кто ничего не знал о преступном характере подразделения. После продажи награбленного каждому из своих «солдат» выплатил от 7 до 12 тысяч рублей, «офицерам» — от 15 до 25 тысяч, себе же оставил 90 тысяч рублей.

Бросив в Калинине часть вывезенной техники, Павленко создал и возглавил гражданскую строительную артель «Пландорстрой»».

«Павленко действительно был великим махинатором, — считает Е. Павлова. — Прекрасно понимая натуру людей, он запросто делал очень дорогостоящие подарки, прекрасно зная, что потом ему не откажут. Например, тульскому облвоенкому Рижневу Павленко передал легковую машину, и тот распорядился разместить УВС на территории Щекинского района. Позже, используя связи с Рижневым, Павленко и его сообщники под видом получения пособий по демобилизации расхищали государственные средства. Рижнев же получил «довесок»: корову, ковер, радиоприемник и дефицитные продукты. Не раз по липовым документам «контора» получала деньги и через Клинский, Солнечногорский и Галичский военкоматы.

Комбинатор не забывал и о себе любимом: купил два приличных дома — в Калинине и на Украине — да несколько автомобилей «Победа»».

В отличие от войны, когда Павленко действовал абсолютно безнаказанно, в мирное время «работать» стало гораздо труднее. И он отправляется во Львов, подальше от знакомых и обжитых мест. Это потом выяснится, что в феврале 1948 года прокуратура Калининской области возбудила против него уголовное дело. Возглавляя артель «Пландорстрой», он похитил денежные средства на сумму 339 326 рублей и находился во всесоюзном розыске.

Во Львове, как оказалось, Павленко не смог придумать ничего нового. Собрав свою банду, он вновь создает «Управление военного строительства», но уже под другим номером: «УВС-1». Схема была все та же. Рудниченко изготовил все необходимые печати и штампы. Преступники заказали и отпечатали необходимые бланки и документы. С помощью все тех же взяток, подношений и застолий были налажены тесные контакты с местными чиновниками и органами госбезопасности. Что и

говорить, если кандидаты на работу в «УВС» отбирались через Управление МГБ по Львовской области, которое проверяло желающих устроиться на работу на предмет лояльности к советской власти и отсутствия каких-либо контактов, связей с бандподпольем.

Новая воинская часть не отличалась от других воинских частей практически ничем. Там также соблюдался распорядок дня, проводились занятия по боевой и политической подготовке. Каждый день назначался суточный наряд, нес службу караул, часовой поста № 1 охранял Красное знамя.

Как пишет Е. Павлова, «от желающих заключить договоры подряда со столь уважаемой организацией не было отбоя! В деле подшито несколько совершенно секретных списков, в которых перечислены десятки предприятий и организаций, вступивших «в хозяйственные отношения со строительными участками УВС-Г». Среди них — трест «Западшахтострой», Золочевское шахтоуправление министерства угольной промышленности, СМУ-2 треста «Белхладстрой» министерства мясной и молочной промышленности БССР, Кишиневский винзавод «Гратиешты», Тираспольский винзавод, УНР-193 министерства строительства предприятий машиностроения и т. д.

В общей сложности преступниками только за период с 1948 по 1952 год было заключено 64 договора на общую сумму более 38 миллионов рублей. Счета «УВС» были открыты в 21-м отделении Государственного банка СССР, и через них удалось получить более 25 млн рублей.

Строил Павленко по этим договорам даже железнодорожные ветки. Например, если в его «УВС» не было специалистов, то он их с удовольствием нанимал со стороны, платя наличными в 3–4 раза больше, чем получил бы этот же специалист за ту же самую работу на государственном предприятии. Однако в самом «УВС» жили, как при крепостном праве. Чтобы удержать рабочих, им никогда не выплачивали зарплату в полном объеме. Начисленную же задерживали на два или три месяца. У рабочих отбирались все документы, а взамен выдавались справки «УВС» об их получении. Причем обратно документы, как правило, не возвращались. Работали в «УВС» по 14–16 часов в сутки. При зарплате в 400–500 рублей Павленко мог запросто дать 100 рублей на газету. Зарабатывая огромнейшие по тем временам деньги, Павленко некоторую их часть использовал для подкупа областного и республиканского руководства. Как установит следствие, только на территории Молдавской ССР группа Павленко привлекла к своей деятельности министра пищевой промышленности К. Цуркана и его заместителей Азарьева и Кудюкина, первого

секретаря Тираспольского ГК КП(б) Молдавии В. Лыхва-ря, несколько управляющих промбанками, секретаря Бельцкого ГК КП(б) Молдавии Л. Рачинского и многих, многих других.

Во время следствия выяснится, что организация «УВС» Павленко была хорошо вооружена и законспирирована, имела свою контрразведку, возглавляемую Константиновым. «С самого начала и до момента ликвидации «УВС» ее участники добывали в большом количестве, причем нередко с помощью органов МГБ, пистолеты, винтовки, автоматы, ручные пулеметы и гранаты. Впоследствии у них насчитают: винтовок и карабинов — 21, автоматов — 9, ручных пулеметов — 3, пистолетов и револьверов — 19, гранат — 5, более 3000 штук боевых патронов. Подразделения «УВС» были разбросаны на территории нескольких регионов: Прибалтики, Молдавской ССР, Киевской, Одесской, Запорожской, Днепропетровской, Харьковской и Могилевской областей. В ходе операции по задержанию преступной группы у них будет изъято: автомашин грузовых — 32, легковых — 6, тракторов — 2, экскаваторов — 2. Кроме того, в руки правосудия попадут: фиктивные гербовые печати в количестве 14 штук и тысячи различных бланков, отпечатанных типографским способом. Сам Павленко состоял в прекрасных отношениях со всем руководством Львовской области. Даже во время праздничных торжеств он всегда находился рядом с ними на трибуне и в президиумах, облаченный в парадный мундир инженер-полковника со всеми орденами и медалями на груди.

«Вычислили УВС случайно, — пишет Е. Павлова. — Член партии по фамилии Ефременко решил проявить бдительность и написал на имя маршала Ворошилова письмо. Из него следовало, что некоторые офицеры распространяли среди вольнонаемных, работавших в УВС, облигации государственного займа. Деньги на них рабочие сдали, а вот сами облигации так и не получили. Также в письме сообщалось, что полковник Павленко принимает на работу беглых зэков и бывших полицаев.

Сигнал не остался без внимания, и 23 октября 1952 года во Львове было возбуждено уголовное дело. В ходе первых же допросов обстоятельства, изложенные в письме, подтвердились. Было установлено, что облигации покупались на черном рынке Львова. Кто-то из «офицеров» решил таким образом подзаработать, а в результате провалил всю организацию. Сразу же всплыли и другие факты, которые не могли не насторожить следователей».

Уголовное дело 5 ноября 1952 года было передано в Главную военную прокуратуру. Уже там на запросы в Министерство обороны, МВД и МГБ СССР были получены однотипные ответы:

«УВС не подчинено Главвоенстрою, Павленко служившим в Советской Армии не числится».

Операцию по ликвидации загадочной организации готовили тщательно. Решено было взять штаб УВС-1 и все его подразделения в один день. 14 ноября 1952 года было задержано более 300 человек, работающих в УВС, в том числе 50 офицеров, сержантов и солдат.

Также были арестованы сам «командир» и «начальник контрразведки».

Расследование по этому делу продолжалось два с половиной года, а вела его целая бригада из ответственных работников Главной военной прокуратуры во главе с В. Маркалянцем и Л. Лаврентьевым. Они то и выяснили криминальную биографию Николая Максимовича.

Родился Павленко в 1912 году в селе Новые Соколы Киевской области в семье мельника. Семья была большой: семеро братьев и сестер. В 1928 году шестнадцатилетний подросток ушел из отчего дома искать счастья в городе. Чтобы устроиться на работу, приписал к своему возрасту целых четыре года. В дальнейшей жизни он будет неоднократно использовать этот проверенный способ: изменять год и место рождения. Семью же его раскулачили ровно через несколько месяцев, отправив в Сибирь. Сам паренек оказался на редкость смышленым. Сначала он работал строителем-дорожником, трудился простым рабочим в системе «Главдортранса». Затем поступил на автодорожный факультет Минского политехнического института, в котором проучился всего два года. Институт пришлось бросить, когда узнал, что пришел ответ на запрос отдела кадров о его кулацком происхождении. В 1935 году Павленко арестовали по подозрению в совершении хищения на стройке, где он работал. Немного пришлось посидеть в тюрьме, но уже тогда он сумел выкрутиться. В период «Большого террора» Николай Максимович был завербован и привлечен сотрудниками НКВД к разработке материалов против двух троцкистов. За это его рекомендовали в очень серьезную организацию под названием «Главвоенстрой». Там он вполне успешно справлялся на должностях прораба, старшего прораба и начальника стройучастка. Именно там он получил многие навыки, так пригодившиеся ему потом при создании «УВС». Он замечательно освоил методику приписок, научился «правильно» работать с документами, и, что самое главное, прекрасно понял, как и на чем можно будет хорошо заработать в будущем. Словом, отлично знал социалистические методы ведения хозяйства в области дорожного строительства. А еще он превосходно научился жить и действовать по неписаным

правилам, установленным в реальной жизни.

По показаниям одного из свидетелей, Николай Максимович выглядел достаточно броско, совершенно точно в соответствии с занимаемым им положением: «…среднего роста, фигура полная, почти толстая, носит очки с черной обделкой, волосы седые, голова бритая, глаза карие, живот большой». Но броскость прошла быстро…

Когда 10 ноября 1954 года началось судебное разбирательство, практически всем из семнадцати подсудимых, в том числе и Павленко, были вменены три статьи: подрыв государственной промышленности путем соответствующего использования государственных предприятий, антисоветская агитация и участие в контрреволюционной организации. Обвинительное заключение судьи трибунала по очереди зачитывали несколько дней, а описание всей криминальной истории создания мощной фиктивной военно-строительной организации поместилось в 164 увесистых тома уголовного дела.

Приговор трибунала Московского военного округа по делу «УВС» был провозглашен 4 апреля 1955 года: Павленко приговорили к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Остальные подсудимые получили от 5 до 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества и лишением наград.

«Я совершил много преступлений, но никогда не имел ничего против советского государства и не ставил своей целью подрыв его экономической мощи, — заявил на суде Павленко. — Мы не изымали государственных средств из банка, а получали законные деньги за выполненные работы. Я признаю себя виновным в том, что участвовал в расхищении государственных денежных средств».

В своей книге «Москва уголовная» Эдуард Хруцкий пишет: «Когда я разбирался с этой грандиозной аферой времен культа личности, единственной в своем роде, то думал о том, что разговоры о тотальной слежке органов были несколько односторонними. Следили под мудрым руководством генерала Абакумова, больше уделяя внимания письмам капитана Солженицына и высказываниям майора Копелева и еще тысячам солдат и офицеров, которым шилось пораженческое настроение.

Иначе как объяснить, что в строгих армейских рамках существовало подразделение «полковника» Павленко.

Конечно, сегодня возможно и не такое. Покойный Николай Павленко выглядит мелкой шушерой в сравнении с огромной бандой веселых жуликов, ворующих бюджетные деньги».

Трудно не согласиться с этим мнением, ведь лжевоинская часть целых десять лет действовала под боком особистов,

смершевцев и эмгэбэшников. Все это время ими руководил Виктор Семенович Абакумов. Разоблачили же банду именно тогда, когда он сидел в одиночной камере.

Обратная сторона военной контрразведки

В воспоминаниях ветеранов сегодня нередко можно встретить негативное отношение к особистам-смершевцам. Нам трудно судить об этом, но они были там и имеют полное право на свою солдатскую правду. Например, Александр Моисеевич Слуцкий вспоминает: «В экипажах старались не вести разговоры на политические темы, знали, что это дорого обойдется. Критиковали армейское начальство, и то, только среди своих, и только в пределах экипажа. А «особисты» попадались разные, но в основном в «органах» служила отборная сволочь, других там долго не держали.

Один случай очень хорошо врезался в мою память. Это было в октябре 1944 года. Один экипаж из нашей роты успел выбраться из подбитого танка. Все пять человек благополучно добрались с поля боя до тыла батальона. Им принесли поесть. Экипаж сел под деревом, пытаясь как-то «отойти» от всего пережитого в бою. Уцелевшие раньше танкисты смотрели с сочувствием на своих товарищей. Появился батальонный «смершевец» в звании капитана, сопровождаемый двумя солдатами из его «конторы». Он остановился неподалеку от этого экипажа, и послал своего солдата с приказом командиру танка — «Немедленно явиться к капитану!».

Сам эти пятнадцать метров «их чекистское высокоблагородие» пройти не пожелал. Командир танка ответил посыльному — «Когда поем, тогда приду! По уставу, даже маршал не имеет права мешать приему пищи личным составом». «Особист не успокоился и снова послал солдата с тем же требованием к лейтенанту. Разгневанный «особист» спросил командира экипажа: «Почему все сгорели, а твой экипаж полностью выжил?!»».

По поводу осведомителей в роте от «особистов» Александр Моисеевич рассказывает следующее: «А где их не было. Но я не помню, чтобы бригадный СМЕРШ нас как-то трогал. «Стукачом» был командир второй группы, старший сержант Николаенко, старожил бригады. Родом он был откуда-то с Кубани. В моей разведгруппе было несколько кубанцев, так они вслух говорили — «такая сволочь — нам не земляк…»

Не то, чтобы Николаенко был трусом, таких в разведке не бывает, но видно очень хотел остаться живым. Ему наш разведчик Володя Иванов прямо в лицо говорил — «В поисках, ты как мышь амбарная тихо отсиживаешься, а в СМЕРШ по пять раз в неделю бегаешь. Смотри, не надорвись».

А тех, кто попал в «особистские лапы» непосредственно воюя

на передовой, в начале войны — или просто расстреливали, не давая шанса реабилитироваться в бою, или, в лучшем случае, — посылали подрывать немецкие танки и пулеметные точки. Я это видел своими глазами. Видел…»

Участник войны Илья Захарович Френклах свое отношение к служившим в Особых отделах выражает просто и ясно: «Только ненависть. Других эмоций к ним я не испытываю. Я слишком хорошо помню как в сорок первом они стреляли нас на месте без какой-либо серьезной вины, без суда и следствия. За каждую мелочь расстреливали… Слышали такое слово — децимация? Казнь каждого десятого в строю. Мне сейчас кажется, что нам и устраивали эту самую децимацию. После того, как тебя заслон из НКВД пулеметными очередями в спину в атаку гонит — любовью к этим чекистам воспылать тяжело. И ведь стреляли нас не жалея никого. Кто с этим не столкнулся — тот меня не поймет… Это надо увидеть…

И комсостав чекисты стреляли штабелями.

Расстреляли полковника Ушакова, бывшего преподавателя военной кафедры в моем институте. Объявили, что расстрелян за трусость…

Но зная реалии того времени, я более чем уверен, что из полковника просто сделали «козла отпущения» за провал наступления.

Позже расстреляли, с такой же формулировкой в приговоре, полковника Никитина, моего начальника военной кафедры, он был на фронте командиром полка.

И такое зверство происходило на Ленфронте все время».

Другой ветеран, Иосиф Миронович Ямпольский, не менее категоричен: «Допрашивали в особом отделе несколько раз, но особо «в печень не вгрызались», скажем так — издевались, но на «малых оборотах». Там нас 80 процентов было из бывших окруженцев. Меня «трясли» только по одной причине — я вышел из окружения самостоятельно, а не в составе группы. Я даже жене, первый месяц после выхода из окружения, не писал писем, не хотел зря обнадеживать, что живой… А ей уже на меня «похоронку» прислали…

В начале сорок четвертого, меня представили к высокому ордену, так особый отдел «запорол» представление по причине одиночного выхода из окружения — мол, недостаточно проверен…

А то, что к тому времени я был уже пять раз ранен в боях, имел несколько боевых орденов и две медали «За отвагу», — их это не интересовало.

Если вы не знаете, так я вам скажу — на ордена Красного

Знамени и Ленина требовалась виза особого отдела на наградной лист.

Сволочная была публика — эти особисты. Могли и офицера по лицу ударить.

Наслаждались своей властью и безнаказанностью.

Была еще одна история, связанная с особистами, но вам она покажется фантастической и неправдоподобной, и поэтому — поберегу ваш здоровый скепсис. Тогда меня «особисты» чуть не расстреляли без особой на то причины, но комдив Краснокутский спас. Фронтовикам я бы ее рассказал, они знают, что на войне всякое случается… И подлости на войне было с достатком… А вот другую историю хотел бы поведать, чтобы вы представили, какой произвол «особисты» творили. У моей жены два двоюродных брата, оба танкисты, оба Герои Советского Союза — Матвей и Евсей Вайнрубы.

Матвей командовал в Сталинграде танковыми частями 62-й Армии Чуйкова, он один раз лично ставил мне боевую задачу, а я даже не знал, что мы с ним выходит родня, думал, что он — просто однофамилец моей жены…

С Евсеем после войны мы общались очень близко. Он был уникальной личностью. В начале войны он был командиром разведки 150-й танковой дивизии. Это был единственный в Красной Армии человек, который будучи в звании капитана, удостоился в июле 1941 года личного упоминания в немецкой листовке, сбрасываемой на позиции наших войск. Одно дело, — когда генералов в листовках упоминали, но тут — всего лишь простой капитан. Я видел эти листовки, текст следующий: «Гоните своего жида-капитана в тыл, иначе вас всех уничтожим и в плен брать не будем». Исключительной смелости был человек. В конце войны Евсей Вайнруб был командиром 219-й танковой бригады 1-го мехкорпуса. Бригаду придали стрелковой дивизии из 47-й Армии, для поддержки пехотной атаки. Вайнруб ждал приказа на атаку, но его не было. Запрашивали по рации штаб дивизии, — ответа не последовало. Двинул он свою бригаду вперед, но было поздно. Немцы уже успели накрыть наступающую пехоту плотным огнем и перешли в контратаку. Наше наступление захлебнулось. Вайнруба вызвали в штаб дивизии. Комдив, с трудом сдерживая гнев, спросил его: «Подполковник, почему ваши танки не поддержали пехоту?!» Евсей ответил: «Сигнала в атаку я не получал».

Генерал развернулся к начальнику штаба дивизии: «Вы сигнал комбригу подавали?»

«Так точно, — ответил начштаба. — Сигнал передан несколько раз, но комбриг на него не отреагировал». Генерал

начал орать на Евсея: «Из-за вас полегла половина дивизии! Арестовать!». Из сумрака блиндажа шагнул майор начальник особого отдела дивизии и: «Сдать оружие!». Несколько часов продержали в землянке особиста, он вел протокол допроса, но Вайнруб не видел, что записывает майор, протокол на подпись ему не давали. Майор-особист вышел, вернулся через некоторое время: «Встать! — рявкнул он. — За проявленную трусость при выполнении боевой задачи военным трибуналом 47-й Армии вы приговорены к расстрелу!». Вайнруб опешил: «Какой, к черту, трибунал?! Разве уже было его заседание? Вы что человека заочно к расстрелу приговариваете?!». Майор, не давая опомниться, приказал своему помощнику лейтенанту: «Снять с него знаки различия и правительственные награды!». Посадили Евсея в «полуторку» между двумя конвоирами и повезли по полевой дороге. Остановились у стога сена. Лейтенант построил своих солдат в шеренгу: «Заряжай!». Щелкнули ружейные затворы. Вайнруб понял со всей безысходностью — это смерть, и попросил «особиста»: «Лейтенант, дай закурить». Особист поколебавшись разрешил, но через пару затяжек бросил: «Ну, хватит! Перед смертью не надышишься!». А дальше было как в кино. На дороге показалась машина. Комбриг сказал: «Лейтенант, посмотри…» Тот лениво повернул голову: «Ну, положим «виллис» едет, но тебе-то что?» «Да к нам он едет! К нам!» Скрипнули тормоза, из машины выскочил майор: «Отставить расстрел!» Спас Вайнруба начальник политотдела бригады Космачев. Узнав об аресте комбрига, он бросился к радисту командирского танка. Тот показал: сигнала на атаку не было. Захватив журнал радиопереговоров, Космачев помчался к командиру дивизии, от него — к командарму…

Вот и стоял боевой офицер Вайнруб, и плакал… Что легче пережить: пойти в смертельный бой или изведать торжество чужой подлости?…

Комкор Кривошеин обратился лично к командарму, требуя наказать «особистов», но…»

Не менее интересен рассказ и Ефима Наумовича Бильдера: «Они разные попадались. У нас в 49-й Артиллерийской Дивизии был «особист», бывший школьный учитель, «миляга-парень». К нам пришел с орденом Ленина на гимнастерке. Так он, нашего начпрода Слуцкого, за простой анекдот под трибунал подвел… «Всевидящее око» никогда не дремало… Незадолго до окончания периода смоленских боев у нас тяжело ранило командира полка Будника. Он на двух машинах поехал на батареи вручать награды отличившимся бойцам. С ним в машине был также заместитель начальника артиллерии армии, и еще два человека. Во второй

машине ехал один из наших комбатов, здоровый такой еврей, капитан Гриша Пак. Немцы точно обстреляли из орудий эти две машины на подъезде к передовой. В машину Будника было прямое попадание, его тяжело ранило, а остальных убило. Так Гриша Пак его вытащил на себе из-под обстрела…

Вместо Будника к нам прислали командовать полком подполковника Хилько. И как-то, в затишье, отлучился Хилько в глубокий тыл на пару дней, свою знакомую проведать, оставив вместо себя на эти дни, «на полк», заместителя и замполита. Но наш «особист» узнал об этой самовольной или несанкционированной начальством отлучке, и сразу «просигналил» по своим «инстанциям», и после Смоленска, как мне потом ребята рассказывали, наш Хилько попал под суд за это дело… Ни на что не посмотрели — ни на звание, ни на прошлые боевые заслуги…

Решил меня как-то наш полковой «особист», старший лейтенант Щукин, молодая и наглая сволочь, в свои «стукачи» завербовать.

Я ему в ответ сказал: «Пошел ты Щукин на…!»

Он начал мне угрожать, мол сильно рискуешь и ты еще об этом пожалеешь.

Я еще раз ему объяснил, что я думаю о его маме и прочей родне. Но «особист» со мной так и не успел «поквитаться», немцы его опередили. У нас в полку на «особиста» многие смотрели поплевывая. Нам и так нечего было терять.

Штатного особиста не было, но «эти ребята» наш дивизион без присмотра не оставляли. Все солдаты ненавидели особистов, а пожилые солдаты называли их «гепеушниками». Но лишнего на батарее старались не говорить. Стукачей вокруг было навалом. А потом начали «укреплять» нам боевой дух и бдительность. Устроили в соседнем 115-м полку показательный расстрел. Расстреляли двоих «за братание с противником» — старшину и солдата. На нейтралке стоял целехонький хутор, так наши ходили туда по молоко и масло. Немцы тоже повадились «питаться» на хуторе. Там они мирно беседовали с нашими бойцами и в бой не вступали. Эти двух красноармейцев обвинили в предательстве Родины. Я помню, как их расстреливали».

О встречах с работниками СМЕРШа рассказывает Адамский Изот Давидович: «Расстрелов на Волховском фронте мы насмотрелись вдоволь. Там за любую мелочь была одна мера наказания — расстрел… Деревню не взял? — расстрел. Позицию оставил? — расстрел… И так далее…

Даже за потерю саперной лопатки могли отдать под суд трибунала. Да и в конце войны «особисты» ленью не отличались…

Помню одного лейтенанта из нашей бригады арестовали и судили в трибунале за анекдот. Содержание анекдота следующее: «Москва, вокзал, поезд опаздывает на сутки. Спрашивает коменданта вокзала: «В чем дело, почему такое большое опоздание?» В ответ: «Что поделать… Война»…

Берлин, вокзал, поезд приходит раньше расписания на десять минут. Спрашивают коменданта вокзала, тот же вопрос. В ответ: «Что поделать… Война»…

Спрашивается, что криминального и антисоветского в таком анекдоте? Но свои три месяца штрафбата этот лейтенант схлопотал, с подачи нашего «особиста» за «вражескую пропаганду»…

На Одере пьяный «особист» все время спал в моей землянке, боясь в одиночку вылезти на свет божий, чтобы не получить пулю в спину. У «особистов» даже был приказ «о самоохране», запрещавший передвигаться без вооруженного сопровождения в любое время суток. Ведь с «особистами» сводили счеты при любой возможности. Я такие случаи помню… И помню очень хорошо».

Можно по-разному относиться к такого рода рассказам ветеранов. Однако нельзя отрицать многочисленных фактов самой настоящей репрессивной политики, которую упрямо проводили сотрудники военной контрразведки в период Великой Отечественной войны по лекалам тридцатых годов. Например, в Воронежском государственном университете исследователями в процессе выявления и изучения архивно-следственных дел военнослужащих, призванных в годы войны с территории Воронежской области, были установлены конкретные дела, прямо свидетельствующие об этом: «Событие, по которому Особый отдел 22 армии возбудил уголовное дело, произошло в ночь со 2 на 3 декабря 1941 года. Видимо, в связи с большими потерями личного состава чекисты не смогли организовать осведомительную сеть для оперативной информации о происшествиях подобного рода. Только через пять дней они узнали об этом событии, 8 января 1942 года Особый отдел дивизии принял постановление о возбуждении уголовного дела. В нем говорилось, что 29 красноармейцев во главе с лейтенантом Забуриным, «не желая служить в Красной Армии, в ночь на 3 декабря 1941 года организованно ушли из боевого охранения и перешли на сторону противника».

И хотя в этом же постановлении отмечено, что «указанные лица в данное время отсутствуют», начальник Особого отдела армии постановил: «Забуринина (затем перечислены остальные 28 фамилий) подвергнуть аресту и привлечь к следствию по статье 58–1 пункт «б»… Дело о них вести заочно».

Бросается в глаза нелепость формулировок этого документа: обвиняемые — отсутствуют, однако чекисты грозят их «подвергнуть аресту», хотя тут же идут на попятный, соглашаясь дело вести заочно.

В течение нескольких последующих дней сотрудники Особого отдела армии и военный прокурор имитировали бурную деятельность по расследованию данного дела. Они допросили не только командира батальона, в котором служили пропавшие военнослужащие, но также — командиров сопредельных батальонов и даже полков. Было допрошено несколько солдат, которые хотя бы поверхностно были знакомы с исчезнувшими. Второго февраля армейские особисты изготовили текст «Обвинительного заключения», где всем 29 пропавшим предъявляли обвинение по статье 58–1 «б» — измена Родине. А через 20 дней Военный трибунал 22 армии также заочно вынес приговор: всех «подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества».

Абсурдность подобных расстрельных приговоров, вынесенных заочно, без допросов обвиняемых, была ясна более опытным юристам — членам Военного трибунала Калининского фронта…

… Ив данном случае Военный трибунал Калининского фронта не утвердил приговор, вынесенный трибуналом 22 армии. 20 марта 1942 года трибунал фронта принял документ, который в судебной практике называется «Определением»: «Поскольку приговор в отношении 29 военнослужащих (перечислены фамилии) вынесен заочно, его — отменить. Дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия»».

Другой пример: «К расстрелу же Военный трибунал 27-й гвардейской стрелковой дивизии приговорил 25 ноября 1942 года старшего сержанта И. С. Митичкина, а с ним еще четырех красноармейцев отделения связи, обвинив их по той же статье 58–1 «б» об измене Родине. Причем, в данном случае ни один из военнослужащих ни в каком немецком плену не был ни одного дня. Но Особый отдел дивизии по информации своих осведомителей арестовал всех, написав в «Обвинительном заключении», что «группа намеревалась осуществить свои изменнические замыслы в ночь с 12 на 13 ноября, и это не удалось по независящим от них обстоятельствам».

Доказательства этих «изменнических замыслов» были настолько шатки, что командующий 65 армией (куда входила указанная дивизия) генерал-лейтенант Батов ходатайствовал о смягчении наказания. И Военный трибунал Донского фронта своим «Определением» переквалифицировал обвинение и заменил высшую меру — расстрел на 10 лет исправительно-

трудовых лагерей. За время следствия один обвиняемый «умер от истощения», а остальные были сняты с фронта и отправлены в лагеря».

«К первому периоду Отечественной войны, — делают вывод исследователи из ВГУ, — относится 60 процентов выявленных нами архивно-следственных дел. В количественном отношении это 27 дел. Из них лишь в трех делах (это 11 процентов) обвиняемым были предъявлены обвинения в антисоветской, а точнее, «пораженческой» агитации — статья 58–10 часть 2-я…

Все остальные 90 процентов дел велись по статье 58–1 «б», то есть измена Родине. Именно поэтому мы подробно рассмотрели в данном разделе различные варианты следствия и приговоров по указанной статье. При этом необходимо иметь в виду, что впоследствии все обвиняемые, проходившие по этим делам, были реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Таким образом, никто из них никакой «измены Родине» реально не совершил. Их дела следователями Особых отделов были сфальсифицированными».

В ходе своей кропотливой работы исследователи из ВГУ пришли к еще одному любопытному выводу: «В первый период Особые отделы, как мы видели, в основном, выявляли так называемых «сдавшихся» в плен (даже если пленение происходило превосходящими силами противника или если в плен попадали раненые красноармейцы, утратившие оружие и боеприпасы).

Теперь же этим органам ставились задачи, арестовывая вышедших из плена военнослужащих Красной Армии, не только доказывать их «добровольную сдачу» противнику, но, прежде всего — их вербовку в плену германской разведкой, и, соответственно, возвращение на нашу территорию уже в качестве немецких шпионов».

В качестве примера исследователи приводят следующий: «В этом отношении показательно дело, возбужденное буквально в последний месяц Отечественной войны, когда наши войска уже вели бои на территории Германии. Сами события, послужившие материалом для возбуждения СМЕРШем дела, произошли еще в конце 1944 года. Причем под подозрение попали военные разведчики — люди уже не раз, казалось бы, проверенные. 17 сентября 1944 года группа военных разведчиков Резервного фронта на транспортном самолете была переброшена из уже освобожденной Литвы в тыл противника на территорию Германии. Почти четыре месяца разведчики (в штатской одежде) успешно действовали в тылу немецких войск, передавали важную информацию командованию фронта. Однако в январе 1945 года

двое наших разведчиков из этой группы, Т. Е. Лопатин и А.А. Зайцев, были задержаны немецкой жандармерией в лесу около города Инстербурга. После нескольких допросов их поместили в концлагерь в городе Зольдава.

На восьмой день опытным разведчикам — один был сержантом, другой старшиной — удалось из лагеря бежать. Уже через сутки они вышли к наступающим частям Красной Армии. Но недельный плен обошелся им очень дорого.

Более трех месяцев разведчиков держали в фильтрационном лагере, а затем все-таки арестовали. 8 апреля постановления на арест Лопатина и Зайцева утвердил начальник управления СМЕРШ Резервного фронта генерал-лейтенант Ханников. Текст каждого постановления завершался словами:

«При сомнительных обстоятельствах бежал из концлагеря… Есть основания подозревать в причастности к немецким разведорганам… Подвергнуть аресту и обыску».

До конца апреля следователь СМЕРШ трижды допрашивал каждого из арестованных. Всякий раз после рассказа разведчика о кратковременном пребывании в плену и побеге из немецкого концлагеря он требовал: «Вы лжете. Дайте показания, когда и кем Вы были завербованы, какие получили задания…»

Однако никаких признательных показаний следователю получить не удалось: разведчикам не в чем было признаваться. Обвинение в шпионской деятельности рассыпалось. Думаю, что в этом немалую роль сыграли два необычных документа, подшитых в архивноследственное дело: доносы тайных осведомителей СМЕРШа. Как правило, подобного рода документы не подшиваются в архивноследственное дело, а хранятся в личном деле самого осведомителя — как характеристика его активной (или — неактивной) деятельности. Но в редких случаях такие доносы попадают (видимо, ошибочно) в дела обвиняемых. Нам выпал именно такой случай.

Оказалось, что в группе разведчиков (она носила кодовое название «Хорон») из 11 человек двое были по совместительству тайными осведомителями СМЕРШа. По возвращению с задания из немецкого тыла они написали в отдел СМЕРШ подробные докладные о своих наблюдениях за поведением и разговорами остальных членов группы. Документы — однотипные, достаточно подробные (8 страниц и 5 страниц), собственноручно чернилами написанные осведомителями на больших листах бумаги. Каждый из них называется «Доклад агента «Чистый» о работе в группе «Хорон»… (В другом случае агент скрывается под кличкой «Боевой»).

На счастье обвиняемых Лопатина и Зайцева агенты

характеризовали их деятельность в тылу противника положительно и никаких «контрреволюционных» высказываний в обоих докладах не зафиксировали. Таким образом, и в этих тайных документах следователь СМЕРШ не смог почерпнуть ничего, что бы дало ему основание предъявить двум разведчикам обвинение в шпионаже. Поэтому 4 мая 1945 года заместитель начальника управления СМЕРШ 1-го Прибалтийского фронта… утвердил «Постановление», завершавшееся словами:

«Материалов, изобличающих Зайцева и Лопатина в принадлежности к разведорганам немцев, следствием не добыто. Поэтому, руководствуясь ст. 204 п. «б» УПК РСФСР,

Постановил: Уголовное преследование Зайцева А.А. и Лопатина Т. Е. прекратить, из-под стражи обоих освободить»».

И еще одно дело, о котором рассказывают исследователи из ВГУ: «Василий Николаевич Пшеничных, 1907 года рождения, из крестьянской семьи, образование 8 классов, еще в довоенное время отслужил 6 лет в РККА. Затем работал в культпросветучреждениях, в районной газете и в 1939 году вновь призван в армию. Прошел советско-финляндскую войну. То есть был кадровым командиром.

В Отечественную войну с первых месяцев участвовал в ожесточенных боях под Смоленском и Ельней, ранен и контужен. В июле 1943 года его дивизия начала наступление на город Мценск Орловской области. Неожиданно В. Н. Пшеничных, уже будучи командиром роты, в звании капитана, был арестован отделом СМЕРШ 63-й армии по обвинению в «пораженческих» настроениях.

На первых допросах он категорически отрицал свои подобные настроения или высказывания. Но через две недели, как нам показалось — неожиданно на вопросы следователя заявил:

«Хочу признаться и заявить следствию, что, будучи пораженчески настроен, систематически говорил, что немцев нам не одолеть, что Красная Армия не победит немецкую армию…»

Такое признание дало основание Военному трибуналу вынести приговор, где по статье 58–10 часть II подсудимый получил 10 лет лагерей с лишением воинского звания «капитан» и поражением в правах на 5 лет.

В. Н. Пшеничных полностью отбыл в лагерях свои 10 лет, хотя из заключения многократно подавал заявления в самые высшие инстанции советского государства, с просьбой пересмотреть приговор как несправедливый. И уже освободившись из лагеря, в 1961 году он написал большую, подробную жалобу на имя Н. С. Хрущева, где подробно описал пытки, которым его подвергали сотрудники СМЕРШ: «Четверо

суток я не подписывал лживый, неправдоподобный, сфабрикованный материал. На пятые сутки начались зверские, нечеловеческие пытки. Били! Вывертывали руки, ноги. Одевали на голову собачий намордник и сжимали с такой силой, что из ушей и носа текла кровь. И дают подписывать сфабрикованное дело.

Восемь дней и восемь ночей меня подвергали зверским пыткам следователи 287-й стрелковой дивизии… И я подписал весь материал, что я враг народа…

Из лагеря я подал на имя Сталина 11 жалоб, но ни на одну жалобу я не получил ответа.

… Так я стал жертвой изверга рода человеческого Сталина»».

Капитан юстиции М. Делаграмматик в годы войны работал судебным секретарем в военных трибуналах корпуса, армии, крупных гарнизонов. Как он сам вспоминает, эта небольшая должность позволила ему увидеть советскую репрессивную машину лицом к лицу. Как выпускник литературного факультета Московского института истории, философии и литературы (ИФЛИ) он был мобилизован 7 июля 1941 года. После окончания десятимесячных курсов военных юристов при Военно-юридической академии Делаграмматика, в мае 1942 г., в звании военюриста направили в распоряжение Военного трибунала Южного фронта. Уже там он получил назначение в Военный трибунал 3-го гвардейского стрелкового корпуса, где проник в тайны советской юстиции. Вот что он пишет: «В каждой дивизии, корпусе, армии и фронте существовала трехэлементная система карательных органов (термин той эпохи): Особый отдел НКВД, военная прокуратура и военный трибунал.

В функции Особого отдела НКВД (начальник, заместитель, следователи, комендант, бойцы, камера предварительного заключения) входило следить за политическим и моральным состоянием корпуса, выявлять государственных преступников (изменников, шпионов, диверсантов, контрреволюционные организации и группы лиц, ведущих антисоветскую агитацию, и других), вести следствие по государственным преступлениям под надзором прокуратуры и передавать дела в военные трибуналы. В корпусе начальником Особого отдела был подполковник Руденко, украинец лет тридцати пяти — сорока, высокий плотный мужчина, носивший черное кожаное пальто. С работниками Особого отдела я знакомился в офицерской столовой. Секретарь Особого отдела Аня Рыбакова была довольно общительной, рассказывала в кругу трибунальцев и прокуроров о некоторых деталях «творческой лаборатории» особистов.

В их распоряжении находился большой штат

уполномоченных в полках и батальонах, а также разветвленная сеть сексотов. Нередко особисты к делам, поступавшим в наш трибунал, приобщали запечатанный конверт с надписью: «Только для председателя ВТ», — там содержались агентурные данные о подсудимом. Так, например, источник «Рейкин» сообщал, что подсудимый — человек «хитрый и коварный», служил офицером белой армии. Несложно было вычислить, что подсудимому-то в ту пору было всего шестнадцать. Впрочем, этот полуюношеский-полуотроческий возраст для трибунальцев не служил оправданием. Иногда сексоты выступали на судах свидетелями (или лжесвидетелями — если требовала того ситуация)».

Интересно, что, по воспоминаниям М. Делаграмматика, трудовые будни трибунальцев были напрямую связаны с обстановкой на фронте: «Жестокость карательной политики определялась поражениями и успехами: при нашем отступлении военные трибуналы выносили жесткие приговоры и патронов не жалели». Даже в затишье на фронте Особый отдел, прокуратура и военный трибунал без дела не сидели: «Последний рассматривал преимущественно дела по обвинению в дезертирстве, членовредительстве (самострелы), должностных преступлениях и др. Больше всего, пожалуй, было дел о дезертирстве (193.7, п. 2 УК РСФСР)».

Были в затишье и дела за «шпионаж»: «Так расстреляли киевлянку Ольгу Сердюк, обвиненную в шпионаже. Перед судом предстала молодая, крупная женщина, военная медсестра. Она обвинялась в самом тяжелом преступлении — 58–16, то есть в измене Родине, совершенной военнослужащей. Этот состав преступления включал не только переход на сторону врага, активное ему содействие, но и шпионаж. Составляя протокол, я не встретил в ее показаниях фактов шпионской деятельности. Она признала, что была завербована в лагере военнопленных, дала подписку сотрудничать с немецкой разведкой, — этим дело и ограничилось. Но для военного трибунала основополагающее значение имел сам факт вербовки, даже не сопровождаемый разведывательной деятельностью. Мало того, и о вербовке было известно лишь со слов подследственной, без всяких вещественных доказательств. И вот — обвинительный приговор и скорый расстрел.

Старший секретарь военного трибунала Шарков однажды поделился со мной методикой выявления немецких шпионов. Начальник Особого отдела НКВД корпуса, высокий и плотный человек, заходил в камеру, где находились военнослужащие, подлежащие проверке (освобожденные или бежавшие из плена, бывшие в окружении, партизаны), выбирал и уводил какого-либо

слабого или боязливого бойца, применял к нему свои огромные кулачищи и получал таким образом признание в шпионаже. Дальше несчастного ожидало мучительное следствие, трибунал и казнь. Такова, видимо, и природа «шпионажа» Ольги Сердюк. Бедная песчинка в трибунальской машине!

Вскоре после суда над Сердюк меня встретил комендант Особого отдела, извлек из планшета акт о приведении в исполнении смертного приговора и передал его мне для приобщения к делу. В этом акте главную роль в завершении жизненной драмы играл сам комендант, обязательно присутствовал при этом прокурор. Фамилия, имя и отчество коменданта указывались в документе.

… Другие шпионские дела, рассматриваемые нашим военным трибуналом, были столь же сомнительны. Мои коллеги из военного трибунала иногда не без едкости спрашивали особистов, почему разоблаченные ими немецкие агенты так малодеятельны. У особистов всегда был стандартный ответ: наиболее способных и активных шпионов направляют в Москву и там иногда перевербовывают.

Однажды Иоффе рассказал мне об одном курьезе, закончившемся, однако, хорошим сроком: судили полковника, обвиняемого в контрреволюционной агитации (58–10, ч. 2 УК РСФСР), и дали десять лет лагерей. Вся «агитация» состояла в том, что тот рассказал, как учился с С. М. Буденным в академии и тот не осилил десятичные дроби».

Топорной работой Особого отдела 58-й армии М. Делаграмматик называет дело Шифмана: «Старший лейтенант Шифман был политруком полевой почты № 1577 нашей армии. Там работали в основном девушки, призванные в армию. Парадоксально, что политрук, представитель партии, обвинялся в антисоветской агитации (58–10, ч.2 УК РСФСР). Политрук отрицал обвинение, но признал, что в частном разговоре сообщил некоторые факты об извращении политики партии в области коллективизации в 30-х годах, об отдельных восстаниях крестьян против коллективизации, в подавлении которых участвовал якобы С. М. Буденный. Приговор трибунала был суров: восемь лет ИТЛ с поражением в политических правах. Хотя все говоримое Шифманом можно было прочитать в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Спустя много лет я встретил Семенова, следователя по делу Шифмана. «Понимаете-ли, — объяснил он, — Шифман был очень плохой человек, он принуждал девушек из полевой почты к сожительству. Поэтому мы и приписали ему антисоветскую агитацию, чтоб крепче было». Меня поначалу поразила такая

откровенность Семенова: он ведь открыто признал, что приписал обвиняемому преступления, им не совершенные. Но даже и этой откровенности верить нельзя. Причина произвола, очевидно, коренилась в другом. Однажды один подвыпивший особист пожаловался: «Арестов мало. Работы не видно», — в этом признании, пожалуй, заключается главный двигатель их деятельности. Для того чтобы «работа была видна», нужно было рапортовать требовательному начальству, ставящему контрольные задания, о блестящих успехах, нужно было постоянно находить и арестовывать врагов, разоблачать шпионов, террористов, антисоветчиков, передавать их дела в трибуналы. А находить настоящих преступников непросто, особенно при наличии куриных мозгов у бериевских шерлок Холмсов. Вот почему дела о государственных преступлениях приходилось фабриковать, формовать и фальсифицировать».

По глубокому убеждению капитана юстиции, «в войну наш солдат оказался между двумя огнями: врагом внешним и — большевистской репрессивной машиной, свирепствовавшей не только в тылу, но и прямо на фронте и в прифронтовых районах кровожадно выискивавшей себе все новые и новые жертвы».

Трудно с этим не согласиться!

15 мая 1942 г. В.С. Абакумов подписал приказ за № 933 «о недостатках в следственной работе особых отделов НКВД военных округов и мерах по их устранению». В этом документе интересен сам подход к недостаткам и нарушениям в следственной работе военных контрразведчиков. Так, например, там подчеркивается: «Расследование по делам во многих случаях затягивается. Следствием не вскрывается полностью преступная деятельность обвиняемых и их организационные связи.

В ряде случаев расследование по делам производится формально, ограничивается допросом свидетелей и сбором косвенных улик, не добиваясь у арестованного показаний о его практической преступной деятельности и вражеских связях. Показания арестованных не всегда проверяются и должным образом не документируются. При допросах не используются полностью имеющиеся в распоряжении следствия улики для разоблачения врага.

Особым отделом НКВД СКВО был арестован бывший военнослужащий Красной Армии Савелов, пришедший из германского плена, который показал, что немцами в Симферополе организована школа, куда направляются пленные командиры Красной Армии.

Следствие не выяснило у арестованного, что из себя представляет эта школа, кто ею руководит, кто из лиц, известных

обвиняемому по плену, был направлен в эту школу.

Несмотря на наличие данных, дающих основание подозревать Савелова как агента германской разведки, он был допрошен только один раз и дело на него закончено как антисоветчика.

Этим же Особым отделом был арестован германский шпион Шапочкин. Следствие по его делу также было проведено поверхностно, обвиняемый не был допрошен о лицах, которые одновременно с ним были завербованы немцами и переброшены в наш тыл.

На арестованного Особым отделом НКВД Южно-Уральского военного округа Разбоева следствие располагало материалами, что он добровольно сдался в плен и, возвратясь оттуда, среди военнослужащих восхвалял отношение немцев к населению занятой территории.

У следствия имелись все основания подозревать обвиняемого в шпионской деятельности, однако, получив от него признание о добровольной сдаче в плен, закончили на этом дело.

Особым отделом НКВД ПрибВО неудовлетворительно проведено следствие по делу Исакова, который, находясь в плену, трижды допрашивался немцами, перед освобождением из плена был переодет в гражданское платье и появился в расположении частей Красной Армии при подозрительных обстоятельствах. Несмотря на очевидность вербовки Исакова германской разведкой, обвиняемый остался следствием неразоблаченным в шпионской деятельности и дело на него было закончено.

В Особых отделах НКВД Средне-Азиатского, Северо-Кавказско-ш, Южно-Уральского и Сибирского военных округов установлены отдельные случаи арестов военнослужащих без наличия достаточных материалов.

Кроме этого, в ряде особых отделов выявлены факты, когда в протоколах допроса воспроизводятся нецензурные выражения и контрреволюционная клевета арестованных…

В Особом отделе НКВД СКВО помимо указанных недочетов в следствии установлены факты неправильного оформления документов. Часть постановлений на арест, особенно по группе арестованных из госпиталей, никем не утверждена, а некоторые утверждены старшим оперуполномоченным, не имеющим на это право».

Буквально через полтора месяца старший майор госбезопасности Бабич подпишет закрытое письмо Особого отдела НКВД СевероЗападного фронта о недостатках в следственной работе (9 июля 1942 г.). В нем все гораздо конкретнее: «Основными недочетами в следственной работе являются:

а) необоснованные, не вызываемые необходимостью аресты, особенно по окраске «антисоветский элемент», и необъективное ведение следствия;

б) недостаточная активность следствия по разоблачению агентуры врага, организующей к-р преступления в армии;

в) недостаточно тщательное и всестороннее расследование случаев перехода на сторону врага;

г) поверхностное, неряшливое следствие, многочисленные случаи нарушения норм УПК».

В качестве примеров необоснованных арестов автор письма приводит такие: «Особый отдел 144-й обр арестовал красноармейца Волкова П. А. за то, что он в разговоре с бойцами плохо отозвался о качестве пищи и недостатках организации питания в части. Несмотря на то что это был единственный разговор со стороны Волкова и что он по службе характеризуется положительно, Особый отдел инкриминировал Волкову контрреволюционную агитацию, прокурор это нелепое обвинение утвердил и Волков был приговорен военным трибуналом к расстрелу. (ВТ СЗФ отменил приговор, дело прекращено.)

Старший сержант 1276-го сп Ковалев Д. Х. читал в присутствии бойцов письмо, полученное от жены — работницы столовой. Она жаловалась на неправильное действие зав. столовой, которая угрожала ей увольнением с работы, если она не сдаст теплые вещи в фонд обороны. Прочитав это место, Ковалев заявил: «Разве есть такой закон, чтобы насильно сдавать вещи», и добавил, что после войны, если останется жив, он «свернет за это голову зав. столовой».

Это письмо Ковалев прочел и политруку.

Вместо того, чтобы принять меры через соответствующее УНКВД для проверки этого случая и наказания зав. столовой за возмутительную, провокационную выходку и тем самым устранить повод для недовольства Ковалева и внушить ему веру и уважение к советским законам, Особый отдел 384-й сд арестовал и предал суду Ковалева «за высказывание клеветы на мероприятия Советской власти», и Ковалев был приговорен к расстрелу. (Приговор отменен.)».

«Почему становятся возможными такие факты в нашей практике?» — задает вопрос старший майор ГБ и тут же отвечает на него: «Потому что в этих случаях начальники особых отделов решали вопрос не так, как подобает серьезным партийным деятелям, а с нетерпимым в чекистской работе легкомыслием, не вникая в существо материалов, не контролировали и не проверяли правильность информации негласного аппарата.

Потому, далее, что наши особисты зачастую не дают себе

труда разобраться во всех деталях дела, выяснить причины того или иного проступка или нездоровых настроений, не видят разницы между действительно антисоветским проявлением, вытекающим из враждебного отношения к социалистическому строю, и выражением недовольства тем или иным недочетом, трудностью.

Некоторым особистам невдомек, что одно дело — преступление, скажем, штабного работника, политрука или грамотного, развитого красноармейца, распространяющих пораженческие взгляды, и другое дело — недоуменные вопросы малограмотного бойца, не разбирающегося в политике и не находящего зачастую правильного ответа на мучающие его сомнения из-за плохо еще поставленной у нас политической работы с каждым бойцом в отдельности.

Нередки случаи, когда особые отделы, агентурно выявляя нездоровые настроения отдельных бойцов, не информируют об этом сразу же военкома, лишая тем самым политаппарат возможности своевременно воздействовать на таких бойцов мерами воспитания, убеждения, разъяснения. Оставляя этих бойцов длительное время без индивидуального большевистского воздействия, мы сами иногда допускаем возможность усиления и разжигания их отрицательных настроений со стороны вражеских элементов, доводя таким образом дело до необходимости ареста…»

О качестве следствия Бабич пишет не менее подробно: «Некоторые наши работники склонны низкое качество следствия объяснять условиями боевой обстановки, которая требует быстрого расследования и суда. Это неправильная точка зрения. Наоборот, как раз необходимость быстрого завершения следствия усиливает значение качества в следственной работе. Тщательные, продуманные следственные мероприятия, соблюдение норм УПК, аккуратное оформление следственных документов, внимательное отношение к деталям, методам, подробностям дела — все это не замедляет, а ускоряет расследование и окончательное решение по делу.

Какие недочеты наиболее распространены и приводят обычно к затяжке следствия, к протестам и отмене приговоров низовых ВТ, к возвращению дел на доследование?

Протокол задержания не составляется даже тогда, когда есть на это возможность. Арест зачастую оформляется санкцией прокурора только через 5–10 дней после фактического ареста. Показания подследственного и свидетелей, даже когда они явно сомнительны и неправдоподобны, не проверяются. В частности, верят на слово являющимся с повинной агентам противника, не

проверяют во всех деталях их показания. При допросах таких лиц и вообще подозреваемых в связи с немецкой разведкой вопросы ставятся так, что они наводят подследственного на готовые ответы, подсказывают ему «схему» показаний.

При задержании лиц без документов, признающихся в дезертирстве, и вообще в отношениях арестованных не из своей части личность не устанавливается, соответствующие части и особорганы не запрашиваются.

В Бологовской опергруппе 5-е отделение 00 НКВД СЗФ по многим делам задержанных в тылу лиц в гражданской одежде и без всяких документов… ограничивалось первичным допросом, признанием задержанного, что он дезертировал из такой-то части, и передавало дело в суд.

Никакой проверки личности задержанных не проводилось, не выяснялось даже, существуют ли названные ими части, действительно ли из этих частей дезертировали такие бойцы, когда был совершен побег, где скрывался задержанный, с кем сменялся обмундированием и т. п. В результате непроверенные и сомнительные личности приговаривались… применением ст. 28 и направлялись в действующие части. Не ясно ли, что противник в расчете на применение ст. 28 таким легким путем может засылать в наши части свою агентуру?

Показания обвиняемого и свидетелей записываются неполно и не так, как показывает допрашиваемый, не его словами, а произвольно формулируются и «обобщаются» следователем. Очные ставки записываются с явными нарушениями УПК. Вместо подробного изложения всего, что показывает свидетель, следователь ограничивается вопросом: «Подтверждаете ли вы ранее данные показания?», на что обычно следует ответ: «Да, подтверждаю». Ответы, объяснения и заявления обвиняемого по существу всех фактов не фиксируют, а записывают лишь ничего не говорящий ответ: «Не подтверждаю» или «Категорически отрицаю». При допросе после предъявления обвинения формула обвинения и признания излагается общей фразой, признает или не признает обвиняемый себя виновным, без конкретного перечня тех преступных действий, в которых подследственный обвиняется.

Допросом не выясняются причины и обстоятельства, толкнувшие его на преступление. К следственным делам не приобщается такой необходимый документ, как объективная боевая и политическая характеристика командования. Результаты следствия не используются для сигнализации командованию и политаппарату о недочетах в боевой и политической работе в части.

Все эти промахи в значительной мере происходят потому, что начальники ОО армий, дивизий, бригад лично следствием занимаются мало, сами допрашивают редко, в ходе следствия протоколы допросов не проверяют, следователей на конкретных ошибках не учат.

Кроме этого, сказывается и отсутствие повседневного делового контакта особых отделов с прокурором дивизии, бригады в ходе самого следствия. Многие недоделки, неясности, из-за которых потом дело месяцами гуляет по инстанциям и возвращается на доследование, могли быть легко устранены, если бы еще в процессе следствия посоветовались, проконсультировались с прокурором.

ОО 254-й сд 11-й армии вели следствие по делу бывшего бойца 240-го лыжбата Босенко П. Л. Задержанный особдивом 1 апреля Босенко показал, что 28 марта группа бойцов 240-го лыжбата, в том числе и Босенко, была предательски уведена к немцам командиром взвода мл. лейтенантом Антоненко. 30 марта Босенко был завербован немецкой разведкой, а 31 марта переброшен на нашу сторону. Несмотря на то что следствие по этому делу особдив, а затем и особарм растянули на два месяца, главный и простой вопрос не проверили: был ли 28 марта в 240-м олб факт исчезновения или пленения группы военнослужащих и при каких обстоятельствах это произошло. Между тем Босенко не назвал на следствии ни одной фамилии из тех 9 красноармейцев, с которыми он попал в плен, а его показания от 22 мая об обстоятельствах вербовки явно сомнительны и смехотворны: «… 30 марта вечером, когда нас заводили в баню, немецкий офицер, подошедший к бане, взял меня за рукав стеганки и сказал: «Пойдем со мной…» Дав мне задание и получив согласие на выполнение его, офицер отослал меня обратно в баню…» И при таком состоянии следствия дело считается законченным и направляется в суд!

Задержанный 13 мая некий Коноваленко показал, что с августа 1941 г. до мая 1942 г. был в плену у немцев, завербован ими и 5 мая переброшен под видом бежавшего из плена на нашу сторону. Записанные в протоколах показания Коноваленко полны несуразности, например:

1. Немцы дали ему поддельную советскую справку о прошлой судимости и отбытии наказания в ИТЛ. Для чего? Чтобы скорее взяли его под подозрение и задержали?

2. При переброске немцы одели его в новое красноармейское обмундирование. Зачем? Разве не ясно, что, если немецкая разведка действительно легендировала побег Коноваленко из лагеря военнопленных, он не был бы одет «с иголочки»?

Приняв все рассказы Коноваленко за чистую монету, 00 11-й армии без всякой проверки его личности счел на этом следствие законченным».

И, наконец, начальник Особого отдела фронта переходит в письме к вопросу расследования фактов измен: «Не все еще работники особых органов осознали полностью ту ответственность, которую мы, особисты, несем за каждый случай измены военнослужащих. Не все оперработники понимают, что каждый переход на сторону противника — это крупный провал в нашей работе, это поражение особого отдела и серьезный выигрыш врага, ибо добровольный уход к немцам, да еще в окруженную 16-ю армию, не только не дает в руки противника какие-то, иногда весьма важные сведения, известные изменнику, но прямо укрепляет моральный дух и силу сопротивления немецких солдат.

Вот почему каждый случай измены должен расцениваться как действительно чрезвычайное событие в воинской части, требующее самого тщательного, всестороннего расследования как для точного установления самого факта ухода к врагу, так и для выяснения всех прямых и косвенных причин, условий, лиц, способствовавших возникновению изменнических замыслов и осуществлению их.

Вот почему нетерпимо, когда некоторые начальники особых отделов дивизий и бригад не считают для себя обязательным лично на месте происшествия расследовать каждый случай измены, вскрыть все его корни, найти и устранить те промахи в собственной работе, из-за которых измена не была предотвращена.

Именно недооценкой фактов измен и нашей ответственности за них объясняется однобокость информации особых органов. Как правило, до последнего времени спецсообщения обходили вопрос не только о степени виновности и ответственности уполномоченных, не сумевших предупредить измену; остаются также неосвященными и вопросы о том, в какой мере быстро, тщательно, всесторонне проведено оперсоставом расследование по уже совершившемуся факту, кто персонально вел это расследование, был начальник особого отдела на месте происшествия, проверял сам уполномоченный во всех деталях обстоятельства, при которых произошел переход к противнику (осмотр местности, уточнение времени, обнаружение следов, личный опрос очевидцев и т. п.), или он проводил канцелярское следствие, сидя на КП полка и веря на слово командирам отделения, взвода, которые не всегда заинтересованы в полном раскрытии истинной картины происшествия».

И все же возникает вполне резонный вопрос, а почему так происходило?

Да потому, что менталитет особистов так и не поменялся с тридцатых годов. Потому что не хватало образованных людей, в полном смысле этого слова. Потому что кто-то из чекистов сильно ленился, занимая совершенно чужое место. Потому что люди были разные: были и люди, а были и нелюди…

Докладная записка от 22 мая 1943 года (после приказа Абакумова минул целый год) А.С. Щербакова И. В. Сталину о работе Особого отдела 7-й отдельной армии подтверждает это. Причем как интригующе она начинается: «По вашему личному распоряжению Главное Политическое Управление Красной Армии расследовало донесение командарма 7 отдельной армии генерал-майора тов. Крутикова о работе Особого отдела Армии».

А дальше следуют самые обычные в таком случае слова: «Докладываю о результатах».

Результаты были, прямо скажем, удручающими: «1. Военный Совет 7 отдельной армии взял под сомнение правильность обвинений Никулина и Шведова в шпионаже. По материалам следствия, проведенного Особым отделом Армии, дело рисовалось следующим образом:

Резидент немецкой разведки Никулин, снабженный немецкой разведкой оружием (пистолетом и гранатами), получил от немецкой разведки задание вести обширную шпионскую деятельность в Красной Армии — вербовать шпионов, взрывать мосты, поджигать воинские склады, советские учреждения и т. д. Никулин имел в своем распоряжении агентов-связистов, которые, переходя линию фронта, передавали немцам шпионские сведения, собранные Никулиным. В числе других шпионов Никулин завербовал командира Красной Армии младшего лейтенанта Шведова.

Проверка этого дела дала следующие результаты: Никулин И. А., 1910 года рождения, служил в Красной Армии в 1939 году, участвовал в боях с белофиннами, был ранен, после чего признан негодным к военной службе. Никулин совершенно неграмотный (умеет только расписываться), работал до войны и во время войны плотником Тихвинской лесобиржи. Четыре брата Никулина служат в Красной Армии. Во время оккупации Никулин полтора месяца проживал на территории, занятой немцами. Со Шведовым Никулин познакомился в то время, когда воинская часть, в которой состоял Шведов, располагалась по соседству, где проживал Никулин.

По материалам следствия, как агент-связист, завербованный Никулиным, проходит Иванова Екатерина, 15 лет. Три брата и

сестра Ивановой служат в Красной Армии.

Младший лейтенант Шведов, после нескольких недель знакомства с Никулиным, уехал вместе со своей частью на Волховский фронт, под Синявино, откуда дезертировал. Шведов был задержан Особым отделом 7 армии, ему первоначально было предъявлено обвинение в дезертирстве, а затем в шпионаже. Через некоторое время после ареста Шведов сознался в шпионской работе и показал, что в шпионы он был завербован Никулиным.

На допросе мне и тов. Абакумову Шведов заявил, что после того, как следователь Ильяйнен потребовал от него назвать сообщников, он, Шведов, назвал двух красноармейцев из взвода, которым он командовал. Но Ильяйнен отклонил этих людей и потребовал назвать других лиц. После этого оговорил Никулина.

Будучи арестованным, Никулин ни в чем себя виновным не признавал, после пребывания в камере признал себя виновным в шпионаже.

Расследованием установлено, что объективных фактов для обвинения Никулина и Шведова в шпионаже нет. Так, например, неграмотному во всех отношениях Никулину, проживающему в глухой деревушке, немцами якобы были даны следующие задания:

«Я должен был собирать сведения:

1. О расположении, количественном составе и вооружении пехотных, артиллерийских, минометных, автобронетанковых, саперных, инженерных, специальных и тыловых частей Красной Армии.

2. О дислокации штабов, воинских частей и соединений.

3. 0 расположении складов с боеприпасами, вооружением, взрывчатыми веществами, продовольствием, фуражом, горюче-смазочными материалами и другим военным имуществом.

4. О расположении и составе оборонных сооружений.

5. О расположении аэродромов и количестве самолетов на них.

6. О расположении средств ПВО.

7. О состоянии дорог и интенсивности движения по ним.

8. О строительстве новых дорог.

9. О политико-моральном состоянии личного состава частей Красной Армии и гражданского населения. Наряду со сбором шпионских сведений офицер поручил мне совершать диверсионные акты, организовывать взрывы мостов, поджигать воинские склады и советские учреждения».

Эта часть показания Никулина была целиком и полностью написана старшим следователем Ильяйнен, а едва умевший

расписываться Никулин подписал такой протокол допроса.

Особый отдел Армии имел полную возможность проверить деятельность «связиста» Ивановой Екатерины. Однако Иванова Екатерина не только не была арестована, но не была и допрошена, хотя для этого была полная возможность, так как она продолжала жить безвыездно в том же самом месте.

Расследованием установлено, что Иванова Екатерина заданий от Никулина по шпионажу не получала и линию фронта не переходила.

Особый отдел имел полную возможность выяснить, как попали к Никулину пистолет и гранаты. Расследованием, как попало к Никулину оружие, установлено: брат Екатерины Ивановой, мальчик 13 лет, однажды сказал Никулину, что у него имеются трофейные гранаты и пистолет. Никулин отобрал оружие у мальчика Иванова, пистолет Никулин отдал Шведову за хлеб, а гранаты использовал для глушения и ловли рыбы. Работники Особого отдела вопрос о происхождении оружия могли бы легко выяснить, вызвав и опросив мальчика Иванова, брата Ивановой Екатерины. Этого также сделано не было. Так в результате недобросовестного отношения к следствию было создано обвинение Никулина и Шведова в шпионаже.

Шведова надо было арестовать и судить как дезертира. Никулин виноват в незаконном хранении и несдаче трофейного оружия, но фактов и материалов для обвинения его в шпионаже не было. Военный трибунал 7 Отдельной Армии отклонил обвинение в шпионаже.

Следственное дело Никулина и Шведова вел старший следователь Особого отдела Ильяйнен, по национальности фин. Ильяйнен ранее работал в органах НКВД и был уволен.

Непосредственное руководство следствием и активное участие в нем принимал заместитель начальника Особого отдела 7 отдельной Армии Керзон. Керзон с 1929 года по 1938 год работал в органах НКВД. В 1938 году он был арестован по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации. Затем был признан невиновным и с 1939 года вновь работает в органах НКВД.

Ильяйнен и Керзон являются виновными в недобросовестном ведении следствия в отношении Никулина и Шведова.

2. Аналогичному делу Никулина и Шведова является дело по обвинению в шпионаже Ефимова. Красноармеец Ефимов 29 ноября 1942 года был вызван следователем Особого отдела на допрос в качестве свидетеля. На допросе Ефимов рассказал следователю Особого отдела, что он, Ефимов, в 1941 году был в плену у немцев и оттуда бежал. Это вызвало подозрение и по

существу явилось основанием для его задержания. 30 ноября Ефимов на допросе признался в шпионской деятельности.

Анализ следственных материалов показал, что следствие по делу Ефимова проведено крайне поверхностно и недобросовестно. Все обвинения построены только на признании самого подсудимого. Причем все эти признания пестрят противоречиями и неправдоподобностями.

Особый отдел имел полную возможность проверить личность Ефимова и собрать о нем более глубокий материал. Однако этого сделано не было. Единственным объективным доказательством виновности Ефимова является его сдача, будучи в окружении, в плен в сентябре месяце 1941 года и пребывание на территории, оккупированной немцами. После возвращения Ефимова из плена и освобождения Красной Армией территории, на которой проживал Ефимов (Торопецкий район), он вновь после проверки его в лагерях НКВД был призван в ряды Красной Армии, где и служил в течение 8 месяцев.

В результате категорического отказа Ефимова на заседании военного трибунала 30 апреля 1943 года от своих показаний и отсутствия в деле каких-либо других материалов, свидетельствующих о его невиновности, Ефимов был оправдан.

Для проверки поведения Ефимова в период проживания его на оккупированной территории, впоследствии освобожденной Красной Армией, в Торопецкий район Калининской области были командированы старший инспектор ГлавПУРККА полковник т. Долин и старший следователь Главного управления контрразведки майор т. Коваленко. Проверкой на месте (опрошены ряд лиц, знающих Ефимова) ими установлено, что Ефимов в конце декабря 1941 года явился из немецкого плена, жил все время у отца, из деревни никуда не отлучался, за время пребывания немцев в этом районе связи и общения с ними не имел, антисоветской агитации не вел и никого из советских активистов не предавал. Между тем, по материалам следствия, дело рисовалось таким образом, что Ефимов, проживая в Торопецком районе, якобы был близко связан с немцами, пьянствовал с ними в ресторане, выдал немцам жену политрука Никифорову Марию и вел среди местного населения антисоветскую агитацию.

Виновным в создании бездоказательного обвинения Ефимова в шпионаже являются старший следователь Особого отдела Армии капитан Седогин и начальник следственной части, он же заместитель начальника Особого отдела Армии подполковник Керзон.

3. После дела Никулина, Шведова и дела Ефимова военный

трибунал 7 армии и его председатель т. Севостьянов стали выражать сомнение в правильности проведенного следствия в отношении ряда людей, которые уже прошли через трибунал и осуждены трибуналом за шпионаж. Так, военный трибунал стал выражать сомнения в правильности следственных материалов по обвинению в шпионаже Пышнова и Лялина, Масленникова и Никитина, Стафеева. Провести надлежащее расследование по этим делам не представляется возможным, так как осужденные (кроме Лялина) расстреляны».

Таким образом расследование показало о совершенно легком отношении к арестам работников Особых отделов в 7-й отдельной армии. Прямым свидетельством тому могут служить и такие цифры: «Особым отделом 272 стрелковой дивизии за первый квартал 1943 года было арестовано 15 человек, и им были предъявлены обвинения в контрреволюционных преступлениях. Из 15 дел прекращено в Особом отделе 8 дел и военной прокуратурой 2 дела.

По 4 стрелковому корпусу за второе полугодие 1942 года было арестовано 215 человек за контрреволюционные преступления. 43 человека, или 20 % из числа арестованных, были освобождены за недоказанностью обвинений».

Как говорится в докладной записке дальше, «при этом следует отметить, что начальник Особого отдела 272 стрелковой дивизии майор Божичко на одном из совещаний заявил, что ничего плохого в этих арестах и вызовах свидетелей нет, так как вызов красноармейцев в Особый отдел является своего рода политической работой». Вот так вот. И не иначе!

Кроме всего прочего, проверка показала, что Особые отделы в методах следствия допускали извращения и нарушения законов. Особисты в качестве камерной агентуры использовали лиц, уже осужденных за шпионаж к высшей мере наказания. Также в практике особистов армии имели место вопиющие факты, когда подсудимых перед отправлением на судебное заседание вызывали в следственную часть для дачи указаний, чтобы они показывали то, что показывали на следствии в Особом отделе. В той же самой практике имели место и факты назойливого и ненужного присутствия следователей Особого отдела армии на судебном заседании.

Выводы для товарища Сталина были сделаны следующие: «Проверка показала, что по ряду шпионских дел обвинения были построены только на признании самих подсудимых, — является неправильным. Особый отдел 7 отдельной армии в общем проделал значительную работу по разоблачению немецкой и финской агентуры, и утверждать, что все обвинения в шпионско-

диверсионной работе были построены только на признании самих подсудимых, — неправильно.

Обобщение, сделанное в донесении командарма 7 отдельной армии, о том, что органы следствия не принимают мер к розыску и аресту резидентов иностранных разведок, — неточно. Так, из 30 агентов и резидентов, прошедших по показаниям подсудимых за 1942–1943 гг., — 5 разыскано и осуждено к ВМН.

Таким образом, проверка работы Особого отдела 7 отдельной армии показала, что в работе Особого отдела армии и особых отделов соединений имели место крупные и серьезные недостатки, а также извращения».

Конкретными виновниками в докладной записке были названы 5 особистов: один заместитель начальника Особого отдела армии, он же начальник следственной части; два старших следователя Особого отдела армии; один следователь Особого отдела укрепрайона и один оперуполномоченный укрепрайона.

Первых двух А.С. Щербаков предложил Сталину уволить из органов и осудить решением Особого Совещания к 5 годам лагерей. Остальных — уволить из органов и направить в действующую армию. И еще начальник Главного Политического управления РККА посетовал вождю: «Среди работников Особых отделов (ныне СМЕРШ) много неопытных, малограмотных людей. Этот недостаток следует поправить переводом нескольких тысяч политработников в органы контрразведки».

Впоследствии так и сделают, но политработники, оказавшись в «шкуре» смершевцев, работать станут не намного лучше.

Абакумов и СМЕРШ

В августе 1954 года в разговоре со следователем Елисеевым В.С. Абакумов будто бы сказал: «Очень жестокая организация СМЕРШ, которой я руководил во время войны. Там господствовал чудовищный принцип: лучше расстрелять троих невинных, нежели оставить в живых одного шпиона. Скажу откровенно, меня за это надо не расстрелять, а четвертовать, но это сегодня. В войну это выглядело абсолютной нормой. Не берусь судить, можно ли было этого избежать. Думаю, нет. В 1941–1942 годах предательство в нашей армии процветало, пока отступали, творилось черт знает что. Рядовые убивали командира, комиссара и целыми подразделениями сдавались в плен немцам. Немцы тоже не дремали, перевербовывали наших военных и засылали к нам обратно, но уже с заданием. В основном предавали не из политических соображений, как часто думают, а из страха перед немцами. И чтобы остановить этот процесс, нужно было, чтобы от нас исходил тоже страх, причем по силе не меньший, чем от немцев».

И он исходил, да еще как!

В феврале 1943 года Абакумову было присвоено специальное звание — «комиссар госбезопасности 2-го ранга», а 31 марта Сталин вызвал его на прием. В 22 часа 30 минут Виктор Семенович вошел в Кремлевский кабинет вождя вместе с Молотовым, Берия, Маленковым, Боковым, Ильичевым, Платоновым, Щербаковым и Меркуловым.

Абакумов вместе с Меркуловым пробыли у вождя всего полчаса. Речь шла о реформе работы контрразведки… Между тем в отсутствие главного особиста Меркулов провел срочное совещание начальников Особых отделов ряда фронтов и армий, где каждый из присутствующих получил по 20 минут на выступление. Сталин потребовал от органов военной контрразведки более лучшей работы в борьбе со шпионами и диверсантами. К 1 апреля 1943 года Меркулов готовит проект постановления об образовании наркомата госбезопасности и схему структуры с объяснительной запиской. Эти документы за подписью Берия 2 апреля передают Сталину.

По замыслу Лаврентия Павловича, все оперативно-чекистские управления и отделы выделялись из НКВД СССР и на их базе образовывался наркомат госбезопасности. Управление же Особых отделов должно было войти в состав нового ведомства как одно из управлений контрразведки НКГБ (СМЕРИНШ — смерть иностранным шпионам). Однако этот проект не понравился

Сталину. Тогда к 4 апреля Меркулов подготовил следующий вариант, где, ничего не меняя, дополнительно предлагал в управлении СМЕРИНШ усилить технические отделы и создать новые подразделения с функциями по работе в тылу. Но вождь не принял и этот проект. Он приказал вернуться к реформе по той же схеме, которая была проведена в жизнь накануне войны, и снова объединить усилия руководства обороной государства с обеспечением безопасности в армии и на флоте. Фактически он потребовал подчинения военной контрразведки напрямую Наркому обороны, чего не хотел прежде всего Берия. 13 апреля в 22.05 Сталин снова проводит совещание с руководством НКВД, а 15 апреля в 23.35 Нарком обороны и Верховный главнокомандующий приглашает на совещание Абакумова уже как будущего своего заместителя.

Когда встал вопрос о названии военной контрразведки (второе проектное название СМЕРНЕШ — смерть немецким шпионам) Сталин сказал присутствующим:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах против нашей армии? Давайте назовем «Смерть шпионам», а сокращенно СМЕРШ.

На том и порешили. 18 и 19 апреля Сталин снова принял Абакумова, Меркулова и Берия, чтобы окончательно решить вопрос реформирования военной контрразведки. А 21 апреля 1943 года вышло Постановление Государственного комитета обороны № 3222 сс/ов с утверждением положения ГУКР СМЕРШ НКО СССР (19 апреля 1943 г. Постановлением СНК СССР № 415–138 сс Управление Особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ НКО СССР).

В этом документе были определены конкретные задачи органов СМЕРШ:

«а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, включающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий Народного Комиссара Обороны».

«Даже после реорганизации советская военная контрразведка оставалась «государством в государстве», — считает автор статьи «Это страшное слово СМЕРШ» О. Герчиков. — Старший оперуполномоченный полка подчинялся не командиру полка, а начальнику СМЕРШ дивизии. Начальник главного управления контрразведки Абакумов, будучи заместителем наркома обороны, подчинялся только Верховному. В стрелковом полку было 3 контрразведчика. В дивизии по штату полагалось иметь 21 человека, включая начальника и заместителя, шифровальщика, следователей и коменданта, плюс взвод охраны. В армии было примерно 400 сотрудников СМЕРШ. Еще была агентура — по человеку на отделение (т. е. 30 «стукачей» на батальон)…

Вопреки противошпионскому названию основным объектом работы СМЕРШа был не столько внешний враг, сколько внутренний. Если верить ветеранам контрразведки, советский солдат, особенно в начале войны, только о том и думал, как бы сдаться в плен, дезертировать или что-нибудь себе отстрелить.

По собственным данным контрразведчиков, только за первые 2 года войны одних немецких агентов-парашютистов было арестовано и убито 576. За 5 последних месяцев осени 1944 года армейская контрразведка арестовала 776 агентов, в январе — феврале 1945 года — еще 1326! Уже после окончания войны в Курляндии провели войсковую операцию, обезвредив 1277 немецких шпионов… По разным оценкам, за годы войны ОСО и СМЕРШ поймали от 30 до 60 тыс. вражеских агентов, то есть примерно 3–6 шпионских дивизий!

Были ли приписки в контрразведке? Да, были. По воспоминаниям фронтовиков, в шпионы можно было угодить за «пораженческие настроения» — например, похвальное слово о качестве немецкой техники.

Или «антисоветскую агитацию» — чтение вслух письма из дома о голоде в тылу. Впрочем, приписок в СМЕРШе было не больше, чем в любой советской организации.

На протяжении всей войны военные контрразведчики вели радиоигры с германской разведкой. Передавая «дезу», они оказывали существенную помощь армейскому командованию в подготовке стратегических операций. Во многом благодаря этому немцы зимой 1944–1945 гг. так и не смогли вскрыть замысел

советского наступления в Восточной Пруссии.

Блестяще проведенная контрразведкой радиоигра «Арийцы» сорвала подготовку в Калмыкии восстания местного населения. О степени дезинформированности немецкой разведки говорит хотя бы тот факт, что самолеты с немецкими диверсантами сели в калмыцкой степи после того, как калмыки по приказу Сталина были выселены в Сибирь».

Вызывает интерес деятельность контрразведки СМЕРШ по пресечению измены и дезертирства. Например, 17 июня 1943 года начальник фронтового управления контрразведки генерал-майор Я. А. Едунов представил военному совета фронта перечень мероприятий, которые было бы целесообразно провести в соединениях и частях по предупреждению измены родине «в форме перехода на сторону противника» и которые условно можно разделить на три направления: обеспечение непроницаемости линии фронта, политиковоспитательная работа в войсках, увеличение внимания к нуждам солдат на передовой. Н. В. Греков, раскрывая эту деятельность в своей статье в Военно-историческом журнале пишет: «Из 31 пункта списка этих мероприятий 12 содержали предложения по первому направлению, т. е. максимальному усилению контроля, исключающего возможность просачивания агентуры противника и изменников через линию фронта. Контрразведка отмечала, что из-за неправильной расстановки постов переднего края и боевого охранения большие участки пространства перед нашей обороной остались вне какого-либо наблюдения. Фронтовое управление контрразведки предлагало армейскому руководству СМЕРШ обратить особое внимание на организацию полевой караульной службы, особенно на флангах и стыках подразделений. По его мнению, возможность «изменнических попыток» обусловливались близостью линии обороны противника, усилением его пропаганды путем распространения листовок и через громкоговорители, особо тяжелыми условиями, в которых оказывалась та или иная часть, прибытием на передовую неизученного, «политически засоренного пополнения».

При наличии подобных предпосылок к дезертирству и измене командирам частей предлагалось перед линией нашей обороны выставлять секреты из надежных бойцов, которые должны были пресекать попытки перехода к противнику, задерживая или уничтожая изменников. Следовало немедленно выставлять секреты там, где уже имели место случаи перехода, а все открытые участки должны быть заминированы и перекрыты проволочными заграждениями. В целом же надлежало «добиться такого положения, при котором не оказалось бы ни одной

лазейки», при этом от находившихся на передовой бойцов и командиров контрразведка требовала постоянной бдительности. В частности, всех появившихся в расположении части или боевого охранения гражданских лиц или военнослужащих других частей следовало немедленно задерживать и докладывать об этом командирам. Ответственность за соблюдение «строжайшего режима» на передовой возлагалась на командно-политический состав.

Между тем военная контрразведка указывала на серьезные недостатки в работе командного состава, провоцировавшие возникновение изменнических настроений. К примеру, начальник Управления СМЕРШ Северо-Западного фронта информировал военный совет: «Имеют место случаи самоуправства, рукоприкладства, грубого, издевательского и несоветского отношения со стороны отдельных командиров к подчиненным, а в отдельных частях 23-й гвардейской дивизии эти случаи носят массовый характер, что в значительной мере облегчает работу врагу». Генерал Едунов предлагал военному совету предупредить весь командно-начальствующий состав фронта, что за «вышеуказанные бесчинства» виновные будут привлекаться к строгой ответственности вплоть до предания суду военного трибунала. СМЕРШ внушал нерадивым командирам, что нужно беречь солдата. Контрразведчики отмечали факты, когда по нескольку суток (до 19) в 117-й стрелковой дивизии 22-й армии не сменялись наряды боевого охранения, а красноармейцы не отдыхали. Руководство СМЕРШа фронта напоминало армейским командирам о необходимости строго соблюдать требования устава, проводить смену наряда не более чем через 24 часа, а виновных в нарушении уставов наказывать.

В рамках противодействия фашистской агитации «смершевцы» предлагали командному составу и политаппарату усилить воспитательную работу на переднем крае и принимать срочные меры к сбору и уничтожению вражеских листовок. Бойцам всех частей фронта надлежало разъяснить, что хранение вражеских листовок есть уголовно наказуемое деяние. В то же время было хорошо известно, что в подавляющем большинстве случаев эти листовки использовались лишь для бытовых нужд из-за нехватки бумаги. Нередко бойцы, не особенно задумываясь, отправляли родным послания, написанные по той же причине на оборотной стороне германских листовок. Поэтому наряду с коллективной читкой газет, беседами, иными формами воспитательной работы контрразведчики предлагали армейскому начальству срочно изыскать источники снабжения солдат, хотя бы на передовой, курительной и писчей бумагой».

Писатель Иосиф Линдер, автор серии книг по истории российских и советских спецслужб, лауреат премии ФСБ России, в своем интервью Е. Лихтенвальд называет несколько причин образования военной контрразведки СМЕРШ: «Прежде всего, к весне 1943 года принципиально изменилась ситуация на театре военных действий.

После Сталинградской битвы стало ясно, что при всем оперативном и тактическом искусстве Вермахта Третьему рейху уже не хватает сил и ресурсов не только для наступления, но даже для удержания занятых позиций. Не стоило труда предвидеть, что в скором времени Красная Армия перейдет в масштабное контрнаступление по всей линии фронта и оккупированные немцами территории будут освобождены. Но столь же очевидным было, что противник постарается буквально наводнить их своими агентами. Следовательно, надо было готовиться к масштабным проверкам населения. С другой стороны, нельзя отрицать, что годы кровавой войны стали серьезной нагрузкой для человеческой психики, люди на фронте менялись — и не всегда в лучшую сторону. Война (как и любая глобальная катастрофа), подобно лакмусовой бумаге, выявляет те человеческие качества — как высокие, так и низменные, — которые в обычной жизни, возможно, навсегда остались бы скрытыми. Поэтому не случайно в число функций СМЕРШа входил и контроль над личным составом армии.

Наконец, третий, но далеко не последний по важности фактор, приведший к созданию новой спецслужбы: Сталина не устраивала сложившаяся ситуация, при которой большая часть оперативной информации проходила через наркома внутренних дел Лаврентия Берию. Доходило до того, что на стол Берии ложились материалы агентуры Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии, и именно Берия шел к Сталину первым докладывать, как за НКВД, так и за военную разведку, а начальник Главного разведуправления выступал при нем содокладчиком. Когда Сталин вывел из структуры Народного комиссариата внутренних дел Главное Управление Особых отделов… и передал их в ведение Народного комиссариата обороны, он тем самым радикально изменил расстановку сил в советских спецслужбах. Начальник Главного Управления Особых отделов Виктор Абакумов, возглавив СМЕРШ, стал заместителем наркома обороны СССР, т. е. перешел в прямое подчинение лично Сталину… Таким образом, из заместителя Берии Абакумов превратился в самостоятельную, практически равную ему фигуру.

Появление новой самостоятельной спецслужбы создавало дополнительные оперативные возможности: каждая подобная

структура нарабатывает собственные контакты, собственные агентурные сети, которые зачастую помогают выявить шпионов и диверсантов, «выскользнувших» из сетей других спецслужб. Кроме того, само наличие конкурирующей спецслужбы, способной «перепроверить» данные Главного разведывательного управления, НКВД и МГБ, стимулировало последних к более интенсивной работе, поскольку руководитель любого из этих ведомств понимал, что его позиции в государственном аппарате во многом зависят от того, какую информацию и насколько оперативно он доложит Сталину. Сталин же, будучи очень хорошим психологом, прекрасно сознавал действенность принципа «разделяй и властвуй».

Кроме того, он сам имел опыт нелегальной работы на чужой территории: в Вене в ста метрах от императорского дворца до сих пор висит мемориальная доска, сообщающая о том, что в этом здании находилась штаб-квартира Сталина, до революции возглавлявшего крупную «эксовскую» структуру. Впоследствии Сталин лично курировал многие операции по линии Коминтерна и других спецслужб. Сохранилось огромное количество написанных им документов, причем не только директив, но и инструкций и планов реальных оперативных мероприятий. Так что он был вполне способен проанализировать стекавшиеся к нему донесения спецслужб и сделать верные выводы.

Другое дело, даже сложив мозаику из показаний всех источников, не всегда можно было отличить реальную информацию от дезинформации противника. Скажем, в 1942 году разведка докладывала о подготовке нового наступления под Москвой — а немцы ударили по Сталинграду. Нечто подобное едва не произошло перед Курской битвой на Курской дуге, и здесь как раз огромную роль сыграли только что созданный СМЕРШ и личный его руководитель Виктор Абакумов. Немецким генеральным штабом, абвером и СД была проведена масштабная дезинформационная акция. Чтобы забросить к нам специально изготовленные карты с подлинной подписью Гитлера, немцы пожертвовали самолетом и жизнями нескольких высокопоставленных офицеров. На этих картах в качестве направления главного удара была указана Москва. Та же самая информация запускалась и по другим каналам. Но, благодаря донесениям зафронтовой агентуры СМЕРШа, было доказано, что на самом деле основное накопление сил противника идет не на московском, а на курско-орловском направлении. Надо сказать, что Абакумову потребовалось немало мужества, чтобы на совещании у Сталина, вопреки донесениям конкурирующих ведомств и, казалось бы, неопровержимым доказательствам,

объявить сведения о московском наступлении дезинформацией. В подтверждение слов он привел сообщения агентов СМЕРШа, внедренных в различные команды абвера. Абакумов отлично понимал, чем для него может обернуться ошибка, но, будучи человеком очень сильной воли, хорошей оперативной хватки и интуиции, принял ответственность на себя и сделал заявление, во многом способствовавшее нашей победе в одном из переломных сражений Великой Отечественной войны. Это лишь один из примеров реального влияния работы СМЕРШа на ситуацию на фронтах».

По мнению Евгения Жирнова, возглавляя СМЕРШ, Абакумов ни при каких обстоятельствах не изменял своей излюбленной тактике — идти напролом.

Вспоминает полковник Тарасов: «Однажды мы брали разведгруппу противника совместно с территориальными органами НКГБ и войсками по охране тылов фронта — они подчинялись НКВД. Группа была из уголовников, завербованных немцами, так что сопротивлялись они недолго, и мы взяли почти всех. Самое ценное — старший и радист с рацией. Кто их заберет? Хотели все. Абакумов встал, ни на кого не глядя, подошел к телефону ВЧ и доложил Сталину, что СМЕРШем задержана вражеская разведгруппа и что она перспективна в смысле радиоигры. Потом обернулся к присутствующим и объявил: «Товарищ Сталин одобрил проведение нами радиоигры, так что старший и радист — нам, остальных делите как хотите. Представители параллельных ведомств от такой наглости оторопели. Вообще, брать все нахрапом было его излюбленной манерой».

«Тактика нахрапа приносила Абакумову все новые успехи, — продолжает Е. Жирнов, — с 1943 года он стал подчиняться напрямую Сталину. Приблизившись к вождю, он осознал, что единственный способ упрочить свое положение — любыми средствами добиваться его расположения. И здесь ему очень помог опыт нацистов, который Абакумов стал обстоятельно изучать после войны. Его интересовали мельчайшие подробности взаимоотношений гестапо с партией, военной разведки с политической, руководителей различных спецорганов друг с другом. В своем персональном кинозале начальник СМЕРШа, как рассказывал мне его переводчик Даниил Копелянский, часами смотрел трофейную кинохронику.

Вскоре внимательные подчиненные Абакумова неожиданно заметили, что он во всем, вплоть до мелочей, копирует рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Даже на доклады в Кремль Абакумов ездил в машине Гиммлера. По гиммлеровскому образцу

— слепое подчинение вождю и никому больше — Абакумов строил и свои отношения со Сталиным. Он перестал доверять даже собственной интуиции, теперь он верил лишь Сталину».

В книге А. Ю. Попова «Диверсанты Сталина» автор рассказывает о том, какое раздражение у начальника ГУКР СМЕРШ вызывал переход противника на сторону партизан. По этому поводу в августе 1943-го Виктор Семенович писал начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко: «…борьба с агентурой противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложена на органы контрразведки СМЕРШ. Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой «Русской освободительной армии и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону без ведома органов контрразведки СМЕРШ, допрашиваются работниками штабов партизанского движения, которым несвойственно заниматься расследованием по такого рода делам, доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы — размножаются и вместе с сообщениями рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц…»

Сам П. К. Пономаренко ответил Абакумову не менее резко: «… мы считаем необходимым и впредь захваченных агентов противника и материалы, какие только представляют интерес для Вашего управления передавать Вам. Нас поэтому крайне изумляют претензии, изложенные в Вашем письме, с которыми в принципиальном отношении нельзя согласиться.

То, что на органы контрразведки, как Вы говорите, возложена борьба с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, то мы это только приветствуем, хотя слышим об этом впервые. Возникает другой вопрос, почему со времени организации СМЕРШ никто из работников этого управления не говорил о том, как они собираются и что намечают предпринять, чтобы организовать работу и развернуть борьбу с агентурой противника, почему не проведено ни одно мероприятие, а в партизанских отрядах нет ни одного вашего работника. Вы, как это видно из письма, считаете, что руководящие органы партизанского движения не могут без ведома органов контрразведки СМЕРШ решать вопрос и осуществлять в необходимых случаях доставку из тыла противника захваченных партизанами агентов врага и допрашивать их.

Логически следует, что командиры и комиссары партизанских отрядов и бригад также должны в таком случае быть лишены права допроса разоблаченных и захваченных партизанами агентов противника, эти наши претензии вызывают просто удивление, так как они ставят в нелепое положение руководящие органы партизанского движения и противоречат здравому смыслу… Мы получаем от соответствующих органов немалую информацию, интересующую нас, к примеру сказать, 4-е управление НКГБ СССР ежедневно информирует нас и посылает сведения, материалы, которые представляют большой интерес для партизанского движения. А от Вас, повторяю, мы не получили ни одного материала».

Комментируя эти отрывки из переписки, автор отмечает, что «Абакумов из-за непомерных амбиций пытался подчинить своему ведомству, причем без всяких на то оснований, не только партизанскую контрразведку. Абакумов также постоянно вмешивался в дела 4-го Управления НКВД, пытался (отчасти это ему удалось) взять под свой контроль радиоигру с немецкой разведкой под кодовым названием «Монастырь»».

Это была все та же техника нахрапа, все тот же метод идти напролом. Судя по всему, своим привычкам Виктор Семенович никогда не изменял…

Кто знает, читал ли Абакумов аналитическую работу «Азбука контрразведчика», рожденную в уже далеком 1925 году в недрах КРО ОГПУ, автор которой неизвестен и по сей день? Так вот, там черным по белому написано, что «агент должен быть артистом, он должен всегда хорошо и ясно учитывать свои силы и силы противника, не лезть напролом, не взвесив всех шансов на успех. Правильная оценка положения, вдумчивость, решительность, хладнокровие, умение дать ответ и отпор при всяком положении, не показав своего замешательства, необходимы агенту. Чем яснее агент представляет себе психологию того лица, за которое он сам себя выдает, чем лучше он поймет и уловит, как бы это лицо поступало и говорило в данном случае, тем естественнее он будет выглядеть и тем труднее будет отличать вымысел от действительности». Деятельность Абакумова во главе военной контрразведки наводит на мысль, что он не во всем соответствовал занимаемому им положению. В нем были и решительность, и хладнокровие, но не всегда хватало вдумчивости и артистичности. Все это, бесспорно, можно списать на молодость, отсутствие огромного профессионального опыта и, конечно же, низшее образование, которое не могло не сказываться…

Так в своих последних откровениях Виктор Семенович

поведал своему следователю об одном из своих фронтовых эпизодов: «Был молод, кровь бурлила, хотелось показать всем, что я к страху отношусь с презрением. А в доказательство брал несколько верных охранников, ребят отпетых, садились по машинам и на передовую, в точки, где, казалось, без меня обойтись никак не могли. Однажды мне доложили, что рота или даже целый взвод бойцов подстрелили своего командира, побросали противотанковые ружья и подались к немцам. Представляешь, оголили участок для выхода немецких танков в наш тыл. А удар в спину, да еще танковый — это значит гибель сотен тысяч солдат. Я со своими орлами на двух машинах погнался за беглецами. Основную часть дезертиров мы настигли в ближайшем за передовой лесу. Они сбились в группы и ждали прихода немцев. Тех, кто оказал сопротивление, уничтожили на месте, остальных построили в колонну и в сопровождении трех автоматчиков отправили в тыл для разбирательства. Сами же продолжили поиск. А тут, как на грех, гроза началась. Дороги моментально превратились в глиняное месиво. Пока мы друг друга из трясин вытаскивали, ночь наступила. Темень и ливень. В результате мы элементарно заблудились. Двинулись в направлении наших позиций. Набрели на какую-то деревню. Слабый свет в избе на самом краю. Осмотрелись, вроде, немцев нет. Загнали машины под стога сена. Нам повезло. Хозяйка оказалась солдатской матерью. Нас обогрела, выложила на стол все, что у нее было до последней крошки. «Ешьте мальчики, только русскую землю немцам не отдавайте!» Решили с первыми проблесками рассвета двигаться дальше. К сожалению, и немцы также решили. Едва забрезжил рассвет, мы привели себя в порядок и были готовы выступать, как вбегает часовой и докладывает: «Товарищ генерал, мы в окружение попали, немецкие танки по дороге движутся!» Я через занавеску в окно глянул, а там, как на киноэкране, черные кресты на бортах немецких танков один за другим проплывают. Мы по машинам и прямо через поле в лес. Немцы погоню устраивать не стали. Для очистки совести несколько снарядов нам вдогонку послали. В лесу, правда, мы на какую-то немецкую разведгруппу натолкнулись, но мои орлы с ними за несколько минут разделались. В общем, к полудню мы к своим добрались. Я ребят отпустил, чтобы помылись, побрились и, конечно, выспались. А сам в штаб направился.

А армейский штаб — это как коммунальная квартира: слухи распространяются моментально. Иду, а навстречу мне член Военного совета, человек пожилой, с которым у меня были очень теплые дружеские отношения. Мы поздоровались. Я стою

немытый, обросший, в шинели, заляпанной глиной. Он внимательно посмотрел на меня и говорит: «Мы тут за тебя сильно переволновались, и не обижайся, но твои поездки по немецким тылам — это, на мой взгляд, легкомыслие». «Немцы там случайно оказались», — говорю я. «Это ничего не меняет. Немцы могли ранить тебя, взять в плен. Известно, что они политработников и вашего брата в плен не берут. Тут же расстреливают. Наверное, для тебя, как для руководителя контрразведки сделали бы исключение. Отправили в Берлин, передали в гестапо, там долго пытали и, в конце концов, пристрелили»».

— Вас такая перспектива не испугала? — поинтересовался следователь Иван Иванович Елисеев.

«— До этого места нет. Я в нее просто не верил. Член Военного совета это понял и тут же нарисовал картину, которую я себе до того и представить не мог, но которая меня потрясла. «Ты знаешь, что бы сказал Верховный, когда ему доложили о том, что Абакумов попал в плен к немцам?» Я пожал плечами. «Мы доверили ему руководить нашей контрразведкой, а он в плен угодил». Вот тут меня такой страх одолел за прошедшую ночь и за все, что могло бы действительно произойти, что я повернулся и, не прощаясь, пошел к себе. Заперся в рабочей комнате и просидел на стуле без движения часа полтора, а то и два».

Примечательно, что Великая Отечественная война заставила, в том числе и военную контрразведку, вновь вспомнить теоретические разработки 20-х годов, а полученные знания умело использовать в тяжелейшей борьбе со спецслужбами фашистской Германии. Чисто палаческие функции 30-х годов пришлось отодвинуть на второй план…

Ветерану СМЕРШа Зинаиде Павловне Козиной довелось работать с Виктором Семеновичем Абакумовым. О нем она вспоминает очень тепло, называет порядочным человеком. И это несмотря на то, что начальник ГУКР СМЕРШ однажды ее даже арестовал. Как это было, Зинаида Павловна рассказала в беседе с А. Бондаренко: «Мы, прикомандированные, получали денежное довольствие не в финотделе, а в полуразрушенной церковке на Пушкарской улице. И вот как-то я пришла, а там стоят в очереди пять-шесть офицеров. Стоим, ждем, и тут кто-то меня спросил, с какого я фронта. Я ответила, что с Карельского, а кто-то сказал, что это теперь уже вроде бы Дальний Восток… Но я эту информацию мимо ушей пропустила. Мне это было и ни к чему — я зарплату получала.

Вернулась я на место, и вдруг — звонок к старшей, мне сказали: «Козина, к Абакумову!» Пошла. Мы на седьмом этаже

были, он на 4-м, я знаю. Я пришла, меня туда сразу пихнули — и вот так, в два ряда — красные лампасы в ряд так и стоят. И он там далеко сидит — такой злой был, сердитый, и на меня сразу: «Кто тебе сказал, что ваш фронт на Дальний Восток идет?»

— Я ничего не ответила, потому что не успела даже сообразить. Но он и не слушал, кто мне сказал — ему это было не нужно, он просто говорит: «На шесть суток ее!» — и меня, так сказать, под руки, и все, и повели…

Я хорошо помню, как мы шли — совершенно спокойно с Градосельским — такой был мужчина, молодой, высокий. Пришла, сняла ремень — вот и все. Он ушел, а мне дежурный показал — комнатка рядом. Столик, табурет. А сюда — полка откидная к стенке была прикреплена — ложиться нельзя. Ну я и отсидела шесть…

Зато потом мы встретились с Абакумовым совершенно по-другому…

Стала я работать, а вскоре почему-то старшая машинистка перевела меня в свой кабинет. Поставили мне столик в ее маленькой комнатушке, мою машинку, а все остальные машинистки сидели в большой комнате… Как-то я решила — пойду посмотрю, как там девчонки, с которыми мы вместе работали. Прихожу, а никого нет! Возвращаюсь обратно, говорю: «Аня, в где же девчата?» — «Работа кончилась, они по своим фронтам разъехались». — «А я?» — «Я не знаю», — говорит она мне. И что я должна делать? Ладно, работаю…

И вот как-то встаю утром — а я дома жила — у нас такая черная тарелка, репродуктор, и говорят, что Абакумову присвоили звание «генерал-полковник». Пока я ехала, у меня возникла мысль: «А что я теряю? Сейчас я напишу рапорточек и тоже поеду…» Пришла, написала и печатаю на машинке: «В связи с тем, что я работаю здесь не по специальности, прошу меня откомандировать обратно на мой фронт». И все, расписалась: «Козина». Прихожу, сидит паренек, спрашиваю: «Вы не можете доложить Абакумову?» — «Доложу». И я ушла к себе на 7-й. А потом звонок: «Козина — к Абакумову!»

Совершенно спокойна была, думаю: сейчас он рапорт посмотрит и определит меня обратно. Наш фронт еще в Ярославле был… Прихожу, он меня нормально принимает, не так, как тогда, в первый раз, и один. Говорит: «Ну и что такое? Почему тебя используют не по специальности? Какая у тебя специальность?» Говорю, что я стенографистка, меня вызвали в командировку, но я работаю машинисткой.

Он меня спрашивает: «Ну ты же москвичка…» Когда он успел это узнать? «Да, москвичка…» — «Так война же скоро

кончится». — «Да, — говорю, — я понимаю». — «И чего ты, москвичка, поедешь на фронт? Оставайся здесь работать!» — «Хочу войну закончить на фронте. Вот кончится война — вернусь в Москву», — спокойно ему так говорю. Абакумов слушал, слушал, потом говорит: «Ну ладно, я подумаю! И потом скажу». На том я и ушла…

На следующий день, утром, буквально только прихожу на работу — звонок, и опять «Козина — к Абакумову!». Иду и думаю: «Сейчас, наверное, скажет — уматывай!» Прихожу, а он мне говорит: «Ну, вот что — я подумал и решил: будешь работать у меня. Мне такая стенографистка нужна — будешь работать моей личной стенографисткой»…

А там в кабинете еще генерал Врадий был — начальник управления кадров и, видимо, заместитель по кадрам. Абакумов ему тихо так говорит: «Оформи ее моей личной стенографисткой и имей в виду: вот тут… — я точно не помню, он сказал то ли «мы ее», то ли «я ее», — наказывал. Сделай так, чтобы в личном деле этого не было». Врадий молча кивнул и исчез. Мне вроде тоже надо было уходить, но Абакумов продолжил: «Видишь, — он указал в конец своего длинного кабинета, — там стоит столик? И там телефон. Вот это твое рабочее место. Будешь приходить и здесь начинать работать независимо от того, здесь я или не здесь»…

… Раза два он мне подиктовал, и все. Но приходила я на работу всегда точно, в утреннее время. Я работала нормальный рабочий день, как все машинистки: они в семь все заканчивали, и я так заканчивала свою работу и уходила. Он меня не задерживал никогда, никаких разговоров не было — почему или что? Наверное, я в первый же день спросила: «Можно мне домой уходить?» — «Можно»… Но точно я этого даже не помню. А он-то, оказывается, уезжал из кабинета в 5–6 утра! Бывало, что я приходила — он уходил, по коридору шел, и не слышно было, как он разговаривал, и видно было, что он заходил в кабинеты, но к кому он заходил, с кем разговаривал — не знаю. Но не с начальством — кабинеты начальников по разным местам были, а рядом был, я бы сказала, рядовой состав…»

Еще в воспоминаниях Зинаиды Павловны прозвучал такой эпизод, несколько характеризующий Абакумова: «Однажды Абакумов вызвал старшую машинистку — а машбюро было большое, и все равно народу не хватало, работы было очень много, — видите, даже с фронтов вызывали. Он говорит: «Ну как дела? Как девчата, как они живут?» Старшая отвечает, мол, все устали, в отпуск хотят. «В отпуск рано, пусть подождут, — говорит Абакумов. — Но дайте им по окладу, а еще вас всех

повезут на склад…»

… Война же, в магазинах ничего нет! И вот мы на автобусе приехали в переулок за ГУМом — там этот склад был. Вошли — точно вам говорю, прекрасно помню — полки, полки, полки, от пола до потолка, и на них рулоны, рулоны, рулоны… Где шерсть, где бостон, где что чего… Абакумов распорядился, чтобы каждая из нас выбрала себе по отрезу на платье! Конечно, глаза разбежались — и каждая себе выбрала кусок отреза. А мне — два куска отрезали! Я в этом деле соображала лучше — у меня мама шила, и меня научила. Я сообразила: там был рулон белого и рулон красного, какая-то шерсть, не очень, наверное, дорогая, но я постояла, посмотрела — из этого, пожалуй, юбку сошью, а из этого кофточку…»

Зинаида Павловна считает, что Виктор Семенович народ любил, о сотрудниках заботился, уважал их, какие бы должности они ни занимали.

Факт примечательный. Все, кто работал с Абакумовым, отзывались о нем более чем положительно. Даже его адъютант на свой страх и риск сохранил до наших времен белый генеральский китель своего шефа, который попал в частную коллекцию…

Если говорить словами некоторых авторов, то на фронте и в тылу вплоть до 1946 года свирепствовал СМЕРШ, возглавляемый В.С. Абакумовым, который принимал личное участие в расправах над арестованными офицерами. Известно, что за период 1941–1944 годов только их было репрессировано 72 тысячи. Например, в течение 1941–1952 годов были арестованы: 101 генерал и адмирал, из которых 76 — осудили Военной коллегией Верховного Суда СССР, 5 — Особым совещанием при бывшем МГБ СССР, 8 генералов освободили вследствие отсутствия в их действиях состава преступления, а 12 человек умерли, находясь под следствием.

В этом плане примечателен арест советского военачальника, генерал-лейтенанта И. А. Ласкина. Он родился 1 ноября 1901 года в Уфимской губернии. В 1919 году добровольно вступил в Красную Армию; участвовал в Гражданской войне. Окончил пехотные курсы, пехотную школу, Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1936 году — начальник штаба 132-го полка 44-й дивизии на Украине, в 1937–1939 годах — офицер для особых поручений при командующем Киевским военным округом, офицер для особых поручений при первом заместителе Наркома обороны СССР. С 1939 по 1941 год был начальником штаба 15-й Сивашской мотодивизии в Молдавии. С 1 октября 1941 года — начальник штаба 172-й стрелковой дивизии, сформированной в Симферополе. Через шесть дней становится командиром этой

дивизии. Позже заместитель начальника штаба Юго-Восточного фронта. С августа по сентябрь 1942 года — начальник штаба 62-й армии, с 7 сентября 1942 года по 17 апреля 1943 года начальник штаба 64-й армии. 14 октября 1942 года ему присвоено воинское звание «генерал-майор». 13 мая 1943 года — начальник штаба Северо-Кавказского фронта. 14 октября этого года ему присваивают воинское звание «генерал-лейтенант».

Среди его наград: орден Ленина, орден Кутузова 1-й степени, три ордена Красного Знамени, «Крест за боевые заслуги» от имени Президента США «в признании его исключительного героизма и храбрости, проявленных на поле боя на Советско-германском фронте против нашего общего врага — гитлеровской Германии».

Особая страница его биографии в Сталинградской битве и пленении фельдмаршала Паулюса: «В начале января 1943 года Сталинградский фронт, куда входила 64 Армия, окружил вражеские части в районе города, закончив операцию под кодовым названием «Кольцо», а 31 января этого года Военный Совет поручает начальнику штаба выехать в район боевых действий в качестве официального представителя советского командования и провести переговоры с гитлеровским командованием о прекращении военных действий со стороны немцев, их капитуляции, а также о сдаче в плен командующего 6 армии Паулюса и его штаба. Иван Андреевич подобрал группу офицеров, и возглавив ее, направился на выполнение задания».

Свою встречу с фельдмаршалом Иван Андреевич описал в своей книге «На пути к перелому»: «Наш офицер бесшумно открыл дверь. Окно в продолговатой комнате не было заложено мешками с песком. Мы сразу увидели Паулюса. Одетый в шинель, заложив назад руки, медленно шагал от двери в противоположную сторону. Я вошел в комнату. Паулюс повернулся к двери и, увидев меня, остановился… Пятидесятитрехлетний фельдмаршал был среднего роста, худощавый, пожалуй, излишне прямой, подтянутый, выхоленный.

Сейчас его лицо было бледно. Он смотрел на нас усталыми глазами. Я назвал себя и объявил его пленником. Паулюс подошел ко мне и, высоко подняв правую руку, на скверном русском языке произнес:

— Фельдмаршал германской армии Паулюс сдается Красной Армии в плен…»

За пленение Паулюса командующий войсками 64-й армии генерал-лейтенант Шумилов представил своего начальника штаба к ордену Ленина. В наградном листе говорилось:

«31.1.43 года в период ликвидации Сталинградской группировки противника, которой командовал генерал-фельдмаршал ПАУЛЮС, когда еще многие части немцев, в том числе 71 пд, вели ожесточенные бои с нашими наступающими войсками тов. ЛАСКИН проявил мужество, храбрость и самоотверженность.

Прибыв в район боев в г. Сталинград, сев. р. Царица тов. ЛАСКИН лично, в сопровождении одного командира, под огнем противника, смело с явным риском для жизни, подошел к КП 6 Германской Армии и приказав немецкой охране дать дорогу, прошел в штаб генерал-фельдмаршала ПАУЛЮСА, где возглавив находившуюся там делегацию советского командования, предъявил ультиматум о немедленной сдаче всей южной группировки.

В дальнейшем тов. ЛАСКИН организовал разоружение и сдачу в плен всей южной части Сталинградской группировки противника, а также пленение генерала ПАУЛЮСА и его штаба и лично доставил ПАУЛЮСА с группой офицеров к командующему 64 Армии.

В результате геройских действий тов. ЛАСКИНА, части южной группировки противника сложили оружие и большая часть гор. Сталинграда была освобождена.

Тов. ЛАСКИН достоин ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЫ ОРДЕНА ЛЕНИНА…»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1943 года генерала Ласкина наградили орденом Красного Знамени. Так посчитали наверху!

Тем не менее военная карьера Ивана Андреевича складывалась прекрасно. И кто знает, каких высот он бы добился, в чем не приходится сомневаться, если бы не случай.

В апреле 1943-го Управление контрразведки СМЕРШ СевероКавказского фронта возглавил генерал Михаил Ильич Белкин. Еврей по национальности. Он очень хотел получить второй орден Ленина и летом 1943-го обратился за помощью к начальнику штаба. Дело в том, что Белкина к награде мог представить только Военный совет фронта, а начальник штаба фронта Ласкин со своей стороны мог легко решить этот вопрос, замолвив свое весомое слово перед Военным советом. Но он не только отказал чекисту в помощи, но и с сарказмом заметил: «Кстати, я совершенно не знаю, как выглядит Ваша работа на фронте». Мне удалось найти именно тот самый наградной лист

на генерал-майора Белкина. Его текст был аккуратно отпечатан на машинке и, судя по всему, в недрах самого Управления контрразведки фронта, которым руководил Михаил Ильич. Судите сами: «Руководимый тов. БЕЛКИНЫМ М. И. коллектив военных чекистов действуя в боевых порядках войск Северо-Кавказского фронта с задачей захвата и ликвидации агентуры противника и его активных пособников на территории освобождаемой от немецко-фашистских захватчиков, — отлично справляется с этой работой, обеспечив безопасность рядов войск и участка занимаемого СКФ от воздействия агентуры противника. При выполнении этой задачи тов. БЕЛКИН, лично руководивший Оперативной Группой Чекистов действовавшей в гор. Краснодаре, в первый же день освобождения города от немецко-фашистских захватчиков — захватил группу карателей из немецкого карательного органа «ЗОНДЕРКОМАНДА СС 10-а» при Краснодарском гестапо и командовании 17-й немецкой армии. Умелым и быстрым разворотом дела этой группы, были установлены и неопровержимо документированы факты зверского истребления несколько тысяч советских людей и пленных красноармейцев путем удушения их газами по прямому приказу немецкого командования руками гестаповцев.

Отличное проведение данного дела обеспечило его рассмотрение в открытом судебном процессе, получившем международное значение в свете разоблачения истинного лица немецко-фашистских захватчиков.

Вместе с этим всенародное рассмотрение данного дела еще больше усилило законную ярость нашего народа и войск в их стремлении уничтожить фашизм и его руководителей.

Тов. БЕЛКИН достоин награждения ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ…»

Далее написано синими чернилами рукой члена Военного совета Северо-Кавказского фронта генерал-майора Баюкова: «Орденом Отечественной войны 1 степени». Это и стало неким оскорблением, нанесенным Белкину — кавалеру орденов Ленина и Красного Знамени, каким-то новым и несговорчивым начальником штаба фронта (с 13 мая 1943 г.). По-своему его понять можно: то ли орден Ленина, а то ли какой-то орден Отечественной войны! А вот если по совести, то вряд ли…

Тем не менее наградной лист был отправлен в Москву 27 июля 1943 года, а 25 октября состоялся Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении. Можно только представить, как Белкин был взбешен. И тогда начальник контрразведки СМЕРШ фронта пригрозил начальнику штаба фронта неприятными последствиями, вскоре написав донос…

Об этом станет известно спустя годы — 29 мая 1953 года, на заседании Центральной партийной комиссии при ЦК КПСС, когда решался вопрос о восстановлении Ласкина в рядах КПСС. А тогда, в 1943-м, в декабре месяце, начальника штаба СКФ внезапно вызвали в Москву. Сначала его принял первый заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов и сообщил о назначении на должность начальника штаба 4-го Украинского фронта. Затем начальник Главного управления кадров Наркомата Обороны СССР Ф. И. Голиков ознакомил Ивана Андреевича с проектом приказа о назначении и направил на отдых в подмосковный санаторий «Архангельское»…

Однако 18 декабря в номер ничего не подозревающего Ласкина вошел офицер в звании майора и потребовал поехать с ним, якобы по приказу Голикова. В машине оказались еще два офицера, которые сели по бокам, и черный автомобиль выехал в сторону столицы, остановившись лишь во дворе здания на Дзержинской площади.

В своей неопубликованной рукописи книги «Размышления о прожитом и пережитом» генерал Ласкин вспоминает: «… Офицеры отобрали у меня личное оружие и обыскали карманы. Во мне все встрепенулось, проскользнула мысль — за что? Меня ввели в большую комнату без окон, тут же сняли с плеч генеральские погоны, с груди — ордена, и два охранника, взяв мои руки выше кистей, повели по железной лестнице к самому главному лицу — начальнику Генерального управления СМЕРШ, заместителю Берия — генерал-полковнику Абакумову, который осмотрел меня с ног до головы и свирепым голосом сказал: «Говори о своих преступлениях». Я категорически ответил, что против Родины никогда и никаких преступлений не совершал и не мыслил… «Мы хотели арестовать тебя, — продолжил он, крича, — еще в 1938 году вместе с Федько, и напрасно этого не сделали. А ты до сих пор пытался игнорировать наши органы. Теперь узнаешь, кто мы!..»» Ласкина арестовали по подозрению в измене Родине…

Измена же выразилась вот в чем: «С 6 августа по 8 сентября 1941 года оказался в окружении немецких войск, пишет Н. Смирнов, автор книги «Вплоть до высшей меры». После выхода из окружения Ласкин находился в распоряжении сначала отдела кадров Юго-Западного фронта, а затем в распоряжении Главного управления кадров НКО СССР.

До этого, 25 сентября 1941 года, он дал объяснения относительно обстоятельств, при которых 15-я мотострелковая дивизия оказалась в окружении. Как пояснил Ласкин, к 6 августа 1941 года были полностью окружены 6-я и 12-я армии. В состав

последней входила 15-я мотодивизия. К этому времени в дивизии не осталось ни танков, ни артиллерии. Штаб 12-й армии дал распоряжение дивизии действовать по собственному усмотрению. Прорваться из окружения не удалось. Командир дивизии генерал-майор Белов погиб. Ласкин принял командование. В дивизии оставалось около 400 бойцов и командиров. Они вели непрерывные ночные бои, стремясь выйти из окружения. В результате остатки дивизии были расчленены на отдельные группы. К утру 7 августа 1941 года с Ласкиным осталась группа в 40 человек. Они двигались на соединение со своими войсками, 8 августа были обнаружены немцами. В завязавшемся бою потеряли 12 человек. 9 августа принимается решение: ввиду отсутствия боеприпасов и невозможности с оружием пробиться к своим частям (отряд находился в 200 километрах от линии фронта) оружие закопать, переодеться в гражданскую одежду и группами по 2–3 человека продолжать двигаться на восток, что и было сделано в ночь на 10 августа. Следует сказать, что распоряжение переодеться в гражданскую одежду, чтобы успешнее выйти из окружения немецких войск, было отдано командиром и комиссаром корпуса, пояснил Ласкин. С ним выходили из окружения комиссар дивизии Конобевцев и командир 14-го танкового полка Фирсов.

В своих объяснениях Ласкин скрыл, что он, Конобевцев и Фирсов были задержаны немцами и допрашивались ими. На допросах они назывались вымышленными именами. Ласкин вместе с Конобевцевым от немцев бежали и на 13-й день вышли к советским войскам».

Словом, Белкину каким-то путем стало известно, что Ласкин допрашивался немцами…

В результате Ивана Андреевича Ласкина осудили на восемь лет.

Н. Смирнов продолжает: «Сначала дело Ласкина рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда СССР 5 июня 1952 года. Ласкин ни в чем себя виновным не признал и дал убедительные показания, свидетельствовавшие о его невиновности. Суд направил его дело на дополнительное расследование. Вторично Военная коллегия Верховного Суда СССР дело Ласкина рассмотрела 2 сентября 1952 года и признала его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 193.17, п. «а» УК РСФСР, по которой ему определялось наказание в виде 10 лет лишения свободы. В соответствии со ст. 2-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над фашистской Германией» неотбытый срок назначенного Ласкину наказания сокращен

наполовину, т. е. на 7 месяцев и 8 дней. После чего он был освобожден. Если обратиться к диспозиции ст. 193–17, п. «а» УК РСФСР, то ни одного признака во вменяемых в вину Ласкину действиях, которые бы давали основание квалифицировать их по этой норме Уголовного кодекса, обнаружить невозможно. Ласкина осудили без каких-либо к тому оснований.

29 мая 1953 года пленум Верховного Суда СССР рассмотрел протест Генерального прокурора СССР, согласился с содержавшимся в нем предложением и приговор в отношении Ласкина отменил, а дело прекратил за отсутствием в действиях Ласкина состава преступления.

27 июля 1953 года Ласкину вручена справка о его реабилитации».

После реабилитации генерал Ласкин учился на трехмесячных Высших академических курсах им. К. Е. Ворошилова и прослужил в армии до 1965 года, когда вышел в отставку.

Еще один известный военачальник, генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, встретился с Абакумовым после освобождения из плена и пятимесячной фильтрации все на той же Дзержинке. Михаил Лещинский в книге «Расстрелянные Отечеством» очень интересно передает колорит той давней беседы: «Лукина проводили к лифту, подняли на какой-то этаж, провели по коридору и остановили у двери с табличкой «Генерал-полковник Абакумов». Узкий-узкий и очень длинный кабинет. В конце его за массивным, во всю ширину кабинета, столом сидел человек и писал. Видна только его макушка.

Человек не поднял головы, не поздоровался, коротко произнес:

— Садитесь.

Лукин взялся рукой за стул, хотел переставить поудобнее — ни с места. Стул оказался привинченным к полу. Человек еще долго писал что-то, затем придвинул к себе с края стола папку, раскрыл. Лукин понял, что Абакумов листает его личное дело.

— Генерал-лейтенант Лукин?

— Да.

— Михаил Федорович?

— Да.

— Нет правой ноги, левая в двух местах перебита?

— Да.

— Правая рука не работает?

— Да.

— Кто вас вербовал?

— Ко мне приезжали Власов, Малышкин, Трухин, Меандров. Вместе с немцами они вербовали меня. Власов предлагал мне

подписать «Воззвание к русскому народу», где объявить врагами народа Сталина, Политбюро, все наше правительство.

— Ну и что?

— Вы же знаете, что я не подписал и старался Власова удержать от этого.

— Да, нам это известно. — Абакумов наконец поднял голову, пристально посмотрел на Лукина и вдруг спросил: — Скажите, вы честный человек?

— А какая сволочь скажет о себе, что она сволочь?

Абакумов изобразил подобие улыбки.

— Ваша жена написала мне два письма.

— Что же вы ей ответили?

— Меня не было, я был в отпуске.

— А ваш заместитель не мог ответить? Или вы сами по возвращении из отпуска?

Абакумов молчал. Он взялся за обложку «Дела», долго держал двумя пальцами, словно решая, закрыть или нет.

— Ну вот что. Я решил вас выпустить. Вы преданный человек. Вас зачислят опять в кадры Красной Армии. По службе ущемлять не будут. Неделю никуда не выходите из дома, никому ни о чем не рассказывайте. К вам на квартиру придут портные, сапожники, сошьют вам генеральскую форму. Все.

Абакумов наконец-то закрыл папку. Не знал тогда генерал Лукин, что на обложке его «Дела» было написано рукой Сталина: «Преданный человек. В звании восстановить, если желает, направить на учебу. По службе не ущемлять». Не знал Лукин и того, что предшествовало этой резолюции. А произошло следующее. Маршал Конев доложил Сталину, что в Москву привезли освобожденного из плена генерал-лейтенанта Лукина. Видимо, Коневу удалось убедить Сталина в том, что Лукин вел себя достойно и проявил героизм в боях осенью сорок первого года под Вязьмой. Сталин даже попросил Конева передать Лукину его личную благодарность за это.

Этот разговор маршал Конев передаст Лукину позже. А пока его освобождал Абакумов. Ведь он так и сказал: «Я решил вас выпустить»».

За годы Великой Отечественной войны Абакумов был награжден четырьмя орденами: орденом Суворова I степени (31.07.1944 г. — № 216), орденом Суворова II степени (8.03.1944 г. — № 540), орденом Красной Звезды (1944 г. — № 847 892), орденом Кутузова I степени (21.04.1945 г. — № 385) и тремя медалями: «За оборону Сталинграда», «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа».

Например, орден Суворова высшей степени Виктор

Семенович получил «за образцовое выполнение особых заданий Верховного главного командования Красной Армии», а орден Кутузова высшей степени «за очистку тыла фронтов Красной Армии». Говорят, это не густо. Но он не был военачальником, не был полководцем. В его обязанности входили совершенно другие задачи и функции. Именно поэтому для одних он навсегда остался врагом, а для других очень даже неплохим человеком. Такова была суть его работы, такова была суть самого Виктора Семеновича Абакумова.

Несколько уроков для начальника военной контрразведки

В феврале 1945 года длинная колонна советских машин двигалась по территории Восточной Пруссии. Шоссе тянулось от самого Растенбурга до Ангебурга. Но военные автомобили неожиданно свернули на небольшую дорогу, ведущую в красивый дубовый лес, где появилась колючая проволока, которая опоясывала дорогу до самых ворот бывшей ставки Гитлера Вольфшанце.

Как подчёркивает Энтони Бивор, «на советских автомобилях находились военнослужащие пограничных войск из 57-й дивизии НКВД. Командовали ими офицеры, одетые в военную форму, хотя они и не подчинялись армейскому командованию. В качестве сотрудников СМЕРШа они теоретически могли держать ответ только перед Сталиным».

Самым главным начальником в этой автомобильной колонне был Виктор Семёнович Абакумов.

«Именно Абакумов был послан Берией провести «специальные чекистские мероприятия» в тылу войск 3-го Белорусского фронта. Здесь под его началом находилось двенадцать тысяч военнослужащих НКВД — то есть больше, чем все немецкие охранные войска, подчинённые трём группам армий, вторгнувшимся в 1941 году в СССР. Даже фронт Жукова не располагал таким числом военнослужащих специальных подразделений.

Повсюду лежал мокрый снег. Согласно отчёту Абакумова Берии, военнослужащие НКВД спрыгнули с машин и заблокировали дорогу. Тем временем он сам и другие офицеры СМЕРШа начали осмотр территории. Повсюду остались следы недавнего пребывания немцев. Справа от главного входа стояло несколько каменных блокпостов, в которых находились мины и камуфляжный материал. С левой стороны стояло несколько бараков, в которых жили охранники. Советские военнослужащие обнаружили там эполеты и форму батальона охраны ставки фюрера. Численность этого батальона была по приказу Гитлера увеличена до размеров бригады. Фюрер постоянно опасался неожиданного парашютного десанта со стороны русских.

Следуя дальше по дороге, уводящей всё глубже в лес, Абакумов постоянно натыкался на стоящие по обеим сторонам таблички. Его переводчик объяснил, что они предупреждают о расставленных вокруг минах. Абакумов очень подробно описывал

в своём отчёте все детали осмотра. Он знал, что затем этот документ будет, несомненно, доложен Сталину, интересующемуся подробностями жизни Гитлера.

Самой удивительной деталью, однако, стала длительная неосведомлённость русских о месторасположении ставки Гитлера. Она кажется и вовсе непонятной, исходя из того, что они захватили в 1943 и 1944 годах большое количество немецких генералов, которые в разное время посещали Вольфшанце. Лишь две недели спустя после прихода частей Красной Армии советское командование обнаружило этот комплекс строений площадью четыре квадратных километра. Тем не менее нужно признать, что заметить место ставки с воздуха представлялось довольно затруднительным. Все дороги были покрыты сверху зелёной камуфляжной сеткой. Любые прямые линии маскировались искусственными насаждениями — деревьями и кустами. Фонари светили только синим светом. Даже наблюдательные посты, высотой под тридцать пять метров, ничем не отличались от обычных сосен.

Когда Абакумов и его сопровождающие прошли через первый внутренний периметр, их взору предстали массивные железобетонные укрепления с колючей проволокой и расположенными перед этими укреплениями минными полями. Поодаль располагались огневые позиции для стрелков и казармы. За воротами № 1 все бункеры взорвали ещё в прошлом году, сразу после окончательного отъезда отсюда фюрера 20 ноября 1944 года. Однако Абакумов не имел ясного представления о том, когда именно были оставлены эти помещения. Они прошли через второй периметр, затем через третий. В центре комплекса Абакумов увидел несколько бункеров, соединённых с подземными гаражами. Выяснилось, что гаражи были рассчитаны на стоянку для восемнадцати автомобилей.

Абакумов писал, что он и его сопровождающие вошли в эти бункеры с чрезвычайной осторожностью. Они увидели сейф, который был пуст. Меблировка всех комнат оказалась чрезвычайно простой. Сотрудники СМЕРШа осознали, что находятся на правильном пути, когда увидели перед собой дверь с табличкой «Адъютант фюрера».

Вскоре обнаружили и комнату Гитлера. Её опознали с помощью фотографии, где в этом помещении был запечатлён он сам и Муссолини.

Абакумов не выразил никаких эмоций по поводу того, что находится как раз там, откуда фюрер дал приказ произвести безжалостное нападение на СССР. Казалось, что больше всего его интересовали железобетонные укрепления и их размеры.

Потрясённый увиденным, он, вероятно, уже обдумывал — можно ли соорудить нечто подобное для охраны безопасности Сталина и Берии. В своём докладе Абакумов специально отметил, что советским специалистам будет чрезвычайно интересно посетить бывшую ставку Гитлера и осмотреть все имеющиеся там бункеры и их организацию» *(Бивор Э.* Падение Берлина. 1945).

Теперь, в 1945-м, Виктор Семёнович Абакумов был уже не тем руководителем военной контрразведки, каким его видели в 1941-м. Серьёзный опыт войны лежал не только на его погонах. Этот опыт можно было увидеть и на лице начальника ГУКР СМЕРШ. Этот опыт можно было почувствовать в его краткой и строгой речи. Этот опыт незаживающими рубцами остался и на его сердце. Всё было…

19 июля 1941 года его назначили начальником Управления особых отделов НКВД СССР. Опыта оперативной работы мало, а чисто «особистского» никакого. Почти месяц идёт война. Учиться необходимо параллельно исполнению своих прямых обязанностей. Других вариантов нет.

Одним из уроков станет дело бывшего генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова, арестованного 4 июля 1941 года в Довске по распоряжению ЦК.

30 июня по приказу Сталина его вызвал в Москву Жуков. Разгромленный фронт Павлов сдал генералу Ерёменко и на следующий день выехал в столицу. Первый, к кому он зашёл, был Жуков. По воспоминаниям маршала, он не узнал бывшего командующего Западным фронтом, так похудел и осунулся тот всего за восемь дней войны. Разговор у них состоялся тяжёлый. 2 июля Павлова принял Молотов. Дмитрий Григорьевич попытался объяснить, почему его фронт оказался прорван. А третьего числа Павлов уехал в сторону Смоленска, чтобы получить новое назначение.

Командующим фронтом был назначен маршал Тимошенко, сменивший генерала Ерёменко. К нему-то и направился Павлов.

Членом Военного совета фронта вождь назначил Льва Захаровича Мехлиса, которому, напутствуя сказал:

— Разберитесь там, на Западном фронте, соберите Военный совет и решите, кто, кроме Павлова, виновен в допущенных серьёзных ошибках.

По идее Павлова должны были арестовать ещё в Москве, но военные контрразведчики дело завалили. Бывшего командующего взяли по дороге на фронт. Берия был явно недоволен. Следовательно, Михеев не уловил момент, не справился. Л. Млечин пишет: «В постановлении на арест, составленном следственной частью 3-го управления (военная контрразведка)

НКВД, Павлову предъявлялось традиционное обвинение как участнику «военного заговора».

Постановление об аресте утвердил Тимошенко. Павлову сказали, что «он арестован по распоряжению ЦК»».

Допрос бывшего командующего войсками Западного фронта зафиксирован 7 июля 1941 года в один час тридцать минут. Допрашивают: врио зам. начальника следственной части 3-го Управления НКО СССР старший батальонный комиссар Павловский и следователь 3-го управления НКО СССР младший лейтенант госбезопасности Комаров.

Со второго вопроса сразу в дамки:

— В таком случае приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.

— Вы с ума сошли? Я не предатель, — отвечает Павлов. — Поражение войск, которыми я командовал, произошло по независящим от меня причинам.

Павловский настаивает.

— У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

— Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

— Как же в таком случае это произошло?

И Дмитрий Григорьевич излагает обстановку, при которой начались военные действия. Павловский по ходу его рассказа лишь подбрасывает вопросы, как дрова в топку. Но где-то около 16 часов он возвращается в самое начало:

— Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнести лишь на счёт преступных действий как командующего фронтом.

— Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал.

Старший батальонный комиссар уточняет свой вопрос:

— На всём протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинились глубоко на советскую территорию. Повторяю, что это результат изменнических действий с вашей стороны.

— Прорыв на моём фронте произошёл потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ.

— Напрасно вы пытаетесь свести поражение к независящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являетесь участником заговора ещё в 1935 году и тогда имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти данные.

11 июля допрос начался в 13 часов 30 минут. Вопрос к Павлову:

— На допросе 9 июля текущего года вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжёлых потерь, понесённых частями Красной Армии в первые дни войны с Германией. Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

Только теперь Дмитрий Григорьевич сдался:

— Действительно, основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля…

Как известно, 19 июля Абакумов сменил майора госбезопасности Михеева. Тот в сопровождении заместителя и адъютанта отправился в штаб Юго-Западного фронта под Киев. А 22 июля 1941 года состоялся суд над бывшим командующим Западным фронтом и ещё несколькими генералами.

«Ведение следствия по делу Павлова, — констатирует ветеран КГБ полковник в отставке Борис Сыромятников, — и других генералов Западного фронта было возложено на младшего лейтенанта госбезопасности Комарова и батальонного комиссара Павловского. (Комаров впоследствии станет полковником, заместителем начальника следственной части по особо важным делам и «отличится» тем, что, обладая большой физической силой, как писалось в документах, «применит её к подследственным, вынуждая их оговаривать себя». В декабре 1954 г. Военной коллегией Верховного суда за применение незаконных методов следствия он был приговорён к расстрелу). Допрашивали Комаров и Павловский генералов попеременно, первый допрос длился 15 часов. Сам факт вызывает полное недоумение: как младший лейтенант может разобраться в таком специфическом вопросе, как действия фронта, не будучи в этом компетентен?

Первый допрос состоялся 7 июля, а ещё накануне, 6 июля, небезызвестный J1.3. Мехлис лично составил и, заручившись подписью наркома Тимошенко, отправил Сталину телеграмму «о произведённых Военным советом», т. е. им же, Мехлисом, арестах,

в том числе начальника штаба фронта В. Е. Климовских, начальника связи фронта А. Т. Григорьева и других. Мехлис поставил перед следователями задачу получить от Павлова признательные показания о том, что он намеренно открыл фронт противнику. И следователи начинают добиваться, чтобы бывший комфронтом признался в этом».

Далее Б. Сыромятников пишет о том, как проект приговора был представлен предварительно на ознакомление Сталину:

«В проекте Павлов обвинялся в антисоветском военном заговоре: «… Проводил вражескую работу, выразившуюся в том, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабил мобилизационную готовность войск округа, развалил управление войсками и сдал оружие противнику без боя…» Впрочем, прочитав эту бумагу, генсек вызвал Поскрёбышева: «Передайте, пусть выбросят всякую чепуху, вроде «заговорщической деятельности». Остальной текст годится»».

Данный урок стал для Виктора Абакумова показательным. Из него он уяснил, что, прежде чем арестовать генерала, необходимо понять, что хотела бы от него ИНСТАНЦИЯ, то есть народный комиссар обороны или просто товарищ Сталин. Неудовольствие вождя может обернуться большими неприятностями.

Следующий урок Виктор Семёнович уяснил летом — осенью 1941 года. Например, в «Докладной записке членов комиссии НКГБ СССР наркому госбезопасности СССР о результатах проверки охраны помещений и хранения военно-оперативных документов в Генштабе РККА» (30 июня 1941 г.) и директиве НКВД СССР № 271 от 8 октября 1941 года, а также в приказах НКО СССР № 375, 0281, 0422 о недостатках в работе по приёму и передаче шифротелеграмм были отражены выявленные многочисленные нарушения в организации криптографической службы в центре и на местах. Все они были выявлены сотрудниками НКВД в ходе внезапных проверок, проведённых по личному указанию Л. П. Берия.

В одной из таких докладных записок сообщалось:

«29 июня 1941 года была проверена охрана помещений и хранения военно-оперативных документов в Генеральном Штабе Красной Армии.

Проверке были подвергнуты: Оперативное Управление (Оперативный пункт, общая часть, восьмой отдел и узел связи, как места наибольшего сосредоточения важных секретных военнооперативных документов).

В результате проверки были установлены следующие недостатки в охране, хранении и учёте документов,

способствующие разглашению военно-оперативной тайны:

а) По Оперативному управлению. Ведением секретного военнооперативного делопроизводства, контролем за прохождением военно-оперативных документов и их хранением в Оперативном управлении занимается общая часть.

Проверкой установлено, что работа общей части ОУ не налажена и сохранность проходящих через неё документов не обеспечена.

1. Дела с расшифрованными военными телеграммами, хранящимися в оперативном пункте, надлежащим образом не оформлены, то есть не имеют внутренней описи содержащихся в них шифротелеграмм и хранятся в столе, доступ к которому без надобности имеет шесть человек.

2. В машинописном бюро Оперативного управления нет твёрдого установленного порядка, определяющего печатание, размножение и учёт оперативных документов и уничтожение черновых материалов и копировальной бумаги.

Так, черновики военно-оперативных документов после печатания с них в машинописном бюро возвращались исполнителю, коими они безучастно и единолично уничтожались без участия представителей общей части ОУ.

Копировальная бумага только однократного использования не учитывается и была обнаружена в большом количестве с ясными оттисками на ней секретных военно-оперативных текстов. Кроме того, в корзинке машинописного бюро были обнаружены на две и четыре части порванные особо важные военно-оперативные документы (оперативная сводка, запись телефонных разговоров, приказ Ставки Главного Командования о формировании военных соединений и т. п.) попавшие туда как испорченные или лишние экземпляры.

Указанные выше недостатки в делопроизводстве Оперативного управления следует отнести за счёт бездеятельности и отсутствия должного контроля за сохранностью документов со стороны начальника общей части ОУ майора Антонцева Г. А.

Что касается восьмого (шифровального) отдела Оперативного управления, то там существенных недостатков в обработке, прохождении, учёте и хранении шифровальных военно-оперативных телеграмм не обнаружено, за исключением того, что отделом иногда принимаются тексты шифротелеграмм, написанные не от руки исполнителями, а отпечатанными в нескольких экземплярах в машинописном бюро.

Таким образом, с содержанием отправляемых телеграмм без надобности знакомятся машинистки.

Существенным недостатком в работе восьмого отдела является то, что он продолжает работать в условиях, выработанных мирным временем, а именно: обработка, учёт и хранение военнооперативных шифрованных телеграмм по связи с фронтами не отделён от остальной работы отдела. Эти телеграммы учитываются в общем журнале, обрабатываются всеми шифровальщиками, хранятся в общих помещениях и общих столах с остальной перепиской и, теряясь в общей переписке, особо не контролируются.

б) По узлу связи. Узел связи НКО занимается отправкой и приёмом по телеграфу и радио шифрованных и открытых фронтовых сообщений и осуществляет связь с округами. Нарушений в прохождении, учёте и уничтожении обработанных входящих и исходящих сообщений не установлено.

Служебное помещение общей части, оперпункта и восьмого отдела Оперативного управления, а также узла связи в основном соответствует своему назначению с точки зрения хранения в них военно-оперативных документов, но недостаточно по площади, в связи с чем работа производится скученно.

Соответствующими столами и хранилищами эти помещения обеспечены.

Следует отметить, что Генштаб, в том числе и указанные выше объекты, не располагают резервными площадями при передислокации или переходе в другое помещение (укрытие) для работы в случае необходимости.

Охрана Генерального штаба, как внешняя, так и внутренняя, не усилена и в основном оставлена в том виде, как она существовала в мирное время.

Пересылка по городу оперативных документов из Генштаба в другие пункты производится обычным порядком через фельдсвязь без вооружённой охраны» *(Север Л.* Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы войны).

Оперативное управление Генерального штаба обслуживал именно один из отделов Управления особых отделов НКВД СССР. Виктор Семёнович прекрасно понимал, что необходимо усилить контроль за обслуживанием не только этого мозга Красной Армии, но и не менее жёстко взять под контроль обслуживание всех штабов фронтов, а также Главных управлений и управлений РККА. Иначе любая мелкая утечка информации в тяжёлые месяцы начального и уже вполне катастрофического периода Великой Отечественной войны может стать огромнейшим злом в самый неожиданный момент и в самом неожиданном месте. А ведь тогда, ей-богу, головы можно и не сносить.

Следующий урок Абакумова был связан с внезапными и

незапланированными выездами товарища Сталина на фронт. Они не просто пугали. Они доводили молодого Виктора Семёновича иногда до бешенства. Ведь могло быть всё… Особенно когда он узнавал об этом позже других.

Как рассказывал майор госбезопасности Алексей Трофимович Рыбин, «с хрущёвских времён всем внушалось, что мол, Сталин руководил фронтами чуть ли не по глобусу, не выходя из Кремля. Но я лично сопровождал его в нескольких поездках на фронт. Должен сразу сказать, немало известных людей довелось видеть во фронтовой обстановке. И хочу отметить: Сталин был храбрей даже иных военачальников.

Первый раз он выехал на фронт в страшном июле 1941 года. Тогда на малоярославском направлении он осматривал местность, чтобы определить, где сосредоточить войска для обороны Москвы. В начале октября 1941 года мы сопровождали его на можайско-звенигородскую линию обороны. Помню, когда проезжали какую-то деревню, пацаны узнали вождя, бежали за машинами, ликуя: «Сталин едет бить фашистов!»

Кстати, ездили, как правило, двумя машинами. На одной Сталин с двумя телохранителями, на другой — три человека охраны. Плюс на автобусе 30 автоматчиков вспомогательной охраны (это когда ездили непосредственно в район передовой). (…)

… Скажу больше. Сталина на его даче даже в годы войны охраняли днём два, а ночью три автоматчика, но он всегда чувствовал себя защищённым. Сталина охраняла вся система. (…)

… В середине ноября 1941 года Верховный поехал в 16-ю армию Рокоссовского по Волоколамскому шоссе, чтобы посмотреть в действии «катюшу». Как известно, к осени 1941 года больше половины реактивной артиллерии — 33 дивизиона — находилось в войсках Западного фронта и Московской зоны обороны. Именно здесь это оружие снискало себе неувядаемую славу. Именно здесь получило оно ласковое солдатское прозвище — «катюша». Поездка Сталина была опасной, поскольку фашисты прямо-таки охотились за «катюшей». Уже было известно, что в октябре попала в окружение и была уничтожена легендарная батарея капитана Ивана Флёрова. Тем не менее Сталин поехал. 13 ноября 1941 года дивизион «катюш» под командованием Героя Советского Союза капитана Кирсанова нанёс огневой удар по вражеским войскам у деревни Скирманово (ныне Рузский район). Результат удара — 17 уничтоженных танков, 20 миномётов, несколько орудий и несколько сот гитлеровцев.

На фронте был неписаный закон: после залпа сразу меняй место, ибо последует артудар, а потом налёт авиации

противника. Мы стали менять позицию. Было много снега, и ‘«паккард» Сталина сел на брюхо. Реактивные установки после пуска тут же ушли, а мы — застряли. Начался фашистский артобстрел, потом налетела авиация. Сталин пересел в 8-цилиндровый «форд», «паккард» подцепили танком и устремились к шоссе. Знали бы фашисты, кого упустили. А ведь они могли легко взять Сталина в плен. Бреши в обороне были такие, что в них свободно мог проскочить мобильный разведвзвод и захватить «языка языков».

Кстати сказать, после победы в Московском сражении в распоряжении наших спецслужб попали документы фронтовой разведки гитлеровцев, из которых мы узнали, что после огневого удара «катюш» капитана Кирсанова 13 ноября 1941 года фашисты выбросили с воздуха десантную группу в тот район. Так что, можно сказать, нам тогда очень повезло — вовремя ушли».

Вспомнил бывший охранник Сталина и о других поездках вождя на фронт:

Церковь Николы в Хамовниках, где был крещен Виктор Абакумов

Н. И. Подвойский. Всемерно помогал В.С. Абакумову в продвижении по службе

В.С. Абакумов в начале своей карьеры

Г. Г. Ягода

В. М. Молотов

И. В. Сталин и С. М. Киров

М. П. Фриновский

М. Д. Берман — начальник ГУЛАГа ОГПУ

Б. З. Кобулов — начальник следственной части НКВД СССР

М. Н. Тухачевский

Н. И. Ежов

Генерал армии Д. Г. Павлов

Москва в начале Великой Отечественной войны

А.М. Василевский

К. А. Мерецков

Ф. Канарис

Г. К. Жуков

К. К. Рокоссовский

А. А. Власов

В. Шелленберг

Л. П. Берия

В. Н. Меркулов

В.С. Абакумов

В.С. Абакумов в побежденной Германии

Генерал-полковник В.С. Абакумов — начальник ГУ КР, заместитель наркома обороны В.С. Абакумов — глава МТБ в 1951 году

Плакат военных лет

В.С. Абакумов — глава МГБ в 1951 году

А. А. Жданов

Г. М. Маленков

В.С. Абакумова расстреляли в Ленинграде 19 декабря 1954 года, через один час пятнадцать минут после вынесения приговора.

Ему даже не дали возможности обратиться с просьбой о помиловании

Государственный обвинитель Р.А. Руденко

Арестованный В.С. Абакумов в Матросской Тишине

«За пару недель до контрнаступления Сталин отправился в село Лупиха по Волоколамке, где находился фронтовой госпиталь, встретился с ранеными, вышедшими из боя. Бойцы прямо-таки опешили, когда в палате увидели вождя. Иосиф Виссарионович поздоровался, присел на табуретку и начал расспрашивать: чем на сегодняшний день силён немец, а в чём его слабость? Немец уже не тот, убеждали бойцы, уже в тряпки кутается, каблуками стучит от холода, гонор пообтерся. И кто-то вдруг предложил: вот бы, товарищ Сталин, сейчас по ним вдарить всей силой! Сталин впервые, наверное, с начала войны улыбнулся: «Мы ваше пожелание, товарищ боец, выполним».

Были фронтовые поездки и в 1942 году, и в 1943-м. Помню, в первых числах августа 1943 года мы приехали спецпоездом на Калининский фронт к генералу Ерёменко. Сталин остановился в доме мастера чесальной фабрики в деревне Хорошево. Берия туда привёз ковры, хрусталь, всяческие деликатесы. Сталин его выругал и приказал возвращаться в Москву со всем этим скарбом. Комендант Орлов по просьбе Иосифа Виссарионовича сварил борщ; поели, стали ждать Ерёменко с офицерами. Те подъехали только к пяти утра. Тут же начался военный совет. На нём,

кстати, и был решён вопрос о проведении салюта в честь взятия Орла и Белгорода — первого салюта Великой Отечественной. Сталин тут же позвонил в Москву, отдал распоряжения. И когда мы въезжали в столицу вечером 5 августа, над ней полыхал первый победный салют».

Почему Виктор Семёнович Абакумов тяготился такими поездками вождя, ведь он не отвечал за его охрану?

Всё очень просто. Главный особист прекрасно знал, что Сталин в такие поездки выезжает с малочисленной охраной. И находясь недалеко от линии фронта, есть огромнейший риск его захвата или даже уничтожения разведгруппами противника. В первые годы войны линия фронта была ещё достаточно прозрачной. Разведка противника работала интенсивно. А учитывая внезапность и секретность таких поездок Сталина, обеспечить со стороны особых отделов безопасность вождя было поистине задачей трудновыполнимой.

О том, как это было, можно прочитать в книге «Тени в переулке» зятя генерала Серова Э. Хруцкого. Судите сами:

«Второго августа 1943 года в два часа ночи Сталин вызвал уполномоченного ставки генерала Серова. Сонный Поскребышев попросил того подождать и пошёл докладывать Верховному. Через несколько минут он вышел и сказал:

— Просит.

Серов вошёл в полутёмный кабинет Сталина и доложил о своём прибытии. Сталин никак не реагировал, он продолжал рассматривать карту боевых действий. Серов несколько раз бывал у Сталина во время войны и всегда заставал его в одной и той же позе — склонившись над картой. Создавалось такое впечатление, что Сталин не отходил от стола, на котором лежали графические изображения фронтов.

Выждав особую сталинскую паузу, Верховный повернулся:

— Здравствуйте, товарищ Серов, у меня есть для вас поручение, которое надлежит исполнить в обстановке особой секретности.

— Слушаю, товарищ Сталин.

— Я еду на Западный фронт, вы меня сопровождаете. Об этой поездке никто не должен знать, даже генерал Власик. Всё руководство охраной и организация поездки возлагается на вас. Маршрут по фронту уточним на месте. Немедленно выезжайте в Гжатск, подготовьте мне дом для отдыха. Послезавтра встречайте наш спецпоезд. Ясно?

— Ясно. Я могу идти?

— Идите.

Серов вышел в приёмную, позвонил в наркомат своему

адъютанту подполковнику Тужлову и приказал взять его «тревожный» чемоданчик, автомат, гранаты, продукты и на «виллисе» срочно подъехать к храму Василия Блаженного».

Из Москвы во фронтовую зону генерал Серов выехал втроём с водителем и адъютантом. В Гжатске он встретил спецпоезд вождя. Вот как об этом Э. Хруцкий написал со слов тестя:

«Из вагонов выгружали бронированный восьмитонный «паккард» вождя, машину с продовольствием, связное оборудование. И вдруг появились семьдесят пять жгучих грузин в форме железнодорожников с автоматами ППШ.

— Вы кто? — спросил Серов у старшего.

— Охрана, товарищ генерал.

Серов обрадовался, вопрос безопасности Сталина решён. Семьдесят пять человек — этого вполне достаточно, чтобы плотно закрыть все подходы к дому, в котором остановился Сталин».

Однако на удивление генерала, вождь приказал немедленно отправить всех в Москву.

«Серов крайне удивился, почему Сталин отказался от охраны, тем более что людей у него не было. Остался только он сам, его адъютант Тужлов, генерал Ефимов, два шофёра, Фомичёв и Смирнов, и водитель Сталина полковник Хрусталёв. Правда, сотрудники местного РОНКВД весьма профессионально замаскировались и Сталин их не заметил.

Вернулся Берия, отправивший охрану, и, проходя мимо Серова, пробурчал:

— Я тебе это припомню».

Это уже после окончания Великой Отечественной войны, за две недели до поездки в поверженный Берлин на Потсдамскую конференцию, Сталину принесут документ, в котором будет указано:

«Для охраны доставлено 7 полков войск НКВД и 1500 человек оперативного состава. Организована охрана в 3 кольца. Начальник охраны особняка — генерал-лейтенант Власик. Охрана места конференции — Круглов.

Подготовлен специальный поезд. Маршрут длиной в 1923 километра (по СССР — 1095, Польше — 594, Германии — 234). Обеспечивают безопасность пути 17 тысяч войск НКВД, 1515 человек оперативного состава. На каждом километре железнодорожного пути от 6 до 15 человек охраны. По линии следования будут курсировать 8 бронепоездов войск НКВД. (…)

2 июля 1945 года.

Л. Берия».

Вождь уже был не против, успокоив всех, кто был причастен к его охране. Не нервничал на этот раз и В.С. Абакумов. Его СМЕРШ

был также готов к обеспечению всех необходимых мероприятий, в том числе и по охране вождя и самой конференции.

Одним из главных уроков для Виктора Семёновича стали взаимоотношения с Лаврентием Павловичем Берия. Его стиль работы. Масштаб решаемых им задач и, безусловно, организаторские способности.

Как известно, Абакумов был выдвинут Берия благодаря Кобулову. Такое не забывается, но в «придворных интригах» чувство благодарности постепенно переходит в иное качество — крайнюю осторожность. Потому что скользкий паркет власти опасен прежде всего для молодой карьеры.

Генеральный комиссар государственной безопасности Л. П. Берия более известен как нарком внутренних дел (1938 г.). Однако с марта 1939 года он — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), с февраля 1941-го — заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР. В этой должности он курировал работу НКВД, НКГБ, наркоматов лесной и нефтяной промышленности, цветных металлов, речного флота.

В годы войны (30 июня 1941 г.) Берия стал членом Государственного Комитета Обороны. Как известно, именно в руках ГКО была сосредоточена вся полнота власти в стране. С февраля 1942 года на Берия были возложены обязанности по контролю за выполнением решений ГКО по производству самолётов, моторов, вооружения и миномётов, а также по контролю за выполнением решений ГКО по работе ВВС Красной Армии. В декабре 1942 года Берия был назначен членом Оперативного бюро ГКО. Тогда же на него были дополнительно возложены обязанности по контролю и наблюдению за работой Наркомата угольной промышленности и Наркомата путей сообщения. В мае 1944-го Берия уже был назначен заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро (контроль и наблюдение за работой всех наркоматов оборонной промышленности, железнодорожного и водного транспорта, чёрной и цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, электротехнической промышленности, электростанций).

Таким образом, Л. П. Берия в годы войны выполнял самые ответственные поручения руководства страны и её правящей партии, как связанные с управлением народным хозяйством, так и на фронте. Более того, в 1944 году именно ему поручалось «наблюдение за развитием работ по урану».

Как известно, Абакумова назначили одним из заместителей Берия, как наркома внутренних дел СССР, в феврале 1941 года. 19 июля этого же года он стал начальником Управления особых

отделов НКВД СССР, а после объединения НКВД СССР и НКГБ СССР в единый наркомат он в очередной раз стал заместителем Л. П. Берия. В апреле 1943 года Сталин назначает Виктора Семёновича начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР — заместителем наркома обороны СССР. Однако если начальником ГУ КР СМЕРШ он остаётся до 1946 года, то приставка «заместитель наркома обороны» исчезает уже 20 мая 1943 года.

В этот день вышло специальное постановление ГКО «О заместителях наркома обороны», согласно которому В.С. Абакумов, оставаясь начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО, был освобождён от должности заместителя НКО. Как пишется в книге «СМЕРШ», «в числе других заместителей Верховного командующих родов войск и начальников Главных управлений».

У вождя остались только два заместителя по НКО: Г. К. Жуков и А. М. Василевский. При этом и теперь Виктор Семёнович работал напрямую с вождём, хоть и не являлся его заместителем. А всего у него были два начальника: Сталин и Берия. И если первый был им до ареста будущего министра госбезопасности, то второй официально до декабря 1945 года, когда Лаврентия Павловича освободили от должности главы наркомата внутренних дел.

С марта 1946-го Лаврентий Павлович входит в состав «семёрки» членов Политбюро (важнейшие вопросы государственного управления, в т. ч. внешняя политика, внешняя торговля, госбезопасность, вооружения, функционирование вооружённых сил). А 4 мая 1946 года В.С. Абакумов будет назначен министром госбезопасности. То есть уже официально он будет подчиняться непосредственно Сталину. Только тогда Виктор Семёнович сможет обходить своего благодетеля, прекрасно отдавая отчёт своему положению. Ибо в государстве, где вождь является полным хозяином, необходимо ориентироваться только на вождя. Так, собственно, оно и было. И это при том, что с марта 1946 года Берия стал членом Политбюро, а, кроме того, был назначен заместителем председателя Совета Министров СССР. Как заместитель председателя Совета Министров, курировал работу МВД, МГБ и министерства государственного контроля.

Так что с 1946 года Лаврентий Павлович Берия был не так опасен для молодого Абакумова. Виктор Семёнович уже работал напрямую на вождя, освободившись от опасного ока Берия. Вот только в период с марта 1949-го по июль 1951-го произойдёт резкое усиление позиций Берия в руководстве страны, чему

поспособствует успешное испытание первой в СССР атомной бомбы, работы над созданием которой Лаврентий Павлович курировал. Но это будет потом.

Зато в годы войны Берия являлся прямым начальником Виктора Семёновича. И в некотором роде более опасным, чем сам вождь. Потому как со Сталиным Абакумов общался редко и только на вторых и третьих ролях. Чаще всего начальник ГУКР СМЕРШ встречался с Лаврентием Павловичем, значительно чаще с ним общался по телефону и чаще всего направлял на его имя различного рода документы за своей подписью.

Однако человеком Берия так и не стал. Почему? Да потому, что не был близким ему человеком. Не был вхож в его дом. Не был подпущен, что называется, к телу.

Но именно служба под руководством Берия в годы войны стала самой значительной школой, самым значительным опытом для Виктора Семёновича. Молодому комиссару госбезопасности, а затем генералу Абакумову было чему поучиться у своего шефа. И тем более в самое тяжёлое время для страны…

Сам Лаврентий Павлович трижды выезжал на фронт. Дважды в августе — сентябре 1942 года и в марте 1943-го на Кавказ в качестве представителя Ставки ВГК. Третий раз он сопровождал Сталина в августе 1943-го на Калининский фронт. Именно тогда, когда охрану вождя обеспечивал генерал Серов.

После ареста Берия обвинят в том числе и во вредительских намерениях, которые выразились в отказе дать фронту находившиеся в его ведении дивизии НКВД.

«Почему вы, имея в своём распоряжении более 120 тысяч человек войск НКВД, не дали их использовать для обороны Кавказа?» — спросит его маршал И. С. Конев.

«Я утверждаю, что недостатка в войсках там не было. Перевалы были закрыты. Я считаю, что мы провели большую работу по организации обороны Кавказа. Я раньше не говорил, почему я не давал войск НКВД для обороны Кавказа. Дело в том, что предполагалось выселение чеченцев и ингушей», — ответит бывший соратник Сталина.

Как пишет в книге о Берия Б. В. Соколов, «в самом начале войны, 8 июля 1941 года Берия санкционировал войсковую операцию «для ликвидации чеченских банд», укрывшихся в Хильдихароевском и Майстинском ущельях Грузии, силами 6 полков внутренних войск, подкреплённых несколькими отрядами НКВД. Особенно усилилось повстанческое движение летом 42-го, с приближением к Главному Кавказскому хребту немецких войск. В дни пребывания Берии на Кавказе, в конце августа, чеченские отряды ликвидировали колхозы и советские органы в ряде

селений в горной Чечне и вступили в бой с расположенными в райцентрах войсковыми гарнизонами. В конце сентября — начале октября вспыхнуло крупное восстание в Введенском и Чеберлоевском районах, в подготовке которого участвовали немецкие парашютисты. Всего на территории Чечено-Ингушской республики действовало до 25 тысяч повстанцев».

«Против Советской власти боролись также карачаевцы и балкарцы, да и в Дагестане было неспокойно, — продолжает Б. В. Соколов. В этих условиях Берия опасался отправлять части НКВД на фронт, не без оснований полагая, что тогда Северный Кавказ затопит волна репрессий. Единственный путь ликвидации повстанческого движения Берия видел в немедленной депортации чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, иначе немцы, если бы им удалось прорваться через Главный Кавказский хребет, получили бы пополнение в десятки тысяч бойцов — убеждённых противников Советской власти. Однако окружение германской группировки в Сталинграде в конце ноября 42-го резко изменило общую стратегическую обстановку в пользу Советского Союза, в том числе и на Кавказе, что позволило с депортацией повременить».

Только в 1944 году Лаврентию Павловичу пришлось приступить к давно задуманной депортации северокавказских народностей. В январе 1944 года Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», а в феврале он издал приказ по НКВД о депортации чеченцев и ингушей.

20 февраля он со своими помощниками прибыл в Грозный и лично руководил операцией, в которой задействовал до 19 тысяч оперативных работников НКВД, НКГБ и СМЕРШ, а также около 100 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всей страны для участия в «учениях в горной местности».

22 февраля Берия встретился с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредив их о проведении операции и предложив им провести необходимую работу среди населения.

Утром 23-го началась операция по выселению. На следующий день Лаврентий Павлович докладывал вождю: «Выселение проходит нормально… Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека». В результате трёх операций будет выселено в восточные районы СССР до 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев.

Помимо данных народностей, Берия предложил Сталину выселить балкарцев, а уже 26 февраля он подписал приказ «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения». 11 марта нарком внутренних дел доложил хозяину о выселении

37 103 балкарцев.

Как констатирует Б. В. Соколов, всего в 1944 году «было выселено около 873 тысяч карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар, а также греков, болгар и армян Крыма. Всего же, включая первые послевоенные годы, было репрессировано 62 нации и народности. Из них к октябрю 45-го в местах ссылки в Казахстане и Средней Азии в живых осталось только 741,5 тысячи человек».

Такого рода «операции», приравненные к войсковым, тоже были хорошей школой для начальника Управления контрразведки СМЕРШ. Тем более за них награждали гораздо щедрее, чем за боевые и особо важные контрразведывательные операции.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года орден Кутузова I степени получил Меркулов, орден Суворова I степени получил Кобулов, орден Суворова I степени получил Серов. Виктору Семёновичу Абакумову дали орден Суворова II степени. Судя по всему, лишь из-за меньшего количества участвующих в операциях «смершевцев» по отношению к работникам НКВД и НКГБ.

Примечательно, что свою первую награду в годы войны — полководческий орден, начальник ГУКР СМЕРШ получил именно весной 1944 года, за операцию по выселению северокавказских народностей.

Ещё одна из подобного рода «боевых» операций легла на плечи Абакумова летом 1945 года. Предыстория её такова…

«Согласно сталинскому пониманию, небольшая прослойка поляков, сотрудничавших с гитлеровскими властями, относилась к «подозрительным лицам» в Польше в меньшей степени, нежели люди, которые поддерживали польское правительство в эмиграции и Армию Крайову, организовавших восстание в Варшаве летом 1944 года, — пишет Энтони Бивор. — Сталин относился к этому событию как к преступному антисоветскому акту. В его глазах оно было не чем иным, как попыткой захватить польскую столицу и переместить туда «лондонское эмигрантское правительство» прямо под носом у наступающей Красной Армии. Той армии, которая сражалась и умирала ради освобождения Варшавы».

«… Армия Крайова официально являлась вооружённой силой, воюющей на стороне союзников» и «Сталин намеренно проводил политику, в которой Армия Крайова и украинские националисты из организации УПА (Украинская повстанческая армия) ставились на одну плоскость. По крайней мере он пытался доказать, что они тесно сотрудничают между собой».

«Убеждённость советского лидера в необходимости ликвидировать Армию Крайову наглядно проявилась в небольшом инциденте, произошедшем между военными представителями СССР и США.

5 февраля 1945 года, вскоре после начала Ялтинской конференции, неподалёку от местечка Куфлево совершил вынужденную посадку американский самолёт Б-17, пилотировавшийся лейтенантом Мироном Кингом. Вскоре к самолёту подошёл молодой поляк и попросил американских лётчиков взять его с собой. Парня взяли с собой на борт и доставили на аэродром в Щучине, где намечалось произвести более тщательный ремонт боевой машины. Поляка переодели в лётную униформу и после посадки выдали его за члена команды Джека Смита. Генерал Антонов позднее отмечал в своём докладе, что только после того, как в дело вмешались советские представители, лейтенант Кинг вынужден был признать, что этот поляк является не членом команды, а иностранцем, о происхождении которого они не имеют никакого понятия. Тем не менее американцы взяли его на борт и хотели увезти в Англию. По словам Антонова, этот поляк является не кем иным, как террористом и саботажником, которого заслали в Польшу из Лондона. Правительство Соединённых Штатов вынуждено было принести свои извинения. (…)

Сталин сумел раскрутить этот инцидент по полной программе. Он сказал Авереллу Гарриману, американскому послу в Москве, что этот случай доказывает, что США снабжают белополяков, чтобы те наносили удары по Красной Армии».

Так или иначе, но репрессии в Польше, проводимые органами НКВД и СМЕРШ, в полной мере коснулись и так называемой Армии Крайовой. Одно из таких действий развернулось летом 1945 года. Практически полно оно раскрыто в шифротелеграмме Абакумова Берия за № 25 212 от 21 июля 1945 года, в которой начальник ГУ КР СМЕРШ докладывал следующее:

> «В соответствии с Вашим указанием, мною утром 20 июля на самолёте был направлен в г. Тройбург пом. нач. ГУКР СМЕРШ генерал-майор Горгонов с группой контрразведчиков для проведения ликвидации арестованных в Августовских лесах бандитов… По прибытии Горгонов и начальник УКР СМЕРШ 3 Белорусского фронта генерал-лейтенант Зеленин донесли следующее: войсками 3 Белорусского фронта с 12 по 19 июля была проведена прочёска этих лесов, задержаны 7049 чел. После проверки отпущено

5115 чел., из оставшихся 1934 задержанных выявлено и арестовано бандитов 844 чел., в том числе 252 литовца, которые имели связи с бандформированиями в Литве и поэтому переданы в местные органы НКВД-НКГБ Литвы. Проверяется 1090 чел., из которых 262 литовца по тем же причинам переданы в органы НКВД-НКГБ. Следовательно, арестованных на 21 июля с.г. числится всего 592 чел., и задержанных, которые проверяются 828 чел. У арестованных бандитов в лесах в тайниках изъято 11 миномётов, 31 пулемёт, 123 автомата, винтовки, пистолеты и гранаты и 2 радиостанции.

Если Вы найдёте нужным проведение операции после такого положения, то ликвидацию бандитов намечаем провести следующим путём:

1. Всех выявленных бандитов, в количестве 592 человека, ликвидировать. Для этой цели будет выделен оперативный состав и батальон войск Управления СМЕРШ 3-го Белорусского фронта, нами уже проверенный на деле при проведении ряда контрразведывательных мероприятий.

Оперативные работники и личный состав батальона о порядке ликвидации бандитов будут тщательно проинструктированы.

2. При проведении операции будут приняты необходимые меры к тому, чтобы предотвратить побег кого-либо из бандитов. В этих целях, кроме тщательного инструктажа оперативных работников и бойцов батальона, участки леса, где будет проводиться операция, будут оцеплены и предварительно проведена прочёска местности.

3. Ответственность за проведение ликвидации бандитов будет возложена на помощника начальника Главного Управления СМЕРШ генерал-майора Горгонова и начальника Управления Контрразведки 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Зеленина.

Т.т. Горгонов и Зеленин хорошие и опытные чекисты и эту задачу выполнят.

Остальные задержанные 828 человек будут проверены в 5-ти дневный срок, и все выявленные бандиты таким же путём будут ликвидированы. О количестве выявленных бандитов из этой группы задержанных Вам будет доложено.

Прошу Ваших указаний.

Абакумов» (Петров Н. По сценарию Сталина).

К слову сказать, все эти бандиты в разные периоды времени с 1939 по 1945 год были членами формирований той самой Армии Крайовой, причём из 592 человек только двое были командирами отрядов, трое — командирами взводного звена, а остальные — рядовыми. Именно их расстрел сегодня называют «Малой Катынью».

Более того, современные историки утверждают, что такого рода ликвидации нельзя назвать огромными заслугами контрразведки СМЕРШ. Что ж, сегодня задним числом вообще всё видится по-другому и абсолютно в других красках. Тем не менее всё это было, как и были действительно значимые операции, выигранные сражения военных чекистов.

О триумфе СМЕРША и его «Апостоле»

Виктор Семёнович возглавил Управление особых отделов в самом начале войны, когда военная контрразведка только начинала вставать на ноги, решая порой абсолютно новые задачи методом проб и ошибок. Нередко он лично сам подбирал людей, создавая вокруг себя работоспособную команду, легко выдвигал тех, кто показывал хорошие результаты и, на его взгляд, был перспективен. Сам же Абакумов осваивал свою новую должность, учился вместе со своими подчинёнными. А ведь именно в годы Великой Отечественной войны военная контрразведка сделала огромный шаг вперёд.

Подчинённые Абакумова прежде всего отмечали в нём крепкую хватку. Начальник всегда требовал беспрекословного исполнения своих указаний и никогда не забывал о данных поручениях. Более того, он никогда не отказывался от принятого решения, твёрдо настаивая на своём. И ещё. Виктор Семёнович довольно часто на основе мельчайших деталей делал правильные выводы и принимал верные решения. Чутьё у него было развито неплохо. Основное внимание уделял розыскной работе, неплохо её знал. Был резким человеком и всех своих начальников отделов в центре, всех начальников управлений на фронтах жёстко держал в руках. Послаблений в работе от Абакумова ждать не приходилось.

По штатам центрального аппарата Управления особых отделов НКВД СССР, утверждённых 15 августа 1941 года и дополненных 24 января 1942 года, Абакумову полагалась три зама и секретариат. Управление состояло из оперативного отделения, следственной части и 8 отделов.

При Высшей школе НКВД СССР с 26 июня 1941 года начали функционировать курсы подготовки оперативных работников для особых отделов численностью 850 человек.

Всего по штатам Управления особых отделов числилось 387 человек. А в июне 1942 года их штатная численность составила 225 человек. Но зато у Абакумова стало 4 зама. Количество отделов увеличилось до 12.

После преобразования Управления особых отделов в Главное управление (ГУКР) СМЕРШ НКО СССР штат последнего составил уже 646 человек, предусматривавший должности четырёх заместителей начальника и его 16 помощников с аппаратом из 69 оперативных сотрудников на уровне начальников отделений, старших оперуполномоченных и помощников оперуполномоченных. Новое Положение определяло в составе

ГУКР СМЕРШ НКО вместе с секретариатом 14 отделов.

Для подготовки и переподготовки оперативного состава органов СМЕРШ были организованы четыре постоянных школы (1-я Московская на 600 человек, 2-я Московская на 200 человек, Ташкентская на 300 человек, Хабаровская на 250 человек) и курсы с четырёхмесячным сроком обучения в городах Новосибирске (250 чел.) и Свердловске (250 чел.). Срок обучения в школах указал сам Сталин: от шести месяцев до девяти. В начале ноября 1943 года Новосибирские курсы по подготовке оперативного состава были организованы в школу (400 чел.). Ленинградские, Свердловские и Саратовские курсы приказами по ГУКР СМЕРШ НКО вскоре также стали школами.

Ф. Д. Бобков летом 1945 года был направлен в Ленинградскую школу контрразведки СМЕРШ. В своих мемуарах он вспоминает:

«Требования к слушателям в школе предъявлялись высокие, но мы и сами учились старательно, и не только по учебникам. И практические занятия, и теоретическую подготовку с нами проводили, широко используя документы и дела военной контрразведки. Разумеется, осваивался и опыт только что закончившейся войны.

Учиться было очень интересно. Мы знакомились с документами, связанными с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, изучали методы заброски этой агентуры немецкими спецслужбами, подробно разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. Наряду с этим, конечно, штудировали операции по проникновению нашей разведки и контрразведки в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и штабы войск. Нужно было освоить весь этот годами накопленный опыт, ведь работа в контрразведке потребует очень серьёзной профессиональной подготовки».

Другой ветеран госбезопасности, Б. В. Гераскин, в своей книге «За семью печатями» пишет:

«Приоритет органы СМЕРШ — к чему обязывало их назначение — отдавали борьбе со шпионажем. В поиске и обезвреживании многочисленных вражеских агентов, наряду с традиционными методами, успешно применялись радиоигры с использованием радиостанций захваченной немецкой агентуры. Также активно велась работа по проникновению в разведшколы и карательные органы гитлеровцев. Широкий фронт приобрели розыскные мероприятия, в частности создание оперативных групп из сотрудников с включением в них в качестве опознавателей

немецких агентов, явившихся с повинной. Действуя на вокзалах, базарах, контрольно-пропускных и продовольственных пунктах, в других местах скопления людей, агенты вели поиск и опознание предателей, известных им по совместной учёбе в разведшколах и пребыванию в спецлагерях. Аппарат главка буквально по крупицам собирал информацию о разыскиваемой агентуре, тщательно анализировал её и оперативно издавал ориентировки для подчинённых органов.

Активно решались и другие задачи, поставленные перед органами СМЕРШ: борьба с террором, предательством и дезертирством, дезинформирование вражеских спецслужб и вермахта, контрразведывательная защита наступательных и оборонительных операций фронтов и армий».

Контрразведчикам В.С. Абакумова противостоял серьёзный, если не сказать, коварный противник. По данным историков, только на Восточном фронте действовало более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд СД и абвера, функционировало около 60 школ, где готовили агентуру для заброски в тыл Красной Армии.

Германский военный разведывательный и контрразведывательный орган абвер («отпор», «защита», «оборона») был образован в 1919 году на правах отдела военного министерства как контрразведывательный орган рейхсвера.

С 1935 года абвер возглавил Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945). Он стал пятым и предпоследним главой этого органа. Сорока восьмилетний адмирал родился в семье директора металлургического завода. В Первую мировую служил на крейсере «Дрезден» обер-лейтенантом. И кто знает, кем бы он стал, если бы не цепь случайностей. В декабре 1914 года германская эскадра была уничтожена превосходящими британскими силами у Фолклендских островов.

Лишь одному крейсеру «Дрезден» удалось спрятаться в бухтах Огненной Земли. Но оставшись без топлива и запасов продовольствия, крейсер бросил якорь в чилийских территориальных водах, где внезапно появился крейсер «Глазго» и открыл по нему огонь из всех орудий.

Тогда было принято решение затопить корабль. Раненых чилийские власти эвакуировали в Вальпараисо, а остальных матросов и офицеров интернировали на острове Кириквина.

На этом острове Канарис в совершенстве изучил испанский язык и осенью 1915 года, выдавая себя за чилийца, сбежал с острова. Путешествие из юго-западной части Южной Америки в Европу заставило сделать будущего шефа абвера невозможное — проделать путь пешком или на лошади в 1200 километров. В

Аргентине Канарис сделал себе документы на имя чилийского вдовца Рида и под этим именем на пароходе «Фризия» отправился в Роттердам. Во время плавания в разговорах с англичанами он усовершенствовал свои знания английского.

Разведработой Канарис занялся с лета 1916 года в Мадриде — помощником германского военно-морского атташе, капитана III ранга фон Крона. В испанских портах он выступал в качестве чилийца Рида Розаса и вербовал агентов для наблюдения за движением судов. Кроме того, в его работу входил поиск капитанов судов и коммерсантов, готовых снабжать запасами продовольствия германские базы подводных лодок. При этом он рвался на фронт, разрываясь между морем и разведкой, пока его рапорт не удовлетворили.

Однако ему снова потребовалось проделать невероятное путешествие через Южную Францию и Северную Италию в Швейцарию. Но случилось непредвиденное. При выезде из Италии в Швейцарию Рида Розаса вместе со спутниками арестовали. Это стоило Канарису нескольких недель заключения в ожидании военно-полевого суда. Вскоре через влиятельных лиц и по дипломатическим каналам в Италию поступили сообщения, подтверждающие личность Рида Розаса. Тогда будущего адмирала вместе с испанским священником на испанском грузовом судне отправили через Марсель из Генуи в Картахену, с надеждой, что французская контрразведка разоблачит чилийца Рида Розаса в шпионаже на Германию. Поэтому Канарису ничего не оставалось, как открыться капитану судна и уговорить его не заходить в Марсель.

Капитан согласился. В Картахене немецкой подводной лодке только с третьей попытки удалось взять Канариса на борт на рейде порта.

После благополучного возвращения Канариса перевели в подводный флот, а через несколько месяцев стажировки он стал преподавать в школе подводного плавания. В 1918 году его назначили командиром подводной лодки, а в 1922 году Канарис служил старшим офицером на крейсере «Берлин». И всё-таки пути Господни вновь привели его в разведку.

В 1938 году на базе контрразведки рейхсвера было создано управление абвер-заграница при штабе Верховного Главнокомандования вооружённых сил (ОКВ). Управление состояло из отделов:

абвер I занимался сбором развединформации об иностранных армиях и флотах, подготовкой агентов-радистов, радиоперехватом, изготовлением документов прикрытия и оперативной техники;

абвер II — подготовкой диверсионно-террористической агентуры и заброской её в тыл противника, разработкой и изготовлением средств террора и диверсий, организацией диверсионных и террористических актов, организацией национальных легионов, созданием из немцев, проживающих на территориях стран-противников, спецформирований для захвата стратегически важных объектов. В распоряжении абвера-II находились специальные воинские формирования: дивизия «Бранденбург-800» и полк «Курфюст»;

абвер III — контрразведывательной работой в вооружённых силах Германии, военно-административных и военно-хозяйственных учреждениях и на объектах оборонного значения;

Иностранный отдел абвер-заграница — изучением экономики и внешней и внутренней политики иностранных государств на основе сведений, получаемых от военных атташе, МИДа и других официальных учреждений за границей; разработкой вопросов взаимодействия германской армии с армиями других стран; изучением международной печати и радиовещания;

Центральный отдел — комплектованием кадрами; обеспечением материальными и финансовыми средствами, разработкой мобилизационных планов органов абвера на военное время.

Абверштелле являлись основными звеньями абвера и вели практическую контрразведывательную и диверсионную работу против СССР при каждом военном округе. Они подчинялись соответствующим отделам управления абвер-заграница и согласовывали свою работу с (отделами «I-Ц») разведотделами штабов военных округов.

В оккупированных областях Советского Союза были организованы четыре территориальных органа абвера: абверштелле — Украина, абверштелле — Юг Украины, абверштелле — Крым, которые выявляли агентуру советской разведки и контрразведки, а также лиц, враждебно относившихся к фашистской Германии, вели борьбу с партизанами и готовили своих агентов для фронтовых команд армии. В занятых вермахтом крупных городах создавались местные отделения контрразведки — абвернебенштелле (АНСТ), а в небольших городах, расположенных недалеко от границы и удобных для заброски агентуры, размещались их филиалы — Лусеншталле.

В июне 1941 года в целях ведения разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза был создан специальный орган Управление абвер-заграница — штаб «Валли». Он подчинялся соответствующим отделам Управления абвер-заграница и отделу

по изучению иностранных армий ОКВ Восточного фронта. Несколько слов и об этом отделе.

Отдел «Иностранные армии Востока» решал задачи по изучению положения дел в Красной Армии. С 1 апреля 1942 года его возглавил генерал Райнхард Гелен. Первая группа занималась вопросами еженедельной оценки сил противника и положением его войск. Вторая группа оценивала перспективы положения, анализируя поступившую информацию и дополняя её материалами из других источников. Третья группа с помощью специалистов по России занималась переводом документов. В результате достигнутого соглашения между Канарисом и Геленом была выработана следующая схема прохождения развединформации: все подразделения войсковой разведки, проводившие операции в полосе действий армии, докладывали об их результатах в её разведотдел и одновременно в разведотдел группы армий. Оттуда она направлялась в службу «1-Ц» и параллельно — штабу «Валли I». Из штаба «Валли I» в отдел «Иностранные армии Востока». При этом абвер получал копии всех документов, переданных в отдел Гелена. Начальником штаба «Валли» являлся подполковник Гейнц Шмалыплегер.

Первый отдел руководил военной и экономической разведкой на советско-германском фронте. В его подчинении находились разведкоманды и группы, приданные штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной работы на соответствующих участках фронта, а также команда и группы экономической разведки, проводившие сбор разведданных в лагерях военнопленных;

Второй отдел занимался абверкомандами и абвергруппами по проведению диверсионной и террористической работы в частях и в тылу Красной Армии;

Третий отдел — контрразведывательной деятельностью подчинённых ему абверкоманд и абвергрупп по борьбе с советскими разведчиками, партизанами, антифашистами на оккупированной территории, в зоне фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных тылов.

Штабу «Валли» также подчинялись две разведшколы с филиалом и авиаотряд (4–6 самолётов).

В марте 1942 года при штабе «Валли» сформировали специальный контрразведывательный орган «зондерштаб-Р». Это отделение проводило агентурную работу по выявлению партизанских отрядов, антифашистских организаций и групп в тылу немецкой армии. С 1943 года им была развёрнута работа по агентурной разведке в тылах советских войск.

Первый отдел вёл разведывательную работу, второй отдел

занимался контрразведкой, третий — пропагандой с целью разложения партизанских отрядов и четвёртый отдел — административнохозяйственной работой.

Возглавил «зондерштаб-Р» Борис Алексеевич Смысловский.

В марте 1942 года Главным управлением имперской безопасности Германии был создан специальный разведывательно-диверсионный орган для подрывной деятельности по политическому разложению советского тыла — «Предприятие Цеппелин».

В своей работе «Цеппелин» взаимодействовал с абвером, командованием вермахта и с имперским министерством по делам оккупированных восточных областей.

Подчинённый VI управлению РСХ А на правах особого подразделения, VI Цеп входит в группу (отдел) VI Ц, проводившую политическую разведку против СССР и стран Ближнего Востока. Штаб «Цеппелина» состоял из аппарата начальника органа и трёх отделов: «Цеп-1» занимался комплектованием, оперативным руководством и снабжением; «Цеп-2» — обучением агентуры; «Цеп-3» — обработкой всех материалов о деятельности особых лагерей, фронтовых команд и агентуры, переброшенной в тыловые районы. В своей работе «Цеппелин» руководствовался «Планом действия по политическому разложению Советского Союза».

Сам по себе механизм взаимодействия между гестапо, службой безопасности и абвером был определён в документе под названием «Десять заповедей сотрудничества» (1936 г.), где следовало чёткое разграничение их полномочий. Военная разведка в странах противника оставалась в ведении абвера, а сфера контршпионажа только в основном принадлежала абверу, при том что само понятие было несколько размыто в подписанном соглашении. В ведении абвера находилась подготовка скрытого боевого применения на случай войны (разведывательно-диверсионные операции).

Тайной государственной полиции принадлежало оперативное расследование всех тяжких государственных преступлений и добывание политической информации из-за границы, в особенности из стран, враждебных Германии.

В 1938 году была проведена очередная реорганизация службы внешней разведки СД в Шестое управление ГУИБ, которое летом 1941 года возглавлял Вальтер Шелленберг. А менее чем через год было заключено ещё одно соглашение между СД и абвером по типу «десяти заповедей». Но это уже была программа Шелленберга, который, по воспоминаниям Гелена, «добросовестно сотрудничал с представителями Канариса в

рамках соглашения, заключённого между управлением военной разведки и контрразведки и полицейскими службами. Однако положение изменилось, как только Шелленберг стал начальником внешней разведки службы безопасности».

«К концу февраля 1942 г. положение адмирала Канариса уже более не было прочным, — писал в своих мемуарах Шелленберг. — Об этом не могли не знать его друзья и подчинённые, но я-то знал, что Гитлер серьёзно обдумывал вопрос о том, как от него отделаться». И действительно, Гитлера не устраивал начальник абвера по многим показателям. Так план Гитлера изобрести безупречный повод (операцию) для нападения на Польшу и порученный Гейндриху и адмиралу Канарису только у последнего вызвал отвращение. Адмирал всё же сумел уклониться от его выполнения. Со временем он культурно отказался от задания фюрера — убить Черчилля и точно так же проигнорировал его приказ о розыске бежавшего французского генерала Жиро Анри — верховного комиссара Франции в Северной Африке. По утверждению Гелена, «Канарис решительно отвергал политические убийства. Его глубокая религиозная убеждённость абсолютно запрещала ему даже думать о подобной возможности». Адмирал не на шутку был обеспокоен приближавшейся войной с Россией.

Шелленберг вспоминал: «Он резко критиковал руководителей вермахта, которые несмотря на прекрасную осведомлённость, были настолько безответственны и неумны, что поддерживали такого человека, как Гитлер, с его затеей закончить русскую кампанию в течение трёх месяцев. Канарис не разделял и точку зрения фюрера и не мог понять, как такие генералы, как Браухич, Кейтель и Йодль, могли быть столь благодушными, оторвавшимися от жизни оптимистами. Однако возражать было бесполезно».

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель как-то сказал ему:

«Мой дорогой Канарис, может быть, вы понимаете что-либо в делах военной разведки, но вы моряк, и вам не следует пытаться давать нам уроки стратегического и политического планирования».

Помощник адмирала Оскар Райле так охарактеризовал своего шефа:

«В свои 38 лет у него были уже белые как снег волосы. Поэтому офицеры абвера между собой очень скоро стали называть адмирала «старик» или «седовласый». Но опыт и необыкновенная судьба сделали Канариса прежде всего чрезвычайно молчаливым, одним из тех, кто проявлял искреннее участие ко всем страдающим и нуждающимся, кто многое знал о

добре, зле и несбыточном. Такие люди предпочитают промолчать, нежели держаться опрометчиво или даже нескромно. Болтунов и бахвалов он на дух не переносил. Но при этом в обществе не был некомпанейским человеком. Правда, Канарис с удовольствием слушал, но если он что-то говорил после того, как присутствующие долго и пространно рассуждали о каком-либо предмете, то нередко, к их удивлению, обнаруживалось, как внимательно он следил за обсуждением и к каким глубоким выводам приходил».

Ещё в 1935 году адмирал создал совершенно новое направление абвера — контршпионаж… Гелена, как и многих других уважавших начальника абвера офицеров, наряду с религиозностью и верностью офицерской чести, сильнее всего поражала фундаментальная образованность Канариса. Явление редкое среди высших офицеров вермахта. По мнению Гелена, Канарис обладал способностью разбираться во взаимосвязях мирового масштаба: «С этим было связано и его тонкое восприятие развития политических событий, которые он довольно часто пересказывал с поразительной точностью».

Одним из недостатков абвера во Второй мировой войне было отсутствие отдела, который проводил бы анализ и оценку поступающей разведывательной информации. В своей книге Гелен по этому поводу делает следующий вывод: «В результате отсутствия постоянного и систематического анализа с использованием всех имевшихся в управлении материалов агентурные сообщения оценивались слишком высоко».

А ведь сам Канарис был прекрасным аналитиком, но он не мог в одиночку заниматься этой работой. Но самой серьёзной проблемой для Канариса и его организации оказалась борьба службы безопасности (СД) за лидерство, так как адмиралу приходилось постоянно противодействовать этим разведывательным операциям, нередко носившим печать спешки и дилетантства. По мнению Гелена, «он находился в положении обороняющейся стороны, поскольку не имел поддержки со стороны Верховного Главнокомандования вермахта».

В 1942 году Канарис настойчиво предупреждал Гелена о коварстве шефа внешней разведки Шелленберга. Считается, что он «разгадал намерение Гиммлера и его помощников прибрать абвер к своим рукам».

В воскресный вечер августа 1944 года Вальтер Шелленберг получил приказ от обергруппенфюрера СС Мюллера выехать к Канарису и сообщить, что он арестован. Затем увезти его в Фюрстенберг и не возвращаться с ним в Берлин, пока всё не будет выяснено.

А начинался закат карьеры адмирала гораздо раньше. В феврале 1944 года Канариса отстранили от работы после того, как агент абвера Фермерен из Турции бежал в Каир. Гитлер был взбешён. Он велел передать Канарису: «Фюрер в связи с инцидентом с Фермереном распорядился, чтобы абвер был переподчинён Главному управлению имперской безопасности». Но потом был заговор 20 июля 1944 года, который расследовали Мюллер и Кальтенбруннер.

Когда Шелленберг приехал в Берлин-Шлахтензее, Канарис сам открыл ему дверь. Они разговаривали наедине, и шеф политической разведки изложил ему суть дела и характер своего задания.

— Очень жаль, — ответил адмирал, — что нам приходится прощаться в такой обстановке. Однако мы это преодолеем. Обещайте мне честно, что в течение ближайших трёх дней вы обеспечите мне возможность побеседовать с Гиммлером лично. Все прочие — Кальтенбрунер и Мюллер — это просто грязные палачи, жаждущие моей крови.

Как оказалось, в сейфе одного из служебных кабинетов Канариса были найдены две курьерские сумки с компрометирующими документами. Тем не менее его не казнили, а отправили в концлагерь Флоссенбург в Баварии. Лишь в апреле 1945 г. Гитлер отдал приказ о казни адмирала.

Вальтер Шелленберг принял управление военной разведки, функции которого были разделены между 4-м и 6-м управлениями РСХА.

Первый и второй отделы были слиты в «службу МИЛ» (РСХА), третий отдел в сокращённом виде сохранял для вермахта некоторое число специалистов по охране военных тайн, а четвёртый отдел и отдел управления были расформированы.

Как написал Оскар Райле, «дело всей жизни адмирала Канариса было бездумным образом разрушено в ущерб рейху». Но именно такого противника победил СМЕРШ под руководством В.С. Абакумова.

Как отмечается авторами книги СМЕРШ, «только после победы советских войск под Москвой, а затем под Сталинградом возросла активность особых отделов НКВД СССР в борьбе со специальными службами противника. Постепенно складывалась система сбора оперативных данных о немецких разведорганах, их структуре, дислокации и личном составе, о методах их подрывной и шпионской работы, об экипировке и маскировке. Налаживалась и зафронтовая работа особистов».

Например, к середине лета 1942 года НКВД СССР было учтено 36 школ германской военной разведки,

функционировавших на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории, и получены данные на 1500 разведчиков и диверсантов из числа военнопленных. На немецкой стороне считали успехом, если из 10 завербованных в спешке агентов хотя бы один выполнял порученное задание. Однако массовая заброска в советский тыл практически необученной и непроверенной агентуры не достигла цели.

Например, в феврале 1943 года в городе Малоархангельске был задержан подозрительный гражданин «Н». Он выглядел душевнобольным, его речь была бессвязной, поведение нестандартным, а неряшливая одежда — вызывающей. «Душевнобольной» «Н» каждый день бродил по городу и его окрестностям, частенько появляясь в районах расположения воинских частей. Чем и привлёк к себе внимание контрразведчиков. Проверив документы, они ничего подозрительного не обнаружили, так как те подтвердили его недееспособность и были в полном порядке. Однако оперативную проверку всё же решили продолжить. «Блаженного» отпустили, и, что удивительно, в подвале разрушенного дома, куда тот «привёл» «смершевцев», были обнаружены портативная радиостанция типа «север», револьвер «наган», продукты и деньги в сумме 9225 рублей. Достоянием контрразведчиков стали шифры и расписание сеансов радиосвязи.

«Душевнобольным» оказался агент-маршрутник (радист) Деев, он же Фомин 1919 г. р., уроженец Орловской области. Он закончил Орловскую школу разведчиков и по заданию начальника школы был оставлен в г. Малоархангельске после отступления немецких войск. Для лучшего легального проживания и передвижения агента снабдили справкой эвакогоспиталя и метрической выпиской на имя Машенина Сергея Петровича.

По свидетельству документов, в 1941–1944 годах особыми отделами НКВД СССР и ГУКР СМЕРШ НКО СССР от 55 до 65 % всех вражеских агентов были выявлены и разоблачены непосредственно в зоне боевых действий. В 1945 году этот показатель достиг 88 %. Причём, «если в 1941 г. на прифронтовую зону приходилось около 45 % от общего количества разоблачённых органами военной контрразведки агентов фашистских спецслужб, то в 1943 г. эта цифра возросла до 55 %». Только в период подготовки и в ходе Курской битвы контрразведчиками Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов было обезврежено более 1500 немецких агентов и диверсантов. Контрразведчики Центрального фронта в июне и в июле 1943 г. обезвредили пятнадцать

разведывательнодиверсионных групп противника. Некоторые из них были предназначены для нападения на штаб фронта и совершения террористического акта в отношении командующего фронтом генерала армии К. К. Рокоссовского.

«К лету 1943 года реорганизация и основные кадровые назначения по органам контрразведки СМЕРШ практически были осуществлены, — рассказывает доктор юридических наук В. Христофоров. — Они совпали с периодом, когда после зимнего наступления 1942/1943 года по войскам Красной Армии был отдан приказ о переходе к обороне, закреплении на достигнутых рубежах, накапливании и перегруппировке сил и средств для дальнейших наступательных действий на советско-германском фронте.

Немцы, со своей стороны, также принимали меры по переброске войск и техники на восток из Западной Европы и Африки, а после мощного и успешного контрудара южнее Харькова в феврале-марте 1943 года заняли прочную оборону и готовились к решающему сражению на так называемом Курском выступе. Армии вермахта пополнились не только людьми, но и новыми типами бронетанковой техники и самолётов. Гитлеровские войска по-прежнему представляли собою грозную силу.

В Курской битве советская разведка и контрразведка сыграли чрезвычайно важную роль. Им удалось не только заблаговременно обнаружить подготовку немцами наступления на курском направлении, но и определить место и срок проведения операции. Располагая всеобъемлющей информацией о планах противника, советское командование на Курской дуге выбрало тактику «преднамеренной обороны» с последующим переходом в контрнаступление. В соответствии с этой задачей перед спецслужбами СССР была поставлена цель усиления дезинформационных мероприятий для того, чтобы скрыть подготовку советской наступательной операции. Для достижения этой цели военные контрразведчики активно использовали радиоигры, выходя в эфир с радиостанций, захваченных у агентов врага.

В результате сражения под Курском и Белгородом была сорвана попытка широкомасштабного наступления вермахта».

К слову сказать, радиоэфир осваивался спецслужбами воюющих государств в годы Второй мировой войны. Поэтому радиоигры с разведкой противника стали новейшим направлением в их деятельности, основной задачей которых были систематические передачи противостоящему противнику ложной информации, с одной стороны, а с другой, благодаря радиоиграм

органы военной контрразведки поддерживали у противника уверенность в том, что заброшенные им разведгруппы работают вполне активно. Это, безусловно, останавливало их от дальнейших действий.

Для проведения радиоигр использовались вражеские агенты, захваченные вместе с портативными коротковолновыми приёмопередающими рациями.

И те агенты, которые обычно шли на сотрудничество, работая под контролем, систематически передавали противнику ложную информацию. С весны 1943 года все радиоигры, кроме игр «Монастырь», «Курьеры» и «Березина», находились в ведении ГУКР СМЕРШ. Как подчёркивает Ю. Ленчевский, «в годы войны 152 радиостанции снабжали разведслужбы Германии дезинформацией, побуждая их к активному развитию якобы благоприятно складывающейся оперативной ситуации. Около 500 хорошо подготовленных агентов противника, значительное количество вооружения, радиосредств, денег и продовольствия попали в руки чекистов благодаря умелому ведению радиоигр».

По мнению В. Н. Степакова, автора книги «Нарком СМЕРШа», «…главная роль в успешных радиоиграх принадлежала Виктору Семёновичу Абакумову. Именно он пошёл против существовавшего тогда уголовного законодательства, трактовавшего, что согласие советского человека на сотрудничество с иностранной разведкой — уже измена. Абакумов освобождал явившихся с повинной немецких агентов от уголовного наказания, что резко поднимало эффективность борьбы с абвером».

Исследователи Б. Сыромятников и Н. Поросков считают, что «Абакумов опередил время: только в 1960 г. Верховный Совет СССР принял дополнение к статье 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления — не подлежит уголовной ответственности гражданин, завербованный иностранной разведкой, если он во исполнение преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

В сентябре 1943 года с учётом накопленного опыта военной контрразведкой за первые два года войны была разработана «Инструкция по организации розыска агентуры разведки противника». Согласно этому документу розыску подлежали «все без исключения агенты разведки противника, и в первую очередь агенты, уже переброшенные на нашу сторону или намеченные к выброске на ближайшее время».

Основанием для объявления в оперативный розыск того или иного лица как агента вражеской разведки являлись: показания

арестованных и разоблачённых агентов разведки противника; заявление и показания свидетелей; показания военнопленных из числа бывших официальных сотрудников противника; сообщения зафронтовой агентуры и других агентов советских органов госбезопасности; списки и другие документальные материалы на агентуру, захваченные у разведывательных органов противника. На каждого вражеского агента (если имелась возможность провести мероприятия по активному розыску) заводилось розыскное дело.

При получении информации о вражеских агентах в отделах контрразведки СМЕРШ действующей армии начинались оперативнорозыскные мероприятия. По всем розыскным ориентировкам и бюллетеням органы контрразведки СМЕРШ систематически проводили проверку личного состава штабов воинских соединений и частей, всех военнослужащих запасных полков, а также лиц, поступивших на фильтрационные пункты, в лагеря, бежавших из плена и вышедших из окружения.

При организации органами СМЕРШ оперативного розыска большое значение имела тактика использования агентов-розыскников, агентов-опознавателей и агентов-маршрутников.

Агенты-розыскники действовали в местах большого скопления военнослужащих. Агенты-опознаватели подбирались из числа разоблачённых или явившихся с повинной вражеских разведчиков и диверсантов, хорошо знавших в лицо готовившихся к переброске либо уже действовавших в советском тылу немецких агентов.

Получила распространение и практика создания в прифронтовой полосе оперативно-розыскных групп (3–4 человека: оперативный работник, перевербованный агент разведки противника, разведчик наружного наблюдения или младший командир из роты охраны особого отдела).

В мае 1943 года в свет вышел первый сборник «Материалов по распознаванию «поддельных документов»». В нём впервые были систематизированы уловки противника по подделке фиктивных документов. Таким образом, систематически обобщался опыт разоблачения агентуры противника. В сентябре 1943 года вышел второй сборник, посвящённый описанию печатей и штампов, используемых противником для «освящения» тех же фальшивок. А вскоре и третий. По материалам сборников были подготовлены «Краткие карманные справочники по проверке документов», которые получили и сотрудники СМЕРШа.

С целью разоблачения агентуры противника в июле 1944 года был выпущен специальный сборник «Материалов по распознаванию поддельных орденов и медалей СССР,

изготовляемых немецкой разведкой».

Одним из розыскников военной контрразведки в годы войны был Борис Сыромятников. В интервью Евгению Жирнову он поведал много интересного:

«— Как вы стали розыскником, Борис Александрович?

— В сорок первом году, сразу после начала войны, я добровольцем ушёл на фронт и стал политбойцом. Это была специальная категория военнослужащих, предназначенная, как нам говорили, для цементирования наших отступавших войск. Одеты мы были в офицерскую форму — даже бриджи у нас были командирские — синие, но никаких званий не имели. Нас направили на Западный фронт, и практически с ходу мы оказались в бою. Наш полк остановил немцев. Но две трети ребят из нашей группы политбойцов в этом бою погибли. 9 августа 1941 года в бою под Каменкой меня ранило. Потом был госпиталь, запасной полк. И оттуда, уже в сорок втором, как человека с незаконченным высшим образованием и к тому же неплохо знающего немецкий язык, меня направили на учёбу в Высшую школу НКВД. А после её окончания в январе 1943 года — во фронтовые органы контрразведки.

— И много шпионов вы поймали?

— Полагаю, что столько, сколько попало в поле моего зрения, — двоих. Особенно запомнился забрасывавшийся не в первый раз немецкий агент-диверсант Георгий Гаркуша. Его разыскивал СМЕРШ и другие органы госбезопасности. К нам в полк он попал с пополнением под фамилией Соколов. По деталям его поведения я заподозрил неладное, у него при чисто украинской внешности была русская фамилия. Он ни с кем не переписывался. Мне удалось установить его подлинную фамилию. Затем я проверил его по ориентировкам розыска и убедился, что он известен как агент диверсионного органа «Бранденбург-800».

Полк, в котором я был контрразведчиком, дошёл до Берлина, до самого Рейхстага. Меня включили в группу розыска работников немецкой разведки. Мы размещались в элитном районе Берлина — Далеме. Там жили крупные промышленники, банкиры, учёные и многие высшие нацистские чины. Часть из них ушла на Запад, другие затаились. Но я понял, что практически со дня на день оставшиеся бонзы побегут к американцам и англичанам. Я прикинул, по каким маршрутам они могут уйти из Далема, взял из отдела контрразведки взвод охраны, потом ещё десяток бойцов полка и устроил засады.

Попалось около сорока человек. И каждый из них был большой шишкой. Среди задержанных оказались несколько

крупных инженеров, адмирал, заместитель имперского министра Шахта и один разведчик. Самое главное было использовать фактор внезапности — допросить их, пока они не оправились от шока. И в этом состоянии они рассказывали много интересного вообще и для нашего розыска в частности: кто ещё успел сбежать, где скрывается.

Позднее, уже будучи работником розыскного отдела контрразведки 1 — й танковой армии, я задержал шесть сотрудников центрального аппарата немецкой военной разведки — абвера. Они дали сведения о других своих коллегах, но результаты дальнейшего поиска были неутешительными. Большинство немецких разведчиков заблаговременно перебрались под крыло наших англо-американских союзников.

— А картотеку немецкой агентуры вы искали?

— А как же! И оказалось, что она была уничтожена. Но два сотрудника абвера втайне друг от друга и начальства пересняли данные на агентуру. Мы начали их поиск, но слишком поздно. Я установил, что начальник отдела абвер-картай Хюбнер передал свою фильмотеку американцам в местечке Пробст-Целла в Тюрингии. Конечно, предварительно выговорив условия службы у новых хозяев. Американцы получили и второй комплект плёнок. Нам достался, можно сказать, утешительный приз — сотрудница абвера София Луиза Норвольт-Гаупт. Она установила контакты с французской разведкой, но не успела сбежать. Эта дама имела феноменальную память и дала нам сведения о сотрудниках и агентах абвера. Вот после этой операции меня и перевели на службу в розыскной отдел управления СМЕРШ советских оккупационных войск в Германии.

— И кого вы искали?

— Агентов недавних союзников — англичан и американцев. Они тысячами вербовали немцев и отправляли их в нашу зону оккупации. Мне пришлось заниматься английской агентурной сетью на урановых рудниках в Тюрингии — на принадлежавшем СССР АО «Висмут». Мы получили данные о том, что совершенно секретная информация о работе «Висмута» уходит на Запад, и начали поиск. Практически ничего сложного тут не было. Выявили подозрительных, допросили. Один из них признался в работе на англичан. И назвал тех английских агентов, которых знал. Те, в свою очередь, назвали других. Так за несколько дней вся сеть была обезврежена. И руководство после этого успеха предложило мне перейти в следственный отдел. Но я категорически отказался.

Слишком хорошо знал о том, что у большинства следователей карьера заканчивается трагически. А в сентябре

1950 года меня перевели в розыскной отдел нашего главка…

— И вы получили доступ к знаменитой «Розыскной книге СМЕРШ»?

— Доступ к ней я имел по мере необходимости и во время войны, и работая в Германии. Вокруг неё витает ореол таинственности, но это были просто алфавитные списки агентов иностранных разведок и изменников разного рода. Установочные данные и описания совершённых ими деяний. По мере накопления изменений — кого-то находили, на кого-то получали дополнительные данные — книга переиздавалась. Читать «Розыскную книгу» было интересней, чем любой детектив.

— Например?

— Помню, там были данные на командира боевого корабля Балтийского флота, который вместе со своим старшим помощником застрелил старшего оперуполномоченного, увёл свой корабль к немцам и сдался в плен. Помню, там были данные и на брата Александра Твардовского — Ивана. О том, что, попав в плен к финнам, он стал агентом финской разведки, перебрасывался в наш тыл и имел за это финские и немецкие награды».

Летом 1943 года в Управлениях СМЕРШ Брянского и Центрального фронтов впервые в оперативной практике была разработана и проведена уникальная по-своему операция под названием «Инсценировка «Измена Родине»».

Так, 19 июня Абакумову доложили из управления контрразведки СМЕРШ Брянского фронта об итогах оперативно-чекистских мероприятий под кодовым названием «Измена Родине»:

«В мае с.г. наиболее поражёнными изменой Родине были 415-я и 356-я сд 61-й армии и 5-я сд 63-й армии, из которых перешли к противнику 23 военнослужащих. Одной из наиболее эффективных мер борьбы с изменниками Родине, в числе других, было проведение операций по инсценированию под видом групповых сдач в плен к противнику военнослужащих, которые проводились по инициативе Управления контрразведки СМЕРШ фронтов под руководством опытных оперативных работников, отделов контрразведки армии.

Операции происходили 2 и 3 июня с.г. на участках 415-й и 356-й сд с задачей: под видом сдачи в плен наших военнослужащих сблизиться с немцами, забросать их гранатами, чтобы противник в будущем каждый переход на его сторону группы или одиночек изменников встречал огнём и уничтожал.

Для проведения операции были отобраны и тщательно проверены три группы военнослужащих 415-й и 356-й сд. В

каждую группу входили 4 человека.

В 415-й сд одна группа состояла из разведчиков дивизии, вторая — из штафников.

В 356-й сд создана одна группа из разведчиков дивизии […].

После подбора группы были отведены в тыл дивизии, где проходили под руководством опытных командиров специальную подготовку.

При подготовке особое внимание было обращено на умение участвующих в операции эффективно забросать немцев гранатами и быстро скрыться после выполнения её. Подготовка осуществлялась на местности, аналогичной предполагаемым районам действия […].

Одновременно были намечены конкретные места действия групп, подготовлены планы действия и расчёты артиллерийского и миномётного огня для поддержки групп во время операции.

Места для операции групп были выбраны там, где имелись случаи групповых переходов линии фронта изменниками Родине. 2 июня 1943 г. в районе обороны действовали первая и вторая (группы), 3 июня с.г. в районе обороны 356-й сд действовала третья группа.

Операция первой группы (разведчики) 415-й сд

2 июня с.г. в 4.00 группа после сосредоточения на исходном рубеже подползла к немецкому проволочному заграждению, встала и, подняв руки, начала искать проход в проволочном заграждении. Немцы сразу же заметили идущих и стали их звать к себе. Три немца во главе с офицером вышли навстречу разведчикам, сблизившись с группой у проволочного заграждения на 30 м. Разведчики забросали подошедших немцев гранатами, уничтожив три немца, без потерь вернулись обратно.

Отход группы под держивался огнём из всех видов оружия.

Операция второй группы 415-й сд (штрафники)

2 июня с.г. в 3.00 группа сосредоточилась на исходном рубеже в 100 м от противника, недалеко от нашего проволочного заграждения.

В 4.00 двумя партиями по два человека, с поднятыми руками, пошли к проволочному заграждению, один из первых держал в руках белый лист бумаги, означавший немецкую листовку.

При входе к проволочному заграждению немцев группа

увидела двух немецких солдат, которые начали указывать место прохода через заграждение.

Группа, пройдя немецкое проволочное заграждение, заметила, что от последнего к немецким траншеям идут два хода сообщения и в траншеях группу ожидают около 20 немецких солдат. При подходе к скоплению немцев на 30 м группа забросала немецких солдат гранатами. И после использования всего запаса гранат, под прикрытием артиллерийского и миномётного огня, отошла в наши окопы. При отходе два человека из группы получили лёгкое ранение, и сейчас находятся встрою.

Операция третьей группы 356-й сд (разведчики)

3 июня с.г. в 3.00 группа вышла с исходного рубежа и дошла до проволочного заграждения немцев, где была встречена одним немецким солдатом, который их остановил словом: «хальт».

Когда старший группы назвал пароль для перехода — «штыки в землю», немец стал показывать дорогу к проходу, находясь от группы в 20 м.

В это время он был забросан гранатами, а группа вернулась в свои траншеи. По группе был открыт противником огонь, однако никто из неё ранен не был.

Все группы поставленные перед ними задачи выполнили отлично, никаких происшествий за время операций не случилось.

Поставлен вопрос перед военным советом 61-й армии о награждении участников операции, а также о снятии судимости с группы красноармейцев штрафной роты 415-й сд…»

Не менее успешной оказалась работа СМЕРШ по централизации зафронтовой деятельности, которая очень скоро дала положительные результаты. Только за первые десять месяцев с момента образования Главного управления контрразведки в германские разведорганы и школы были внедрены 75 агентов, а 38 из них, успешно выполнив поставленные задачи, возвратились к своим.

По обобщённым данным, зафронтовые агенты представили сведения на 359 официальных сотрудников германской военной разведки и 978 выявленных шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в расположение частей Красной Армии. Впоследствии 176 вражеских разведчиков противника были арестованы органами СМЕРШ. Кроме того, 85 агентов немецких спецслужб явились с повинной, а пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались

работать в своих разведподразделениях по заданию советской контрразведки.

С сентября 1943 года по май 1944 года в тыл противника были переброшены 345 зафронтовых агентов, в том числе 50 перевербованных германских разведчиков. Из них вернулись после выполнения задания 102. В разведорганы внедрились 57, из них 31 вернулся, остались выполнять задания СМЕРШ 26 агентов.

В ходе операций были перевербованы 69 германских разведчиков, из них в советские органы госбезопасности явились 29, остальные остались в немецких разведшколах. Всего же за шесть месяцев было выявлено 620 официальных сотрудников и 1103 агента разведорганов противника. Из этого числа органами СМЕРШ были арестованы 273 агента.

В 1943–1944 годах стала широко практиковаться заброска в тыл противника агентурных групп (оперативные работники, агенты и радисты) с целью сбора сведений о разведорганах и спецшколах противника, внедрения в них, а также захвата кадровых сотрудников, агентов и нацистских пособников. Только за первые десять месяцев сорок третьего года в немецкий тыл были направлены семь агентурных групп, подчинённых Главному управлению контрразведки. Из 44 человек группы потеряли только четверых, при этом на вражеской территории они привлекли к сотрудничеству с советской контрразведкой 68 человек.

27 декабря 1941 года Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (фильтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника (№ 2069 сс). Не менее жёсткая процедура проводилась и в отношении оперативного состава органов госбезопасности.

В пределах армейского тыла наркоматом обороны создавались сборно-пересыльные пункты, на которые направлялись все военнослужащие на освобождённых от противника территориях. Проверка осуществлялась оперативными сотрудниками особых отделов при специальных лагерях в Вологодской, Ивановской, Тамбовской и Сталинградской областях. К марту 1942 года функционировало 19 спецлагерей. В их задачу входила фильтрация военнослужащих, которая предусматривала выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров, а также не скомпрометированных лиц, пригодных к дальнейшей службе.

Фильтрацией в СМЕРШе занимался 2-й отдел контрразведки. Первичная проверка военнослужащих Красной Армии была одной из тех задач, которую решали третьи отделения вторых отделов

управлений КР СМЕРШ фронтов. На армейских сборно-пересылочных (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (ПФЛ) эта проверка проводилась путём личного досмотра и письменных объяснений об обстоятельствах пребывания в плену. Только затем проводился допрос, в ходе и после которого оперативники контрразведки выявляли противоречия в ответах и организовывали агентурное изучение подозреваемых. На каждого проверяемого заводилось дело (учётное) с протоколами допроса и заключением по результатам фильтрации. На подозреваемого заводилось дело-формуляр с приобщением материалов оперативного характера. Фильтрация завершалась во фронтовом ПФЛ, где соответствующая работа продолжалась в течение двух месяцев (соответственно в СПП и ПФЛ — пять — десять дней). В ПФЛ работа велась в оперативном и следственном направлениях с учётом проведённой фильтрации на СПП и ПФЛ. Следует отметить, что по масштабам и размаху, силам и средствам оперативно-розыскная и следственная работа по фильтрации военнопленных вражеских армий, бывших советских военнопленных, а также в государственной проверке репатриантов из числа советских граждан не имела аналогов в истории спецслужб мира.

К лету 1945 года на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы действовали ещё 74 проверочнофильтрационных лагеря и 22 сборно-пересылочных пункта.

Специальные лагеря находились в ведении Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. «Спецконтингент» привлекался к тяжёлому принудительному труду в шахтах, на рудниках, в металлургической промышленности, на стройках и лесозаготовках.

В конце 1943 года специальные лагеря передали в ведение ГУЛАГа, а «спецконтингент» уравняли в правах с заключёнными. Со временем, кроме спецлагерей, появились проверочнофильтрационные лагеря и специальные запасные воинские части.

Ещё об одной стороне деятельности ГУКР СМЕРШ в годы войны рассказывает В. Христофоров:

«Расширение масштабов и рост темпов наступательных операций советских войск на территории Германии и других европейских стран потребовал и от органов безопасности более масштабной и эффективной оперативно-розыскной работы. В этой связи в начале января 1945 года Сталин одобрил инициативу по введению института уполномоченных НКВД СССР на всех

фронтах Западного театра военных действий. Уполномоченными НКВД на всех семи фронтах были поставлены крупные руководители органов госбезопасности и внутренних дел. […].

От своих прямых обязанностей уполномоченные НКВД СССР не освобождались. Их заместителями назначались действующие начальники УКР СМЕРШ фронтов и начальники войск НКВД по охране тыла фронта.

По существу, уполномоченные НКВД СССР на фронтах являлись главными оперативными начальниками, а их заместители непосредственно осуществляли и координировали работу, связанную с розыском агентуры противника, обеспечением непроницаемости линии фронта, очисткой тыла Красной Армии от враждебных элементов, охраной железнодорожных узлов и промышленных предприятий. Уполномоченным НКВД по фронтам предписывалось немедленно проводить мероприятия по выявлению и аресту участников различных вражеских организаций, бандитских групп, выявлять и изымать нелегальные радиостанции, склады оружия, подпольные типографии, материальнотехнические базы, предназначенные для диверсионной работы.

Для реализации этих задач в распоряжении Уполномоченных НКВД по фронтам выделялись специально созданные оперативные группы, на которые были возложены задачи по выявлению и аресту сотрудников разведывательных и карательных органов противника, руководителей и членов коллаборационистских формирований, а также лиц, служивших в национальных легионах СС и проч.

В процессе проведения указанных оперативных мероприятий уполномоченные НКВД СССР использовали силы и средства органов контрразведки СМЕРШ фронтов, кроме того, в их подчинении находились все войска НКВД по охране тыла фронтов численностью 31 тыс. 99 человек. Дополнительно для этих целей также были выделены из состава внутренних, пограничных и стрелковых войск НКВД четыре дивизии и четыре отдельных полка общей численностью 27 тыс. 900 человек, которым следовало прибыть к 20 января 1945 года в районы их использования.

В аппараты уполномоченных откомандировывалось 1050 опытных чекистов, обеспечивалась бесперебойная ВЧ-связь с Москвой.

Как показали дальнейшие события, аппараты уполномоченных сыграли важную роль в концентрации и координации усилий соответствующих ведомств по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий и операций в

районах наступательных действий Красной Армии. В последние месяцы решающих боёв такая мера была всесторонне оправдана. Особые полномочия позволяли осуществлять маневрирование силами и средствами, тесно увязывать действия органов СМЕРШ с планами военного командования. Наличие таких полномочий позволяло точно и своевременно информировать руководство страны и практически ежедневно согласовывать с ним вопросы, имевшие не только военное, но и политическое значение: ведь события происходили на территории зарубежных государств».

Как подчёркивается в книге СМЕРШ, «в справке о потерях сотрудников военной контрразведки, составленной на основании данных, поступивших с фронтов по состоянию на 1 марта 1944 г., значилось: убитыми — 3725 человек, пропавшими без вести — 3092 человека, ранеными и выбывшими в госпитали — 3520 человек. При этом 609 армейских чекистов возвратились из плена или вышли из окружения противника». И это тоже ещё одна сторона военной контрразведки.

Борис Александрович Сыромятников однажды поведал об одном из своих коллег, об одном «из более чем 12 тыс. военных контрразведчиков, сложивших головы в годы Великой Отечественной войны».

«Биография Прокопия Попова очень типична для той эпохи. Родился в 1914 г. в деревне Барок Вологодской области, трудовую деятельность начал в 15 лет в колхозе. С 1936 г. по 1939 г. проходил службу в Красной Армии на Дальнем Востоке. Затем окончил школу милиции в Смоленске и был направлен в Ярославль. Здесь инспектор Попов зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, поэтому после начала Великой Отечественной войны он получил назначение в органы военной контрразведки, нёсшие большие потери на фронте и нуждавшиеся в кадрах.

Судя по характеристике на оперуполномоченного Попова, датированной 24 мая 1942 г., в 103-й танковой бригаде отмечали его дисциплинированность, хорошую военную подготовку, храбрость, стремление постоянно быть на передовой, высокий авторитет у бойцов и командиров. Ему удалось разоблачить агента немецкой разведки бывшего младшего лейтенанта Ганина, сумевшего внедриться в вышестоящий штаб. Сумел он также вскрыть случаи преднамеренного вывода из строя танков отдельными экипажами с целью уклонения от участия в боях. Командование приняло меры, исключающие повторение подобного в дальнейшем. […]

… Когда погиб командир одной из рот мотострелкового батальона тбр, его заменил Прокопий Попов. Отсекая немецкую пехоту от танков, бойцы под командованием контрразведчика

дрались до последнего патрона. Сам Попов с перебитыми пулемётной очередью ногами, окружённый большой группой гитлеровцев, в упор застрелил четырёх из них, а последний патрон израсходовал на себя.

В конце концов воины 103-й бригады отбросили немцев и нашли тело Попова. Он был похоронен в торжественной обстановке, и солдаты у его могилы поклялись мстить врагу…»

В целом итоги работы советской военной контрразведки однозначно впечатляют:

30 тысяч разоблачённых немецких агентов, 3,5 тысячи диверсантов, 6 тысяч террористов. В период с 1943 года по 1945 год СМЕРШем было проведено 250 радиоигр. В ходе организованной дезинформации противника на нашу территорию удалось вывести более 400 кадровых сотрудников фашистских спецслужб. И это не считая десятков тонн грузов, предназначавшихся агентам и диверсантам противника.

Более того, противник и сам признавал эффективность советской военной контрразведки. Так, бывший начальник отдела абвер I генерал Ганс Пиккенброк уже после войны заявил: «Россия — самая тяжёлая страна для внедрения агентов вражеской разведки. После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путём вернуться в ряды Красной Армии. Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Бывший генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта, на вопрос: «Какими разведывательными данными о Советском Союзе вы располагали до войны и в ходе её, и из каких источников эти данные поступали?» — ответил: «До войны мы имели очень скудные сведения о Советском Союзе и Красной Армии, получаемые от нашего военного атташе. В ходе войны данные от нашей агентуры касались только тактической зоны, мы ни разу не получали данных, которые оказали бы серьёзное воздействие на развитие военных действий».

По мнению генерала М. А. Козичева, «Абакумов сумел выстроить систему управления СМЕРШем по типу Генерального штаба, создав управления по фронтам. Это позволило хорошо знать оперативную обстановку на каждом фронте и быстро на неё реагировать. В.С. Абакумов пошёл против существовавшего тогда законодательства: являвшихся с повинной немецких агентов он освобождал от ответственности. Это резко подняло

эффективность борьбы с агентурой противника».

Другой генерал, П. И. Ивашутин, считал, что «принижать заслуги Абакумова в успешной работе ГУКР СМЕРШ несерьёзно». Он был убеждён: «Практические результаты деятельности СМЕРШ оказались выше, чем у НКГБ, что и стало причиной выдвижения Абакумова».

Не менее важным свидетельством является и письмо генерала М. А. Белоусова:

«В первых числах августа 1942 г. начальник особых отделов Красной Армии Абакумов с группой своих сотрудников приезжал на Сталинградский фронт и занимался здесь уточнением обстановки на фронте в целом и на его передовой линии в особенности (видимо, делая это по заданию Верховного Главнокомандующего): чья информация, представляемая об этом в Ставку, более объективная и правдивая — штаба фронта или особого отдела фронта? То были дни, когда вопрос «выстоять в Сталинграде» являлся вопросом жизни или смерти нашей страны.

Одновременно он занимался и подыскиванием кандидатов на роль командующих 62-й армией и Сталинградским фронтом. Он имел беседы со многими генералами: командирами дивизий, корпусов, командующими армиями, членами военных советов, начальниками политорганов. Причём с большинством из генералов он встречался не в кабинетах, а на их КП — на передовой, во время боя.

Об упоминаемой мною выше цели его приезда на фронт он нам, работающим с ним тогда сотрудникам, ничего не говорил. Это моё личное предположение, сделанное из его поведения и деятельности на фронте, чему я был свидетелем почти в течение пяти суток. (Я был «ведущим» при поездках по фронту.)

Разумеется, он при этом походя интересовался и состоянием нашей чекистской работы, особо за линией фронта. Проявлял интерес и к ходу формирования заградотрядов, которые тогда создавались Военными советами фронтов и армий…

Период его пребывания тогда здесь как раз совпал и со временем разделения Сталинградского фронта, а точнее выделения из него ещё одного — Юго-Восточного фронта, что у приезжавшего (разделение кадров особых отделов теперь уже на два фронта) заняло также много времени».

Словом, под руководством В.С. Абакумова военным контрразведчикам или военным чекистам удалось создать эффективно действующую систему под названием СМЕРШ, которая надёжно защищала Красную Армию до самой победы над врагом.

Однако нельзя забывать и о том, что Управлению особых

отделов, а затем СМЕРШу приходилось заниматься и другими задачами, которые напрямую были связаны с политикой репрессий, когда с молчаливого одобрения государственной системы творилось самое обыкновенное беззаконие. Таких примеров великое множество и отрицать их, по меньшей мере, кощунственно. Другое дело, что они никак не затеняют той особой роли аппарата военной контрразведки в Великой Отечественной войне, которую он выполнял. В СМЕРШе были герои, были профессионалы, были честные и порядочные люди. Но были и подлецы, и мерзавцы, и палачи. И трудно согласиться с тем, что в последнее время Абакумова стали называть «Апостолом». Понятно, что «Апостолом» не по евангельскому преданию, в котором каждый из двенадцати учеников Христа был послан им для проповеди своего учения. А «Апостолом» в книжном понимании этого слова. Но и в этом случае «Апостол» звучит как «ревностный последователь и проповедник какой-либо идеи, учения. Апостол добра и правды» (Современный толковый словарь русского языка. М., 2004 г.). Но при всём уважении к личности Виктора Семёновича Абакумова, его весьма сложно назвать «Апостолом добра и правды». Его служебная миссия была всегда далека от этих нравственных понятий…

Глава 4
МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕГО ДЕЛА

Последняя должность

Ольга Константиновна Чехова была задержана сотрудниками контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта 27 апреля 1945 года, когда в Берлине еще шли бои. Первым ее допросил полковник Шкурин. Только потом из Познани ее доставили на военном самолете в Москву. В столице она содержалась инкогнито на квартире, хозяйкой которой была жена пропавшего без вести офицера. Специально для нее были обставлены две комнаты. Сама хозяйка с детьми ютилась на кухне. Ольге Константиновне офицеры СМЕРШа в штатском приносят книги, играют с ней в шахматы, ежедневно привозят продукты. Звонки, встречи с родственниками и знакомыми категорически запрещены. Время от времени ее везут на допросы. С ней вежливо беседуют в скромно обставленной комнате несколько офицеров. Беседуют о литературе, музыке, театре, кино… О личных контактах с Гитлером, самым близким его окружением: «Делал ли какие-то заметки Геббельс во время театральных репетиций, диктовал ли свои законы кинематографу, с каких пор наметилось соперничество между Герингом и Геббельсом в культурной жизни Берлина, каково личное впечатление от Гитлера, Геринга, Геббельса и Муссолини, что известно о Бормане.

Из справки 4-го отдела ГУ КР СМЕРШ:

«Будучи в Москве, Чехова подробно опрашивалась о ее связях с фашистскими руководителями Германии. В своем объяснении Чехова подтвердила, что неоднократно бывала в качестве гостьи на приемах в министерстве пропаганды Германии и встречалась с Гитлером, Геббельсом, Герингом, Риббентропом и другими.

Однако, как указывала Чехова, приемы носили только официальный характер, на них бывали дипломаты, ученые, литераторы, актеры. Чехова объяснила, что в Германии многие из зависти к ней как знаменитости, или из желания скомпрометировать ее в глазах русских могут сделать заявление о наличии у нее близких отношений с Гитлером или кем-либо другим из его окружения, однако таких связей у нее с этими лицами не было.

Оперативному работнику СМЕРШа, проживавшему вместе с Чеховой в квартире под видом сотрудницы «Интуриста», Чехова также заявила, что в Германии ее будут стараться оклеветать».

Беседовал со знаменитостью, конечно же, и сам генерал-полковник Абакумов. Как легко выяснят контрразведчики, актриса вела дневник на немецком языке, который тщательно прятала в комнате. Его, естественно, изъяли и просмотрели, но

ничего серьезного не нашли. В дневнике Чехова записывала свои впечатления от пребывания в Москве:

«С 1-го мая я нахожусь в запертой комнате. Для чего? Я кажусь игрушкой, которую нашли на дороге и подобрали, но никто не знает, что с ней теперь делать. Играть нет времени, но бросить не хочется. Неутешителен вид из окна на фабрику с разбитыми стеклами. За что я страдаю?»

На следующий день:

«Сегодня ночью я должна, наконец, ехать в третий раз к генерал-полковнику «Х». У меня такое впечатление, что он не знает, что со мной делать. Меня доставили сюда по политическим «подозрениям». Я в этом уверена. Как это комично!»

Через два дня: «В два часа ночи была у генерал-полковника. В три часа ночи поехали по тихой Москве и направились за город… Сказочно красиво. Сообщили также, что мне неоднократно делали пластические операции, а я это скрываю. Зачем ведутся эти интриги?»

«Меня здесь балуют и выполняют все мои желания. Прислали лучшего парикмахера, вино, продукты: икру, лимоны… Достаточно было одного моего намека, что Оля, оставшаяся в Берлине, может быть нуждается в продуктах, как это уже урегулировали. У меня есть радиоприемник, цветы, духи, лучшие книги».

Кто знает, что испытывал великий поклонник женщин Виктор Семенович, встречаясь с Чеховой? Кто знает, что могло произойти между ними во время редких встреч? Но то, что у них сложились какие-то особые отношения, — факт бесспорный.

«Ее здесь называют женщиной, которая изобрела вечную молодость», — напишет в октябре 1949 года Ада Книпер «тете Оле». И там же: «… красива, молода, лет на 35 не больше».

Юная Ольга с детства поражала окружающих красотой, умом и самообладанием…

Она с детства мечтала о карьере актрисы и страстно увлекалась театром.

«Книпперы — обрусевшие немцы, издавна жили в России, — рассказывает Б. Хандрос. — Отец Ольги Константин Леонардович, талантливый инженер, строил Закавказскую железную дорогу, пробивал туннели… У Ольги с детства два родных языка — русский и немецкий. Владела французским и итальянским. Образование — классическое русское. До 17 лет она жила с родителями то на Кавказе, то в Петрограде. В канун Первой мировой войны ее направили в Москву к любимой «тете Оле». Там и увидел юную красавицу Михаил Чехов, племянник писателя (потом его назовут «вторым гением в семье Чеховых»),

тогда актер знаменитого Художественного театра. Вспыхнувший роман развивался бурно и вскоре завершился тайным венчанием молодых в деревенской церквушке под Москвой. Это вызвало шок у всей родни. Недосмотревшая за племянницей Ольга Леонардовна тут же примчалась к молодоженам и «с истерикой и обмороками на лестнице перед дверью квартиры требовала, чтобы Оля сейчас же вернулась к ней». Но увещевания, слезы родителей не помогли…

Свое первое замужество, которое оказалось недолгим и не очень счастливым, Ольга Чехова назовет «сумасбродством, за которое впоследствии пришлось долго расплачиваться». Однако именно оно, введя ее в мир Художественного театра, в круг друзей Михаила, подарив ей дочь, наконец, наградив звонкой фамилией, во многом определило ее дальнейшую жизнь. Последовала череда мимолетных увлечений, романов, браков… От Михаила Чехова ушла с неким Фридрихом Яроши, бывшим австро-венгерским военным, красавцем-обольстителем и авантюристом. Вышла за него замуж, и в январе 1921 года уехала с ним в Германию. В Берлине Ольга Константиновна, вскоре расставшись со вторым мужем, начинает с нуля… Настойчивость и целеустремленность, красивое, бесстрастное, непроницаемое лицо, таящее в себе постоянную загадку, редкая трудоспособность… сотворили чудо. В «маленьких театриках» и на большой сцене играла по-немецки русские пьесы. Пришла известность… Но настоящая известность приходит к ней в кино: «Маскарад», «Ханнерль и ее любовник», «Красивые орхидеи». Знаменитый в свое время фильм «Мулен Руж» (1929 год) с Ольгой Чеховой в главной роли обошел экраны мира.

Слава, баснословные гонорары… В Голливуде ее наперебой приглашают такие знаменитости, как Дуглас, Фербэнкс, Гарольд Ллойд, Адольф Манжу. С Чарли Чаплиным она грызла семечки. Король смеха, выплевывая шелуху, лукаво спрашивал: «Так будет по-русски?»

В 1936 году Ольга в третий раз становится под венец. Жених — бельгиец, миллионер. В том же году на экраны Европы выходит фильм «Бург-театр»… Снова развод. Ольга Чехова, свободная и независимая, опять в Берлине. Ее обожает Гитлер, недолюбливает Геббельс. Но это неважно. Ведь она под покровительством самого фюрера».

В годы войны королева нацистского рейха становится женой, а потом вдовой известного летчика-аса. Но и это не конец личной жизни: «Любопытный документ, подписанный начальником Четвертого отдела главного управления СМЕРШа, проливает свет на ее личную жизнь. «О.К. Чехова в настоящее время в Берлине,

Фридрисхаген. С ней проживает… некто Зумзер Альберт Германович, 1913 года, немец, преподаватель физкультурной академии в Берлине, чемпион по легкой атлетике. Живет у Чеховой О.К. и находится с ней в близких отношениях». «Чемпион по легкой атлетике» моложе Ольги на 16 лет. По хозяйству «молодоженам» помогает домработница. Документ датирован ноябрем 1945 года. Из других документов и докладных записок следует, что о быте Ольги Чеховой заботится лично начальник СМЕРШа генерал Абакумов. По его распоряжению сверхсекретному агенту помогают с продовольствием, бензином, строительными материалами для ремонта дома, куда была выставлена охрана из трех человек. Сохранилось письмо Ольги Чеховой на имя Абакумова, где она называет его «дорогой Виктор Семенович» и спрашивает: «Когда встретимся?»».

Продержав Чехову на московской квартире два месяца, ее отправили обратно в Берлин.

По воспоминаниям генерала госбезопасности П. Судоплатова, ее передали непосредственно на связь Абакумову, с которым она поддерживала личную переписку, находясь в Германии, вплоть до его ареста в июле 1951 года.

«Сохранился документ, — пишет Ольга Егорова в статье «Русская прима нацистского кино», — на котором 22 ноября 1945 года Берия напишет: «т. Абакумов, что предлагается делать в отношении Чеховой?» В ответ контрразведка берет на себя заботу о продовольственных товарах для семьи Чеховой, о бензине для ее автомобиля, о строительных материалах для ремонта нового дома, «об охране членов семьи и вооруженном сопровождении» в многочисленных поездках. Ольге разрешали ездить повсюду — в американскую зону, в Австрию, на гастроли, на съемки. Работала она по-прежнему много, достигнув своей «довоенной нормы» — семь фильмов в год».

В 1980 году Ольга Константиновна ушла из жизни в возрасте 83 лет. Ее сразил рак мозга…

«Каких-либо сведений о том, что Ольга Чехова является агентом НКВД, не обнаружено», — ответит на запрос ее племянника руководитель пресс-центра Службы внешней разведки России Ю. Г. Кабал адзе.

«Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была близка к Радзивиллу и Герингу и через родню в Закавказье связана с Берией. Позднее она была на личной связи в 1946–1950 годах у сменившего Берию министра госбезопасности Абакумова», — напишет в своих мемуарах генерал П. Судоплатов.

Это свидетельство объясняет многое. А еще было открытие

салона, со временем фирмы «Косметика Ольги Чеховой», и беспрепятственный переезд в западный Мюнхен…

Но все же главным событием той эпохи, в том числе и для Абакумова, стало окончание Великой Отечественной войны…

Победители в 1945-м начинали возвращаться домой, и, как рассказывает Е. Жирнов, «после возвращения на родину освободители Европы вели себя по отношению к соотечественникам лишь немногим лучше, чем к населению побежденной Германии». Сначала, правда, речь шла лишь о тех гражданах СССР, которые стали таковыми лишь перед войной, — жителях Западной Украины, Молдавии и Прибалтики.

«Из Закарпатской Украины, — говорилось в сообщении в Москву наркома внутренних дел Украины Василия Рясного, — конным порядком в район Станислава двигался кавалерийский корпус генерал-майора Баранова. В ночь на 4 октября военнослужащие при продвижении через Тячевский округ в селах, лежавших на пути, учинили массовый грабеж местного населения. В селе Дубовое ограблению подверглось 197 хозяйств. Представителями Народной Рады Закарпатской Украины учтены следующие предметы, изъятые у крестьян: овец 55, кур 66, кукурузы 26 центнеров, фруктов 11 центнеров. Кроме этого, изъято большое количество одеял, подушек, мужской и женской одежды и белья, а также деньги»…

В докладе и справках, отправленных осенью 1945 года уполномоченным НКВД-НКГБ СССР по Литве Ткаченко, говорилось: «Значительная часть офицерского, сержантского и рядового состава почти во всех частях округа систематически пьянствует, грабит и убивает граждан, обворовывает квартиры и хозяйства, творит другие бесчинства над населением, в массовом порядке нарушает революционную законность…»

«За последнее время, — докладывал в Москву начальник УНКВД Хабаровского края Долгих, — в ряде городов Хабаровского края, особенно в Хабаровске и Благовещенске, значительно усилились хулиганские, а в ряде случаев бандитские, проявления со стороны военнослужащих. Возвращающиеся части из Маньчжурии ведут себя крайне развязно, пьянствуют, занимаются хулиганством, бесцельной стрельбой, а в ряде случаев явным бандитизмом. Только за последние два с половиной месяца по краю зарегистрировано более 160 случаев бандитских, хулиганских и других проявлений, в том числе вооруженных налетов и грабежей 21, попыток к изнасилованию 6, 75 хулиганских проявлений и др. В результате бандитских и хулиганских проявлений убито граждан 15 человек, ранено 50.

В г. Благовещенске в ночное время опасно ходить из-за систематической бесцельной стрельбы. 10. X с.г. случайной пулей убит командир МПВО, 11 сентября в поселке завода Горького двое военнослужащих при попытке изнасилования избили двух девушек — работниц завода, а затем, раздев их, скрылись. 12 сентября там же группа военнослужащих ворвалась в квартиру рабочего завода Мишина и изнасиловала его жену, а Мишина предупредили их не трогать, угрожая автоматом. В эту же ночь в том же районе группа пьяных офицеров изнасиловала граждан Симонову и Ковалеву — работниц завода…»

Военные считали причиной грабежей нервное состояние солдат после боев… От расстройства нервной системы спасались водкой. И пьянка, судя по сводкам с мест, была одной из реальных причин преступлений солдат и офицеров. В докладе из Литвы был и такой пример: «21 сентября с.г. в г. Укмерге, пьяный патрульный, рядовой 241 минометного полка Зыков, застрелил из автомата зам. нач. СМЕРШ НКВД Литовской ССР майора Латышева и мл. лейтенанта этого же полка Ермолина…

Целью огромного количества преступлений чаще всего оказывалось спиртное. Большинство военных эшелонов двигалось от одного вокзального грабежа до другого…»

Не лучше складывалась картина и в Советской зоне оккупации Германии. По мнению Е. Жирнова, «в Германии за счет побежденных не обогащались только самые принципиальные и ленивые. Все остальные активно пополняли личные материальные и продовольственные резервы перед неизбежной встречей с родиной, где в промтоварных магазинах наблюдалась либо обычная пустота, либо невероятно высокие цены, если магазин входил в сеть коммерческой торговли. А продукты в условиях неурожая и, если говорить без обиняков, очередного голода добывались даже по карточкам.

Несколько удивляло лишь то, что подобный всплеск не пресекли. В составе советской военной администрации состояло весьма значительное количество сотрудников госбезопасности, обязанных в числе прочего обеспечивать порядок в оккупационной зоне и контролировать деятельность немецкой полиции. В каждой федеральной земле действовал оперативный сектор НКВД, которому подчинялись опергруппы в городах и уездах. При этом чекистским обеспечением воинских частей занималось немалое число офицеров военной контрразведки СМЕРШ. Если прибавить к этому пограничные полки НКВД, которые ипользовались для охраны различных советских объектов, в том числе спецлагерей, где содержались задержанные нацисты, а кроме того, участвовали в операциях, проводимых

опергруппами НКВД, получалась весьма значительная группировка, способная подавить любые отрицательные явления если не с помощью чекистских приемов, то силовым путем. А во главе чекистской группировки стоял заместитель наркома внутренних дел генерал-полковник Иван Серов, известный своей крайней решительностью.

Однако цифры свидетельствовали о том, что преступники в большинстве случаев оставались безнаказанными. К примеру, 27 февраля 1946 года начальник опергруппы по Лейпцигскому округу подполковник П. Коломейцев докладывал начальнику оперсектора по федеральной земле Саксония генерал-майору С. Клепову:

«За последнее время по Лейпцигскому округу как со стороны уголовно-преступного элемента из числа немцев, а также и со стороны военнослужащих Красной Армии участились случаи грабежей, мародерства, убийств гражданского населения. Если в январе месяце с.г. имело место: случаев грабежа — 16, мародерства — 28, убийств не было, то в феврале с.г. процент этих проявлений значительно возрос: случаев убийств — 11, грабежа — 83, мародерства— 131. Преступления, учиненные военнослужащими Красной Армии: убито — 5 чел., случаев грабежа — 3, мародерства — 53; преступления, учиненные преступным элементом из числа немцев: убито — 6 чел., случаев грабежа — 80, мародерства — 78».

Подобное распределение выглядело весьма условным, ведь в том же докладе Коломейцева отмечалось, что виновные не установлены и не найдены.

Например, вот какую историю поведал Е. Жирнову бывший помощник Берлинского гарнизона Владимир Шафир: «…летом 1945 года он расследовал случай с разграблением небольшого немецкого частного банка в районе аэродрома Темпельхофф. Банк находился под охраной советской комендатуры, и потому получить список похищенного не составило труда. Пропало самое ценное — два ящика с пятью сотнями золотых швейцарских часов. Больше всех расстраивался из-за пропажи комендант района.

«Комендант суетился, — вспоминал Шафир, — подсказывал нам все новые версии, называл имена подозреваемых. Мотивы такого поведения были не очень понятны, и у нас возникли подозрения. В разгар следствия мы узнаем, что наш «добровольный помощник» получил отпуск и выезжает в Союз. Это насторожило еще больше. Мы собрали о нем данные и установили факты разбазаривания и присвоения трофейного имущества. Проводить обыск в его квартире было бессмысленно: человек он был неглупый и наверняка надежно спрятал часы.

Когда нам стал известен день его отлета — а улетал он с аэродрома в своем районе Темпельхофф, — мы поняли, что ценности в Берлине он не оставит и брать его надо в момент посадки в самолет. Организовали засаду на летном поле. Он подошел к самолету; солдаты комендатуры несли многочисленные чемоданы — все погрузили, но что-то нас остановило в этот момент. Интуиция подсказывала, что главного груза у него еще нет. Самолет запустил двигатели, получил команду на взлет, и вдруг из какого-то окопчика выскочил красноармеец с чемоданом, подбежал к открытой двери и протянул эту поклажу полковнику. В этот момент мы коменданта и взяли. В чемодане оказались золотые часы. Но развития дело не получило. Полковник до назначения комендантом был командиром боевого полка, всю войну на передовой, много раз награжден орденами, и командование решило не предавать его суду»».

Продолжая эту тему, Е. Жирнов констатирует: «…как показывают архивные документы, офицеров оккупационных советских войск и советской военной администрации в Германии (СВАГ) не отдавали под суд за злоупотребления не только из-за былых воинских заслуг. Если бы всех, кто нарушал правила сбора, хранения и использования трофеев, судили, войска и комендатуры в советской зоне оккупации могли остаться без комсостава.

К присвоению ценностей и продуктов младших офицеров подталкивало бедственное положение, в которое их поставили собственное командование и родная страна. За паек на одного человека, к примеру, из офицерской зарплаты высчитывали 570 марок, в то время как тот же набор продуктов для немцев стоил 60–70 марок. Так что капиталистического жалованья хватало лишь на три пайка.

И отцы многодетных семейств были вынуждены или голодать, или изыскивать пути самоснабжения продуктами. Самым невинным из них были челночные поездки в Польшу, где сало продавали гораздо дешевле, чем в Германии. Этим салом кормились, его продавали немцам или обменивали на другие продукты. А те, кому пропуск в Польшу оформить не удавалось, вынуждены были использовать в качестве валюты армейское имущество и трофейные ценности. Точнее, ту его часть, которую еще не приватизировало начальство».

Сам Виктор Семенович 27 сентября 1945 года подписал следующий приказ за № 00 170, в котором говорилось: «Главное Управление СМЕРШ располагает данными о том, что некоторые органы контрразведки имеют значительное количество

неположенного по штату автотранспорта и разного трофейного имущества.

Это имущество на учет органами СМЕРШ не взято, что порождает антигосударственное отношение к его расходованию и хранению, а также создает условия для злоупотреблений.

В целях наведения порядка в хранении, учете и использовании имущества, находящегося в органах СМЕРШ, приказываю:

Немедленно произвести тщательную документальную ревизию всего имущества, находящегося в органах СМЕРШ, составить на все имущество подробные описи, которые представить в Главное Управление СМЕРШ, все имущество опечатать и запретить его использование до получения указаний из Главного Управления СМЕРШ.

Начальники органов СМЕРШ, у которых после ревизии будет обнаружено имущество, не числящееся на учете или расходуемое не по назначению, будут отданы под суд военного трибунала, невзирая на занимаемые положения.

Абакумов».

Документ интересен, если бы не одно «но»… Как пишет А. Тепляков, «будучи с 1944 г. начальником управления контрразведки СМЕРШ Первого Белорусского фронта, А.А. Вадис тогда же создал при управлении «нелегальный склад трофейного имущества», из которого делал подарки заместителям начальника УКР СМЕРШ В.С. Абакумова Н.Н. Селивановскому, И. И. Врадию и другим высокопоставленным чекистам. А самому В.С. Абакумову в 1945 г., будучи в Москве, Вадис отправил на квартиру «чемодан с дорогостоящими вещами». Не забывал и себя — ценное имущество отправлял семье служебным самолетом из Германии в Москву, и супруга Вадиса им спекулировала; сам же из Берлина вывез вагон мебели и прочих вещей, а также легковой автомобиль. Затем Вадис привез в Москву массу «трофеев», приобретенных во время работы в Маньчжурии (меха, шелковые и шерстяные ткани, и пр.), где в 1945 г. служил начальником УКР СМЕРШ Забайкальского фронта. Опять-таки Абакумову в конце 1945 г. достались от Вадиса многие ценные вещи, включая сервизы из 120 предметов и шахматы из слоновой кости. Впоследствии Вадис дорос до заместителя МГБ УССР, но в январе 1952 г. был исключен из партии за то, что не обеспечил мер по ликвидации оуновского подполья, неумеренное пьянство и излишнюю любовь к трофеям.

Начальник ОКР СМЕРШ 5-й Ударной армии Н. М. Карпенко в 1945 г. реквизировал «большое количество ценностей и валюты, изъятых в отделении Рейхсбанка в Берлине», из которых часть

присвоил, а некоторые ценности (платина, золото, серебро, драгоценные камни) незаконно раздал своим подчиненным и другим лицам. Тот же Вадис получил от Карпенко 40–50 золотых часов, из которых себе взял две пары, а остальные раздал руководящим работникам НКГБ. Работая с 1947 г. начальником УМГБ по Алтайскому краю, генерал-майор Карпенко был в декабре 1951 г. арестован за мародерство в оккупированной Германии; при обыске у него нашли четыре золотых портсигара, 30 золотых часов и много других дорогих ювелирных изделий. Осужденный за «злоупотребление служебным положением, хищение государственного имущества и ложный донос» на 10 лет заключения, Карпенко был досрочно освобожден в ноябре 1958 г. как инвалид. Среди арестованных абакумовцев оказались затем осужденный начальник отдела «Д» МГБ СССР полковник А. М. Палкин, получивший в октябре 1952 г. 15 лет лагерей за хищения и досрочно освобожденный в 1956 г., а также полковник П. С. Ильяшенко, работавший заместителем начальника одного из отделов МГБ СССР и в феврале 1953 г. за «хищения социалистической собственности» осужденный на 10 лет заключения. Другие коррупционеры отделались намного легче. Начальник управления контрразведки Центральной группы войск генерал-лейтенант М. И. Белкин во второй половине 40-х годов создал «черную кассу» и занимался спекуляцией. В октябре 1951 г. он был арестован в связи с разгромом окружения Абакумова и в 1953 г. освобожден. Однако из «органов» Белкин затем оказался уволен «по фактам дискредитации».

Одновременно с Белкиным за хищения в Германии был арестован генерал-лейтенант П. В. Зеленин, в 1945–1947 гг. работавший начальником У КР СМЕРШ — У КР МГБ в Группе советских войск в Германии. В 1953 г. он был амнистирован, однако затем лишен генеральского звания по фактам дискредитации. А бывший Уполномоченный МГБ в Германии генерал-лейтенант Н. К. Ковальчук, повышенный до министра госбезопасности Украины, избежал репрессий, хотя в 1952 г. А.А. Вадис подал заявление руководству МГБ о том, что Ковальчук «привез с фронта два пульмановских вагона трофейных вещей и ценностей»; впрочем генерал-лейтенанта в 1954 г. лишили звания по фактам дискредитации». Но это действительно будет потом…

А пока Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля Народный Комиссариат обороны СССР был преобразован в Народный комиссариат Вооруженных Сил СССР, а 15 марта в Министерство Вооруженных Сил СССР. Буквально через сорок дней, 27 апреля 1946 года, В.С. Абакумова утвердили в должности начальника Главного управления контрразведки

СМЕРШ Министерства Вооруженных Сил СССР.

Как свидетельствовал П. А. Судоплатов, «после окончания войны на первый план выдвигалась проблема реорганизации Вооруженных сил. Вслед за этим Сталин предложил Политбюро рассмотреть деятельность органов госбезопасности и поставить перед ними новые задачи. Позднее Мамулов и Людвигов рассказали мне, что от Меркулова потребовали представить на Политбюро план реорганизации Министерства госбезопасности. На заседании Берия, по их словам, обрушился на Меркулова за неспособность определить направления в работе контрразведки в послевоенное время. К нему присоединился и Сталин, обвинив Меркулова в полной некомпетентности».

На этом совещании Сталин спросил присутствующих:

— Почему начальник военной контрразведки не может быть одновременно заместителем министра госбезопасности?

Дело в том, что в связи с реорганизацией Вооруженных Сил военная контрразведка СМЕРШ из Министерства ВС СССР переходила в состав Министерства госбезопасности.

— Товарищ Сталин, — отчеканил Меркулов, — считаю, что товарищ Абакумов должен быть назначен первым заместителем министра государственной безопасности.

И тут возникла некоторая пауза, после которой вождь саркастически заметил:

— Вот товарищ Меркулов даже на Политбюро ведет себя как двурушник. Думаю, что его необходимо заменить на посту министра госбезопасности, как несправившегося на этой должности.

В своих мемуарах П. А. Судоплатов прокомментировал это так:

«Похоже, Меркулов совершил ошибку, так легко согласившись с предложением Сталина, но на самом деле Сталин просто искал подходящий предлог, чтобы его убрать. У Сталина уже была готова и кандидатура — Огольцов, честный человек, но провинциал, никогда не работавший в Центре».

Сергей Иванович Огольцов уже в восемнадцать лет работал следователем в уездной ЧК. В 1942 г. в сорок два года возглавил Управление НКВД Куйбышевской области, в 1943 г. стал начальником Управления НКГБ этой же области, а в 1944 г. стал наркомом госбезопасности Казахской ССР. В 1945 г. его назначили заместителем Наркома госбезопасности СССР.

Когда Сталин предложил ему должность министра, Огольцов испугался не на шутку и стал умолять вождя не назначать его на этот ответственный пост. На Политбюро он заявил следующее:

— Как честный коммунист, я совершенно не подхожу для

такого высокого поста, поскольку у меня недостает для столь ответственной работы необходимых знаний и опыта.

— Что ж, если товарищ Огольцов отказывается, мы не будем его заставлять, — ответил Сталин.

— Тогда я предлагаю назначить министром госбезопасности товарища Абакумова.

И это предложение, по свидетельству Судоплатова, «горячо поддержал» А.А. Жданов.

А 4 мая 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР В.С. Абакумова назначили министром. Собственно, должность министра стала последней и трагической в короткой жизни Виктора Семеновича.

Всесильное ведомство МГБ

Как пишет Е. Жирнов, «почувствовав благоволение вождя, Абакумов решил, что теперь можно все. Свидетельствуют ветераны: «Виктор Семенович вел себя так, будто схватил бога за бороду. Обедать демонстративно ходил в «Арагви», а если был загружен, охрана привозила ему оттуда шашлыки. Цеплял на улице симпатичных девиц и вел их в гостиницу «Москва», в койку. Не отказывался, когда ему дарили трофейные вещи».

Все это так, но было и другое…

В. М. Молотов вспоминал, как в дни Потсдамской конференции к Иосифу Виссарионовичу Сталину пришли несколько летчиков и без хитрости рассказали о том, что в ВВС начались катастрофы. Так родилось соответствующее решение: «Расследовать!» Одним из летчиков был сын вождя — Василий. Кстати сказать, именно после этой встречи отца с сыном начальник охраны Сталина генерал Власик позвонил в Москву начальнику штаба ВВС Фалалееву и фактически приказал:

— Василий помирился с отцом. Срочно представляйте его к званию генерала.

— Звание присуждают за заслуги, — ответил тот. — И вообще, без командующего я этот вопрос решить не могу.

Потом был и другой звонок…

Незадолго до нового, 1946 года командующему ВВС Красной Армии, Главному маршалу авиации А.А. Новикову принесли на подпись представление на гвардии полковника В. И. Сталина к званию генерала.

Командующий, немного подумав, все-таки бумагу не подписал. А под Новый год на квартире маршала раздался звонок телефона «ВЧ». Звонил отец Василия, который в напряженном разговоре прямо спросил Новикова:

— А как вы, товарищ Новиков, смотрите на то, чтобы Василию Сталину присвоить звание генерала?

Маршал стал говорить, что Василий Иосифович очень молод, что ему не хватает образования, что надо бы ему подучиться, поступить в Военно-воздушную академию. Сталин выслушал все аргументы своего заместителя по авиации и фактически закончил разговор:

— Представление к званию писать не надо. Подавайте общим списком, — и положил трубку.

Уже утром, толком не выспавшись, Новиков позвонил Жукову в Германию:

— Что делать, Георгий Константинович?

— Что ты, Саша, можешь сделать? Это же приказ! — выругавшись, ответил полководец.

Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 1 марта 1946 г. Василию Иосифовичу Сталину было присвоено воинское звание генерал-майора авиации, а 24 марта ему исполнилось 25 лет.

Буквально накануне дня рождения сына вождя Абакумов направил в адрес Сталина спецсообщение, в котором говорилось:

«21 марта 1946 г. Совершенно секретно.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

При этом представляю рапорт сотрудника Главного Управления СМЕРШ подполковника ЕЛИСЕЕВА…

Совершенно секретно.

Товарищу АБАКУМОВУ

Рапорт

Считаю необходимым доложить Вам о большой растерянности начальника Главного Управления Заказов Военно-Воздушных Сил генерал-лейтенанта инженерно-авиационной службы СЕЛЕЗНЕВА в связи с проверкой его работы.

19 марта с.г., когда я по делам службы был в центральном аппарате Военно-Воздушных Сил, меня встретил СЕЛЕЗНЕВ и высказал опасение, что ему придется серьезно отвечать за приемку непригодных самолетов. СЕЛЕЗНЕВ сообщил, что 19 марта с.г. он присутствовал на совещании у маршала ВАСИЛЕВСКОГО, где главный маршал авиации НОВИКОВ провалился с отчетом о работе ВВС, так как не принимал мер и не докладывал правительству о серьезных недочетах в работе Военно-Воздушных Сил. После этого совещания, сказал СЕЛЕЗНЕВ, я совсем растерялся и не знаю, как отчитаюсь за приемку недоброкачественных самолетов.

СЕЛЕЗНЕВ рассказал:

«Мы принимали недовведенные серийные машины. Я, как начальник Главного Управления Заказов, ничего не мог сделать, чтобы улучшить их качество, ибо этот вопрос целиком зависел от Министерства авиационной промышленности.

Научно-исследовательский институт Военно-воздушных Сил давал необъективные заключения по испытанию самолетов, выпускаемых авиационной промышленностью. В отчетах института указывалось, что самолеты имеют такие-то летно-тактические преимущества, и в то же время перечислялось много

конструктивных дефектов в машине.

Пользуясь такими заключениями научно-исследовательского института, Министерство авиационной промышленности протаскивало свои машины буквально в недоработанном виде, и они запускались в серийное производство.

Последующая стадия приемки от промышленности самолетов оказывалась наиболее трудной.

Я не принимал недоработанные машины и ставил об этом в известность командующего Военно-воздушных сил Главного маршала авиации НОВИКОВА и Военный Совет, но Министерство авиационной промышленности договаривалось непосредственно с НОВИКОВЫМ, ВОРОЖЕЙКИНЫМ, ШИМАНОВЫМ и РЕПИНЫМ, после чего Главное Управление заказов получало указания принимать самолеты, т. е. приходилось соглашаться с Министерством авиационной промышленности.

Нашу работу усложняло и то, что Министерство авиационной промышленности очень часто самостоятельно, без ведома ВВС, выпускало самолеты, даже не прошедшие испытания в Научноисследовательском институте ВВС.

Так было с самолетами «Як-9у», которые были запущены в производство без ведома ВВС. У этих машин была масса дефектов, и они оказались совершенно непригодными.

Министерство авиационной промышленности изготовило около 900 самолетов «Як-9у», оказавшихся настолько плохими, что их сейчас нельзя использовать. В связи с этим Министерство Авиационной Промышленности списало 800 самолетов «Як-9у», и их сейчас разбирают на запасные части. Я же принял от авиационной промышленности 90 таких самолетов и не знаю, что с ними делать, так как их нельзя давать в части».

Далее СЕЛЕЗНЕВ особенно возмущался поведением главного конструктора Министерства авиационной промышленности ЯКОВЛЕВА, сказав, что у ВВС нет перспектив на получение от авиационной промышленности хороших истребителей конструкции ЯКОВЛЕВА, так как задел даже деревянных машин «Як-3» не являлся гарантийным, ибо самолеты эти делаются по недовведенному образцу.

Касаясь ЯКОВЛЕВА, генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы СЕЛЕЗНЕВ заявил:

«Меня крайне интересует, как выйдет из этого положения ЯКОВЛЕВ, ибо все конструкции его истребителей сырые, недовведенные и с большим количеством дефектов.

Используя свое положение, ЯКОВЛЕВ любую свою машину, независимо от ВВС, протаскивал и ставил в серийное производство.

В результате этого самолеты «Як-9у» оказались негодными, а самолеты «Як-3» с деревянным крылом ненадежными, и летчики их боятся.

Зная, что его самолеты плохого качества, ЯКОВЛЕВ все же настаивал перед ВВС об их приемке, используя для этого свой авторитет.

В Министерстве авиационной промышленности ЯКОВЛЕВ прибрал к своим рукам все конструкторские силы, но ничего не дал и вряд ли даст.

Между тем состояние истребительного парка Военно-воздушных сил во многом зависит от ЯКОВЛЕВА, и если сейчас для него все это пройдет безнаказанно, то этому придется просто удивляться.

Получается так, что ЯКОВЛЕВ один вершит судьбою истребительной авиации и проводит те мероприятия, которые его устраивают».

Пом. нач. отд-ния 1-го отдела Гл. управления СМЕРШ

подполковник ЕЛИСЕЕВ

20 марта 1946 года».

Обычно после драки кулаками не машут, война закончилась Победой, однако жизнь продолжалась, в том числе и в органах государственной безопасности.

Как пишет Николай Смирнов, после окончания войны «наметилась тенденция, согласно которой стали выявляться «преступные группы», возглавляемые руководителями целых отраслей промышленности, целых видов Вооруженных Сил страны. Такой оказалась группа во главе с наркомом авиационной промышленности Героем Социалистического Труда генерал-полковником инженерно-авиационной службы Шахуриным Алексеем Ивановичем. В эту группу входили: главнокомандующий Военно-Воздушными Силами Советской Армии, дважды Герой Советского Союза Главный маршал авиации Новиков Александр Александрович, заместитель главнокомандующего и главный инженер ВВС Советской Армии генерал-полковник инженерно-авиационной службы Репин Александр Константинович, начальник Главного управления заказов технического снабжения ВВС Советской Армии генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы Селезнев Николай Павлович, член Военного совета ВВС Советской Армии генерал-полковник авиации Шиманов Николай Сергеевич, заведующие

авиационными отделами Управления кадров ЦК ВКП(б) Будников Александр Викторович и Григорьян Гамлет Мкртычевич».

Все они были арестованы в марте — апреле 1946 года, а уже 8 мая 1946 года пятитомное дело поступило председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР.

«Военная коллегия признала, что в системе Наркомата авиационной промышленности и Военно-Воздушных Сил Советской Армии существовала антигосударственная практика, приводившая к тому, что на протяжении войны и в послевоенный период народным комиссариатом авиационной промышленности выпускались бракованные самолеты и авиамоторы, которые затем «преступным путем протаскивались на вооружение авиационных частей»».

Основными виновниками были признаны семь человек. Шахурин получил наказание в виде 7 лет лишения свободы. Будников и Григорьян как пособники — по два года, Репина приговорили к 6 годам, Новикова на 5 лет, Шиманова на 4 года и Селезнева на 3.

Позже пострадал и первый заместитель главнокомандующего ВВС маршал авиации Ворожейкин Григорий Алексеевич. Сначала его просто освободили от должности и назначили командующим 1 — й воздушной армией. В 1947 году его уволили в отставку, а 11 апреля 1948 года арестовали «за антисоветскую деятельность». Кроме «вражеских измышлений в отношении вождя советского народа», клеветы на важнейшие мероприятия партии и правительства, восхваления буржуазных порядков, Григорию Алексеевичу вспомнили и приемку на вооружение авиачастей дефектных самолетов, вследствие чего понижалась боеспособность советской авиации и происходило большое количество катастроф. Военная коллегия приговорила маршала авиации к 8 годам тюремного заключения.

А вот авиаконструктор Яковлев ни в коем случае не пострадал. Видимо, не до него было…

Любопытно, что на допросах у следователя Лихачева и у начальника СМЕРШ Абакумова из Новикова потихоньку вытягивали факты его взаимоотношений с Жуковым. «Авиадело» как бы отходило в сторону.

Позднее А.А. Новиков записал: «Арестовали по делу ВВС, а допрашивают о другом». И вот еще одна запись: «Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путем создания ложных показаний. Это мне стало ясно гораздо позднее. Вопросы о состоянии ВВС были только ширмой».

В 1953 году полковник Лихачев показал:

— Следствие по делу Шахурина, Новикова, Шиманова и других велось специально созданной следственной группой. Все арестованные ежедневно допрашивались с короткими перерывами до 5–6 часов утра.

— Им не представлялось времени для сна? — спросили его.

— Да, фактически так и было, но такова была введенная Абакумовым система следственной работы СМЕРШ, причем протоколы допросов арестованных по этому делу не составлялись. Я составлял обобщенные протоколы в отсутствие арестованных по своим заметкам.

— Протоколы допросов составлялись по каким-то шпаргалкам?

— Существовал порочный стиль и метод следствия.

На очной ставке с этим полковником А.А. Новиков сообщил: «Когда Лихачев ввел меня в кабинет Абакумова, последний впервые заговорил со мной на человеческом языке, предложил мне сесть за приставной столик и сказал, что я должен буду подписать составленное от моего имени заявление в адрес И. В. Сталина. Абакумов взял со стола отпечатанные листы с текстом этого «заявления» и передал их Лихачеву, который стоял справа от меня, а сам вышел.

Лихачев давал мне на подпись по одному листу.

Когда это сфабрикованное от моего имени «заявление» было мною подписано, через какое-то время Лихачев вновь вызвал меня и дал мне печатный текст «заявления» с требованием переписать его от руки — в его присутствии».

Именно это «заявление» было рассмотрено Высшим военным советом 1 июня 1946 года, а уже 3-го числа Совет Министров СССР принимает решение об освобождении маршала Советского Союза Г. К. Жукова от должности Главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил СССР. Начинается его известная всем опала и начинаются аресты тех, кто был близок Жукову. Об этом я писал. Писали и другие. Но мне хотелось лишь только напомнить два эпизода.

Когда в январе 1948 года арестовали генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина, то Абакумов лично пригрозил ему расправой в случае, если он не подпишет предъявленных ему обвинений. После отказа Виктор Семенович без помощи подручных выбил ему передние зубы, а потом дважды каблуками наступал на пах. И в дальнейшем заслуженного генерала избивали резиновой дубинкой по два раза в день, вырывая на теле куски мяса. Избивали до тех пор, пока он не подписал.

18 сентября 1948 года был арестован генерал-лейтенант В. В. Крюков, заместитель командира 36-го стрелкового корпуса.

Сначала его вызвал заместитель начальника следственной части полковник Лихачев и предупредил:

— Помни, что ты теперь уже не генерал, а арестант, и разговоры с тобой будут коротки. Если ты вздумаешь запираться в своих показаниях, будем бить тебя, как «Сидорову козу».

Владимир Викторович пытался возражать:

— МГБ мне звания не присваивало, и не оно меня будет лишать, а применять избиения к подследственным в Советском Союзе никому не дано права.

— Этот вопрос согласован, где надо, — ответил Лихачев. — Мы самостоятельно не избиваем.

— Но позвольте, я же только пока что подследственный и никем пока не разжалован.

— Иди сюда, — приказал полковник и подвел Крюкова к окну, из которого была видна улица. — Видишь, там народ, вон где подследственные, а ты уже осужден, от нас на свободу возврата нет, дорога только в исправительные лагеря.

Из кабинета Лихачева Крюкова повели в кабинет Абакумова. Виктор Семенович, как всегда, был конкретен:

— Если ты будешь упорствовать, будем тебя бить и искалечим на всю жизнь. Ты меня понял?

— Но позвольте, — пытаясь защищаться, говорил генерал, — как же так, в Советском Союзе не допускаются подобные методы ведения следствия, это напоминает «ежовщину».

— Я тебе покажу «ежовщину», — заорал министр. — Еще раз говорю, не будешь давать показания, искалечим на всю жизнь и все равно добьемся от тебя нужных показаний.

Такой и была кухня в ведомстве Виктора Семеновича, мало чем изменившаяся с тридцатых годов.

«Близость к Сталину изменила и отношение Абакумова к другим руководителям СССР, — считает Е. Жирнов. — Вероятно, и в этом сказались его прямолинейность и простота: есть только вождь и его преданный последователь, а со всеми остальными можно не считаться. И очень скоро министр нажил себе много врагов. Первым был Маленков. Сразу после войны Василий Сталин рассказал отцу, что советская авиапромышленность направляла на фронт не до конца испытанные, а порой и бракованные самолеты. Разобраться в ситуации поручили тогда еще начальнику СМЕРШа Абакумову. Факты частично подтвердились, и некоторые руководители авиапромышленности и ВВС были арестованы. Пострадал и Маленков — его на время сместили с должности секретаря ЦК.

Следующим стал благодетель Абакумова Лаврентий Берия. Абакумов не только перестал прислушиваться к советам маршала,

но и, став министром, в кратчайшие сроки выдавил из МГБ большую часть выдвиженцев Берии, оставив лишь тех, кто беспрекословно подчинялся ему. Берия от злости даже перестал бывать в своем кабинете на Лубянке. Вскоре Абакумов сделал ход, граничащий с аппаратным безумием: его подчиненные фактически завербовали начальника охраны Берии полковника Саркисова, который начал доставлять в МГБ регулярные доклады о любовных похождениях шефа.

Рассказывает бывший заместитель Абакумова: «Время от времени Виктор Семенович звонил мне по бериевским делам: «Что-нибудь есть там от Саркисова?» Брал с удовольствием. Через какое-то время интерес к этим материалам у него пропал. Говорит: «Ты больше не бери у Саркисова это дерьмо». К этому времени сообщений о похождениях Лаврентия Павловича у него накопилось более чем достаточно. Он и пресытился, и увидел, что на этом дерьме легко поскользнуться. В сводках шла речь о женах такого количества высокопоставленных людей, что малейшая утечка этих материалов могла сделать Абакумова врагом не только Берии, но и половины руководителей партии и страны».

Вскоре с той же легкостью Абакумов нажил себе еще одного высокопоставленного врага. Как рассказывал тот же ветеран, как-то Абакумов вызвал его и поинтересовался, «нет ли чего интересного по Молотову». «Вести оперативную работу против членов политбюро, — вспоминал ветеран, — мы не имели ни малейшего права. Но приказ министра есть приказ. Я аккуратно, не произнося прямо фамилий, проинструктировал ребят. Они вспомнили об агентурной информации, положенной в свое время под сукно: кто-то из ближайшего окружения жены Молотова сообщал о ее, мягко говоря, не вполне скромном образе жизни. Полина Семеновна Жемчужина была начальником текстильно-галантерейного главка министерства легкой промышленности. Пока ее супруг надрывался в Совете Министров, Министерстве иностранных дел и Комитете информации, Полина Семеновна переживала третью молодость — уделяла много времени своей внешности, принимала молочные ванны. Довольно свободно вела себя с мужчинами — на улицах, конечно, никого не ловила, но грань дозволенного перешла уже давно.

Абакумов, выслушав эту информацию, поморщился: «Слухи нам ни к чему, но направление интересное. Попробуй вместе с охраной что-нибудь организовать такое…» (Его рука изобразила что-то напоминающее вращение катушек магнитофона.) Мы залегендировали свой интерес к Жемчужиной и вскоре получили то, что ждал министр. Жемчужина для какого-то небольшого ремонта вызвала к себе электрика. Сделать этот молодой и

симпатичный парень ничего не успел — почтенная дама почти насильно уложила его в постель. Виктор Семенович остался доволен»».

И все же по наблюдению. очевидцев первые шаги нового министра еще больше укрепили его авторитет. Во-первых, он решительно изменил кадровую политику: в 1946 году большинство сотрудников министерства составляли люди, пришедшие на работу в органы в 1939–1940 годах, заменив тех, кто отправился по пути своих жертв. Во-вторых, он привлек в территориальные органы военных контрразведчиков, бывших фронтовиков, и направил их не только на руководящие посты, но и на рядовую работу. Произошло обновление центрального аппарата. При этом Виктор Семенович держал этот аппарат в напряженном трудовом ритме, вне зависимости, где находился сам.

Как вспоминает генерал армии Ф. Д. Бобков, «Абакумов часто выступал перед различными аудиториями, говорил воодушевленно, порой с пафосом, и притом всегда старался производить впечатление человека очень доступного, демократичного и подчеркнуто скромного, хотя оснований для этого было немного».

Ветеран госбезопасности И. А. Чернов вспоминает Абакумова как требовательного, нетерпимо относящегося к любым проявлениям небрежности и безграмотности.

Н.Н. Месяцев увидел Виктора Семеновича статным и красивым человеком, которому весьма шла военная форма. «Разговор всегда носил спокойный деловой характер, — подчеркивает он. — Он не заставлял стоять навытяжку и приглашал сесть.

Если к младшим чинам он относился с заботой, по-отечески, то высших он держал в кулаке». Главное же заключается в том, что с момента назначения Виктора Семеновича на должность министра структура МТБ СССР начала кардинально расширяться и изменяться.

В качестве самостоятельного 3-го Главного управления в МГБ включалась военная контрразведка. 1-е и 2-е Управления МГБ СССР (разведка и контрразведка) были преобразованы в Главные управления. Далее шли: 4-е Управление осуществляло руководство розыском «агентуры иностранных разведок, заброшенных в СССР, и прочих вражеских элементов; 5-е Управление (оперативное); 6-е Управление (шифровально-дешифровальное); Транспортное управление; Управление охраны № 1 (охрана И. В. Сталина); Управление охраны № 2; Управление коменданта Московского Кремля; Отдел «А» (учетно-архивный);

Отдел «Б» (оперативной техники); Отдел «В» (перлюстрации корреспонденций); Отдел «Д» (экспертизы и подделки документов); Отдел «К» (чекистские наблюдения на объектах атомной промышленности); Отдел «О» (оперативная работа по духовенству всех конфессий); Отдел «Р» (радиоразведка); Отдел «С» (перевод и обработка материалов по атомной проблеме); Отдел «Т» (борьба с лицами, высказывающими угрозы террористического характера в отношении партийных и советских руководителей); Следчасть по особо важным делам; Отдел «ДР» (служба проведения диверсий и актов индивидуального террора); Отдел «ДН» (служба дезинформации); Административно-хозяйственное и финансовое управление; Управление кадров; Инспекция при Министерстве; Секретариат МГБ; Юридическое бюро.

В январе 1947 г. совместным приказом МВД и МГБ СССР № 0074/0029 от 21 января 1947 года была оформлена передача внутренних войск из МВД в МГБ. Было образовано Главное управление внутренних войск МГБ (штатная численность 68 582).

Приказом МВД и МГБ СССР № 0075/0030 от 21 января 1947 года транспортная милиция была передана из МВД в Транспортное управление МГБ СССР.

При этом Сталин, усиливая МГБ, лишил его одного из важнейших направлений: внешней разведки. Все разведывательные ведомства и службы были объединены в единый аппарат — Комитет информации при СМ СССР.

Но пойдем далее, в «страну Абакумова». На основании постановления Совета Министров СССР № 1130–405сс от 6 апреля 1948 года совместным приказом МВД и МГБ СССР № 00369/0141 от 9 апреля 1948 года из МВД в МГБ были переданы войска по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог (7301 чел.).

В 1949 году Государственное хранилище ценностей (ГОХРАН) было передано из МВД в МГБ.

17 октября 1949 года совместным приказом МВД и МГБ СССР № 00968/00334 из МВД в МГБ были переданы пограничные войска и милиция, а также Военно-строительное управление (ВСУ). Осенью 1950 года на основании постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) № П77/309 и П77/310 от 9 сентября в МГБ СССР на базе Отдела «ДР» были созданы на правах управлений, подчиненных непосредственно министру: Бюро № 1 для проведения диверсий и террора за границей и Бюро № 2 для проведения террора (похищений и убийств). А летом 1950 года спецпоселения из МВД были переданы в МГБ.

В течение 1950 года из МВД в МГБ были переданы все учеты

и картотеки уголовных преступников.

Таким образом, новый министр, в буквальном смысле нахрапом, забирал из МВД к себе все, что ему хотелось.

В конце концов он отобрал у генерала Крутова и его заместителя генерала Серова даже милицию.

Например, к 1 июля 1949 года в структуре МВД еще оставались:

Главное Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний;

Тюремное управление МВД СССР;

Отдел МВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью;

Отдел спецпоселений МВД СССР;

Главное управление МВД СССР по делам военнопленных и интернированных;

Главное управление МВД СССР по борьбе с бандитизмом;

Войсковые органы (Управление конвойных войск МВД СССР, Управление войск МВД СССР по охране особо важных объектов и железных дорог, Особый дорожно-строительный корпус, Военностроительные части Главного управления лагерей промышленного строительства МВД СССР, Главное управление местной противовоздушной обороны МВД СССР);

Главное управление пожарной охраны МВД СССР;

Главное архивное управление МВД СССР;

Специализированные производственные управления МВД СССР (Главное управление шоссейных дорог МВД СССР, Главное управление лагерей промышленного строительства МВД СССР, Главное управление лагерей горнометаллургических предприятий МВД СССР, Главное управление гидротехнического строительства МВД СССР, Главное управление лагерей лесной промышленности МВД СССР, специальное Главное управление по строительству Дальнего Севера МВД СССР, Главное управление «Енисейстрой» МВД СССР);

Главное Управление военного снабжения МВД СССР;

Главное Управление материально-технического снабжения МВД СССР;

Отдел фельдъегерской связи МВД СССР;

Отдел перевозок МВД СССР;

Управление кадров МВД СССР;

Шесть специальных отделов;

Центральный финансовый отдел МВД СССР;

Плановый отдел МВД СССР;

Мобилизационный отдел МВД СССР;

Секретариат МВД СССР;

Секретариат Особого совещания МВД СССР;
Юридическая часть МВД СССР;
Автотранспортный сектор МВД СССР.

На данный момент это было все, потому что остальное как раз и забрал Виктор Семенович в МГБ!

«Сейчас под руководством Абакумова созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД, — напишет в своем письме Сталину 8 февраля 1948 года генерал А. И. Серов. — Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь Абакумов на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что «теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами» и т. д. Ведь между МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела, не существует. Такого враждебного отношения в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместными заседаниями почтить память Ленина, а проводили раздельно, и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Ведь Абакумов навел такой террор в министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20–25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-либо из работников МГБ требуется по делу придти ко мне, то нужно брать особое разрешение от Абакумова. Об этом мне официально сообщили начальник отдела МГБ Грибов и другие.

Ведь в МГБ можно только хвалить руководство, говорить о достижениях в работе и ругать прежние методы работы.

Во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ, офицерам запрещено вспоминать о проведенных операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.), можно только ругать эти операции…

Не так давно Абакумов вызывал одного из начальников Управления и ругал за то, что тот не резко выступал на партсобрании против старых методов работы МГБ. Везде на руководящие должности назначены работники СМЕРШ, малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнением с работы и расследованиями.

Всем известно, что Абакумов не проверил работу ни одного органа СМЕРШ и боится это сделать, т. к. найдет много безобразий.

Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают 3–4 сотрудника РО МГБ в течение года.

А ведь Вам известно, товарищ Сталин, сколько прибыло в страну репатриантов, а среди них и англо-американских шпионов…

Я расскажу Вам, товарищ Сталин, историю передачи Московской милицией в МГБ регулировщиков уличного движения. В МВД СССР стали поступать заявления от трудящихся столицы и от приезжих граждан, что милиционеры на главных улицах Москвы грубят и не желают разговаривать с населением. При этом указывали номера постов, где эти милиционеры стоят. Когда мы занялись проверкой, то оказалось, во всех случаях это были сотрудники охраны МГБ, стоящие в форме милиции. Мы вынуждены были написать об этом Абакумову. Вместо принятия мер, Абакумов попросил меня зайти и вместе с Власиком начали оскорблять меня и тов. Круглова, заявляя при этом, что если они захотят, то заберут всех регулировщиков к себе. Действительно, через двое суток поступило распоряжение о передаче регулировщиков в МГБ».

Что и говорить, но своих врагов Виктор Семенович размножал с невероятной скоростью.

Например, в здании МГБ Лаврентию Павловичу Берия был положен свой кабинет, но молодой министр распорядился убрать из кабинета Берия секретаря, а в кабинете прекратить делать уборку. Вскоре Лаврентий Павлович перестал туда приезжать, а кабинет просто зарос паутиной… Можно себе только представить то бешенство, которое охватило Берия, когда он узнал о такой пакости выдвинутого им наверх человека…

В июле 1947 года генерал-полковник Абакумов подписал адресованное Сталину письмо «О практике следствия в органах МГБ». Ведь следствие не просто интересовало Сталина, оно было самым важным элементом той карательной политики, которая проводилась в Советском Союзе с момента рождения советской власти.

В этом уникальном документе есть и описание, как допрашивают арестованного: «При допросе арестованного следователь стремится добиться получения от него правдивых и откровенных показаний, имея в виду не только установление вины самого арестованного, но и разоблачение всех его преступных связей, а также лиц, направлявших его преступную деятельность и их вражеские замыслы.

С этой целью следователь на первых допросах предлагает

арестованному рассказать откровенно о всех совершенных преступлениях против советской власти и выдать все свои преступные связи, не предъявляя в течение некоторого времени, определяемого интересами следствия, имеющихся против него уликовых материалов.

При этом следователь изучает характер арестованного, стараясь:

• в одном случае, расположить его к себе облегчением режима содержания в тюрьме, организацией продуктовых передач от родственников, разрешением чтения книг, удлинением прогулок и т. п.;

• в другом случае — усилить нажим на арестованного, предупреждая его о строгой ответственности за совершенное им преступление, в случае непризнания вины;

• в третьем случае — применить метод убеждения с использованием религиозных убеждений арестованного, семейных и личных привязанностей, самолюбия, тщеславия и т. д.

Когда арестованный не дает откровенных показаний и увертывается от прямых и правдивых ответов на поставленные вопросы, следователь в целях нажима на арестованного использует имеющиеся в распоряжении органов МГБ компрометирующие данные из прошлой жизни и деятельности арестованного, которые последний скрывает.

Иногда для того, чтобы перехитрить арестованного и создать у него впечатление, что органам МГБ все известно о нем, следователь напоминает арестованному отдельные интимные подробности из его личной жизни, пороки, которые он скрывает от окружающих и др.».

Сам Виктор Семенович не чурался беседовать с арестованными. Частенько их приводили ему прямо в кабинет, где он уделял им немного своего драгоценного времени.

Так инженер-химик из Израиля Владимир Мельников вспоминает: «На допрос к Абакумову меня сопровождал мой тогдашний следователь подполковник Евдокимов. Перед этапом на Большую Лубянку он предупредил, что меня повезут на допрос к большому начальству и что от моего поведения будет зависеть вся моя судьба. В общем, ничего особенного, обычный набор следственных фраз. Но к какому большому начальству меня повезут, он не сказал…

Приемная меня поразила: во-первых, я увидел женщин, и они показались мне красивыми, во-вторых, кресла с никелированными подлокотниками и ножками. Я таких никогда не видел. Ужасно захотелось посидеть на них. Но, увы, меня

поставили лицом к стенке, так что я больше не видел ни женщин, ни кресел. Третье, на что я обратил внимание, — отглаженный, в парадном мундире, какой-то худой, весь напряженный Евдокимов. Ожидание было недолгим. Кабинет мне показался очень большим. С правой стороны огромные, полузакрытые тяжелыми шторами окна. Впереди большой письменный стол, за которым сидел довольно молодой генерал-полковник. Сбоку за столом совещаний находился еще какой-то немолодой человек в штатском…

Военный был темным шатеном, с широким лицом, короткой шеей и, по-видимому, высокого роста. Черты лица грубые. Сидел он то откинувшись на спинку стула, то навалившись на стол…

Представил меня Евдокимов. Меня посадили за какой-то маленький столик, подобный тому, которые были в кабинете у следователей, а подполковник Евдокимов стоял навытяжку чуть в стороне. Допрос Абакумов вел спокойно, не кричал, не угрожал. Кроме формальных вопросов, его интересовало, нет ли у нас, и у меня в частности, связей в ЦК комсомола, почему у меня — еврея — русская фамилия, кто мои родители, откуда у Гуревича оказался «Велодок» и, конечно, готовили ли мы террористические акты, на кого и когда. Весь допрос длился минут 10–15. Во всяком случае, он не был продолжительным. Не знаю, какое впечатление я произвел на Абакумова, но он мне понравился: спокойный, не кричал, не матерился, и я подумал, что следствие быстро закончится. Я ошибался.

На следующем допросе Евдокимов мне сказал, что я был на допросе у министра ГБ Абакумова, что крайне ему не понравился, что я «не разоружился» и т. д. и следствие будет продолжаться до тех пор, пока я не выну «все камни из-за пазухи»».

Не менее интересен рассказ о встрече с Абакумовым члена НТС Ю. А. Трегубова: «Я вхожу и сразу меня поражает контраст света и тени. Эта комната еще больше той, где я только что был, но она кажется почти темной. Под ногами ковер. Направо, у стены, поблескивает чудовищных размеров сейф. Прямо у стены — письменный стол с телефоном. На нем блестит что-то бронзовое. На столе — лампа под зеленым абажуром. Некто сидит за столом и пишет. Ясно видны только светлые руки. Я молча стою минуту и потом вполголоса говорю:

— Арестованный Трегубов Георгий.

В большой комнате это выходит очень тихо, но так им положено говорить в этом месте. Сидящий поднимает голову и делает какой-то знак рукой, который можно истолковать как приказание подойти ближе. Я подхожу. Теперь я стою в трех шагах от него. Рядом со мной глубокое вольтеровское кожаное

кресло. Сидящий смотрит на меня. Ему лет пятьдесят. У него умное, бритое, полное, немного одутловатое лицо со шрамом на лице. Оно кажется очень усталым. Нездоровые тени — не то лиловые, не то синие — под глазами, опухлые мешки. Он в гражданском темном костюме. Белоснежный воротничок с маленькой змеиной головкой галстука у горла. Глаза спокойно, умно и очень добро смотрят на меня.

— Вы знаете кто я? — устало говорит он.

— Не имею чести знать.

— Я министр государственной безопасности Абакумов.

— Очень рад, — отвечаю я и немножко кланяюсь.

Рука делает какой-то неопределенный жест.

— Садитесь! Я позвал вас сюда потому, что мне надо задать вам несколько вопросов.

Я молча киваю головой. Не чувствую ни страха, ни удивления, ни смущения. Я совершенно по-другому представлял себе Абакумова и теперь даже как-то не верится, что это он. А он спокойно и равнодушно что-то пишет. Потом вдруг откладывает в сторону перо.

— Трегубов!

Это звучит как оклик учителя невнимательному ребенку.

— Скажите, Трегубов, были вы все-таки американским шпионом или нет?

— Нет, никогда не был.

— Не были? Так почему же? Ведь это было так естественно для вас после крушения Германии пойти на сговор с новым врагом?

— Во-первых, я совершенно не верил, что американцы — вам враги, гражданин министр, а во-вторых, работа разведчика мне не по специальности. Я не разведчик.

— Конечно, я понимаю, никто не родится разведчиком, и я раньше собирался стать кем-то совсем другим, но многие, Трегубов, умирают разведчиками. Вы не хотели бы переквалифицироваться?

На лице Абакумова что-то вроде улыбки.

— Но прежде чем мы будем с вами говорить дальше, — снова начинает Абакумов, — скажите сначала, каково ваше отношение к советской власти?

— Мое отношение? Резко отрицательное.

Абакумов кивает головой.

— Вот так хорошо, Трегубов. Ну, а теперь?

— И теперь точно такое же.

Бледное лицо снова сумрачно и неподвижно. Абакумов несколько секунд понуро молчит.

— А вы знаете, Трегубов, что если враг не сдается, то его уничтожают?

— Знаю. Вы обо мне?

— Да.

— Меня и уничтожать не надо. Давно уничтожен.

— И себя не жалко?

Я молчу.

— А так, как живете? Здоровье? Самочувствие?

Абакумов снова улыбается.

— Плохо. Я очень слаб и голоден.

— Хорошо. Выпишу вам дополнительное питание.

Абакумов снова молчит.

— А жалко, Трегубов. Вы еще подумайте. Мы с вами на пару могли бы колоссальные дела делать.

Я чувствую, что аудиенция окончена и начинаю приподниматься с кресла. Абакумов не пытается меня удерживать. Я встаю, кланяюсь и говорю:

— До свиданья.

Потом прибавляю:

— Благодарю вас, извините, что потревожил.

Абакумов немножко изумленно кивает головой. Уж тогда я понял: с чекистами надо быть предельно вежливым, это их больше всего смущает.

Только в камере я начинаю обдумывать все то, что сказал. Впечатление от слов Абакумова и от моих собственных — смешанное. То, что он говорил, примерно выглядело как вербовка, а впрочем, может быть и нет. А результат того, что я говорил, покажет будущее. Потом мне приходит на ум, что я, вероятно, мог бы у него попросить еще какой-нибудь одежды — теплую телогрейку или бушлат. Ведь у меня своего ничего нет. Но теперь уже поздно. Свое обещание выписать дополнительное питание Абакумов сдержал. С 1 июня мне приносят в камеру не 650, а 750 граммов хлеба, на несколько граммов больше сахара, а в кашу, в обед, прибавляют ложку мясной подливки. В общем все это дополнительное питание — сущая ерунда. Но это все-таки плюс, а не минус».

А. Андрееву Виктор Семенович допрашивал прямо в Лефортово. Она вспомнит, как ее вели к нему: «…по дороге к кабинету через каждые полтора метра стоит солдат. Вводят в комнату, там сидят мой следователь и начальник отдела, а с ними очень крупный вальяжный и полный восточный человек в черном костюме. Начинает меня допрашивать.

— У Вас было оружие. Почему Вы не говорите, где оно?

— Потому что не знаю, — отвечаю.

— Но у Вас было оружие?

— Так если Вы, министр, говорите, что у нас было оружие, значит, оно было. Но я его никогда не видела.

Мне, столько лет прожившей при советской власти, не пришло в голову, что министр может врать. Он подошел ко мне близко, посмотрел:

— Какая молодая… Как же Вы во все это влипли?»

Отца Юрия Даниловича Комисарова арестовали в 1950-м прямо в кабинете А. Я. Вышинского. Ему дали «всего» пять лет, как «японскому и английскому» шпиону. Но прежде сам Абакумов выбил у него ключами два зуба, бросил на пол со стула и бил ногами…

В гневе Виктор Семенович был непредсказуем. Да вот только арестованных бил не всегда. Бил особенно упрямых. С покладистыми и разговаривал достаточно вежливо. Однако кого уж хотел избить действительно от души — не всегда получалось. Враги его были при должностях и званиях — знатные. И одним из таких можно считать Ивана Серова…

8 сентября 1946 года И. А. Серов в своем первом письме-жалобе на Абакумова напишет: «Считаю необходимым доложить Вам, тов. Сталин, о непартийном отношении ко мне т. Абакумова.

Т. Абакумов на протяжении всей войны пытался меня на всяких мелочах скомпрометировать, но я не обращал внимания, т. к. в тот период у него были ограниченные возможности к этому. В настоящее время, когда эти возможности во много раз увеличились, я счел необходимым обратиться к Вам за помощью.

Имеется много фактов, подтверждающих мои слова, но я остановлюсь лишь на некоторых из них.

В период Отечественной войны по поручению тов. Берия, я неоднократно выезжал в Особые отделы фронтов для оказания помощи в работе и устранения недостатков в условиях войны.

Так, например, в начале 1942 года поступили данные, что на Южном фронте много случаев групповых переходов наших солдат на сторону противника, что начальник Особого отдела майор госбезопасности Зеленин в это тяжелое время на фронте не занимается работой по предотвращению случаев измены, а разлагается, сожительствует с машинистками и награждает их медалями, что Зеленин заманил на квартиру жену начальника Политотдела армии, напоил ее пьяной и изнасиловал.

Выездом на место мною была организована агентурная работа в Особых отделах дивизий по предупреждению командования о готовящихся предательствах и аресту изменников. Зеленин вызывался т. Абакумовым, но о принятом решении мне неизвестно, т. к. я был переброшен на Керченский

фронт.

Во всяком случае, Зеленин в настоящее время получил звание генерал-лейтенанта, работает начальником Управления Контрразведки в Германии, содержит в качестве жены одну из бывших машинисток и пользуется большим авторитетом у Абакумова. Настоящая жена Зеленина попала в плен к немцам, путалась с ними и сейчас живет отдельно…

На Керченском фронте начальником Особого отдела был генерал-майор Белянов, который вместе с командованием фронта обманывал Ставку Верховного Главнокомандующего о положении на фронте, в связи с чем по указанию тов. Берия он был мной с должности снят и из Особых отделов уволен.

С первых дней войны мне было поручено руководить истребительными батальонами и войсками НКВД по охране тылов фронтов. В связи с тем, что войска охраны тыла и истребительные батальоны очень много задерживали шпионов противника, работники Особых отделов всячески пытались забрать к себе задержанных нашими органами подозрительных лиц и шпионов и отчитаться за них.

На этой почве у нас с т. Абакумовым неоднократно были крупные разговоры. Это может подтвердить генерал-лейтенант Петров.

Во время тяжелого положения под Сталинградом, в августе 1942 года тов. Берия послал туда т. Абакумова для наведения порядка в городе и организации переправы через Волгу.

Через некоторое время Военный Совет фронта прислал телеграмму, что в городе Сталинград порядка нет, среди населения началась паника из-за отсутствия переправы и т. д.

В связи с этим тов. Берия послал меня в Сталинград, а Абакумова отозвал.

По приезде в Москву т. Абакумов начал распускать слухи, что Серов напросился в Сталинград и т. д.

Особенно резко возмущался т. Абакумов в связи с Вашим решением о введении уполномоченных НКВД по фронтам, которые сыграли положительную роль в последний этап войны.

Во-первых, т. Абакумов категорически восстал против посылки оперативных работников для укомплектования аппаратов уполномоченных.

Во-вторых, всячески старался отделить работников СМЕРШ от Уполномоченных фронтов, даже в ряде случаев в ущерб общему делу…

В этом деле т. Абакумов доходил до мальчишества. Он звонил начальнику Управления СМЕРШ Белорусского фронта генералу Вадису, его заместителю генералу Сидневу и требовал,

чтобы они не являлись по моему вызову, не выполняли моих указаний по работе. При этом угрожал взысканиями и даже арестом.

По окончании войны т. Абакумов действительно генерала Вадиса сразу же убрал и вместо него прислал «надежного» работника Зеленина.

Очевидно, генерала Сиднева постигнет та же участь, как только он перейдет в подчинение Абакумова.

В последнее время, когда уже СМЕРШ мне оперативно не был подчинен, ко мне поступало много заявлений о безобразиях в работе СМЕРШ, я всегда ставил в известность Зеленина, а о наиболее характерных фактах доносил в Министерство и принимал необходимые меры к устранению. Так например, в начале этого года пьяные работники СМЕРШ вечером поехали в поле близ г. Галле приводить в исполнение приговоры Военного Трибунала. Спьяна трупы были зарыты настолько небрежно, что на утро проходящие по дороге около этого места немцы увидели торчащими из земли две руки и голову от трех трупов. Затем они разрыли трупы, увидели в затылках у трупов пробоины, собрали свидетелей и пошли заявить в местную полицию. Нами были приняты срочные меры.

В этом же году у работников СМЕРШ дивизии генерала Сталина В. сбежали две немки, арестованные в английской зоне г. Берлина. После побега они рассказали англичанам об их аресте русскими. Работники СМЕРШ пытались все это скрыть, но об этом узнал генерал В. Сталин, вмешался в это дело, сообщил мне, в связи с чем были срочно приняты необходимые меры. Можно привести десятки аналогичных фактов.

Т. Абакумов всегда возмущался, что вмешиваются в его дела, хотя и знал, что вмешательство помогло делу.

В одном из разговоров со мной т. Абакумов заявил: «Ты за время войны много мне и моим работникам крови попортил».

Это заявление свидетельствует о том, что т. Абакумов старается защитить честь мундира, а не рассматривает устранение недостатков в работе в интересах нашего общего государственного дела. И, кроме того, он видит во мне основного виновника всех неприятностей, причиненных ему, а не своих подчиненных, допустивших ошибки в работе.

В последнее время ко мне приходили сотрудники т. Абакумова и предупреждали, что т. Абакумов очень мной интересуется, а своим приближенным Зеленину, Малинину и другим «намекнул», что надо подобрать компрометирующие материалы на Серова.

Во исполнение этих указаний, Малинин ходит сейчас по

Министерству госбезопасности и смело заявляет при встрече со знакомыми, что до Серова мы доберемся.

Это могут подтвердить сотрудники, работающие у т. Абакумова. И сейчас идет сбор материалов на меня, но проводится это очень грубо».

В заключение своей жалобы вождю Иван Серов добавляет: «Т. Абакумов, так же как и мы все, еще молодой чекист и тем более молодой министр, партией и государством на него возложены громадные задачи, особенно в нынешних условиях, он должен добиться дружной целеустремленной работы чекистского коллектива, чтобы выполнить эти задачи, а не заниматься интригами. Мы все ему поможем в работе, но т. Абакумов должен понять, что Министерство Государственной Безопасности не передано ему на откуп для того, чтобы сводить личные счеты с неугодными ему людьми.

Мне очень обидно, тов. Сталин, когда т. Абакумов незаслуженно меня оскорбляет. Я стараюсь работать без оглядки, добиваюсь выполнения возложенной на меня работы, невзирая ни на что. Я знаю, что если в ходе работы я ошибусь, то меня поправят.

Поэтому я прошу Вас, тов. Сталин, оградить меня от оскорбительного преследования со стороны т. Абакумова…»

Иван Александрович Серов (старше Виктора Семеновича на три года) вполне мог не нравиться Абакумову как человек, пришедший в органы из армии. Кроме того, Серов, в отличие от министра госбезопасности, был образован. За его плечами были три года Ленинградской пехотной школы, учеба в Военно-инженерной Академии и Академии им. Фрунзе. С 1928 года по 1935 год Серов прошел путь от командира огневого взвода до исполняющего обязанности начальника штаба артполка. А в 1939-м он сразу же заместитель начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР, майор госбезопасности. И в том же, 1939-м народный комиссар внутренних дел Украины, старший майор госбезопасности, затем комиссар госбезопасности 3-го ранга.

С 1941 по 1947 год Серов заместитель народного комиссара — министра внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности 2-го ранга, генерал-полковник.

С 1945 по 1947 год заместитель Главноначальствующего Группой советских оккупационных войск в Германии по делам гражданской администрации.

В конце мая 1945 года к двум орденам Ленина, трем орденам Красного Знамени, ордену Суворова 1-й степени и Кутузова 1-й степени генерала Серова добавляется звание Героя Советского

Союза (плюс орден Ленина и медаль «Золотая Звезда»).

В феврале 1947 года Серов получил новое назначение на должность первого заместителя министра внутренних дел. И прибыв в начале апреля в Москву, он развернул борьбу против Абакумова с новой силой… Потому что тот, кроме всего прочего, взялся проверять родословную генерала Серова. Как считает Н. Петров, «тут как нельзя кстати оказались находки, сделанные еще в годы войны В. Ф. Коротковым, начальником отделения отдела секретных фондов Главного архивного управления, входившего тогда в состав НКВД, из которых следовало, что отец Серова был царским жандармом. Разбирая картотеку, Коротков нашел сведения сразу о двух сотрудниках Вологодского губернского жандармского управления (ГЖУ). Это были Серов Александр Павлович, 1870 года рождения, сотрудник ГЖУ с 1907 по 1913 год, и Серов Александр Павлович (год рождения неизвестен), работавший там же с 1911 по 1917 год.

Коротков быстро выяснил, что дела на них хранятся в архиве УМВД по Вологодской области в фонде 35 (дело 1750) и в фонде 17 (дело 330). После чего предусмотрительно снял копии с карточек и в конце 1944 года доложил начальству. Его непосредственный начальник Гордеев доложил о находке начальнику Главного архивного управления И. И. Никитинскому. А потом якобы сообщил Короткову, что речь идет действительно об отце заместителя наркома Серова. Но в тот момент дальнейшего развития история не получила. Возможно, потому, что в том же архивном отделе работала и родная сестра Серова Христина. Вероятнее всего, Серов узнал о происходящем и принял меры.

Перейдя после войны на работу в МГБ, Коротков показал копии карточек начальнику 1-го отдела 5-го управления Агаянцу. Об этом немедленно доложили министру Абакумову, который тут же вызвал бывшего архивиста к себе. Абакумов подробно расспросил Короткова и дал задание проверить Серова по архивам МГБ и в Вологде.

Через два дня после этой встречи Коротков и Агаянц были направлены в Вологодский архив. Однако Агаянц явно тяготился своей миссией и по дороге распекал Короткова за это «грязное дело» и осторожно похваливал Серова. В Вологде выяснить удалось немногое. В архиве обнаружились две точно такие же карточки, как и в Москве, но дела № 1750 на месте не оказалось. Потерялось и второе дело — в папке под номером 330 хранилось нечто совершенно постороннее. Ничего не смог прояснить и начальник архива, который на все вопросы отвечал, что он лишь недавно на этой работе.

Мало что дало и посещение города Кадникова, где будто бы служил первый А. П. Серов. Выяснилось, что отец Серова владел там хутором с пашней, лесом и лугом, а перед первой мировой войной строил двухэтажный особняк. Но никаких документов, подтверждающих, что он был жандармом, найти не удалось.

Примерно такой же результат дали и поиски второго А. П. Серова, служившего в ГЖУ. Агаянц и Коротков побывали в селе Залесье, удостоверились, что тот, кого они ищут, действительно там жил, затем был сослан и навсегда исчез.

В Москву Агаянц и Коротков вернулись практически ни с чем. Если бы Абакумов смог доказать, что отец Серова — жандарм, противник был бы повержен. Однако дело, которое казалось министру госбезопасности столь перспективным, лопнуло как мыльный пузырь. Абакумов понял, что нужны более серьезные шаги против Серова, чтобы заставить его утихнуть надолго».

После ареста начальника отдела правительственной связи МВД И. Я. Воробьева, уже в октябре 1947 года Абакумов докладывал Сталину, что курирующий работу этого отдела Серов в декабре 1942-го давал указания готовить ежедневную справку обо всех разговорах Верховного Главнокомандующего. Такие справки составлялись вплоть до конца 1944-го. И только после выезда Серова на фронт составление их прекратилось.

По мнению историка Н. Петрова, «это было очень похоже на несанкционированное прослушивание разговоров, и не кого-нибудь, а самого Верховного. За такое Серов мог жестоко поплатиться.

23 октября 1947 года Абакумов наносит еще один удар. Официальным письмом он сообщает Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову о фактах взяточничества со стороны работников московской милиции. Органы милиции в МВД курирует первый заместитель министра Серов.

Абакумов понимает, что удары должны следовать один за другим. 29 ноября 1947 года он направляет Сталину и Кузнецову новое письмо. На этот раз о случаях мародерства, хищений и присвоения ценностей бывшим начальником оперативного сектора МВД в Тюрингии генерал-майором Г. А. Бежановым. В приложенной к письму справке сообщалось, что Бежанов изъял шкатулку с драгоценностями у немецкого генерала Гертмана и присвоил ее. Абакумов обвинял Бежанова и в том, что тот отпускал на свободу нацистов, которые соглашались уступить ему свое имущество. Упоминались и другие преступления, например необоснованные аресты немцев, проводимые оперсектором в Тюрингии (десять человек покончили с собой, находясь под стражей), а также широко практикуемые Бежановым провокации с

созданием «подпольных нацистских групп». Немцев, которые отказывались в этом участвовать, люди Бежанова попросту убивали. О реакции Сталина можно судить по резолюции на письме. По обыкновению Абакумов устные резолюции Сталина сам записывал на прочитанных вождем бумагах. В этот раз он написал: «Предложено арестовать Бежанова. Указание о том мною получено лично от т. Сталина 6.12.47».

Уже первые результаты допросов Бежанова несказанно обрадовали Абакумова. 28 января 1948 года он сообщил Сталину: «Бежанов дал показания о том, что Серов присваивал ценности и переправлял их в СССР». Бежанов рассказал о захваченных людьми Серова в Рейхсбанке при штурме Берлина мешках с деньгами. Германские рейхсмарки были пущены Серовым якобы на «оперативные расходы»..

В этом же письме Абакумов просил санкции на арест бывших начальников оперсекторов Саксонии и Берлина генералов С. А. Клепова и А. М. Сиднева и, помимо них, М. А. Хренкова — адъютанта Серова с ноября 1942 по август 1947 года. Сталин санкцию дал».

Теперь наступила очередь Серова, и 8 февраля 1948 года он пишет второе письмо Сталину:

«Я извиняюсь, товарищ СТАЛИН, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня, что решил написать Вам.

С тех пор, как я послал Вам, товарищ СТАЛИН, объяснительную записку по поводу лживых показаний БЕЖАНОВА, АБАКУМОВ арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной и в том числе двух адъютантов. Сотрудники МГБ и МВД СССР знают об этих арестах, «показаниях» и открыто говорят, что АБАКУМОВ подбирается ко мне.

Я работаю по-прежнему, не обращая внимания на происходящее, однако, считаю необходимым доложить Вам об этом, товарищ СТАЛИН, т. к. уверен, что АБАКУМОВ докладывает неправду.

Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет АБАКУМОВ.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что АБАКУМОВ в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям.

Несомненно, что АБАКУМОВ будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с т.т. ФЕДОТОВЫМ, КРУГЛОВЫМ, МЕШИКОМ, РАПАВА,

МИЛЬШТЕЙНОМ и другими.

Мне АБАКУМОВ в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь МЕШИКА застрелит. Ну, а теперь на должности министра имеется полная возможность найти другой способ мести. МЕШИК это знает и остерегается. Также опасаются АБАКУМОВА и другие честные товарищи.

Товарищ СТАЛИН, я не сомневаюсь, что АБАКУМОВУ долго такими методами Вы работать не позволите.

Я приведу несколько фактов, известных мне в результате общения с АБАКУМОВЫМ на протяжении ряда лет.

Сейчас для того, чтобы очернить меня АБАКУМОВ всеми силами старается приплести меня к ЖУКОВУ. Я этих стараний не боюсь, т. к. кроме АБАКУМОВА есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако АБАКУМОВ о себе молчит, как он расхваливал ЖУКОВА и выслуживался перед ним, как мальчик. Приведу факты, товарищ СТАЛИН.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий АБАКУМОВ, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут».

Теперь АБАКУМОВ, несомненно откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить.

Второй факт. В Германии ко мне обратился из ЦК Компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном Совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей.

ЖУКОВ позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что СЕРОВ неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами и на этом дело прекратилось. ЦК Компартии развернуло свою работу в этих районах.

АБАКУМОВ, узнав, что ЖУКОВ ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю ЗЕЛЕНИНУ, который в тот период был начальником

Управления СМЕРШ (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. ЗЕЛЕНИН узнал об аресте судей и доложил АБАКУМОВУ.

По окончании заседания АБАКУМОВ подошел ко мне и предложил идти вместе в Министерство. По дороге АБАКУМОВ начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, т. к. перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда АБАКУМОВ спросил меня, а почему я скрыл это от ЖУКОВА, я ответил, что не все нужно ЖУКОВУ говорить. АБАКУМОВ было попытался прочесть мне лекцию, что «Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед ЖУКОВЫМ. На это мне АБАКУМОВ заявил, что он ЖУКОВУ рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это АБАКУМОВА обозвал дураком и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить АБАКУМОВА, чем вызвано такое желание выслужиться перед ЖУКОВЫМ.

Мне неприятно, товарищ СТАЛИН, вспоминать многочисленные факты самоснабжения АБАКУМОВА во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверно, АБАКУМОВ не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы АБАКУМОВА из СМЕРШ прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью «АБАКУМОВУ».

Вероятно, АБАКУМОВ уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант КУЗНЕЦОВ (ныне «охраняет» АБАКУМОВА) прилетел к начальнику Управления контрразведки СМЕРШ и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет АБАКУМОВА на обратный путь, т. к. горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант АБАКУМОВА не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта АБАКУМОВА. Вот такие подлости выделывал АБАКУМОВ во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными». Сейчас АБАКУМОВ свои самолеты, прилетающие из-за границы, на Контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о

досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть АБАКУМОВ расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил, как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался. Его трусость была воспринята и подчиненными аппарата. Своего подхалима ИВАНОВА, ведавшего хозяйственными вопросами, АБАКУМОВ посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе АБАКУМОВ пошил такие сапоги. Ведь остававшиеся в Москве, в тот период, генералы видели поведение АБАКУМОВА.

Пусть АБАКУМОВ откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва».

А сейчас он забыл это и посадил в тюрьму подполковника ТУЖЛОВА, который в первые дни войны был начальником пограничной заставы, в течение семи часов вел бой с немцами до последнего патрона, был ранен и получил орден Красного Знамени.

Конечно, сейчас АБАКУМОВ, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. АБАКУМОВ по секрету сообщил мне, что «прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему: «Товарищ СТАЛИН под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ СТАЛИН, слова, когда Вам покойный ЩЕРБАКОВ доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной Площади.

Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе как побежит без оглядки из России».

… Мне во время войны приходилось чаще по службе и реже в быту встречаться с АБАКУМОВЫМ, — делает вывод Серов. — Я наблюдал и изучал его. У меня составилось определенное о нем мнение, которое полностью подтвердили последние события. Для того чтобы создать о себе славу, он идет на любую подлость, даже в ущерб делу».

Продолжая свою борьбу, «24 февраля 1948 года Абакумов направил Сталину, Молотову и Кузнецову новое письмо, к которому приложил протокол допроса арестованного Хренкова. «Должен сказать, что Серов, будучи человеком падким к чужому добру, начал заниматься присвоением ценностей и имущества

еще в период нахождения его в Польше», — говорил на следствии Хренков. В городе Лодзь имущество из особняка немецкого гауляйтера Серов отправил в Москву — целый вагон. Сопровождали вагон жена Серова и Хренков с бумагой от Серова о бестаможенном пропуске. В особняке гросс-адмирала Редера в Бабельсберге по приказанию Серова Хренков выломал мраморный камин. Камин установил на московской квартире Серова. Захваченные в подвале Рейхсбанка мешки с деньгами не были оприходованы, Серов и Сиднев бесконтрольно тратили их содержимое. Абакумов просил у Сталина санкцию на арест Л. С. Никитина, другого адъютанта Серова. Еще один сотрудник Серова, В. М. Тужлов, его секретарь, уже был арестован. Тужлов тоже сообщил следствию много интересного о Серове».

Однако все усилия Виктора Семеновича оказались напрасными. Сталин все же уберег Серова от абакумовских преследований. Как пишет Н. Петров, Сталин «почувствовал, что в деле Серова, несмотря на очевидную его виновность, Абакумов преследует и какие-то свои личные интересы. А этого Сталин не любил. В итоге Серов сохранил свои высокие должности и звания, правда, Сталин его в своем кремлевском кабинете больше не принимал».

Личная жизнь министра

По воспоминаниям очевидцев, Виктор Семенович на служебной машине ездить не любил, предпочитал ходить пешком, а на улицах приказывал сопровождающим давать по сто рублей нищим, преимущественно старухам. Ему нравилось, когда старухи крестились, благодаря за подаяние. И все же любовь к немецким машинам не обошла Виктора Семеновича. Его подчиненные рассказывали Евгению Жирнову, как их рослый шеф носился по Москве на крошечном спортивном кабриолете BMW 327. А после капитуляции Германии подчиненные преподнесли ему подарок — Mercedes-Benz 540K, по легендам, принадлежавший рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. Именно на нем министр госбезопасности ездил на доклады к Сталину в Кремль. До этого, после назначения заместителем наркома внутренних дел, за Виктором Семеновичем были закреплены два служебных автомобиля: Lincoln Zephir и Plymouth.

Охрана привозила Абакумову шашлыки из «Арагви» — к хорошим шашлыкам он был неравнодушен. Более того, в «Арагви» круглые сутки работали три кабинета. В своей книге «Тайны уставшего города» Э. Хруцкий напишет, как там принимали нужных иностранцев и там же большие чины из КГБ встречались с не менее именитыми осведомителями. Туда же ночью заезжали отдохнуть от забот чиновники высокого ранга.

По этим причинам, а возможно и не только, на кухне этого ресторана работала бригада ударников труда и повара высшего класса. За полчаса официанты накрывали роскошный стол. Ну а шашлыки, которые, кроме Абакумова, заказывал себе Василий Сталин, были лучшими во всей Москве.

Не изменял Виктор Семенович и другим своим привычкам. По-прежнему он обожал фокстрот и с целью милых развлечений, то бишь потанцевать с красивой девочкой, захаживал в знаменитый ресторан «Спорт».

«Гроза шпионов и врагов народа больше всего любил «сбацать» запрещенный, идеологически чуждый танец, — вспоминал Э. Хруцкий. — В ресторан «Спорт» он приходил инкогнито, как король из сказок, пожелавший узнать, как живут его подданные.

Виктор Абакумов, несмотря на свой высокий рост, любил танцы, выпивки, женщин. Вот из-за них-то и случилась драка в ресторане, и министру прилично накостыляли. Расправа с обидчиками была немедленной, но, как мне говорили знающие люди, никого не посадили, просто ребята Абакумова весьма

прилично отметелили виновных».

И все же главной страстью Виктора Семеновича был футбол. Его заместитель вспоминал: «Ни один интересный матч он не пропускал. Команду «Динамо» считал своей собственностью. Все время подчеркивал: «Помогайте динамовцам, найдите на матч хорошего судью, чтобы судил честно. Сделайте им хорошую экипировку».

Одну из ответственных игр динамовцы продули. Министр собрал команду в своем кабинете. Он и в обычное время бывал грубым, но до такой степени разнузданности он на моей памяти дошел только в этот единственный раз.

Начал из души в душу хаять их всех. «Сволочи» и «мерзавцы» было самым мягким из того, что он сказал. Особенно досталось Косте Бескову.

«Играть надо, а не, мать-перемать, книжки художественные читать! Я ждал от вас только победы! Продуть этой военной конюшне!» По-моему, проиграли команде Центрального дома Красной Армии.

Я сидел на краешке, у дальнего конца стола, но брызги гнева долетали и до меня как до зампреда общества «Динамо», ответственного за футбол: «А ты какого хрена там делаешь? Наша команда должна только выигрывать, а ты должен им помогать!»».

Сотрудник Следчасти по особо важным делам И. И. Елисеев однажды рассказывал о своих встречах с Абакумовым, красная нить которых — футбол.

Было это так:»… Елисеев с приятелем, опаздывая на футбол и не дождавшись лифта, сбегали вниз по центральной лестнице. Очутившись уже в вестибюле, они чуть было не столкнулись с входившим в здание высоким, подтянутым, со спортивной фигурой человеком…

Вошедший с интересом посмотрел на молодых запыхавшихся людей.

— Никак на футбол?

— Так точно.

Он посмотрел на часы.

— Тогда спешите, у вас времени в обрез.

Проходя мимо часовых, Иван Иванович и его друг поинтересовались:

— Кто это?

— Министр госбезопасности Абакумов, — объяснил несведущим человек с ружьем.

Год спустя Елисеев вновь натолкнулся на Абакумова, но уже в коридоре Лефортовской тюрьмы. Министр остановился и посмотрел на него внимательно.

— А ну-ка, зайди ко мне.

Они прошли в кабинет, специально оборудованный для министра в конце коридора. Все достаточно скромно. Стол, стулья, небольшой жесткий диван, сейф, несколько телефонных аппаратов, в том числе кремлевский с гербом.

— Ну, как тогда, на футбол успели?

— Едва.

— А счет помнишь?

— Нет.

— Значит наши проиграли…»

Еще одним увлечением министра было кино. Каждый день в 4 утра он приглашал все руководство госбезопасности в свой кинозал, и часов до 7 утра все смотрели трофейные и отечественные фильмы…

Когда Абакумова арестуют и бросят в одиночную камеру, одна из очередных групп следователей заново проделает экскурс в прошлое бывшего министра, вплоть до тридцатых годов. Будут полностью выявлены все знавшие его женщины и даже те, с кем он когда-то случайно перебросился парой слов. Например, в их числе окажутся три студентки, с которыми Абакумов познакомился летом 1945 года у будки телефона-автомата на улице Горького…

А была еще одна, с продолжением. Людмила Кафанова в 2005 году написала об этом и опубликовала в журнале «Чайка». Рассказ этой женщины мне показался безумно интересным и поэтому я решил привести его на страницах своей книги.

«В одном со мной классе училась Валя Б. — белокурая сероглазая с нежным румянцем на тонких щеках — дочь начальника Главгастронома Министерства торговли СССР. Обаятельная, смешливая, она не была прилежной ученицей, а будучи в классе старше нас всех (из-за войны запоздала с ученьем), больше думала о нарядах и романах. Я ее полюбила, и мы часто, вместо того, чтобы оттачивать мозги за решением алгебраических и геометрических задач или оттачивать наши перья, корпя над сочинением «Онегин и революционное движение в России», вышагивали километры по московским улицам, с целью на людей посмотреть и себя показать. В один из таких походов, теплым весенним днем на углу Неглинной и Кузнецкого мы столкнулись с высоким, несколько даже грузным мужчиной. Валя дернула меня за руку и зашептала: «Смотри на него, не пропусти ничего… Это — мой «красавчик». Уже несколько раз я встречала его на улице и… влюбилась». Я посмотрела внимательнее: моложавое, но уже одутловатое, чуть бульдожье лицо. Серые пепельные волосы, зачесанные назад. Цепкий и, я бы

сказала, странно-любопытный взгляд холодных, ничего не выражающих голубых глаз… Интересный мужчина, во всяком случае, в Валином вкусе — чем-то похож на ее отца и на ее любимого актера МХАТ Владимира Львовича Ершова. «Ничего», — сказала я.

Не буду утомлять читателя длинным, хотя и увлекательным, рассказом о том, как произошло знакомство с этим мужчиной. Уличное знакомство, от которого нас предостерегали обе мамы. Мы понятия не имели, с кем мы познакомились, нам было названо только имя-отчество: Виктор Семенович. Мы уже несколько раз с ним встречались, гуляли по Неглинной, Петровке, когда наткнулись на Валиного соседа Юрку. Увидев нас троих, он как-то нахально присвистнул и сделал рукой малоприличный жест. Вскоре мы распрощались с Виктором Семеновичем и пошли к Валиному дому. У подъезда стоял Юрка, без сомнения, поджидавший нас. «Ну, девочки, — сказал он. — Ничего себе нашли кавалера!» Мы удивленно на него уставились, а он продолжал: «Это же замминистра Госбезопасности Виктор Семенович Абакумов!» Мы с Валей просто застыли, как каменные. «А вы что, не знали? Мой отец с ним работал до войны. Он был майором. Отец говорил, барахло работник, все больше насчет выпить и по бабам. В войну почему-то возглавил СМЕРШ. Знаете, что это такое? А теперь — генерал армии, замминистра! Во, карьера!» Информация не во всем верная, но об этом ниже. Вскоре Абакумов стал министром Госбезопасности.

Не долго, а коротко, между Валей и Абакумовым установились близкие отношения, и на положении ее любимой подруги я оказалась втянутой в эту любовную историю. Вместе с Валей я много раз встречалась с Абакумовым. Была у него дома…

Сейчас, вспоминая то, что происходило, я могу сказать, что Абакумов был личностью неординарной, отличавшейся от советской номенклатуры, хотя бы внешне. Он, например, любил ходить по Москве пешком, без охраны (!). Редко ездил в автомобиле, а если ездил, то почти всегда правил сам. Его можно было увидеть на катке на Петровке 28, где он иногда катался, но чаще стоял среди «нормальных» людей на террасе и смотрел на катающихся. На стадионе, куда ездил «болеть» за «Динамо», он также сидел среди простых смертных. Кроме спорта, еще интересовался театром — ходил на премьеры и спектакли в Большой, МХАТ, Малый, Вахтангова. Никогда не усаживался в правительственной ложе, сидел на хороших местах в партере, во время антрактов гулял в фойе. Люди вокруг даже не догадывались, какой страшный министр находится с ними рядом. Он никогда ни с кем не заговаривал, не играл в демократичность,

не снижал своего вельможного статуса. Что интересно, он любил серьезную музыку, постоянно посещал симфонические и инструментальные концерты в Большом зале Консерватории, в зале Чайковского.

Однажды произошел случай, который, по-моему, в некотором смысле, характерен для Абакумова. Мой сосед, крупный работник Министерства авиационной промышленности Анатолий Петрович Новиков не достал хороших билетов на какой-то интересный концерт в зале Чайковского. «Ну, ладно, — решил он. — Дождусь, когда погасят свет и сяду на свободное место в партере». Подумано — осуществлено. Свет пригасили, концертмейстер дал ноту, музыканты подстроились и затихли. Анатолий Петрович, увидев два хороших свободных места в партере, занял одно из них. Через мгновение около него вырос высокий мужчина с дамой. «Извините, — сказал мужчина, — это наши места». «Нет, — раздалось в ответ, — это мои места». Мужчина удивленно пожал плечами и быстро удалился. В антракте мой сосед вышел в фойе и увидел пару, места которой занял. Приятель шепнул ему, указывая на мужчину: «Министр госбезопасности Абакумов». Анатолия Петровича словно ветром выдуло из концертного зала. Он приехал домой и тут же бросился ко мне, рассказал все и спросил: «Что теперь будет? Ты же его знаешь…» — «По-моему, ничего не будет». Ответ не удовлетворил соседа, и он три дня ждал ареста…

Естественно, ни с Валей, ни, тем более, со мной Абакумов никаких серьезных тем не затрагивал и, когда гуляли втроем, говорили о сущих пустяках. Вале, очевидно, было важно, чтобы я принимала участие в этих прогулках. Она сильно заикалась, и по этой причине не могла поддерживать беседу и переводила все на меня. Ко мне Абакумов относился с насмешливым любопытством. Его занимало, что я в пятнадцать лет имею свое суждение, проявляю интерес к истории, политике, международным делам, задаю вопросы и строю предположения. Часто по поводу моих высказываний он говорил: «У вас, барышня (он всегда говорил мне «вы»), слишком длинный язык. Он вас до добра не доведет». А однажды, выслушав какое-то мое соображение, вспыхнул и резко сказал: «Вы думайте, что говорите. Я бы вам посоветовал ни при ком не повторять того, что вы мне сейчас сказали!..»

А был еще и такой случай: как-то он рассказывал мне и Вале про Германию, куда он вошел вместе с советскими войсками, а не исключено, что бывал там и раньше. О немцах, об их быте, жизни, обо всем, что он видел в той стране, он говорил с восторгом. Все его там удивляло, умиляло, восхищало: машины, техника, дома, города, вещи и, особенно, почему-то немецкие крестьянские

кафельные кухни. «Как же при этом получилось, что мы их победили?» — с искренним удивлением воскликнула я. Абакумов вдруг замолк, пристально посмотрел на меня и с какой-то злобной ехидностью проговорил: «Разве вам не известно, что наша страна самая сильная, самая передовая и самая прекрасная в мире? Разве вы не знаете о морально-политическом единстве советского народа? О его беззаветной преданности партии и нашему вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину? Я прошу вас запомнить все это и постараться не задавать больше глупых вопросов». Я помню, что этот его выпад меня тогда здорово напугал. Я подумала: «Больше рта не открою». Но потом как-то все забылось и прогулки продолжались.

А мы с Валей воспринимали министра ГБ в полном отрыве от поста, который он занимал, и не объединяли его с тем ужасом, который, мы знали, царил вокруг. Причиной тому были наша молодость и глупость. И еще, возможно, была ответственна за это неистовая преданная любовь Вали. Она утопала в этих отношениях и, я убеждена, что они затянулись почти на год только потому, что Абакумов не мог отвергнуть такой искренности и преданности. Он не был женат, свои отношения с Валей не скрывал, и она в этом видела возможность определенного их развития.

Настал день, по-моему, это были Октябрьские праздники 45-го года, когда Валя сказала: «Виктор Семенович приглашает нас завтра в гости, к себе домой». Он жил в Телеграфном переулке около Чистых прудов в особняке, где занимал целый этаж. Мы пришли первыми. Вслед за нами стали собираться другие гости. Меня удивило, что среди приглашенных не было «высокопоставленных» мужчин и женщин, номенклатурных мордатых толстых и пожилых бонз. Все гости были молоды: какие-то девушки, молодые женщины и молодые люди. Мы с Валей никогда никого из них не встречали и понятия не имели, кто они такие, откуда их всех набрал Виктор Семенович. Позднее мне Валя говорила, что на всех вечеринках у Абакумова, на которых она бывала, была именно вот такая молодая публика.

Я не думаю, что Абакумов был по-настоящему образованным человеком…

Как мне казалось, у него был какой-то напряженный интерес к Америке. В доме повсюду валялись американские журналы «Life», «Look». У него я их впервые и увидела. По ним Абакумов одевался (а одевался он изысканно модно, в прекрасно сшитые костюмы, заграничные рубашки и вообще во все заграничное). По американским же журналам обставлял свои многочисленные комнаты. Сервировал стол. Он говорил, что любит смотреть

американские фильмы потому, что его интересует всякая информация «оттуда»: как там люди живут, что носят, что едят, на каких машинах ездят… По-моему, ему очень хотелось походить на «западного» человека. Он даже говорил Вале, что три дня в неделю занимается с преподавателем английским.

Судя по тому, что находилось в его квартире, он вывез «полГермании». Картины, посуда, хрусталь, мебель, ковры, люстры — все было трофейное. Хозяин, что было заметно, старался разобраться в этом великолепии и привести его в соответствие с последней картинкой рекламного проспекта, прибывшего из-за рубежа.

Вспоминая Абакумова, могу сказать, что он начисто был лишен того, что называют «приятностью», «харизмой». Более того, он был неуютным в личном общении — холодно высокомерным, презрительно насмешливым. Безоговорочно принимая «западную» жизнь, в том виде, в каком она доходила до него в виде фильмов и журналов, он презирал советскую действительность. Все советские — газеты, книги, кино, автомобили — вызывали у него неприятие и брезгливость. Такие же чувства испытывал он к своим коллегам из МГБ и номенклатурным работникам. Валя мне говорила под огромным секретом, что Сталина — своего благодетеля, вознесшего его так высоко, он ненавидел настолько, что не мог (или не хотел?) этого скрыть. Однажды она была у него, когда раздался телефонный звонок — его вызывали к Сталину. Отойдя от телефона с перекошенным злобой и отвращением лицом, он грязно выругался и сказал: «Должен явиться»» […].

Роман Вали с Абакумовым закончился так же неожиданно, как и начался. Однажды Абакумов объявил Вале, что он женится на своей бывшей секретарше Тоне. Женится якобы потому, что означенная секретарша слишком много знает. Я в эту версию не верила: разве он не мог «убрать» эту слишком сведущую даму, как было принято в СССР, и не только с секретаршами? Но я молчала. Как говорится, не мое собачье дело. Валя страшно переживала этот разрыв: поблекла, подурнела и считала, что ее жизнь кончилась. Однако через недолгое время она поступила в Плехановский институт, вышла замуж за сына маршала Г. Жизненные обстоятельства разнесли нас в разных направлениях. Мы почти не виделись, редко перезванивались. Последнее, что я слышала от Вали об Абакумове, был ее рассказ о том, что она с мужем была приглашена на грандиозное празднование…летия ее «красавчика», как она выразилась. Было это не то в конце 50-го, не то в начале 51 — го года. И вдруг, летом 51 — го поползли слухи, что Абакумов арестован».

Антонина Николаевна Смирнова, вторая жена Абакумова, была младше мужа на двенадцать лет. Они познакомились, когда она работала в отделе военно-морской разведки МГБ.

В самую красивую женщину своего ведомства министр влюбился с первого взгляда. А потом закрутился бурный роман взаимной и зрелой любви.

«Тоня была ему жена или не жена, но ее все знали, хотя в кабинет к нему она никогда не ходила, — вспоминает Зинаида Павловна Алексеева. — Она в секретариате работала, в морской контрразведке, на другом этаже. В столовую мы все вместе ходили. Такая же девочка, как мы были, моя ровесница, по-моему, никакой одеждой она не отличалась. Только если я в гимнастерке ходила, то она в обычном платье… Хотя нет, точно не скажу, — Абакумов на ней женился, потому как потом я встретила ее в Московском управлении. Мужу и жене вместе работать было не положено, вот ее туда и перевели».

В мае 1951 г. Антонина родила Виктору сына.

Первая жена Виктора Семеновича — Татьяна Андреевна (кстати сказать, тоже Смирнова), тяжело переживала, как она думала, очередной роман своего мужа. Но все оказалось гораздо серьезнее.

Молодой министр ушел от нее, оставив все, в том числе и квартиру по Телеграфному переулку. Благо, им не надо было разводиться, так как они прожили вместе долгую жизнь без регистрации брака.

Обиженная Татьяна Андреевна еще в период первых встреч Абакумова с Антониной написала на него письмо, в котором «жаловалась на то, что Виктор Семенович изменяет ей, иногда поколачивает ее, просила, да нет, просто информировала о том, что Абакумов имеет любовную связь со Смирновой А. Н., сотрудницей своего ведомства».

Свою новую «квартиру» — особняк в центре Москвы в тихом Колпачном переулке — Виктор Семенович приглядел случайно. Как-то прогуливаясь в свободное время с адъютантом, следовавшим позади, он увидел дом, который, несмотря на свою запущенность и невзыскательность, ему очень и очень приглянулся. На тот момент в нем ютились целых 16 семей, насчитывающих 50 человек. Известно, что все они вскоре получили отдельные квартиры, что по тем временам (конец сороковых) было истинным чудом!

Капитальный ремонт дома велся под личным присмотром молодого министра. Говорят, он частенько появлялся на тщательно охраняемом объекте и лично давал указания группе архитекторов и отдельно прорабу. Строил-то для себя.

Как пишет Леонид Репин, Абакумов «все продумал: на первом этаже размещается только охрана, а весь второй этаж — просторный кабинет, обширная спальня, необъятная столовая и прочие помещения общей площадью более 300 квадратных метров — это уже личные покои, куда можно было подняться исключительно по долгу службы или по приглашению.

Люди видевшие в только что освобожденной Европе дворцы королевских вельмож и побывавшие в доме министра госбезопасности, шепотком признавали, что московская цитадель Абакумова по своему роскошеству ничем не уступала этим дворцам. Хотя внешне особняк и выглядел значительно скромнее. Абакумов понимал: роскошь не должна бить по глазам.

За фасадом же, каких в Москве множество, все светилось, сверкало. Хрустальные люстры, вывезенные из Европы, низвергали потоки света на светлый, идеально полированный мрамор, на зеркала, обрамленные затейливой резьбой, на мраморные же лестницы и все прочее, от чего у простых смертных широко раскрываются рты и глаза. Вероятно, излишне напоминать, что все это делалось не за личные деньги министра, а исключительно за государственный счет».

Впоследствии в представительском особняке на Колпачном переулке будут проходить различные переговоры с руководителями разведок социалистических стран.

Кстати сказать, отцом второй жены Абакумова был некто Смирнов Николай Андреевич, 1883 года рождения. Врач, артист оригинального жанра, специализировавшийся на ментальной магии и сеансах гипноза, в том числе массового, имел псевдоним Орнальдо.

По мнению литературоведов, именно сеансы Орнальдо подтолкнули Михаила Булгакова к мысли ввести в роман «Мастер и Маргарита» эффектную сцену представления Воланда в московском варьете. Сам Николай Андреевич достаточно активно гастролировал по стране в 20-е годы двадцатого столетия. В 1935 году совместно с женой Дорой Петровной Орнальдо создал иллюзионный театр, в котором были показаны две эксцентрические феерии «Человек-невидимка» (по одноименной книге Герберта Уэллса) и «Тысяча вторая ночь Шехерезады». Утверждают, что, несмотря на содержательную слабость пьес, с точки зрения построения иллюзионного представления эти постановки были новаторскими, поскольку трюки, преимущественно основанные на принципе «черного кабинета», были объединены единой сюжетной линией. Николай Андреевич, по мнению очевидцев, был очень сильным гипнотизером, впоследствии он стал заниматься лечебным гипнозом: усыплял

больных, подлежащих операции, и те не чувствовали никакой боли.

Также существует мнение, что Орнальдо в тридцатые годы находился на секретной работе в НКВД…

Единственный сын Виктора Семеновича Игорь Викторович Смирнов, несмотря на пережитое после отца и матери, все же сумел получить хорошее образование и стать выдающимся ученым.

В 80-е годы прошлого века он совершил величайшее открытие в области исследования подсознания. Используя психосемантический анализ, он разработал компьютерную методику и специальный прибор для психозондирования. Получив международное признание, Игорь Викторович отказался возглавить научно-исследовательский институт в Германии…

Интриги и новые «шпионские» лица

Беседуя с бывшим заместителем министра госбезопасности Е. П. Питоврановым, Евгений Жирнов зафиксирует: «Берия был взбешен тем, что Абакумов, став главой Лубянки, перестал прислушиваться к его указаниям. Мало того, за первые несколько месяцев своего руководства Абакумов снял с руководящих постов в МГБ почти всех ставленников Лаврентия Павловича и заменил их своими смершевцами.

Глава МИДа и созданной в мае 1947 года объединенной военной и политической разведки — Комитета информации (КИ) — Молотов тоже отрастил на нового министра госбезопасности огромный клык. Его всегда раздражали дипломатические скандалы, нередко возникавшие после абакумовских «мероприятий» против иностранцев. Кроме того, наглый глава МГБ умудрился подсунуть ему в КИ первым заместителем генерала Петра Федотова, человека неглупого, но крайне нерешительного. В результате, когда Молотов отсутствовал, Федотов не рисковал самостоятельно принимать мало-мальски ответственные решения и работа конкурирующей с МГБ фирмы стопорилась на многие дни, а то и недели.

Но особенно жестко враждовали с Абакумовым руководители МВД — министр внутренних дел Сергей Круглов и его первый заместитель Иван Серов. Глава Лубянки добивался передачи в свое подчинение одного подразделения МВД за другим…

Мстить Абакумову его неприятели могли только одним способом — показывая Сталину, что министр госбезопасности ни на что не годен. В коридорах власти было известно, что отец народов относится к министру госбезопасности так же, как чабаны в горах к овчаркам, охраняющим их овец: хорошо стерегут — ценят, плохо — убивают. И осенью 1947 года кампания по дискредитации Абакумова, спланированная и срежиссированная Берией, началась.

Хитроумный Лаврентий на основании докладов КИ и МВД стал доказывать Сталину, что МГБ не борется с окопавшейся повсюду английской агентурой, что по недогляду Абакумова американские шпионы проникли в советский атомный проект и вовсю вредительствуют в нем. К провалам выдуманным прибавились и реальные: «Осенняя операция МГБ по украинским националистам, — информировал вождя генерал Серов, — была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А Абакумов за операцию представил сотни сотрудников к наградам».

Над головой министра госбезопасности начали сгущаться тучи. Ему срочно нужно было раскрыть какую-нибудь опасную шпионскую или террористическую сеть. Одержать такую победу над врагами народа, которая могла бы вернуть ему расположение Сталина. Например, разоблачить еврейский заговор».

Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) был в то время единственной официальной еврейской организацией. «Его создавали в 1941 году при деятельном участии курировавшего в то время абсолютно все общественные организации НКВД, который тогда возглавлял Берия, для оказания полезного для СССР влияния на общественное мнение Запада. С этой задачей ЕАК справился успешно. Но после войны он оказался для властей большой проблемой — закрыть его было неудобно, а интегрировать в советский строй, как скоро выяснилось, невозможно.

ЕАК жил своей сложной и тревожной жизнью, а в кремлевском воздухе все время витала идея использовать зарубежные родственные связи членов ЕАКа для блага Страны Советов. Первой попыталась ее реализовать разведка партии — международный отдел ЦК ВКП(б). Но ЕАК быстро стал разменной монетой во внутрицековских интригах, и дело не выгорело.

Следующим куратором ЕАКа стал Комитет информации. Там еще не забыли о том, что в 20-е и в первой половине 1930-х годов, когда советская разведка добивалась выдающихся успехов, это счастье было стопроцентно еврейским. Стране, в которой евреям живется хорошо, диаспора помогала охотно и бескорыстно. Агентов укрывали, им доставали документы, их выводили на полезных людей. В 1947 году шла борьба вокруг будущего Палестины, в которой Молотов отводил ЕАКу немалую роль. В качестве первого шага ответственным секретарем ЕАКа был назначен кадровый разведчик Григорий Хейфец.

Для Абакумова все это было подарком свыше. Разоблачив шпионское или террористическое гнездо в ЕАКе, он бросал тень и на Берию, и на Молотова и, как минимум, на долгое время ограждал себя от их нападок. Такая перспектива должна была прийтись по вкусу и Сталину», — считает Е. Жирнов.

Руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР Соломон Михоэлс был к тому же еще и председателем ЕАКа. Именно к нему в театр пришла родственница Сталина — Евгения Аллилуева. И он, совершенно не зная, как вождь относится к Аллилуевым вообще (тот их терпеть не мог), частенько общается с ней. Как утверждает Е. Жирнов, «нацистский вирус поразил не только Абакумова. Михоэлсу со всех концов СССР писали о симптомах

надвигающейся эпидемии, и он метался, пытаясь ее остановить. И когда в его театр пришла Евгения Аллилуева, он попробовал через нее, родственницу Сталина, передать вождю свою тревогу».

Но как превратить бытовые разговоры, сплетни о Сталине и случайные встречи в опасную шпионскую сеть, а потом оформить все в заговор, в МГБ не просто знали, но и имели на этот счет богатый опыт. И это при том, что некоторая конфиденциальная информация о семейной жизни Иосифа Виссарионовича каким-то образом попала на страницы зарубежной печати. Найти каналы утечки такой информации было несложно. Для этого потребовалось всего лишь только начать прослушивание квартирных и телефонных разговоров большинства родственников вождя, установить их связи и контакты. Очень скоро «оперативной техникой» были зарегистрированы критические разговоры о Сталине в квартире Анны Аллилуевой и Евгении Аллилуевой. Первая была сестрой, а вторая женой брата вождя.

Но послушаем Е. Жирнова: «В половине двенадцатого ночи 9 декабря 1947 года Абакумов докладывает «дело Михоэлса» своему хозяину. Уже в начале первого в кабинет Сталина привозят Светлану. Судя по тому, что она ничего не пишет об этой встрече в своих мемуарах, ей не хотелось вспоминать то, что там произошло. Видимо, она подтвердила, что говорила с тетками об отце. Как бы то ни было, в тот же день Сталин дал Абакумову приказ арестовать Евгению Аллилуеву».

Евгению Аллилуеву арестовали не одну. Арестовали и ее нового мужа Молочникова. В конце января 1948 года очередь настала и для Анны Аллилуевой. По утверждению историка Г. В. Костырченко, информация о личной жизни Сталина и судьбе членов его семьи уходила за границу по одному каналу через старшую дочь Евгении Аллилуевой Киру Павловну и ее друга, работавшего в посольстве США в Москве (Зайцев В. В.), по другому — через друзей Аллилуевых, Молочникова и дочери Сталина — Светланы и ее мужа Григория Морозова, и прежде всего И. И. Гольдштейна и З. Гринберга. Экономист Гольдштейн работал вместе с Молочниковым и Евгенией и Павлом Аллилуевыми в торговом представительстве СССР в Берлине с 1929 по 1933 год. Литератор Гринберг, друг и сотрудник Соломона Михоэлса по работе в ЕАКе, познакомил последнего с кружком Евгении Аллилуевой.

16 декабря Евгения Аллилуева «показала на допросе, что ее старый знакомый Гольдштейн, заходя периодически к ней в гости, расспрашивал о Сталине, его дочери Светлане». Через три дня Гольдштейна арестовали по личному указанию Абакумова.

Летом 1953 г. полковник Комаров показал, что в конце 1947 — начале 1948 года ему в кабинет в Лефортовской тюрьме позвонил министр и заявил: «Инстанции считают, что Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя Советского правительства не по собственной инициативе, а что за его спиной стоит иностранная разведка».

Заместитель начальника следственной части по особо важным делам М. Т. Лихачев после получения этого указания приказал следователю полковнику Г. А. Сорокину, ведущему дело Гольдштейна: «размотать шпионские связи Гольдштейна и выявить его шпионское лицо».

Сам Гольдштейн в письме Маленкову 2 октября 1953 года сообщал: «19 декабря 1947 г. я был арестован в Москве органами МГБ СССР и препровожден на Лубянку, а затем в следственную тюрьму в Лефортово. Здесь без сообщения причин моего ареста от меня потребовали, чтобы я сам сознался и рассказал о своей якобы вражеской деятельности против Родины.

Меня начали жестоко и длительно избивать резиновой дубинкой по мягким частям и голым пяткам. Били до того, что я ни стоять, ни сидеть не был в состоянии… Через некоторое время мне предложено было подписать протокол (якобы продиктованный мною), в котором говорилось, что я признаю себя виноватым. Я отказался подписать такой протокол. Тогда следователь Сорокин и еще один полковник стали так сильно меня избивать, что у меня на несколько недель лицо страшно распухло, и я в течение нескольких месяцев стал плохо слышать, особенно правым ухом… За этим последовали новые допросы и новые избиения. Всего меня избивали восемь раз, требуя все новых и новых признаний».

В результате избиений Гольдштейн дал «показания о том, что со слов Гринберга ему известно, что в президиуме Еврейского антифашистского комитета захватили руководство отъявленные буржуазные националисты, которые, извращая национальную политику партии и Советского правительства, занимаются несвойственными для комитета функциями и проводят националистическую деятельность. Кроме того, Гольдштейн показал о шпионской деятельности Михоэлса и о том, что он проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле. Такими сведениями у Михоэлса, как показал Гольдштейн, интересовались американские евреи».

Вскоре после выбитых показаний Виктор Семенович лично прибыл в Лефортовскую тюрьму и спросил у Гольдштейна:

— Итак, значит, Михоэлс — сволочь?

— Да, сволочь, — ответил узник.

9 января 1948 года в МГБ был подготовлен соответствующий материал для вождя, в котором показания Гольдштейна звучали следующим образом: «Михоэлс дал мне задание сблизиться с Аллилуевой, добиться личного знакомства с Григорием Морозовым. «Надо подмечать все мелочи, — говорил Михоэлс, — не упускать из виду всех деталей взаимоотношений Светланы и Григория. На основе вашей информации мы сможем разработать правильный план действий и информировать наших друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами»».

10 января вождь ознакомился с материалами и дал Абакумову «срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам».

В 1953 году, находясь в тюрьме, Абакумов показал: «Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И. В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса под видом несчастного случая, то есть чтобы Михоэлс и его спутник погибли, попав под автомашину.

В этом же разговоре перебирались руководящие работники МГБ СССР, которым можно было поручить проведение указанной операции. Было сказано — возложить проведение операции на Огольцова, Цанаву и Шубнякова.

После этого Огольцов и Шубняков вместе с группой подготовленных ими для данной операции работников выехали в Минск, где совместно с Цанавой и провели ликвидацию Михоэлса».

Слово Е. Жирнову: «Как рассказал автору непосредственный участник операции — начальник отдела по работе с интеллигенцией второго главка МГБ СССР полковник Федор Шубняков, по первоначальному плану убийство должно было произойти в Москве.

Боевики с Лубянки установили наблюдение за артистом, но улучить момент и впихнуть Михоэлса в машину в столице им так и не удалось. Популярный актер ни разу не оказывался на улице в одиночестве. А потом он вообще почти перестал выходить. Боевики решили, что он обнаружил наблюдение и все понял. Хотя, возможно, его просто напугал арест Евгении Аллилуевой и последовавшие за тем аресты Исаака Гольштейна и Захара Гринберга — людей, которых МГБ прочило в связные между ней и Михоэлсом.

Брать Михоэлса на квартире, которая находилась в здании театра, было слишком рискованно — могли появиться

нежелательные свидетели. Поэтому место действия решили перенести в Минск, куда Михоэлс уезжал на просмотр спектаклей — претендентов на Сталинскую премию. Прежде всего ему срочно поменяли попутчика — им стал осведомитель МГБ Владимир Голубов-Потапов. В тот же вагон сели два боевика. Они отвечали за то, чтобы Михоэлс не попытался сойти с поезда по пути. В Минске решили за жертвой не следить. Ликвидаторы хотели, чтобы он почувствовал себя там в безопасности. К тому же о каждом шаге Михоэлса МГБ и так сообщал Голубов».

Его хорошо знал Александр Борщаговский, который в 1993 году в «Новом Мире» написал о нем следующее: «Едва ли кто принял тогда на веру официальную версию о случайной гибели, о наезде или автомобильной катастрофе. Слухи множились…

Важной уликой было для меня то, что за два дня до отъезда Михоэлса в Минск ему внезапно сменили попутчика: вместо театрального критика Ю. Головащенко, уже оформившего командировку, Всероссийское театральное общество (ВТО) послало критика Голубова, талантливого литератора, автора первой книги об Улановой, в прошлом минчанина, окончившего в Белоруссии Институт инженеров железнодорожного транспорта. Не подозревая своего славного, пьющего коллегу Володю Голубова в сотрудничестве с органами госбезопасности, оплакивая его как случайную жертву убийц, я не мог не подумать о том, зачем его едва ли не силком принудили ехать в Минск. Ему бы радоваться поездке с мудрым и веселым Михоэлсом, который, как известно, не плошал в рюмочных баталиях ни с Фадеевым, ни с Алексеем Толстым, ни с мхатовскими корифеями…

А Голубов нервничал, места себе не находил.

В день отъезда я увиделся с ним дважды — в ВТО, куда заглянул через Пушкинскую площадь из своей редакции «Нового мира», и на Белорусском вокзале перед отходом поезда. Не зная, что я приду на вокзал, Михоэлс позвонил ко мне домой, сказал моей жене Валентине, чтобы я не тревожился, — он вернется через несколько дней и прочтет труппе мою пьесу: он собирался ставить в ГОСЕТе запрещенную тогда Главреперткомом мою пьесу о временах фашистской оккупации Киева.

На вокзале Голубов как-то сиротливо прижался ко мне, признался, что «вот так» — пухлой рукой он провел по воротнику пальто — не хочет ехать, не думал и не хочет… «Зачем же ты дал согласие? Ты в ВТО не служишь, послал бы их подальше». Он посмотрел на меня серьезно и печально, сказал понуро, что нужно, просят, очень просят, потом чуть посветлел лицом — мол, с Михоэлсом все-таки интересно.

Голубов не мог подозревать, что они обречены, что жизнь

кончена, но как человек болезненно впечатлительный он заметался, что-то испугало его в поспешности командировки, предчувствия прогнали с лица полудетскую, какую-то незащищенную улыбку. Мягкий, иронический, лукаво-снисходительный человек, он пользовался общей нашей любовью, никому в голову не приходила мысль о его зависимости от страшной карающей силы. «Я, когда напиваюсь, — пожаловался он однажды, — всегда оказываюсь на железной дороге… помню рельсы, рельсы, рельсы, пустые вагоны, стальные щиты на переходных площадках, тамбуры, — ни человеческого голоса, ни гудков, только путейское железо…»

Черные, провальные ночи, вероятно, и сделали его заложником.

Организатором убийства нужен был зависимый, сломленный человек и непременно бывший житель Минска, оставивший там какие-то корни, давние знакомства и связи».

Следуя рассказу Е. Жирнова,»10 января 1948 года Сталин потребовал отчета по делу и Абакумов приехал к нему вместе с начальником следственной части по особо важным делам МГБ Леоновым, его заместителем Лихачевым и следователями Кулешовым, Сорокиным и Соколовым. После долгого доклада в кабинете Сталина остался только министр. В эти пять минут решено было сменить руководителей операции. Теперь ее возглавил первый заместитель Абакумова генерал Сергей Огольцов, а в группу включили упомянутого выше Федора Шубнякова. Той же ночью они вместе с остальными боевиками на машине Огольцова выехали в Минск.

Задачей Шубнякова, как он рассказал автору, было поддерживать связь с Голубовым, который должен был информировать группу о планах Михоэлса. Шубняков утверждал, что никогда раньше не видел агента и знал его только по описанию. Встретившись с ним в условленном месте — у минского почтамта, полковник поразился: Голубов, которого не предупреждали о цели поездки, нервничал так, будто знал, что должно произойти.

По словам Шубнякова, Абакумов несколько раз звонил и подгонял Огольцова: «Давайте там скорее». Операцию наметили на вечер 12 января 1948 года. Около 18.00 Михоэлс и Голубов поужинали в ресторане и вернулись в гостиницу. Потом, как было условлено с Голубовым, ему позвонил боевик и «уговорил» вместе с Соломоном Михайловичем приехать на свадьбу. В восемь часов к гостинице подъехала машина министра госбезопасности Белоруссии генерал-лейтенанта Лаврентия Цанавы. Водитель-боевик и приехавший вместе с ним «друг молодоженов» повезли

жертв на дачу Цанавы. Перед самыми воротами машина затормозила, и обоих пассажиров отключили удушающими приемами. Во дворе их вытащили из машины.

Все члены группы стояли в нескольких метрах от тел. Шубняков утверждал, что никогда не присутствовал и не хотел присутствовать при подобном, поэтому он повернулся, чтобы уйти в свою комнату на даче. Но Огольцов приказал: «Всем стоять, как стояли!» Боевик тяжелой дубинкой ударил Михоэлса и Голубова по голове. Все было кончено — руководители группы ушли в дом. Потом трупы увезли в город, а когда боевики вернулись, вся команда, кроме Цанавы, на машине Огольцова уехала в Москву».

После ликвидации, согласно третьему варианту, трупы вывезли на малолюдную (глухую) улицу города Минска, положили на дороге, ведущей к гостинице, и произвели наезд грузовой машиной. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращавшихся с гулянки людей, тем более подобные случаи в Минске в то время были очень часты.

А 13 января 1948 года трупы Михоэлса и Голубова обнаружил рабочий, шедший на утреннюю смену. Расследование обстоятельств смерти продолжалось около месяца, после чего докладная записка Главного управления милиции МВД 11 февраля 1948 года легла на стол заместителя внутренних дел генерал-полковника И. А. Серова.

В заключительной части этого документа говорилось:

«Так как контингент знакомых Михоэлса и Голубова-Потапова состоял главным образом из среды артистического мира, разработку которых целесообразно вести органами МГБ, то добытые следственные и агентурные материалы, касающиеся этих лиц, были переданы 2-му управлению МГБ СССР, и вся дальнейшая проверка этих связей проводилась аппаратом 2-го управления».

Все просто и ясно, если не считать, что осенью 1948 года участники ликвидации были удостоены боевых орденов: генерал Цанава — ордена Красного Знамени, полковник Шубняков и еще два офицера (полковник и старший лейтенант) ордена Отечественной войны I степени, а два майора — ордена Красной Звезды.

* * *

Поощряя соперничество среди руководителей группы лиц,

Сталин не без основания поддержал попытки Г. М. Маленкова и Л. П. Берия скомпрометировать Н.А. Вознесенского и А. А. Кузнецова.

Есть свидетельство, что вождь в частных беседах высказывал предположения о том, что в качестве своего преемника по партийной линии он видел секретаря ЦК, члена Оргбюро А.А. Кузнецова, а по государственной — члена Политбюро, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н.А. Вознесенского.

Считается, что поводом для фабрикации ложных обвинений в отношении А.А. Кузнецова послужила проведенная в январе 1949 года в Ленинграде Всероссийская оптовая ярмарка. Именно после ее завершения Г. М. Маленков выдвинул против А.А. Кузнецова и Председателя Совета Министров РСФСР М. И. Родионова, секретарей Ленинградского обкома и горкома партии П. С. Попкова и Я. Ф. Капустина обвинения в том, что они провели ярмарку без ведома и в обход ЦК и правительства. Между тем документально было установлено, что ярмарка была проведена во исполнение постановления Совета министров СССР.

А дело было так. В октябре 1948 года на заседании Бюро Совета Министров под председательством Г. М. Маленкова рассматривался отчет Министерства торговли СССР и Центросоюза об остатках залежавшихся товаров и мерах по их реализации. В связи с тем, что в государстве таких товаров скопилось на сумму до 5 млрд руб., которые не находили сбыта в обыкновенных условиях торговли, Бюро поручило Совмину и Министерству торговли разработать соответствующие мероприятия по решению этой проблемы.

В ноябре Бюро Совета Министров СССР, опять-таки под председательством Маленкова, приняло постановление «О мероприятиях по улучшению торговли». Во исполнение этого постановления Министерство торговли СССР и Совет Министров РСФСР приняли решение провести в Ленинграде с 10 по 20 января Всероссийскую оптовую ярмарку. 13 января 1949 г. во время работы ярмарки Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов уведомил секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова об открывшейся в Ленинграде ярмарке с участием в ней торговых организаций союзных республик. Однако на этом сообщении Маленков начертал: «Берия Л. П., Вознесенскому Н.А., Микояну А. И. и Крутикову А. Д.

Прошу Вас ознакомиться с запиской тов. Родионова. Считаю, что такого рода мероприятия должны проводиться с разрешения Совета Министров».

25 декабря 1949 года произошло еще одно событие, ставшее предвестником сталинского гнева. В этот день в Ленинграде состоялась X областная и VIII городская объединенная партийная конференция, в конце которой состоялись выборы кандидатов на должность первого секретаря обкома и горкома ВКП(б), первого секретаря обкома ВКП(б), первого секретаря горкома ВКП(б) и Председателя Ленгорисполкома. После обычного для тех времен голосования и подсчета бюллетеней на высшие партийные должности соответственно были назначены: Попков П. С., Бадаев Г. Ф., Капустин Я. Ф., Лазутин П. Г.

Словом, все как обычно, все законно, все с соблюдением всех необходимых для этого процедур. Однако некий член партии написал в ЦК ВКП(б) на имя Сталина анонимное письмо, в котором поведал о том, что выборы партийных руководителей Ленинграда и области были сфальсифицированы, подсчет голосов велся неправильно, с нарушением всяких норм, так как во многих бюллетенях фамилии Попкова, Бадаева и Капустина были вычеркнуты. Сталин тут же вызвал Маленкова и поручил ему срочно разобраться в этом деле. Комиссия партийного контроля немедленно провела проверку и выявила: против кандидатуры Попкова проголосовало — 4 коммуниста, против Бадаева — 2, против Капустина — 15, против Лазутина — 2.

Комиссия обратила внимание и на такой факт: в протоколе счетной комиссии значилось, что все участники пленума голосовали единогласно. Так как комиссия управилась всего за три дня, с 10 по 12 января 1949 года, то так же срочно, после готовности ее результатов, Попков был вызван в Москву, на заседание Политбюро ЦК ВКП(б).

15 февраля 1949 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.».

21 февраля 1949 года состоялось объединенное заседание бюро, а 22 февраля — объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии. На них присутствовали Г. М. Маленков и член Оргбюро ЦК ВКП(б) В. М. Андрианов. С сообщением об антипартийных действиях А.А. Кузнецова, М. И. Родионова и П. С. Попкова выступил Г. М. Маленков. Так скажем, обвиняемым приписывалась самовольная организация в Ленинграде в январе 1949 года Всесоюзной оптовой ярмарки, которая якобы привела к разбазариванию государственных товарных фондов и нанесла материальный ущерб государству.

24 января Кузнецов последний раз присутствовал на заседании Оргбюро, а через четыре дня его назначили

руководителем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). По правилам игры тех лет, Родионов, Кузнецов и Попков были сняты с занимаемых постов, им объявили партийные взыскания — выговор.

В отношении Н.А. Вознесенского в постановлении Политбюро говорилось: «Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о «шефстве» над Ленинградом, указав ему на неправильность такого предложения, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении шефствовать над Ленинградом, сделанным ему т. Попковым».

7 марта Вознесенского освободили от обязанностей заместителя Председателя Совета министров и председателя Бюро Совета министров по металлургии и химии, вывели из состава Политбюро и отправили в отпуск для лечения.

Дело в том, что против Вознесенского была использована докладная записка заместителя председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства СССР на I квартал 1949 года, а 5 марта 1949 года Бюро Совета Министров СССР принимает проект постановления Совета Министров СССР «О Госплане», в котором была записана фраза Сталина: «Попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера». В результате появилась следующая протокольная запись: «Тов. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом, не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана, вследствие чего в Госплане культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана хитрят с правительством».

В тот же день Вознесенского сняли с поста председателя Госплана СССР. Назначенный на должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Е. Е. Андреев в июле 1949 года представил записку об утрате Госпланом СССР за период с 1944 по 1948 год более 200 документов, в том числе 9 из личного секретариата председателя. В числе их: записка о мерах по развитию нефтяной и угольной промышпенности в 1947 году, материалы о восстановлении черной металлургии Юга, записка об основных показателях плана производства цветных металлов в СССР,

мероприятия об организации производства радиолокационных станций и т. д.

В начале сентября 1949 года председатель КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятов внес предложение исключить Вознесенского из членов ЦК и привлечь его к судебной ответственности за утрату служебных документов. 11 сентября Политбюро приняло решение вынести оба эти предложения на Пленум ЦК ВКП(б), а 12 сентября 1949 года Пленум утвердил их.

В МГБ подготовка «Ленинградского дела» началась уже летом 1949 года. С этой целью была осуществлена фабрикация ряда материалов по обвинению А.А. Кузнецова, М. И. Родионова и руководителей Ленинградской областной партийной организации в контрреволюционной деятельности.

21 июля 1949 года Абакумов направил одну из докладных записок Сталину, после которой получил указание на арест Я. Ф. Капустина и начальника ленинградского областного управления МГБ П. Н. Кубаткина.

13 августа в кабинете Маленкова были арестованы А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, П. Г. Лазутин, Н. В. Соловьев.

Виктор Семенович прекрасно понимал, что Берия и Маленков, используя Сталина, будут убирать Кузнецова и «ленинградцев» его руками. Но что ему оставалось делать? Что он мог противопоставить им всем?

И хотя Леонид Млечин называет «Ленинградское дело» самой крупной акцией Абакумова, это не совсем так.

Известно, что его люди следствие по Кузнецову и вообще по «Ленинградскому делу» вели, совершенно не копая вглубь. Да и дело Кузнецова Абакумов поручил вести Комарову. Оно и понятно, были у Виктора Семеновича с Кузнецовым дружеские отношения. С ним они встречались во внеслужебной обстановке.

Когда Комаров доложил Абакумову план расследования дела Кузнецова и заговорил про шпионаж, Виктор Семенович встал из-за стола и, расхаживая по кабинету, рассуждал вслух:

— Собственно, какой из этих арестованных шпионаж? Они давно на виду, постоянно находились под охраной МГБ, каждый их шаг был известен… начни мы ставить вопросы об их связи с заграницей, в ЦК будут смеяться.

А потом министр сказал Комарову:

— Мы солдаты, что прикажут, то и должны делать!

Комаров понял все правильно и не стал допрашивать Кузнецова про шпионаж.

И еще один факт: «После возникновения «Ленинградского дела» и ареста в 1949 году бывшего Секретаря ЦК ВКП(б) А.А.

Кузнецова, тень сталинского недоверия легла и на Абакумова, — пишет Н. Петров. — И это не случайно, ведь Абакумов имел довольно тесные отношения со своим бывшим куратором. Причем настолько, что ряд текущих вопросов предпочитал решать на уровне Кузнецова, не доводя их до Сталина. Еще в начале 1948 года вождь обратил на это внимание. Тогда, без согласования с ним Кузнецов разрешил Абакумову предать «суду чести» в МГБ двух проштрафившихся офицеров. По инициативе разгневанного Сталина Политбюро 15 марта 1948 г. вынесло взыскание Абакумову за действия «без ведома и согласия Политбюро» и Кузнецову за «единоличное согласие на организацию суда».

Трудно сказать, тогда ли у Сталина возникла мысль вообще избавиться от министра госбезопасности, но, по крайней мере, иезуитский расчет вождя состоял в том, что именно Абакумов должен обеспечить проведение «Ленинградского дела», по которому в числе прочих проходил Кузнецов. А уж потом, когда нужда в Абакумове отпадет — избавиться от него».

Но вернемся немного назад, чтобы понять некоторые детали внутрипартийной борьбы за власть…

В борьбе Берия и Маленкова за власть очень скоро появился провоцирующий повод, который дал, на их удачу, сын А.А. Жданова Юрий. В декабре 1947 года ассистента на кафедре органической химии МГУ Жданова назначили заведующим отделом науки управления пропаганды и агитации ЦК. Энергичный и сильно желающий показать себя на руководящей работе, двадцатисемилетний молодой человек сразу же решился атаковать научное творчество «ловкого авантюриста, демагога и более чем посредственного ученого, возглавлявшего с 1938 г. Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ)» Т. Д. Лысенко. Получив конкретную информацию от классических генетиков о плачевном положении дел в отечественной агробиологии, при этом использовав информацию Абакумова из научных биологических кругов (от заслуживающих доверие источников), Юрий Жданов на семинаре лекторов обкомов партии 10 апреля 1948 года дал решительный бой лысенковщине.

В докладе «Спорные вопросы современного дарвинизма» он сказал:

— Мы скажем нашим биологам, которые воюют сейчас с Трофимом Денисовичем, — смелее в практику, смелее в жизнь.

Когда к Сталину за защитой обратился перепуганный Лысенко, он приказал расследовать разразившийся скандал и обсудить его на Политбюро. Маленков самым внимательным образом изучил доклад сына Жданова, а в мае 1948 года Лысенко

передал ему еще и собственные замечания по нему, которые представляли собой 24 выписки с комментариями и разъяснениями.

Таким образом, конфликт Жданова-младшего с Лысенко был умело представлен Маленковым в своих интересах, после чего Сталин отвернулся от А.А. Жданова.

На заседании Политбюро, открывшемся 31 мая, вождь возмущаясь, заявил, что «Жданов-младший поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко, забыв, что тот сегодня является Мичуриным в агротехнике».

И, подводя итоги, Сталин, очень тихо и со «зловещей» нотой в голосе произнес:

— Надо примерно наказать виновных, но не Юрия Жданова, еще молодого и неопытного, а отцов, — указав при этом мундштуком трубки на Жданова-старшего.

1 июля 1948 года Маленков вновь избирается секретарем ЦК и возвращается в Секретариат вместе с Пономаренко (еще один враг Абакумова), а 6 июля Политбюро отправляет Жданова в отпуск на два месяца.

В последний раз вождь принял опального соратника 12 июля, но из отпуска он так уже и не вышел, скончавшись 30 августа 1948 года на Валдае.

Маленков сразу же приступил к реорганизации аппарата…

Н.А. Вознесенского арестовали 27 октября 1949 года. Примечательно, что ходом следствия по делу лично руководил Г. М. Маленков. Известно о его присутствии на допросах, на которых ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания.

После снятия с должности Кузнецова отправили… учиться — в Перхушково, в филиал Военно-политической академии имени Ленина.

«— 13 августа папа сказал нам: «Вот вам денежка, сбегайте в Военторг купите мороженое, — вспоминает Галина Кузнецова. — Только без меня не кушайте. Дождитесь». Ушел. Валерка с мамой еще успели помахать ему рукой в окошко… Мы ждали его. Час, два, три…

А в семь вечера, еще светло было, в квартире раздался звонок. В прихожую вошли четверо мужчин в темных костюмах и шляпах с большими полями. Люди в штатском искали то самое письмо, которое Сталин передал Кузнецову в осажденный Ленинград и в котором значилось: «Родина тебя не забудет». Так и не нашли. Исчезло — словно испарилось…

— Во время ареста Кузнецова мы с Аллой отдыхали в Сочи, — вспоминает Серго Анастасович Микоян. — Когда

вернулись, отец позвал меня к себе в комнату и сообщил об аресте Кузнецова. Он перечислил обвинения. И я помню, насколько они мне показались пустячными. Я же знал, что в 30-х годах Бухарина, Зиновьева обвиняли в шпионаже. И даже в том, что они хотели убить Сталина… Тогда это производило впечатление. В этом же случае обвинения были такими. Якобы Кузнецов говорил, что в Политбюро много нерусских. С Кавказа — Сталин, Берия и мой отец. Евреи — Каганович. Как будто бы Кузнецов заявлял: дескать, когда Сталин умрет, он постарается это изменить.

А еще его обвиняли в том, что он возвеличивал собственную роль в обороне Ленинграда и что даже в Музее обороны Ленинграда по его указанию повесили его портрет…»

Например, в письме Политбюро членам ЦК ВКП(б) был написан даже такой бред: «В настоящее время можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа, в которую входили Кузнецов А., Попков, Капустин, Соловьев, Вербицкий, Лазуткин.

В начале войны и особенно во время блокады Ленинграда группа Кузнецова, перетрусив и окончательно растерявшись перед сложившимися трудностями, не верила в возможность победы над немцами.

Группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве.

Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготовлялся вопрос о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград».

А вот что рассказывает сын Кузнецова Валерий: «Тут своя предыстория. Когда началась война, Жданов, в то время первый секретарь Ленинградского обкома, отдыхал в Сочи. Отец стал фактически первой фигурой в городе. Постоянно общался по телефону со Сталиным по вопросам подготовки города к обороне. Сталин высоко оценил эту работу. Зимой 42-го в присутствии членов ГКО собственноручно, что делал крайне редко, написал личное письмо Кузнецову. Письмо заканчивалось словами: «Алексей, Родина тебя не забудет»…

— Я убежден, что даже в то тяжелейшее время Сталин просчитывал будущие кадровые комбинации. В этом демонстративном письме, дающем мандат на полновластие в Ленинграде, ведь никакой необходимости не было. Ленинградом руководил живой Жданов. Сталин первым завел и разговор о приглашении Кузнецова в Москву под предлогом, что нужно выдвигать молодых. Отец пользовался огромной популярностью и

любовью у питерцев. Сталин учитывал эти настроения. Зачем ему был нужен еще один Киров в Питере?..

Реально же Сталин натравливал на отца свое завистливое окружение. Весьма показательно в этом смысле признание Микояна о том, как в 48-ом году на даче в Рице в присутствии «пятерки» — Молотова, Берии, Микояна, Маленкова и Кагановича — Сталин заявил, что хотел бы Генеральным секретарем поставить Кузнецова, а председателем Совета Министров питерца Вознесенского — тот тогда возглавлял Госплан…

— На деле это означало команду «фас». И ее так и поняли. Уже спустя полгода началась расправа. Секретаря Ленинградского горкома Капустина обвинили в связи с английской разведкой. А городское руководство — в сознательном противопоставлении центру. Доводы сейчас вызвали бы улыбку. Например, Совет Министров РСФСР организовал в Ленинграде Всероссийскую ярмарку оптовых товаров. Ленинградское руководство пригласило на нее гостей из других союзных республик. Маленков расценил эти приглашения как открытый вызов центру. А согласие на проведение ярмарки давал отец…»

А теперь несколько слов о Петре Николаевиче Кубаткине. В августе 1941 года его назначают начальником Управления госбезопасности по Ленинградской области. В 1945 году он становится уполномоченным НКГБ СССР по 2-му Прибалтийскому фронту.

В июле этого же года ему присвоено звание «генерал-лейтенант». В 1946-м новая должность: начальник Главного управления МГБ СССР (с 15 июня по 7 сентября 1946 г.).

В сентябре 1946 года его направили руководить Горьковским Управлением МГБ.

Что произошло далее, рассказывает Н. Петров: «Точка в карьере Кубаткина была поставлена в 1949-м — в связи с «Ленинградским делом». Министр госбезопасности Абакумов 22 февраля 1949 г. направил Маленкову письмо, в котором характеризовал Кубаткина с худшей стороны: не обеспечивает возглавляемый им участок работы, бездельничает и, бравируя своей близостью с секретарем ЦК ВКП(б) Кузнецовым, запугивает чекистов, не по-партийному ведет себя с оперработниками, окриками и грубостью глушит инициативу чекистов на местах, игнорирует обком партии. В декабре 1948 г. при выборах парткома УМГБ по Горьковской области Кубаткин в партком не попал, против него проголосовал коллектив.

Мало того, Кубаткин, по словам Абакумова, и раньше плохо работал, и в УНКГБ Ленинградской области, и в 1-м Главном

управлении МГБ. Вывод министра госбезопасности был беспощаден: «Зарекомендовал себя как бездельник и самодур и дальнейшее пребывание его на работе в органах МГБ крайне нежелательно».

Но и это было еще не все. 21 июля 1949 г. Абакумов информировал Сталина о том, что Кубаткин в бытность начальником Ленинградского УНКГБ распорядился уничтожить компрометирующие материалы на секретаря горкома партии Капустина. Сталин дал команду арестовать и того, и другого».

Кроме всего прочего, осенью 1945 года Кубаткин получил в подарок от некого Битермана, впоследствии арестованного по делу «Скорпионы», трофейный автомобиль. Сменивший на посту начальника Ленинградского управления МГБ Кубаткина Д. Г. Родионов, до этого занимавший пост заместителя начальника 2-го управления МГБ, довел оперативную разработку «Скорпионы» до логического конца. Более того, за три года пребывания в Ленинграде он направил около трехсот конфиденциальных спецсообщений министру госбезопасности В.С. Абакумову и, часто бывая в Москве, докладывал лично Сталину «обо всем происходящем в Ленинграде», в том числе и о связях партийно-советских руководителей Капустина, Попкова, Кузнецова и других с коррумпированными чиновниками. Его информация свидетельствовала, что местное руководство встало на путь очковтирательства и полностью игнорирует оперативную информацию органов госбезопасности о положении дел в городе, связанную с перебоями в снабжении населения продовольствием и промтоварами, о фактах превышения отдельными чиновниками своих служебных полномочий. По его представлению только за 1946 год из органов милиции было уволено 1775 человек.

Об этих и других фактах написал профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов Б. А. Старков в своей работе «Борьба с коррупцией и политические процессы во второй половине 1940-х годов».

Итак, агентурно-оперативная разработка «Скорпионы», проводившаяся Управлением МГБ Ленинградской области в 1946–1947 годах:

«В течение 1945–1946 гг. на имя первого секретаря Ленинградского обкома партии Кузнецова, сменившего на этом посту А.А. Жданова, неоднократно поступали заявления о неблагополучном положении в деле борьбы с преступностью в городе. По его указанию расследованием занялись сотрудники УМГБ, однако вскоре Кузнецов был переведен в Москву на должность секретаря ЦК ВКП(б) и стал членом Оргбюро ЦК. К этому времени было установлено, что в городе действует

преступная группа во главе с аферистом Карнаковым и должностными лицами из городской прокуратуры, суда, адвокатуры, ВТЭК, горжилотдела, ОБХСС, управления Ленинградской городской милиции, паспортного отдела, военных учреждений ЛенВО и др. До войны Карнаков проживал в Ленинграде под фамилиями Березин, Балаканов и Шер. В ряде уголовных дел он упоминается как «один из районных прокуроров» или «зам. директора облбюро по распределению рабочей силы». В 1941 году Карнаков эвакуировался в Свердловск, где в 1943 году был арестован за «антисоветскую деятельность» и приговорен по статье 58 п. 10 ч. 2 к восьми годам ИТЛ, однако через полгода его освободили и в мае 1944 года он возвратился в Ленинград. Агентурно-оперативными мероприятиями было установлено, что, выдавая себя за ответственного советского работника, путем взяток и подкупа должностных лиц и фабрикации фиктивных документов он организовал преступную группу из представителей правоохранительных органов и ряда государственных учреждений города. Сотрудники УМГБ выявили около семисот связей Карнакова и других лиц преступной группировки. К агентурно-следственной разработке, получившей название «Скорпионы», были подключены лучшие оперативники, наружное наблюдение, спецтехника. Одновременно было принято решение не вести обмен информацией по этому делу с управлением милиции, прокуратурой города, штабом ЛенВО, обкомом ВКП(б) и Ленгорисполкомом… Однако, как показали дальнейшие события, такая тактика оказалась вполне обоснованной. Первые оперативные данные свидетельствовали, что преступники опирались на большую группу коррупционеров из высокопоставленных чиновников, способных расправиться с любым человеком, обнаружившим их преступную деятельность. Многие из фигурантов были вооружены, а некоторые завели себе личную охрану. Сотрудники госбезопасности установили схему взаимодействия членов группы, явки, пароли, условные знаки, методы работы. Любопытная деталь. Следствие установило, что ни в одной из государственных организаций, в том числе правоохранительных, куда обращался Карнаков, ни разу не навели о нем справки, не уточнили сведения о его личности. Коррупционеры оказывали платные ‘«услуги» по незаконной прописке, досрочному освобождению из мест заключения, предоставлению жилой площади, демобилизации из рядов Советской Армии, выдаче медицинских заключений об инвалидности и т. д. Они устраивали «сбор дани» с директоров промышленных предприятий, магазинов, баз, складов. При этом

часть «дани» была в натуральном выражении в виде отрезов материи, промышленных, винно-водочных и табачных изделий, наборов дефицитных продуктов питания. В ходе следствия было установлено, что ряд работников прокуратуры и УМВД создавали фиктивные следственные дела с целью вымогательства. Всего по делу проходило 316 человек, в том числе 59 работников милиции, 47 — прокуратуры, суда и адвокатуры, 10 — горздравотдела и собеса, 7 — жилсистемы, 8 военнослужащих и 185 прочих (работники торговли, снабжения, баз, столовых, различных артелей и хозяйственники). 8 февраля 1946 года информация о ходе операции «Скорпионы» была доложена А.А. Кузнецову. Однако реакции из Смольного не последовало. На первый взгляд, это было странно. Однако посмотрим с другой стороны. По документам на 1946 год, двухэтажный особняк для секретаря ЦК и члена Оргбюро, именуемый как «объект Каменный остров», скромностью не отличался. Он включал более двадцати комнат без учета различных подсобных помещений. В доме находились ковры, редкой работы хрустальные люстры, мебель, картины, радиоприемники, дорогая посуда. Тогда же следствие установило возможные связи коррумпированных чиновников с первыми лицами города. Однако начальник Ленинградского управления госбезопасности генерал-лейтенант Петр Николаевич Кубаткин не дал дальнейшего хода расследованию по этому направлению».

В июле 1949 года Кубаткина арестовали. В постановлении на арест говорилось, что «работая в 1941–1944 гг. на руководящих должностях в Ленинграде, он поддерживал преступную связь с группой лиц, враждебно настроенных против партии и правительства»…

Всех же арестованных по «Ленинградскому делу» более года готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер. Например, А. Кузнецову сломали позвоночник, разбили ушную раковину. Других сажали в бетонный куб и держали сутки без воды и еды, привязывали к железной кровати с колючими настилами. Также известно, что накануне и в ходе самого судебного разбирательства психологическая обработка обвиняемых усилилась. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса.

18 января 1950 года В.С. Абакумов представил И. В. Сталину список сорока четырех арестованных и предложил «судить в закрытом заседании выездной сессии Военной коллегии

Верховного Суда СССР в Ленинграде без участия сторон, то есть обвинения и защиты, группу 9–10 человек основных обвиняемых», а остальных в общем порядке.

В Ленинград на процесс Кузнецова и Вознесенского полковник Комаров выехал вместе с десятью следователями. Перед отъездом министр строго предупредил его:

— Запомни самое главное, чтобы на суде не было упомянуто имя Жданова. Головой отвечаешь!

4 сентября 1950 года В.С. Абакумов и Главный военный прокурор А.В. Вавилов представили И. В. Сталину записку с предложением осудить к расстрелу Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, М. И. Родионова и П. Г. Лазутина, осудить к 15 годам лишения свободы И. М. Турко, к 10 годам — Т. В. Закржевскую и Ф. Е. Михеева.

А 30 сентября, по окончании судебного процесса (29–30 сентября) в Ленинграде, эти предложения были приняты Политбюро ЦК ВКП(б).

О том, как в МГБ из арестованных выбивали признательные показания, достаточно подробно рассказал в своем выступлении Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко на собрании актива Ленинградской партийной организации 6 мая 1954 года: «По приказанию Абакумова Капустин был арестован и без санкции прокурора заключен 23 июля 1949 г. в тюрьму. Санкция на арест Капустина была получена у прокурора только 1 августа, т. е. через 8 дней после фактически произведенного ареста и после получения от Капустина так называемого «признания».

Бывший следователь Сорокин показал, что Абакумов требовал обязательно добиться любыми средствами показаний Капустина о том, что он английский шпион. Капустин на допросах отрицал свою принадлежность к английской разведке, что вызвало злобу и недовольство у Абакумова. После этого Абакумов приказал начать избивать Капустина.

Сорокин показал: «Мце было тогда же передано указание Абакумова о том, чтобы я не возвращался в министерство без показаний Капустина о шпионаже. После избиения Капустина он начал давать показания, что, находясь в командировке в Англии, он был завербован английской разведкой. Однако эти его показания были путаны и настолько нежизненны, что я не мог им поверить и не записал это в протоколе допроса».

Действительно, из материалов уголовного дела по обвинению Кузнецова, Капустина и других видно, что обвинение в шпионаже Капустину предъявлено не было, хотя он в этом преступлении и «сознался».

С 23 июля по 4 августа Капустин непрерывно допрашивался и

4 августа подписал сфальсифицированный протокол допроса о вражеской деятельности в Ленинграде, назвав ряд участников — Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других.

Следствием по делу руководил лично Абакумов. Его ближайшим помощником являлся Комаров. Как показал Комаров, Капустин по указанию Абакумова подвергался избиениям. После получения от Капустина ложных показаний, были арестованы в августе 1949 г. остальные обвиняемые.

О методах следствия, о том, как получались «признания», дают представление показания Турко, Закржевской, Михеева.

Я зачту вам сейчас извлечение из показаний бывш. секретаря Ярославского обкома партии, а ранее второго секретаря Ленинградского обкома партии Турко, допрошенного мною.

Турко показал:

«… Действительно, на предварительном следствии я подписал протоколы, в которых признавал себя виновным в совершении ряда контрреволюционных преступлений и подтвердил свою виновность на суде, несмотря на то, что я никаких преступлений не совершал и виновным себя ни в чем не считал и не считаю. Показания же о якобы совершенных мною преступлениях я вынужден был дать в результате созданного мне тюремного режима, угроз со стороны следствия, помещения в карцер и систематических избиений. Сразу же после ареста меня вызвал следователь Путинцев и, не предъявляя каких-либо обвинений, начал в грубой форме требовать от меня признаний в совершенных мною преступлениях. Я заявил следователю, что не знаю, за что я арестован, т. к. никаких преступлений я не совершал. На это мне Путинцев ответил: «Подумайте. А чтобы легче было думать, я вас отправлю в военную тюрьму». В тот же день я был отправлен в Лефортовскую тюрьму, где и проходило следствие.

Меня систематически в ночное время вызывал следователь Путинцев и требовал, чтобы я сознался во вражеской деятельности и угрожал, что если я не сознаюсь, меня будут бить. Путинцев говорил мне, что они не таких, как я, уламывали. Но так как я отрицал свою вину, Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла из уха кровь. После таких избиений следователь направлял меня в карцер. Он угрожал уничтожить мою жену и детей, а меня осудить на 20 лет лагерей, если я не признаюсь…»

Проверкой показаний Турко было установлено, что с 26 августа по 29 октября 1949 года он вызывался на допросы 41 раз. Большинство вызовов происходило в ночное время, причем

допросы длились до утра. Такой метод также служил целям физического и морального изматывания арестованного, т. к. согласно правилам тюремного режима заключенные не имеют права спать в дневное время. Первый протокол допроса Турко с «признанием», причем не записанный от руки, а отпечатанный на пишущей машинке, датирован 30 октября. В этом протоколе Турко признал себя виновным в антисоветской вражеской деятельности и дал показания против других лиц.

Нужно указать, что 27 октября Турко был заключен на 5 суток в карцер. Он был освобожден из карцера досрочно 29 октября, после того как согласился подписать требовавшиеся от него фальсифицированные показания.

Бывший следователь Путинцев на вопрос о причинах заключения Турко в карцер показал: «Признаю, что заключение в карцер Турко по указанию Комарова и Абакумова было с целью получения признательных показаний… Я признаю, что по делу Турко было допущено нарушение законности, применялись угрозы, я заявлял Турко, что вас могут избить». Все это делалось на основании прямых указаний Абакумова и Комарова.

Если Комаров заходил на допросы Турко, то он, безусловно, его избивал, ибо это было у него обычным правилом… Должен откровенно признать, что я лично сомневаюсь в обвинениях, предъявленных Турко и Закржевской. Но мы требовали такие показания в результате давления Абакумова».

Аналогичными приемами вымогались ложные показания и от привлеченной к ответственности по этому делу бывшей заведующей отделом партийно-комсомольских и профсоюзных органов Ленинградского обкома КПСС Закржевской.

Закржевская была арестована и заключена в тюрьму, будучи беременной.

В результате условий, в которых она находилась в тюрьме, у Закржевской произошел выкидыш. Несмотря на крайне тяжелое физическое и психическое состояние, Закржевская подвергалась систематическим вызовам на ночные допросы, во время которых от нее требовали признаться в якобы совершенных ею контрреволюционных преступлениях, а также изобличить в этом других лиц. На очной ставке с Закржевской Комаров показал, что, когда он впервые увидел Закржевскую на допросе, то обратил внимание на ее беременность и, приехав в министерство, доложил, что допросы беременной женщины производят ночью. Как показал Комаров:

«Абакумов грубо обрезал меня, заявив: «Нашелся мне тоже защитник. Врач не запрещает, а ты определяешь возможность ее допроса. Не вмешивайся в это и занимайся своими делами».

Закржевскую вызывали на допросы не только следователи, но и Абакумов, который требовал от нее ложных признаний о преступных связях с Кузнецовым. Через некоторое время Закржевской стали давать на подпись сфальсифицированные протоколы допросов. Доведенная до состояния морального и физического изнеможения, Закржевская подписала эти сфальсифицированные, лживые признания»».

В 2.00 часа 1 октября 1950 года, через час после оглашения приговора, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин были расстреляны в Ленинграде.

Всего по «Ленинградскому делу» в период 1949–1951 годов было осуждено 214 человек, из них 69 человек основных обвиняемых, а 145 человек из числа близких и дальних родственников. Кроме того, 2 человека умерли в тюрьме до суда.

При этом 23 человека были осуждены Военной Коллегией к высшей мере наказания (расстрелу), 85 человек осуждены на различные сроки содержания в лагерях и тюрьмах на срок от 5 до 25 лет, один человек помещен в психиатрическую больницу для принудительного лечения и 105 человек постановлениями Особого Совещания МГБ направлены в отдаленные районы страны в ссылку на различные сроки, в основном от 5 до 8 лет…

* * *

«Ленинградское дело», в котором Сталин заставил Виктора Семеновича уничтожить своего друга, стало для министра новой проверкой его искренности в глазах вождя. Проверкой, отметим, жестокой.

И тем не менее в конце 1950 года Абакумов попытался ближе сойтись с Мамуловым, у которого были прямые выходы на Берия. Виктор Семенович «просил его устроить так, — пишет П. А. Судоплатов, — чтобы Берия его принял, и утверждал, что он всегда был лоялен и никогда не участвовал в интригах против него».

Но Лаврентий Павлович не пошел на этот контакт. Ему было на что обижаться…

Глава 5
ДЕЛО ГЕНЕРАЛА АБАКУМОВА

Потеря доверия

Как известно, Сталин проводил свой отпуск, как правило, на Кавказе. Некоторое разнообразие в такие периоды вносили поездки по живописным местам.

«Однажды в одну из таких поездок отправились поздно, — пишет В. Кеворков. — Солнце уже поднялось высоко и довольно сильно припекало.

По дороге вытянулась необычная колонна: машины с охранниками, гости, сам хозяин, машина с руководством госбезопасности. По дороге Сталин любил устраивать пикники… Остановились на зеленой уютной полянке, окруженной деревьями. За каждым деревцом, кустарником тут же укрылся охранник. Натренированная на пикни-ковых причудах вождя обслуга, входившая в охранное управление, в одно мгновение раскатала прямо на земле громадную скатерть, уставив ее яствами и выпивкой. Все это было сделано так быстро и так ловко, что у не спеша вылезавших из машин гостей должно было создаться полное впечатление, что именно здесь и именно в это время их ждали и заранее накрыли на стол.

Было тепло. Сталин снял свой традиционный головной убор, расстегнул воротник и, выбрав самую высокую точку вокруг стола, занял свое место. Остальные тут же мгновенно опустились на землю, каждый не без учета своего положения. Сталин отечески оглядел всех присутствующих.

— А где же товарищ Абакумов? Не вижу его, — поинтересовался вождь.

— Службу несет, товарищ Сталин, — отрапортовал начальник охраны Власик.

— Похвально. И, тем не менее, попросите, пожалуйста, товарища Абакумова прервать ненадолго службу и присоединиться к нам.

Когда Абакумов явился, Сталин указал ему место недалеко от себя, затем взял в руки стоявшую перед ним бутылку и провозгласил:

— А теперь наполним наши бокалы. — Налил себе почти до самого верха. Все последовали его примеру. Абакумов к бутылке не притронулся, что не ускользнуло от внимания Сталина. — А вот товарищ Абакумов почему-то упорно отказывается активно участвовать в нашем застолье.

— Я, товарищ Сталин, вообще не пью, а на службе тем более.

— Так мы же вас на время от служебных дел освободили, — продолжал Сталин. — Поэтому прошу, пожалуйста, налейте

товарищу Абакумову. — А когда бокалы были наполнены, он обвел всех сидящих хитрым взглядом, загадочно улыбнулся и произнес: — А теперь давайте выпьем за товарища Сталина.

С точки зрения содержания, тост был безупречен. В те времена умирать и пить за товарища Сталина было одинаково популярно. Поэтому все присутствовавшие на трапезе, включая и Абакумова, с удовольствием и до дна осушили бокалы.

Сталин повернулся в сторону Абакумова и, явно довольный достигнутым успехом, направил свой указательный палец прямо ему в лицо, после чего громогласно объявил:

— А говорил, не пьет. — И после небольшой паузы добавил: — Товарищ Абакумов хотел обмануть нас, но мы его разоблачили».

Виктор Семенович никогда не был близким к Сталину человеком. Даже если посмотреть на все фотографии тех лет, то можно с легкостью отметить их вполне объяснимое удаление. Тем самым Сталин давал понять министру разницу между ними… А между ними всегда стояли особо приближенные… С другой стороны, Абакумов как министр госбезопасности был выше других министров по неписаному закону и в любом случае был несколько ближе к «самому»…

В 1951 году произошел пожар на борту теплохода «Победа». Возвращаясь из США в Одессу, он загорелся недалеко от берегов Крыма. Во время пожара погибло несколько десятков человек, но многие скончались от ожогов уже в больнице. Как назло, в числе погибших обнаружили китайского полководца, который по приглашению Мао Цзэдуна возвращался из эмиграции в Китай. Назревал скандал. Государственная комиссия очень быстро выяснила причины пожара на теплоходе. Оказалось, что киномеханик перематывал в аппаратной пленку для показа фильма и неосторожно закурил. Пленка вспыхнула, как порох. Сам матрос получил сильнейшие ожоги, но перед смертью успел рассказать, от чего загорелась «Победа». Госкомиссия составила акт и записку, однако Берия такие выводы не понравились, и он позвонил Сталину.

— Работу комиссии нельзя назвать удовлетворительной, — сказал Лаврентий Павлович, — потому что они там совсем не разобрались и нагло врут. По моим данным, товарищ Сталин, теплоход подожгла американская разведка, чтобы уничтожить Фынь Юйсяня и осложнить отношения между СССР и Китаем.

Сталин приказал провести вторичное расследование. Поэтому вместе с работниками Генеральной прокуратуры в Одессу вылетели сотрудники МГБ. Следственный эксперимент подтвердил выводы Государственной комиссии: в открытом море

имитировали пожар, включили хронометр и все сошлось. Однако Генеральный прокурор Сафонов и министр госбезопасности Абакумов отказались подписывать это заключение. Страх перед вождем заставил их долго препираться, прежде чем Виктор Семенович все же сам решил доложить об этом.

И надо сказать, ему в буквальном смысле удалось застать Сталина в хорошем расположении духа. Поэтому все обошлось.

Сам Абакумов вспоминал об этом так: «Просто посмеялись мы вместе с Иосифом Виссарионовичем над Лаврентием, да разошлись».

«В мае или июне 1951 года, — писал Судоплатов, — когда я в последний раз провел несколько часов в кабинете Абакумова, он выглядел весьма уверенным в себе, без колебаний принимал решения».

А как же иначе! Виктор Семенович всегда был уверенным в себе и если колебался, то не показывал вида. Его сильной воле можно было бы позавидовать многим и теперь.

Думаю, что он прекрасно оценивал ситуацию вокруг себя, но каких-то вещей в принципе знать не мог. Потому что знать все не дано никому.

Абакумов знал или мог знать о стремлениях Берия и Маленкова устранить его. Но он не мог даже и предполагать, какими средствами для достижения своей цели воспользуются его враги. А такая возможность для них представилась очень скоро…

Как считает автор книги «Первый председатель КГБ Иван Серов» Н. Петров, «есть явные признаки, свидетельствующие о потере Абакумовым доверия Сталина. Так, в феврале 1950 года он поручил Г. М. Маленкову организовать «особую тюрьму» для «самых важных политических обвиняемых», которая находилась бы не в системе МГБ, а в подчинении Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). При этом не следователи МГБ, а сотрудники партийного аппарата сами вели следствие по делам этих арестованных. Есть свидетельства, что и Серов играл важную роль в организации этой тюрьмы.

Весной 1950 года Сталин неожиданно высказал Абакумову свои соображения о необходимости ареста начальника отдела «ДР» (диверсионной и террористической работы) МГБ генерал-лейтенанта П. А. Судоплатова, его заместителя генерал-майора Н. И. Эйтигона и ряда других ответственных работников МГБ. Абакумов, к неудовольствию вождя, не только проявил нерешительность в этом вопросе, но, хуже того, поделился своими сомнениями с Берией.

Позднее Берия, будучи уже арестованным, сам рассказал об этом эпизоде, проливающем дополнительный свет на

предысторию арестов в МГБ:

«…в 1950 году в середине или начале года Абакумов, будучи у меня в Совете Министров по другим вопросам, рассказал, что он имеет указание И. В. Сталина арестовать Судоплатова, Эйтигона и ряд других сотрудников. Абакумов не сказал мне, за что их надо арестовать. Для меня было ясно, что арест Судоплатова означал его уничтожение. Поэтому я сказал Абакумову, чтобы он еще раз поговорил со Сталиным, тем более что причин ареста Судоплатова Абакумов не назвал. Я сказал Абакумову: «Я бы на твоем месте сохранил Судоплатова и не дал бы уничтожить».

Другой демарш Сталина против Абакумова и его всевластия в аппарате МГБ лежал в организационной плоскости. В январе 1950 г. Сталин решил создать в МГБ Коллегию и дал соответствующее указание Абакумову. По замыслу Сталина этот коллегиальный орган управления министерством усилил бы контроль за деятельностью Абакумова и помог бы растворить его амбиции. Первоначальные предложения были подготовлены Абакумовым и С. И. Огольцовым еще 31 января 1950 г. и направлены Сталину. В их письме, в частности, содержалось предложение направить в МГБ «одного-двух крупных партийных работников, имея в виду, чтобы они были также членами Коллегии МГБ СССР». За предыдущие 3 года, писалось далее, в МГБ было направлено 540 партийно-советских работников, но при этом «среди них нет работников крупного масштаба с широким кругозором, которых можно было бы иметь в числе членов Коллегии МГБ СССР». Но Сталин почему-то не торопился с решением и дал время Абакумову конкретизировать предложения.

Второй вариант (и окончательный) письма Абакумова Сталину о создании Коллегии МГБ СССР, увеличении числа заместителей министра до 7 человек и кадровых перемещениях руководящего состава, был подготовлен 2 августа 1950 г. К нему уже был приложен и проект постановления Политбюро ЦК. Однако решение о создании Коллегии МГБ было принято почти через полгода — 31 декабря 1950 г., лишь после возвращения Сталина из очередного длительного отпуска, в котором он находился с 11 августа по 21 декабря 1951 года. Вероятнее всего, он просто не успел принять решение до отъезда, и вряд ли проволочка в этом деле связана с решением Сталина дождаться окончания «Ленинградского дела», как об этом иногда пишут».

Благодаря сохранившимся тетрадям (журналам) записей лиц, принятых И. В. Сталиным с 1924 по 1953 год, несложно проследить отношение вождя к Виктору Семеновичу Абакумову, а именно насколько последний был ему нужен по каким-то

рабочим либо чрезвычайным вопросам. Происходило это так.

В 1943 г. Сталин принял Абакумова восемь раз: 31 марта, 13 апреля, 15 апреля, 18–19 апреля, 21 апреля, 31 мая, 5 июня, 15 июня.

В 1944 г. он принял его трижды: 21 февраля, 31 июля, 13 декабря.

В 1945 г. один раз: 17 декабря.

Зато в 1946 г. восемь раз: 23 февраля, 2 марта, 22 апреля, 24 апреля, 10 мая, 18 мая, 19 июня, 7 сентября.

В 1947 г. восемнадцать раз: 8 января, 29 января, 22 февраля, 19 марта, 17 апреля, 25 апреля, 21 мая, 30 мая, 17 июня, 25 июня, 9 августа, 14 августа, 21–22 ноября, 8–9 декабря, 19 декабря, 23 декабря (дважды), 27 декабря.

В 1948 г. четыре раза: 10 января, 1 апреля, 26 апреля, 24 декабря.

В 1949 г. двенадцать раз: 3 января, 7 января, 10 января, 27 января, 14 февраля, 11 апреля, 25 апреля, 24 мая, 20 июня, 13 июля, 23 июля, 20 августа.

В 1950 г. шесть раз: 9 января, 17 января, 1 февраля, 27 мая, 14 июля, 1 августа.

В 1951 г. всего два раза: 6 апреля и 5 июля.

Вот что пишет по этому поводу Н. Петров: «Приехав после отпуска в Москву, Сталин резко сократил контакты с Абакумовым, пригласив его в свой кремлевский кабинет только один раз — 6 апреля 1951 года. Трудно сказать, понял ли Абакумов, сколь серьезен этот знак и что против него что-то затевается. После этого в журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина фамилия Абакумова встретится только 5 июля 1951 года, когда уже было принято решение снять его с должности министра».

В книге «Сталин: правда и ложь», вышедшей в 1996 г., ее автор Владимир Жухрай рассказывает о падении Абакумова. У него свой взгляд: «Падение Абакумова началось, казалось бы, с «пустяка» — с дела о Спецторге. Два члена Политбюро — Микоян и Косыгин — внесли предложение (под предлогом отсутствия необходимых ресурсов) о ликвидации Спецторга, обеспечивавшего продуктами питания и товарами широкого потребления чекистские кадры. Против этого предложения очень резко возразил Абакумов.

— Почему, — говорил он, — Министерство обороны имеет Военторг, хотя и находится сейчас на мирном положении, не воюет, а Министерство Государственной безопасности, которое воюет ежедневно и ежечасно с происками иностранных разведок, нужно лишать Спецторга?

В какой-то непонятной запальчивости Абакумов перешел дозволенные границы, допускаемые в полемике на заседаниях Политбюро, фактически обозвав Микояна и Косыгина дураками. Сталин резко оборвал Абакумова.

— Я вам запрещаю, — сказал он, — обзывать членов Политбюро дураками.

Конечно, гнев Сталина был вызван не поведением Абакумова по отношению двух членов Политбюро. Это он простил бы министру госбезопасности, которому симпатизировал, если бы не открывшиеся незадолго серьезные и пока что недостаточно ясные для Сталина обстоятельства. Джуга на одном из очередных докладов предоставил ему фотографию, на которой улыбающийся Абакумов в саду «Эрмитаж» дарил огромный букет роз молодой красивой женщине, которая при негласной проверке оказалась связанной с английской разведкой».

Как утверждает В. Жухрай, после сигнала была создана комиссия для проверки работы Спецторга. «Ею были вскрыты существенные злоупотребления в Спецторге. Директором центрального склада Спецторга оказался человек, в прошлом привлекавшийся к уголовной ответственности за спекуляцию и снятый с должности начальника казанского Спецторга за мошенничество. Руководство же московского областного Спецторга расхитило продуктов и промышленных товаров на сумму свыше 2 миллионов рублей, за что начальник Мособлспецторга был осужден на 25 лет. Абакумов, в подчинении которого, наряду с номинальным подчинением Министерству торговли СССР, находился Спецторг, получил от Сталина первый строгий выговор с предупреждением.

Но не зря говорят, что беда никогда не ходит одна. Звезда Абакумова была явно на закате. Все тот же Джуга, теперь уже генерал, в ходе изучения служебной деятельности Абакумова, сумел обнаружить крупные провалы в работе одного из секретнейших управлений Министерства Государственной безопасности СССР, которое возглавлял генерал-лейтенант Шевелев.

Эти провалы Абакумов скрывал от Сталина и ЦК ВКП(б). Более того, один из главных критиков недостатков в работе этого управления, неоднократно выступавший с критикой на партийных собраниях начальник отделения, майор государственной безопасности Евгений Щукин был отправлен Абакумовым в командировку в Северную Корею, где погиб при загадочных обстоятельствах.

По указанию Сталина управление, возглавляемое генералом Шевелевым, было выведено из состава МГБ СССР и стало одним

из специальных подразделений ЦК ВКП(б). Абакумов же получил второй строгий выговор с предупреждением».

В этой же книге автор устами никому не известного генерала Джуги рассказывает о других преступлениях Абакумова: «Еще в период войны Абакумов заболел трофейной болезнью. Хранил на специально созданных складах, якобы для оперативных нужд, большие материальные ценности, в основном трофейные, укрыв их от официального учета. Тащил с этих складов все, что хотел. По подтвержденным данным для личного пользования с этих складов Абакумовым было взято более тысячи метров шерстяных и шелковых тканей, несколько гарнитуров мебели, столовых и чайных сервизов, ковров, изделий из саксонского фарфора. За период с 1944 по 1948 г. Абакумов похитил ценностей более чем на 600 тысяч рублей. По имеющимся у меня сведениям в настоящее время на квартире Абакумова хранится более трех тысяч метров шерстяных, шелковых и других тканей, большое количество дорогих художественных ваз, фарфоровой и хрустальной посуды, различных галантерейных товаров, большое количество золотых изделий.

В 1948 г. Абакумов переселил из дома № 11 по Колпачному переулку 16 семей и занял этот дом под личную квартиру. На ремонт и оборудование этой квартиры незаконно из средств министерства затрачено более миллиона рублей. В течение 6 месяцев на переоборудовании дома в Колпачном переулке работало более 200 рабочих, архитектор Рыбацкий и инженер Филатов. При этом часть высококачественных материалов доставлялась из неизвестных, пока что неустановленных источников. Боясь ответственности за это преступление, Абакумов в марте 1950 года приказал уничтожить бухгалтерскую отчетность 1 отделения Управления делами министерства, которое ведает хозяйственным обслуживанием руководящего состава.

По указанию Абакумова для его личных нужд начальник секретариата министерства Чернов присвоил около 500 тысяч рублей из средств, предназначавшихся на оперативные нужды».

Все это было, но в контексте борьбы за власть среди соратников Сталина имело значение не самое определяющее. Осмелюсь утверждать, что Абакумова убирали руками Сталина по другим причинам и совершенно другие люди. Достаточно посмотреть на иные персоны, более близкие к вождю. Так, например, незадолго до своей смерти Сталин после долгих нашептываний Берия согласился на устранение своих дэух самых верных помощников — А. Н. Поскребышева и Н. С. Власика. Д. А. Волкогонов в своей фундаментальной книге о Сталине заметил

совершенно точно: «В конце жизни «вождь» не верил никому. Да, никому. Не верил и Берии, но не мог поддаться, когда тот долго и настойчиво компрометировал Поскребышева и Власика, проработавших около него более двух десятков лет. О том, что Сталин не доверял Берии, свидетельствует такой документ.

Генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик был арестован 16 декабря 1952 года. Его допрашивал сам Берия, а также Кобулов и Влодзимирский. Начальнику Главного управления охраны МГБ Власику было предъявлено обвинение в «потакательстве врачам-отравителям», знакомстве со «шпионом» В. А. Стенбергом, а также в злоупотреблении служебным положением («использовании казенных продуктов»). Но главное, конечно, было не в этом трафаретном наборе обвинений. В письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в мае 1955 года из Красноярского края, где бывший генерал-лейтенант находился в ссылке, говорилось:

«Глава правительства, находясь на юге после войны, в моем присутствии выражал большое возмущение против Берии, говоря о том, что органы государственной безопасности не оправдали своей работой должного обеспечения… Сказал, что дал указание отстранить Берию от руководства в МГБ. Спрашивал у меня, как работают Меркулов, Кобулов и впоследствии — о Гоглидзе и Цанаве. Я рассказал ему, что знал… И вот я потом убедился, что этот разговор между мной и Главой правительства стал им доподлинно известен, я был поражен этим…»

Далее Власик в своем письме на имя Ворошилова продолжает: после вызова на допрос к Берии «я понял, что, кроме смерти, мне ждать больше нечего, т. к. еще раз убедился, что они обманули Главу правительства… Они потребовали показаний на Поскребышева, еще два раза вызывал Кобулов в присутствии Влодзимирского. Я отказался, заявив, что у меня никаких данных к компрометации Поскребышева нет, только сказал им, что Глава правительства одно время был очень недоволен работой наших органов и руководством Берии, привел те факты, о которых говорил мне Глава правительства — о провалах в работе, в чем обвинял Берию… За отказ от показаний на Поскребышева мне сказали — подохнешь в тюрьме…»

Добавлю лишь, что вчерашние «сотоварищи» применили к Власику весь комплекс «мер» по добыванию показаний. Ко мне, писал Власик, было применено «недопустимое издевательство». При «моем возрасте и состоянии здоровья я не мог выдержать. Получил нервное расстройство, полное потрясение и потерял всякое самообладание и здравый смысл… Я не был даже в состоянии прочитать составленные ими мои ответы, а просто под

ругань и угрозы в надетых острых, въевшихся до костей наручниках, был вынужден подписывать эту страшную для меня компрометацию… в это время снимались наручники и давались обещания отпустить спать, чего никогда не было, потому что в камере следовали свои испытания…»

Таковы были «дворцовые» нравы. Следили за всеми. Никто, абсолютно никто не был освобожден от подозрений. Берия чувствовал охлаждение к нему «вождя» и мог ждать любого поворота событий. Но Сталин выжидал, что-то обдумывал, внешне оставаясь таким, как прежде».

Что тут и говорить о «каком-то» Абакумове, если с близкими Сталину людьми, с его же разрешения, расправлялись достаточно быстро…

Перед арестом

29 августа 1948 года начальник Главного управления охраны МГБ генерал-лейтенант Н. С. Власик получил письмо от сотрудницы кабинета электрокардиографии Кремлевской больницы Л. Ф. Тимашук:

«28/VIII-с/г я была вызвана нач. ЛСУК профессором Егоровым к тов. Жданову А.А. для снятия ЭКГ.

В этот же день вместе с профессором Егоровым, академиком Виноградовым и профессором Василенко я вылетела из Москвы на самолете к месту назначения. Около 12 часов дня сделала А.А. ЭКГ, по данным которой мною диагностирован «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки», о чем тут же поставила в известность консультанта.

Пр. Егоров и д-р Майоров заявили мне, что это ошибочный диагноз и они с ним не согласны, никакого инфаркта у А.А. нет, а имеется «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни» и предложили мне переписать заключение, не указывая на «инфаркт миокарда», а написать «осторожно» так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих ЭКГ.

29/VIII у А. А. повторился (после вставания с постели) сердечный припадок, и я вторично была вызвана из Москвы, но по распоряжению акад. Виноградова и пр. Егорова ЭКГ 29/VIII в день сердечного приступа не была сделана, а назначена на 30/VIII, а мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чем я поставила в известность т. Белова А. М.

Считаю, что консультанты и лечащий врач Майоров недооценивают безусловно тяжелое состояние А.А., разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало вторичный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу.

Несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней «инфаркт миокарда», остаюсь при своем мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А.А.

29/VIII-48 г.

Зав. кабинетом.

Передано майору Белову А.М. 29/VIII-48 г. в собственные руки».

Буквально через несколько часов это заявление было в Москве. А 30 августа 1948 года его передали лично Сталину. В препроводительной записке за подписью Абакумова было указано: «Совершенно секретно. Товарищу СТАЛИНУ И. В.

При этом представляю Вам заявление заведующего кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы — врача ТИМАШУК Л. Ф. в отношении состояния здоровья товарища Жданова А.А.

Как видно из заявления ТИМАШУК, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова — инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, в то время как начальник САнупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая на инфарк миокарда.

Приложение: заявление т. Тимашук и электрокардиография товарища Жданова…»

Как известно, А.А. Жданов был в это время в опале, и, видимо, поэтому Сталин большого значения заявлению не придал. Как пишет В. Кеворков, «прочтя внимательно письмо, он заметно помрачнел и вернул его Абакумову со словами, удивившими министра.

— Возможности современной медицины ограничены, а с ними и возможности врачей. Доктора тоже люди, и по поводу одной и той же болезни у них могут быть различные мнения. Что же касается этой женщины, — Сталин посмотрел на подпись, стоявшую под письмом, — то сами врачи утверждают, что кардиограмма — это как Библия, которую толковать может каждый по-своему. И при том каждый будет прав. Так что давайте оставим это дело. Какой бы результат от проведенного нами расследования ни получился, вернуть человека мы все равно не сможем. Так что придайте письмо праху и не будем поминать всуе имя умершего.

Сталин как-то безнадежно махнул рукой.

Вернувшись в свой кабинет, Абакумов сел за стол и написал размашистым почерком резолюцию на специально прикрепленном к письму квадратном листке бумаги: «Товарищу Сталину доложено. Сдать в архив».

В своем интервью профессору кафедры судебной медицины

Московской медицинской академии им. Сеченова А. Маслову сын Лидии Тимашук, бывший военный летчик Юрий Александрович Кураев, рассказал следующее: «Моя мама Лидия Федосьевна Тимашук все время работала в Кремлевской больнице. По специальности была гинеколог, но переквалифицировалась и стала терапевтом, училась с уклоном в ЭКГ у профессора Фогельсона. Окончила 1-й Московский медицинский институт…

По долгу службы она, как я понимаю, не должна была рассказывать о работе. Но когда ее убрали из 1 — й поликлиники, когда ей пришлось перейти с понижением в должности и с понижением в окладе, конечно, она об этом говорила. У мамы не было другой поддержки, кроме семьи, и поэтому мы многое знаем.

Да, мама писала, но мы не знали об этом. Она писала непосредственно в Валдае, обращалась в ЦК и передавала это письмо охраннику Жданова, поскольку ей не к кому было больше обратиться.

На Валдай ее пригласили на консилиум в составе профессоров. Ей позвонили ночью и вызвали как опытного специалиста — моя мама делала ЭКГ всем членам Политбюро: и Калинину, и Жданову, знала ЭКГ всех больных наизусть. Семью Жданова она все время наблюдала, так что она знала все ЭКГ Жданова. Она была убеждена, что у него инфаркт. В составе консилиума были Майоров, лечащий врач Жданова, Виноградов, Василенко, Егоров и моя мама.

После консилиума семья Ждановых пригласила всех медработников не на банкет, а просто в столовую пообедать, мама там не присутствовала, но она рассказывала, что стол был с выпивкой. Вернулась она в полной растерянности и, конечно, сразу начала рассказывать, что с ней произошло. А произошло вот что: Жданову стало плохо, и мама по своей специальности стала его обследовать — оказалось, что у Жданова — инфаркт. Когда она стала докладывать об этом, другие консультанты ее предложение сразу же отвергли и сказали, что никакого инфаркта у Жданова нет, а есть сердечная недостаточность. Мать на них смотрит и думает: то ли она сходит с ума, то ли они — сумасшедшие… Причем она сдавала в институте экзамен Виноградову, это ее учитель…

Она говорит: как же так, они утверждают, что ничего подобного нет… Ей ничего не оставалось делать, как действовать самой. Но действовать как? Обратиться к самому больному? К семье обратиться неэтично…

И она решила обратиться к охраннику, майору Белову, написала письмо, письмо сугубо медицинское. Письмо было

адресовано, я помню, в ЦК. У мамы не было возможности посоветоваться, она была расстроена. Гражданский подвиг она совершила: не побоялась своего непосредственного начальника, Егорова, а это величина была. Ее просто обстоятельства вынудили это делать. Если бы она была в Москве, я думаю, она побежала бы лично, не знаю куда, но побежала бы спасать человека. Начала хлопотать, но Валдай далеко от Москвы».

Доктор исторических наук, профессор Я. Этингер в своей статье «Врачи и их убийцы» пишет: «31 августа Жданов умер. В Лечсанупр Кремля были срочно вызваны профессора Виноградов, Зеленин, Этингер, Гельштейн и еще несколько московских терапевтов, в том числе профессор В. Е. Незлин. В. Е. Незлину было предложено проанализировать ЭКГ, вспоминал его брат, тоже тогда арестованный, профессор-пульмонолог С. Е. Незлин, но имя больного сообщено не было. После тщательного осмотра ЭКГ он указал, что она соответствует симптоматике хронической коронарной недостаточности. После этого ему был задан вопрос, имеются ли на этой ЭКГ признаки острой сердечной патологии. После повторного изучения ЭКГ В. Е. Незлин подчеркнул, что нет никаких изменений, указывающих на наличие у больного инфаркта миокарда. Вечером того же дня В. И. Незлину позвонила С. Е. Карпай и сообщила, что ЭКГ принадлежала Жданову, который в этот день скончался в санатории ЦК КПСС близ Валдая.

На первый взгляд это был чисто медицинский конфликт. Прочесть электрокардиограмму можно по-разному, ничего необычного в этом нет. Испытанный метод разрешения врачебного спора — консилиум. Но Тимашук почему-то решила искать арбитра в органах госбезопасности. В 1948 году ее письму не был дан ход».

Профессор Я. Г. Этингер в поле зрения госбезопасности попал еще в 1944 году, регулярно посещая ЕАК, где читал поступавшие туда иностранные еврейские издания и выступал в поддержку проекта создания еврейской республики в Крыму. В результате осенью 1949 года его отстранили от руководства кафедрой во 2-м ММИ и уволили.

В «разработку» органов он попал после того, как на допросе (22 апреля 1949 г.) на него показал арестованный ответственный секретарь ЕАК Фефер.

Последний рассказал о том, что «Этингер весьма недоволен тем, что Советский Союз не оказывает помощи государству Израиль, и обвинял советское правительство в том, что оно ведет якобы враждебную политику в отношении евреев».

После такого заявления оперативники из контрразведки МГБ

установили в квартире профессора подслушивающие устройства и записали одну из бесед с приемным сыном Яковом, студентом МГУ, а затем и разговор между Этингером и профессором Збарским.

В.С. Абакумов доложил Сталину об этих «антисоветских» диалогах.

Как пишет Г. В. Костырченко, «вопрос об аресте Этингера руководство МГБ ставило перед Кремлем неоднократно: сначала в ноябре 1949-го, потом в апреле 1950-го. Однако Сталин удовлетворил просьбу Абакумова только незадолго до 18 ноября 1950 г., когда Этингера, собственно, и взяли под стражу. Препровожденному на Лубянку профессору предъявили обвинения в «клеветнических измышлениях» в адрес Щербакова и Маленкова, которых он, по «оперативным данным», считал главными вдохновителями и организаторами политики государственного антисемитизма в стране. Месяцем ранее взяли под стражу пасынка профессора Я. Г. Этингера (Ситермана), от которого потребовали дать показания против приемного отца. А 16 июля 1951 г. в тюрьму МГБ доставили жену Я. Г. Этингера Р. К. Викторову, которую заставили подтвердить, что ее муж и сын регулярно слушали антисоветские радиопередачи Биби-си и «Голос Америки»».

В самом начале следствия Этингера обвиняли в буржуазном национализме и только. Профессор категорически отрицал это и настаивал на абсолютной правомерности своих разговоров о притеснении евреев в СССР. Дело Этингера вел старший следователь по особо важным делам следственной части МГБ подполковник Рюмин.

При первой встрече он сказал арестованному:

— Вы арестованы за распространение враждебности к Советской власти. Вы признаете себя виновным в этом?

— Нет. Я не признаю этого, поскольку не занимался ничем подобным, — ответил ему Этингер.

5 января 1951 г. упрямого профессора перевели в Лефортовскую тюрьму и посадили в холодную камеру. Ему запретили давать книги, пользоваться ларьком и совершать прогулки.

Позднее, находясь под следствием, Виктор Семенович рассказывал следователю: «Говорите правду, не кривите душой, — предложил я Этингеру. На поставленные мною вопросы он сразу же ответил, что его арестовали напрасно, что евреев у нас притесняют. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского — моего заместителя, а затем

Щербакова.

Тогда я заявил ему, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком.

В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет.

А дальше мне докладывали, что чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает».

Поэтому министр госбезопасности приказал следователю прекратить расследование, но Рюмин вместо этого продолжал допрашивать профессора, заставляя часами стоять на ногах без сна…

Рассказывает Яков Этингер: «Но вернемся в конец 1950-го, когда был арестован мой отец. Его дело вел один из самых страшных сталинских палачей, старший следователь по особо важным делам подполковник М. Д. Рюмин. На первом же допросе 20 ноября 1950 года он обвинил Этингера во «вредительском лечении» начальника Главного политического управления Красной Армии Александра Сергеевича Щербакова. Добиваясь «признаний», Рюмин жестоко избивал и пытал отца.

Иногда в допросах принимал участие министр госбезопасности Абакумов. В декабре 1950 года он пришел к выводу, что фактов преступного лечения со стороны Этингера не было, и в январе 1951-го дал указание «прекратить работу с Я. Г. Этингером», ограничившись обвинением в «антисоветской деятельности» и «антисталинских настроениях». Тем не менее Рюмин продолжал добиваться «признаний» своими методами. А ведь отец был тяжело болен: как следует из материалов дела за время следствия у Этингера случилось 29 сердечных приступов. «Каждый последующий приступ грудной жабы, — говорилось в справке медчасти Лефортовской тюрьмы, — может привести к неблагоприятному исходу». 2 марта 1951 года, вернувшись после очередного допроса в камеру, отец, как говорится в метериалах дела, «подошел к столу, откусил кусочек хлеба, сделал несколько шагов по направлению к двери и в бессознательном состоянии упал». Смерть наступила от паралича сердца.

Смерть отца отнюдь не разжалобила палачей. 16 июля 1951 года арестовали и мою мать, Р. К. Викторову. На первом же допросе полковник Родованский заявил ей, что она знала о «вредительском лечении» Щербакова. Он не давал матери спать, помещал в карцер, надевал наручники, обливал ледяной водой, добиваясь признания в том, что она знала о «террористических действиях мужа». Однажды Родовановский вместе с еще одним следователем жестоко избил ее — больную женщину, которой

было тогда 62 года. 1 марта 1952 года ее приговорили к 10-летнему тюремному заключению. А я получил 10 лет спецлагеря. (Меня арестовали раньше отца и матери, в октябре 1950 года.) 12 мая 1951 года было принято решение о конфискации всего нашего имущества».

Итак, второго марта, после очередного допроса, Этингер вернулся в камеру и в 5.15 умер. Согласно медицинскому заключению, он умер «внезапно от паралича сердца в результате тромбоза коронарной артерии, атеросклероза и грудной ангины».

При этом медики предупреждали следственную часть о слабом физическом состоянии Этингера, который мог умереть из-за дальнейших допросов.

Более того, полковник Лихачев указывал Рюмину на окончание протокола допроса профессора. Не выполнил Рюмин и приказа Абакумова составить общие протоколы официальных допросов Этингера.

Теперь, когда он умер, на заседании партбюро Рюмина отчитывали и объявили ему выговор. Также по Рюмину проводилось внутреннее расследование. И кто знает, к каким результатам оно могло привести.

Однако Рюмин оказался хитрее, чем кто-либо мог предположить об этом. До смерти Этингера он «успел выжать из своего подследственного и «признание» в том, что тот заведомо неправильно «вредительским» лечением способствовал в 1954 г. смерти секретаря ЦК Щербакова». В этом он оказался весьма последовательным. Г. В. Костырченко по этому поводу пишет: «Эта версия выглядела настолько вздорной и надуманной, что Абакумов с самого начала решительно отверг ее предчувствуя, какие непредсказуемые последствия она способна вызвать, если о ней будет доложено болезненно подозрительному Сталину. Будучи человеком малообразованным и от природы прямолинейным, шеф госбезопасности опасался подобного авантюризма, предпочитая иметь дело с предельно упрощенными, хотя и грубо сколоченными сценариями. Зная, что Сталин определил буржуазный национализм как злейшего врага Советского государства, Абакумов считал, что в качестве руководителя «вооруженного отряда партии» он должен прежде всего безжалостно бороться с действительными и мнимыми приверженцами этой идеологии, будь то, к примеру, вооруженные отряды украинских националистов или еврейская интеллектуальная элита — хранительница культуры и традиций своего народа.

Но из-за своей психологической примитивности он не уловил того нюанса, что Сталин, да и частично аппарат ЦК давно уже

зараженные антисемитизмом, объявили тайную войну не только носителям национальной идеи, но и связанной с ними узами общего происхождения ассимилированной части еврейства». Следовательно, гораздо дальновиднее своего министра оказался подчиненный — подполковник.

По «делу ЕАК» от следователей МГБ требовалось доказать шпионаж и диверсии ее активистов. Политбюро готовилось к очередной пропаганде. Однако время шло, и дело не удавалось завершить. Оно буквально разваливалось. Тогда неугомонный Рюмин пытается расширить дело с помощью арестов все новых людей, косвенно участвующих в работе ЕАК. И, надо сказать, ему удается затягивать следствие.

Подполковник Рюмин

Михаилу Дмитриевичу Рюмину в сентябре 1951 года исполнилось тридцать восемь лет. Надменный, низкого роста, жестокий, грубый, глупый, лысоватый подполковник с животом не нравился многим коллегам. Больше всего их раздражала его вычурная надменность. В анкетах он с важным видом и не моргнув глазом записывал себе незаконченное высшее образование, а потом не мог объяснить, какие экзамены сдавал в вузе. Например, вот как характеризовал Рюмина оперативный секретарь МГБ майор Бурлака в докладной записке, датированной 15 мая 1953 года:

«У меня сложилось впечатление, что Рюмин малограмотный человек, часто спрашивал, как пишется то или иное слово или какие знаки препинания надо ставить. У него очень маленький словарный запас. От начала до конца не прочитал ни одной книги. Пристрастие к спиртным напиткам, вовремя и плотно пообедать — вот, пожалуй, и весь круг интересов Рюмина».

Родился Миша Рюмин в 1913 году в селе Кабаньем Шадринского уезда Пермской губернии в семье крестьянина-середняка. Окончил восемь классов школы. С мая 1929 года работал сначала счетоводом, а потом бухгалтером сельскохозяйственной артели «Ударник» в Уральской области. С апреля по июнь 1930 года — слушатель Шадринских бухгалтерских курсов районного Союза потребительских обществ. С февраля 1931 года — бухгалтер-инструктор Кабаниевского райколхоза, районного отделения связи. После окончания Шадринских курсов связи (обучался с июня по сентябрь 1931 г.) — бухгалтер, старший бухгалтер, бухгалтер-инструктор Уральского областного управления связи (сентябрь 1931 г. — июнь 1933 г.).

Также в личном деле Рюмина зафиксирована учеба на комсомольском отделении Коммунистического университета имени В. И. Ленина в 1931–1932, 1934 годах (Свердловск).

С мая 1934 года по сентябрь 1935 года Рюмин уже главный бухгалтер Свердловского областного управления связи.

В сентябре 1935 года Михаила Дмитриевича призвали в армию. Но и там он не пропал: служил рядовым в штабе Уральского военного округа, затем там же — бухгалтером-экономистом. По окончании службы, в июле 1937 года, Рюмин вернулся к прежней работе — главного бухгалтера Свердловского областного управления связи.

Но очень скоро бывшего защитника Родины обвинили в

неправильном расходовании денежных средств и в том, что он пользовался покровительством начальника облуправления связи, арестованного к тому времени как «враг народа». Как считает, не без юмора конечно, Н. Петров «Рюмин поступил толково. Он понял, как спастись. Тут же снялся с места и уехал в Москву. Здесь, после месяца поиска работы, он 13 сентября 1937-го устроился бухгалтером-ревизором» Финансового сектора Центрального управления речных путей Наркомвода СССР, а с сентября 1938-го и вплоть до начала войны работал главбухом и начальником планово-финансового отдела Управления канала Москва — Волга в Тушине. Здесь в 1939-м его приняли в кандидаты в члены ВКП(б).

После начала войны Рюмина, учитывая его «редкую специальность», в июле 1941 года направили на учебу в Высшую школу НКВД СССР.

С сентября 1941-го Рюмин — следователь, старший следователь, заместитель начальника, начальник IV отделения Особого отдела НКВД — Отдела контрразведки Народного комиссариата обороны Архангельского военного округа.

28 декабря 1941 года ему присвоено специальное звание «младший лейтенант государственной безопасности», 11 февраля 1943 г. — «старший лейтенант государственной безопасности», 18 июня 1943 года — «капитан», 3 марта 1944 года — «майор». В 1943 году Рюмина приняли из кандидатов в члены партии.

В Особом отделе НКВД, а затем в Отделе контрразведки СМЕРШ Архангельского ВО работы хватало. Кроме всего прочего, в Архангельске в годы войны разместилась британская военно-морская миссия, а также была расквартирована 126-я база ВМС и группа ВВС. Например, на октябрь 1943 года британская военно-морская миссия в Архангельске состояла из 52 человек: 18 старших и средних офицеров, 34 младших офицера и рядовых. Аппарат английской 126-й портовой базы состоял из 49 человек: 10 старших и средних офицеров, 39 младших офицеров и рядовых. При этом в составе миссии было много офицеров, непременно владеющих русским языком. Вскоре контрразведчики установили, что присланные англичанами на работу в Архангельский порт «военспецы» в большинстве своем не соответствовали своему назначению, работы по «присвоенным» им специальностям не знают, а поэтому от участия в ремонте вооружения и от консультаций по тем или иным техническим вопросам стараются уклоняться. Словом, прибыли настоящие разведчики, которые занимались военной, экономической и политической разведкой, пропагандой антисоветской идеологии, созданием сети агентурных источников из числа советских

граждан. Правда, вся агентурно-оперативная работа по англичанам и американцам была сосредоточена в контрразведывательном отделе УНКВД по Архангельской области. Особым же отделам Архангельского ВО и Беломорской военной флотилии было приказано передать в областное управление все разработки и агентуру по англичанам и американцам, не связанным с разработкой военнослужащих Красной Армии, и ВМФ и только по согласованию с КРО проводить мероприятия по связям советских военнослужащих с иностранцами. И в этом был определенный смысл: по данным контрразведки на 1 сентября 1943 года из 1000 советских граждан, чьи контакты с иностранцами были зафиксированы наружным наблюдением, 90 % составляли женщины.

Все же контрразведывательная работа СМЕРШ была и строилась она против английской разведки в основном по двум направлениям: выявление британских разведчиков, их связей и пресечение их деятельности на объектах армии и флота. При этом принимался во внимание тот факт, что по роду своей служебной деятельности и в быту англичане имели широкое общение с военнослужащими и гражданским населением. Все точки соприкосновения англичан с нашими гражданами учитывались в оперативной работе военных контрразведчиков.

Всего же за годы войны контрразведчики выявили на советском Севере 100 кадровых сотрудников союзнических спецслужб, но только 6 из них были выдворены из страны.

Однако, несмотря на такое широкое поле деятельности, офицер СМЕРШ Рюмин осваивал прежде всего искусство фальсификации дел.

«В конце концов его, на свою беду, заметил главный армейский контрразведчик Абакумов, весьма нуждавшийся в профессиональных выбивателях показаний, — подчеркивает Н. Петров. — Ведь не все же самому избивать подследственных. Надо и смену растить.

В Архангельске Рюмин вел следствие по делу арестованного в декабре 1944-го фотокорреспондента газеты «Патриот Родины» И. П. Ермолина, поводом для ареста которого была лишь сводка наружного наблюдения, что он посетил английскую военно-морскую миссию. Абакумов заинтересовался делом. Как показал позднее на допросе Рюмин: «Когда я прибыл с делом Ермолина в Москву, в Главное управление контрразведки был доставлен и сам арестованный. На первом же допросе у Абакумова Ермолин заявил, что дал вымышленные показания в результате избиений. Абакумов вызвал меня, и я рассказал ему, как было сфальсифицировано дело Ермолина. Абакумову, видимо,

понравилась моя откровенность, потому что, когда на его вопрос: «Сильно ли били Ермолина?» — я ответил: «Били, сколько было сил», он усмехнулся и сказал, чтобы я явился к начальнику следственного отдела Главного управления контрразведки Леонову, который объявил мне, что я остаюсь в центральном аппарате на правах прикомандированного».

Так Рюмин стал старшим следователем СМЕРШ уже непосредственно под крылом у Абакумова».

Стоит отметить и один маленький штрих к биографии этого «офицера». 31 июля 1944 года его наградят орденом «Отечественной войны» II степени — «За образцовое выполнение особых заданий Верховного главного командования Красной Армии», а 13 сентября 1945-го орденом Красной Звезды с той же самой формулировкой. Думаю, нетрудно догадаться, что стояло за этими красивыми словами…

Но вернемся к рассказу Н. Петрова: «С мая 1946-го он занял должность заместителя начальника 2-го отделения 6-го (следственного) отдела 3-го Главного управления МГБ. В 1948 году Рюмин участвовал в затеянном Абакумовым по приказу Сталина следствии по делу «Маршал» — по подготовке материалов для ареста Георгия Жукова. Он вел дело арестованного Героя Советского Союза майора П. Е. Брайко, избивая, принудил его подписать показания в отношении «одного из Маршалов Советского Союза». Также, добиваясь показаний на Жукова и Серова, прижег язык папиросой арестованному бывшему кладовщику Берлинского оперсектора НКВД А.В. Кузнецову.

В общем, «работал с огоньком», старался. 19 марта 1948-го ему присвоили звание подполковника. Улучшились жилищные условия. Причем вполне традиционным для того времени образом. Примерно в 1949-м Рюмин перебрался в более просторную квартиру № 4 в доме № 4 по Старопименовскому переулку, которую раньше занимал отправленный на понижение в Крым замначальника следчасти Родос. В сентябре 1949-го Рюмина перевели на должность старшего следователя в следственную часть МГБ, и он принял участие в допросах арестованных по «Ленинградскому делу». Избивал арестованного Соловьева (бывшего председателя Ленгорисполкома, а к моменту ареста секретаря Крымского обкома). В своих оправдательных заявлениях в военную коллегию в 1954-м Рюмин прямо указал, что, как и в ряде других случаев, команду «побить Соловьева» дал сам Сталин, следивший за ходом следствия.

Вместе с тем Рюмин оставался в должности старшего следователя. Его карьера, несмотря на все старания, как-то

буксовала. А в мае 1951-го дала сбой. Как показал на следствии Рюмин: «Управление кадров МГБ СССР заинтересовалось неправильными сведениями, которые я давал о своих родственниках. От меня потребовали объяснений — почему я скрываю известные мне о них компрометирующие данные». Оказалось, Рюмин скрыл истинное имущественное положение отца (а он был весьма зажиточным), кроме того, отец жены Рюмина служил в армии Колчака. Ну и, наконец, Рюмин потерял в автобусе следственное дело. Помимо этого, ему объявили партийный выговор за то, что не зафиксировал показания арестованного врача, профессора Я. Г. Этингера, умершего под следствием у Рюмина. В общем, положение почти безвыходное».

Таким образом, ему явно грозило увольнение из органов. Несколько лет спустя Михаил Дмитриевич вспомнит: «Я все тщательно обдумал и взвесил. Дело в том, что к лету 1951 г. я очутился в довольно неприятном, шатком положении».

Так что же делает «шибздик», как называл его Сталин? Он обращается в приемную ЦК к помощнику товарища Маленкова Суханову. Как писал П. А. Судоплатов, «результат этой встречи стал роковым для судьбы советской еврейской интеллигенции».

Подполковник Рюмин одиннадцать раз переписывал свое письмо-донос, находясь в приемной около шести часов. Об этом свидетельствует Судоплатов, который при этом добавляет: Суханов «сам вел переговоры по поводу содержания письма Сталину с Маленковым».

Когда вождь прочитал заявление Рюмина, он сказал:

— Вот, простой человек, а насколько глубоко понимает задачи органов госбезопасности. А министр не в состоянии разобраться.

Так что же написал этот «простой человек» 2 июля 1951 года Сталину?

> «Товарищу СТАЛИНУ И. В.
> От старшего следователя МГБ СССР
> подполковника Рюмина М. Д.
>
> В ноябре 1950 года мне было поручено вести следствие по делу арестованного доктора медицинских наук профессора Этингера.
>
> На допросах Этингер признался, что он являлся убежденным еврейским националистом, и вследствие этого вынашивал ненависть к ВКП(б) и советскому правительству.
>
> Далее, рассказав подробно о проводимой вражеской

деятельности, Этингер признался также и в том, что он, воспользовавшись тем, что в 1945 году ему было поручено лечить тов. Щербакова, делал все для того, чтобы сократить последнему жизнь.

Показания Этингера по этому вопросу я доложил заместителю начальника следственной части тов. Лихачеву, и вскоре после этого меня и тов. Лихачева вместе с арестованным Этингером вызвал к себе тов. Абакумов.

Во время «допроса», вернее беседы с Этингером, тов. Абакумов несколько раз намекал ему о том, чтобы он отказался от своих показаний о злодейском убийстве тов. Щербакова. Затем, когда Этингера увели из кабинета, тов. Абакумов запретил мне допрашивать Этингера в направлении вскрытия его практической деятельности и замыслов по террору, мотивируя тем, что он — Этингер — «заведет нас в дебри». Этингер понял желание тов. Абакумова и, возвратившись от него, на последующих допросах отказался от всех своих признательных показаний, хотя его враждебное отношение к ВКП(б) неопровержимо подтверждалось материалами секретного подслушивания и показаниями его единомышленника арестованного Брозолимского, который, кстати сказать, на следствии рассказал и о том, что Этингер высказывал ему свое враждебное отношение к тов. Щербакову.

Используя эти и другие уликовые материалы, я продолжал допрашивать Этингера, и он постепенно стал восстанавливаться на прежних показаниях, о чем мною ежедневно писались справки для доклада руководству.

Примерно 28–29 января 1951 года меня вызвал к себе начальник следственной части по особо важным делам тов. Леонов и, сославшись на указания тов. Абакумова, предложил прекратить работу с арестованным Этингером, а дело по его обвинению, как выразился тов. Леонов, «положить на полку».

Вместе с этим я должен отметить, что после вызова тов. Абакумовым арестованного Этингера для него установили более суровый режим, и он был переведен в Лефортовскую тюрьму, в самую холодную и сьфую камеру. Этингер имел преклонный возраст — 64 года, и у него начались приступы грудной жабы, о чем 20 января 1951 года в следственную часть поступил официальный врачебный документ, в котором указывалось, что «в

дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы может привести к неблагоприятному исходу».

Учитывая это обстоятельство, я несколько раз ставил вопрос перед руководством следственной части о том, чтобы мне разрешили по-настоящему включиться в дальнейшие допросы арестованного Этингера, и мне в этом отказывалось. Кончилось все это тем, что в первых числах марта Этингер внезапно умер и его террористическая деятельность осталась не расследованной.

Между тем Этингер имел обширные связи, в том числе и своих единомышленников среди крупных специалистов-медиков, и не исключено, что некоторые из них имели отношение к террористической деятельности Этингера.

Считаю своим долгом сообщить Вам, что тов. Абакумов, по моим наблюдениям, имеет наклонности обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе органов МГБ.

Так в настоящее время в моем производстве находится следственное дело по обвинению бывшего заместителя генерального директора акционерного общества «Висмут» в Германии Салиманова, который в мае 1950 года убежал к американцам, а затем через 3 месяца возвратился в советскую зону оккупации Германии, где был задержан и арестован.

Салиманов показал, что в мае 1950 года его сняли с работы и он должен был возвратиться в СССР, однако этого не сделал и, воспользовавшись отсутствием наблюдения со стороны органов МГБ, перебежал к американцам.

Далее Салиманов рассказал, что, изменив Родине, он попал в руки американских разведчиков и, общаясь с ними, установил, что американская разведка располагает подробными сведениями о деятельности акционерного общества «Висмут», занимающегося добычей урановой руды.

Эти показания Салиманова говорят о том, что органы МГБ плохо организовали контрразведывательную работу в Германии.

Вместо того, чтобы информировать об этом правительственные инстанции и использовать показания арестованного Салиманова для устранения серьезных

недостатков в работе органов МГБ в Германии, тов. Абакумов запретил фиксировать показания Салиманова протоколами допросов.

Министерством государственной безопасности в разное время арестовывались агенты американской и английской разведок, причем многие из них до ареста являлись негласными сотрудниками органов МГБ и двурушничали.

В своих информациях по таким делам тов. Абакумов писал: «Мы поймали, мы разоблачили», хотя в действительности: — нас поймали, нас разоблачили, и к тому же долгое время нас водили за нос.

Попутно несколько слов о методах следствия.

В следственной части по особо важным делам систематически и грубо нарушается постановление ЦК ВКП(б) и Советского правительства о работе органов МГБ в отношении фиксирования вызовов на допрос арестованных протоколами допроса, которые, кстати сказать, почти по всем делам составляются нерегулярно и в ряде случаев необъективно.

Наряду с этим Абакумов ввел практику нарушений и других советских законов, а также проводил линию, в результате которой, особенно по делам, представлявшим интерес для правительства, показания арестованных под силой принуждения записывались с недопустимыми обобщениями, нередко искажающими действительность.

Я не привожу конкретных фактов, хотя их очень много, поскольку наиболее полную картину в этом отношении может дать специальная проверка дел с передопросом арестованных.

В заключение я позволю себе высказать свое мнение о том, что тов. Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате, и он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как Министерство государственной безопасности. Он опасен еще и тем, что внутри министерства на наиболее ключевые места и, в частности, в следственной части по особо важным делам поставил «надежных», с его точки зрения, людей, которые, получив карьеру из его рук, постепенно растеривают свою партийность, превращаются в подхалимов и угодливо выполняют все, что хочет тов. Абакумов.

(Рюмин)».

«Начало кампании кадровой чистки системы МГБ, сопровождавшейся арестами высокопоставленных сотрудников, было положено специальным решением Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) после рассмотрения заявления М. Д. Рюмина — старшего следователя следственной части по особо важным делам (ОВД) МГБ СССР, — комментирует письмо Рюмина Н. Петров. — Вернее будет сказать, что заявление Рюмина было скорее поводом, ибо мысль о проведении чистки и арестов в МГБ… зрела у Сталина давно. После того как Сталин получил в руки заявление Рюмина, настала пора действовать. Что же писал этот следователь? В письме Рюмина, датированном 2 июля 1951 года, содержался ряд обвинений против Абакумова. Во-первых, он «погасил» очень перспективное, с точки зрения автора письма, дело арестованного МГБ врача Я. Г. Этингера, который мог дать важные показания о «врачах-вредителях». Во-вторых, Абакумов скрыл от ЦК важную информацию о недостатках в контрразведывательной работе в Германии на предприятиях «Висмута», где добывалась урановая руда. И, наконец, в-третьих, грубо нарушал установленные решениями партии и правительства правила ведения следствия. В письме Рюмин назвал Абакумова «опасным человеком» на важном государственном посту».

Арест и следствие

Рассказывает Н. Петров: «По заявлению Рюмина 5 июля 1951 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее решение (П82/404): «поручить комиссии в составе т.т. Маленкова (председатель), Берия, Шкирятова и Игнатьева проверить факты изложенные в заявлении Рюмина, и доложить о результатах Политбюро ЦК ВКП(б). Срок работы комиссии 3–4 дня».

В ночь с 5 на 6 июля 1951 года Сталиным в Кремле были приняты Рюмин и руководители МГБ Абакумов и его первый заместитель С. И. Огольцов. При этом присутствовали Молотов, Булганин, Берия и Маленков. Сталин точно продумал сценарий встречи. Сначала в присутствии других членов Политбюро в кабинет ровно в час ночи был приглашен Абакумов, и лишь после того, как Сталин имел возможность выяснить у него все интересующие вопросы, в 1 час 40 минут в кабинет позвали Рюмина (очень похоже на очную ставку). А Огольцова пригласили лишь за пять минут до конца аудиенции. Вероятнее всего, для того чтобы возложить на него временное исполнение обязанностей министра госбезопасности.

Абакумов еще не был арестован, но уже 8 июля 1951 года побывал на допросе у исполняющего обязанности Генерального прокурора К. А. Мокичева. Накануне… Абакумов написал объяснительную записку по выдвинутым против него обвинениям (см. приложение. — Примеч. авт.). В записке рассказывалось об обстоятельствах дела Этингера: в ноябре 1950 года Абакумов направил Сталину в Сочи записку с просьбой дать санкцию на арест Этингера; Поскребышев переадресовал Абакумова к Булганину, который и дал санкцию. Этингер был арестован 18 ноября 1950 года и, по уверениям Абакумова, никаких существенных показаний не давал, у него были частые сердечные припадки, и в конце концов в результате допросов, проводимых Рюминым, он умер. Все обвинения Рюмина в связи с делом Этингера Абакумов отметал, заверяя Сталина в своей личной преданности».

Тогда же, в эти сумрачные июльские дни, Виктора Семеновича вызвал Лаврентий Павлович. Абакумов для себя решил, что поговорит с ним один на один откровенно и появится хоть какая-то надежда. Но не тут-то было. В кабинете Берия оказался, как бы случайно, еще и Маленков, который поинтересовался:

— Что там по отбывающим наказание авиаторам?

— У Новикова, Шиманова, Селезнева срок заключения

истек, — ответил Абакумов.

— Почему вы их держите? — недовольно спросил Маленков.

— Это не в моей компетенции. Вы же знаете, кто принимает такие решения, — уклонился от ответа Абакумов.

После этого разговора Виктор Семенович все же встретился с Берия наедине и попросил его специально доложить по этому вопросу хозяину. Тот его уже не принимал и не желал даже с ним разговаривать.

— Ведь если их выпустят, — сказал Виктор Семенович, — то Шахурин и Шиманов, несомненно, придут к Маленкову и расскажут, как они писали заявление против него на имя товарища Сталина.

Но Берия дал понять, чтобы он сам выкручивался из этой истории, к которой он не имеет никакого отношения.

В этот же день Маленков вызывает Рюмина и берет с него письменные объяснения. Затем вызывает Абакумова и дает их прочитать.

Таким образом, Маленков называет Виктора Семеновича единственным виновником «Авиационного дела»…

Прекрасно понимая, что его может ожидать в ближайшее время, Абакумов 9 июля пишет на имя Сталина целых два письма. Первое после встречи с Берия наедине, где он указывает: «Я уклонился от ответа, имея в виду, что это дело специальное, так как они в процессе следствия писали заявления в Ваш адрес в отношении Маленкова Г. М.

После этого я отдельно встретился с товарищем Берией Л. П. и попросил его специально доложить товарищу Сталину И. В.».

Второе, после прочтения письменных объяснений Рюмина в кабинете Маленкова: «Действительно, как Вы знаете, по специальному указанию, арестованные Шахурин, Новиков, Шиманов и другие допрашивались в отношении Маленкова Г. М. При этом показания их в соответствии с полученными указаниями оформлялись в виде собственноручных заявлений в Ваш адрес и были Вам представлены».

Дело в том, что заявление от имени Шахурина и Шиманова против Маленкова, подобные заявлению против Жукова, были подготовлены не в единственном экземпляре. Поэтому Виктор Семенович, оставивший у себя по одному экземпляру в качестве компромата, на всякий случай, лукавил вождю, как и тогда, когда отправлял эти заявления на его имя и указывал на них: «в единственном экземпляре». Он оставлял за собой право защищаться и нападать.

11 июля Политбюро ЦК ВКП(б) принимает специальное решение (П82/437) «о неблагополучном положении в МГБ», в

котором были повторены все обвинения Рюмина в адрес Абакумова и добавлены новые.

А 12 июля 1951 года Виктора Семеновича вызвали в Прокуратуру СССР. Он уже был готов к этому и все понял. Генеральный прокурор, государственный советник юстиции 1-го класса Г. Сафонов, объявил ему два постановления — о возбуждении уголовного дела по признакам статьи 58–1 «б» УК РСФСР (измена родине, совершенная военнослужащим) и об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей.

После необходимых в таких случаях «процедур» Виктора Семеновича поместили в одиночную камеру Матросской Тишины. Только начальник этой тюрьмы знал, кто обозначается в ней как «заключенный № 15». Такие вот меры предосторожности были приняты в отношении бывшего всесильного и всемогущего министра госбезопасности СССР.

Примечательно, что «перед арестом Абакумова Лаврентий Павлович Берия распорядился переключить телефоны кремлевской АТС: домашний на дежурного офицера в комнате охраны, а служебный — на приемную; это было сделано для того, чтобы Абакумов не мог соединиться с ним».

Именно благодаря процедуре ареста в деле бывшего министра остался и словесный портрет: «Рост — высокий; плечи — опущенные; цвет волос — темно-русые; глаза — карие; лицо — прямоугольное; лоб — высокий; брови — дугообразные; нос — широкий; спинка носа — прямая, основание носа — приподнятое; рот — большой; губы — толстые; подбородок — прямой; уши — большие, овальные». Остался он и для истории…

По мнению Кирилла Столярова, «генерал-полковник Абакумов был представительным, знавшим себе цену мужчиной с приятной внешностью, жестким, пронизывающим взглядом, наводившим на мысль, что этот человек мало кому верит».

Как рассказывали Е. Жирнову ветераны госбезопасности, «содержали его в более чем сносных условиях и будто бы даже обед доставляли из его любимого «Арагви». Никаких признательных показаний он не давал. И тогда в следственной части по особо важным делам МГБ составили альбом с фотографиями вещей, изъятых у Абакумова при обыске. Теперь такой список вряд ли кого-нибудь удивит, но тогда десятки пар обуви, ворох галстуков и все прочее было попаданием в десятку. Ходивший в латанных сапогах Сталин приказал обращаться с Абакумовым как с государственным преступником».

Сразу же после ареста на квартире и на даче Абакумова были произведены обыски.

Особое внимание было обращено на большое количество

пепла, обнаруженного в его кабинете, что свидетельствовало о сожжении многих документов, которые он хранил у себя дома. Однако сжег бывший министр не все. В его столе изъяли документы, на которых стоял гриф «совершенно секретно». Это был компромат на Берия и Маленкова: милицейские протоколы, связанные со скандалами на сексуальной почве (Л. П. Берия) и копии заявлений 1946 года по линии брака самолетов (Г. М. Маленкова). А что касается барахла, то для министра с зарплатой в двадцать пять тысяч рублей все это были мелочи, учитывая еще и возможности Абакумова в прошлом как начальника ГУ КР СМЕРШ.

Итак, у Виктора Семеновича нашли: «1260 метров различных тканей (это были в основном дешевые сорта вискозного шелка, использовавшиеся для декоративного оформления стен его квартиры), много столового серебра, 16 мужских и 7 женских наручных часов, в том числе 8 золотых, около 100 пар обуви, чемодан мужских подтяжек, 65 пар запонок, 22 фарфоровых сервиза, 78 художественных ваз», мебельные гарнитуры, холодильники, радиоприемники, множество фотоаппаратов, кинопроектор, автомобиль «Линкольн-зефир» и библиотека (тысяча пятьсот томов). В доме номер одиннадцать по Колпачному переулку в тот день окна на втором этаже были плотно зашторены…

Распоряжением Совета Министров СССР от 25 июля 1951 года за № 12 537 и от 26 июля 1951 года за № 12 637 квартиры № 2 в доме 11 по Колпачному переулку и № 8 в доме 8 по Телеграфному переулку, а также дача МГБ в поселке Петрово-Дальнее передавались в резерв Совмина. Оба эти документа были подписаны Сталиным.

13 июля арестовали и вторую жену Абакумова вместе с грудным ребенком. Причем, как пишет К. Столяров, «ребенок причинил сотрудникам прокуратуры Союза массу хлопот — у матери сразу же пропало молоко, и чтобы мальчик выжил, им пришлось позаботиться об искусственном питании».

К слову, на квартире у матери Антонины Николаевны (тещи Абакумова) во время обыска нашли две книги, выпущенные для служебного пользования, о работе английской контрразведки и американского Федерального бюро расследований. Хранение такой литературы лишь усугубило вину второй жены бывшего министра государственной безопасности. Первой же жене повезло гораздо больше. Ее сначала тоже хотели арестовать, но Генпрокурор СССР не усмотрел достаточных оснований для ее ареста.

После серии допросов ее выселили из квартиры, разрешив

забрать оттуда только личные вещи, а потом и вовсе оставили в покое.

Вторая жена Абакумова вместе с сыном провела за решеткой 2 года 8 месяцев и вышла на свободу 9 марта 1954 года. А через десять месяцев, 26 января 1955 года, ее вызвали в милицию, где отобрали паспорт и выдали взамен другой — без права проживания в Москве.

А тем временем происходит нечто невообразимое. 13 июля 1951 года арестовывают начальника следственной части МГБ А. Г. Леонова и его заместителей: М. Т. Лихачева и Л. Л. Шварцмана. 25 июля 1951 года арестовывают управляющего делами МГБ М. К. Кочегарова, а на следующий день еще одного заместителя начальника следственной части МГБ В. И. Комарова. При этом аресты в МГБ продолжались и дальше.

Обязанности Абакумова начал исполнять его заместитель С. И. Огольцов, но, почувствовав неладное, он уже 3 августа доложил Сталину, что болен и по заключению врачей нуждается в постельном режиме. За себя он предложил кандидатуру Е. П. Питовранова.

На него и возложили исполнение обязанностей министра госбезопасности, а кроме того, возложили участие в допросах по делу Абакумова, бывшего шефа!

Рассказывает Н. Петров: «Незадолго до отпуска Сталин 24 июля 1951 года провел одну важную встречу с руководителями МГБ в присутствии Берии и Маленкова, на которой дал указания о серьезной перестройке агентурно-оперативной работы, предложив сократить тайную сеть МГБ на $^2/_3$ (оставив только часть агентов и сократив всех осведомителей). Накануне своего отъезда Сталин 9 августа назначил министром госбезопасности партийного аппаратчика С. Д. Игнатьева, демонстративно оставив его по совместительству, в должности заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). В том же месяце был пересмотрен состав заместителей министра госбезопасности…

М. Д. Рюмин, в награду за разоблачение Абакумова, был назначен в июле исполняющим обязанности начальника следственной части по ОВД МГБ СССР и получил звание полковника. Но останавливаться на достигнутом он не желал и, направив Сталину на юг новое разоблачительное письмо, стал инициатором очередной волны арестов в аппарате МГБ. Копию этого письма 10 октября 1951 года Рюмин послал Маленкову. В нем говорилось о недостатках в работе 2-го главного управления МГБ и о том, что руководящие работники МГБ: Е. П. Питовранов, Ф. Г. Шубняков, Л. Х. Райхман, Н.Н. Селивановский, А.С. Блинов,

В. П. Рогов, И. А. Чернов и другие, многие годы тесно работали с Абакумовым и находились под его враждебным влиянием.

Примерно в середине октября 1951 года министр госбезопасности С. Д. Игнатьев и его заместитель Н. П. Стаханов выехали для встречи со Сталиным на юг. При встрече Сталин подробно расспрашивал Игнатьева о работе МГБ и, в частности, о том, хорошо ли работают Е. П. Питовранов, Ф. Г. Шубняков и другие высокопоставленные чекисты. Игнатьев ответил, что в настоящий момент «чекисты работают лучше», а те, о ком Сталин спрашивает, — «честные люди». Выслушав его, Сталин заявил: «Слепой вы человек, ничего не видите, что вокруг делается», и дал Игнатьеву прочитать письмо Рюмина с обвинениями против Питовранова и других. Тут же, по ходу дела, Сталин дал указание «убрать всех евреев» из МГБ. Игнатьев, недоумевая, спросил — куда? И тут вождь изрек: «Я не говорю, чтоб вы их выгоняли на улицу. Посадите и пусть сидят», добавив фразу, которой суждено стать крылатой: «У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму».

На этой же встрече Сталин в категоричной форме потребовал назначить Рюмина не только начальником следственной части, но и заместителем министра госбезопасности. Игнатьев пробовал возражать, сославшись на то, что начальником следственной части МГБ уже утвержден А. Н. Кидин (работавший первым секретарем Владимирского обкома), на что Сталин отреагировал довольно резко, заявив: «Я такого не знаю». Разумеется, Сталин прекрасно знал всех первых секретарей обкомов, но кандидатура Кидина его не устраивала. Решение Сталина о начальнике следственной части было неукоснительно выполнено. Постановлением Совета Министров СССР № 4010–1837сс от 19 октября 1951 года М. Д. Рюмин был утвержден заместителем министра госбезопасности, членом Коллегии МГБ СССР и начальником следственной части по ОВД МГБ СССР».

Следует отметить, что, кроме арестов чекистов-евреев, была и другая волна арестов 1951 года, связанная преимущественно со случаями коррупции.

Первым к допросам Абакумова приступил заместитель Генпрокурора К. Мокичев. Фактически он заменил своего шефа Сафонова, попавшего в автомобильную катастрофу и оказавшегося на несколько месяцев в Кремлевской больнице.

Итак, Мокичев спрашивает Абакумова:

— Почему вы долго не арестовывали Этингера, а после ареста запретили допрашивать о терроре, сказав Рюмину, что Этингер «заведет в дебри»?

— Руководство 2-го управления доложило мне, — отвечает

Виктор Семенович, — что Этингер является враждебно настроенным. Я поручил подготовить записку в ЦК. В записке были изложены данные, которые убедительно доказывали, что Этингер — большая сволочь. Это было в первой половине 1950 года, месяца не помню. Но санкции на арест мы не получили. А после того как сверху спустили санкцию, я попросил доставить Этингера ко мне, так как знал, что он активный еврейский националист, резко антисоветски настроенный человек. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского — моего заместителя, а затем Щербакова. Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком.

В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет. А дальше мне докладывали, что чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает.

— Вам известно, что Этингер был переведен в Лефортовскую тюрьму с созданием необычного для него режима?

— Это неправильно. И внутренняя, и Лефортовская тюрьма одинаковы, никакой разницы нет.

— Вы давали указание о том, чтобы содержать Этингера в особых, опасных для его жизни условиях?

— В каких особых? — удивленно переспрашивает Абакумов.

— В более жестких, чем всех остальных? Ведь Этингера поместили в сырую и холодную камеру.

Виктор Семенович понимает вопрос и, улыбаясь, отвечает:

— Ничего особенного здесь нет, потому что он — враг. Мы можем и бить арестованных — в ЦК ВКП(б) меня и моего первого заместителя Огольцова неоднократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к шпионам и другим государственным преступникам, когда это нужно.

Арестованный есть арестованный, а тюрьма есть тюрьма. Холодных и теплых камер там нет. Говорилось о каменном полу — так, насколько мне известно, пол везде каменный. Я говорил следователю, что нужно добиваться от арестованного правды, и мог сказать, чтобы тот не заводил нас в дебри.

Автор документальной повести «Голгофа» Кирилл Столяров комментирует этот поединок так: «Надо сказать, что силы при допросе оказались неравными. Заместитель Генерального прокурора Мокичев был правоведом высшей квалификации с аттестатом профессора, тогда как, напоминаю, образовательный багаж Абакумова ограничивался четырьмя классами начальной

школы. И все же у меня исподволь сложилось впечатление, что в протоколах допросов их следовало поменять местами — уж больно все это похоже на диалог профана с жестким, вполне компетентным собеседником».

Во время допросов Виктор Семенович, признавая свои ошибки, недостатки и неудачи в чекистской работе, больше ни в чем не считал себя виновным. Аргумент у него действительно был сильнейший: «Я был весь на глазах ЦК ВКП(б). Там повседневно знали, что делается в ЧК». Ну что тут скажешь в ответ, как возразишь?

В одиночной камере бывший министр пишет письмо ЕМУ:

> «Теперь по поводу заявления тов. Рюмина о том, что я якобы намекнул Этингеру, чтобы он отказался от показаний по террору. Этого не было, и быть не могло. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы. Должен прямо сказать Вам, товарищ Сталин, что я сам не являюсь таким человеком, у которого не было бы недостатков. Недостатки имеются и лично у меня и в моей работе. В то же время с открытой душою заверяю Вас, товарищ Сталин, что отдаю все силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите перед органами ЧК. Я живу и работаю, руководствуясь Вашими мыслями и указаниями, товарищ Сталин, стараюсь твердо и настойчиво решать вопросы, которые ставятся передо мной. Я дорожу тем большим доверием, которое Вы мне оказываете за все время моей работы как в период Отечественной войны в органах Особых отделов и СМЕРШ, так и теперь — в МГБ СССР.
>
> Я понимаю, какое большое дело Вы, товарищ Сталин, мне доверили, и горжусь этим, работаю честно и отдаю всего себя, как подобает большевику, чтобы оправдать Ваше доверие. Заверяю Вас, товарищ Сталин, что какое бы задание Вы мне не дали, я всегда готов выполнить его в любых условиях. У меня не может быть другой жизни, как бороться за дело товарища Сталина.
>
> *В. Абакумов».*

Виктор Семенович не случайно избегает некоторых слов («арест», «тюрьма»). С момента ареста прошло около трех недель, и он еще верит в то, что вождь разберется и объявит его

невиновным.

Но тот, перед кем почтительно поклонился из одиночной камеры Виктор Семенович, получив это письмо, прочитал и оставил его у себя. А через 20 дней Мокичев получил указание лично от Маленкова, переданное через нового министра госбезопасности С. Игнатьева: 20 августа 1951 г. «послать товарищу Сталину протокол допроса Абакумова».

Не знал Виктор Семенович, сидя в тюрьме, что с июля 1951 года по сентябрь 1952 года из рядов МГБ вычистили 42 тыс. человек, 600 агентов исключили из агентурных сетей на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, 3 тыс. человек уволили за несоблюдение законности или нарушение дисциплины, 1583 уволили за профессиональную непригодность, остальных — по другим причинам.

Вычищение ставленников Абакумова было скрытой причиной этой чистки. Официально: улучшалась работа и оперативные способности госбезопасности. Новый министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев охарактеризовал МГБ как «косную, раздутую бюрократическую» структуру.

Игнатьеву было сорок семь лет. В партии с 1926 года. В 1935-м окончил Всесоюзную промышленную академию, и сразу же его взяли на работу в промышленный отдел ЦК. С 1937-го — секретарь Бурят-Монгольского обкома партии, с 1943-го — первый секретарь Башкирского обкома партии, с 1946-го — первый заместитель начальника Управления по проверке партийных кадров, с 1947-го — секретарь ЦК Белоруссии по сельскому хозяйству и заготовкам, с 1949-го — секретарь среднеазиатского бюро ЦК и уполномоченный ЦК по Узбекской СССР, с 1950-го — заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров ЦК.

По характеру мягкий человек и робеющий перед Сталиным. По свидетельству очевидца, он «полностью подчинялся требованиям вышестоящего руководства» и «беспрекословно выполнял любые указания».

Леонид Млечин в своей книге подчеркивает: «Мягкость Игнатьева не распространялась на арестованных, которых он приказал бить и пытать». Этим сказано все!

Но вернемся к допросам бывшего министра.

Мокичев снова вызывает Абакумова.

— Почему рассмотрение дел и сроки следствия в МГБ недопустимо затягивались?

— Действительно, есть такие дела, которые затягивались, — отвечает Виктор Семенович. — Делалось это по специальному указанию ЦК ВКП(б) или же диктовалось оперативными

соображениями.

Приведу примеры: имеется дело генерала Телегина и других — 8 человек. Дело это весьма важное и его впредь тоже следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком.

Мокичев все понимает и задает другой вопрос:

— Вашими сотрудниками систематически нарушалось постановление ЦК ВКП(б), согласно которому необходимо оформлять каждый протокол допроса. С какой целью нарушалось постановление от 17 ноября 1938 года?

Виктор Семенович и здесь непреклонен:

— Пора ставить перед ЦК вопрос об его отмене, оно устарело.

— Ответьте, почему на допросах следователи МГБ делали лишь черновые заметки, а впоследствии составлялись «обобщенные» протоколы?

— В следственной части по особо важным делам есть хорошие следователи, но такие, которые не умеют писать. И есть, напротив, грамотные следователи, которые не умеют допрашивать. Отсюда и «обобщенные» протоколы.

Коротко и ясно. Но следует еще вопрос:

— Кому поручалось составление «обобщенных» протоколов?

— Леонову — как руководителю следственной части по особо важным делам, Шварцману — как его заместителю и грамотному человеку…

А в это время за кулисами тюрьмы кипела совершенно другая работа. В МГБ была создана специальная следственная группа, которая тщательным образом изучала поднятые из архива данные агентурных наблюдений, фонограммы тайного прослушивания в квартирах и служебных кабинетах врачей, истории болезней.

Но самое страшное, что никто из арестованных врачей не давал нужных показаний.

Однажды Сталин вызвал Игнатьева и поинтересовался:

— Как идет работа по «делу врачей»?

Новому министру сказать было нечего. Изменились времена и нравы, а самое главное — стиль работы госбезопасности. А вождь требовал самых решительных мер.

— Я не проситель у МГБ! — все больше и больше заводился Сталин. — Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования. Мы вас разгоним как баранов! — он был в ярости. — В МГБ полно чекистов, которые не видят дальше собственного носа. Вы там докатились до состояния полных идиотов и не хотите выполнять директивы ЦэКа…

«К концу января 1942 г. почти во всех разговорах с тов. Сталиным я слышал не только острую брань, — вспоминал

Игнатьев, — но и угрозы приблизительно такого характера:

«Если вы не раскроете террористов, американских агентов среди врачей, то вы будете там, где сейчас находится Абакумов… Я не эмгэбэшник. Я могу требовать и прямо заявлять вам об этом, если вы не выполняете моих требований… Мы будем управлять вами как баранами» и т. д.».

В конце 1951 года Рюмин на докладе у Сталина высказал сомнения по поводу работы прокуратуры, мол, им вряд ли удастся размотать дело Абакумова.

— Они — чекисты, — размышляя, отвечал вождь. — От них уговорами ничего не добьешься, их надо… — и он несколько раз ударил ребром ладони по столу.

Став заместителем министра, курировавшего следствие в МГБ, Рюмин утвердил (22 февраля 1952 г.) постановление, «согласно которому расследование уголовного дела Абакумова» было передано в министерство государственной безопасности. После чего Абакумова и других арестованных очень скоро перевезли из Матросской Тишины в Лефортово. Там Виктора Семеновича заковали в кандалы. Но и это было еще не все.

Арестованных круглые сутки держали в наручниках, допрашивали без сна и били в кровь. Били в кабинете № 65 Лефортовской тюрьмы только тех, кто был неразговорчив. «Однако избитый в кровь, изувеченный Абакумов ни в чем не признался».

К. Столяров пишет: «От Абакумова добивались выдачи связей с иностранными спецслужбами. На ежедневных допросах его обвиняли в том, что он был «прислужником вражеских разведок», предлагали не увиливать, а говорить, что заставляло его «так старательно служить англичанам и американцам», и однажды заявили: «Установлено, что вредительски-подрывную работу вы проводили и в военной контрразведке. Абакумов, прекратите лгать и раскрывайте ваши подлинные вражеские замыслы!» У изнуренного пытками Абакумова хватило сил усмехнуться и спросить: «Что же я, по-вашему, и на немцев работал?»».

Спровоцировав невиданную перетряску на Лубянке, «дело врачей», начиная с 1952 года, разрабатывалось органами МГБ под руководством М. Д. Рюмина. Вождь ежедневно читал протоколы допросов. Он требовал от МГБ максимальной разработки версии о сионистском характере заговора и о связях заговорщиков с английской и американской разведкой через «Джойнт» (сионистская благотворительная организация).

В сентябре 1952 года с помощью избиений от бывшего заместителя начальника следственной части МГБ полковника Л.А. Шварцмана были получены «важные» показания на

Кагановича, Хрущева, Меркулова, Кобулова, Мамулова и ряда других соратников Сталина и Берия. Но самыми важными для советского руководства были признания Шварцмана о том, что он якобы готовил террористические акты против Маленкова и что о его планах знали Абакумов, Райхман, Палкин, полковник Л. Е. Иткин — начальник следственного отдела Управления контрразведки Московского военного округа, Эйтигон и прокурор Дорон. Показания Шварцмана оказались настолько своевременными, что само дело Абакумова впредь стало именоваться делом Абакумова — Шварцмана.

«По мнению бывшего руководителя государственной архивной службы Российской Федерации профессора Р. Г. Пихоя, Сталин лично руководил следствием и определял степень виновности того или иного участника «заговора». На полях дела есть его пометки: «Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу иностранным шпионам-террористам Егорову, Виноградову, Василенко, Майорову». Или: «Он (Жданов) не просто умер, а был убит Абакумовым», — пишет Я. Этингер.

3 ноября 1952 года Рюмин утвердил постановление о предъявлении дополнительного обвинения: «Принимая во внимание, что следствием по делу Абакумова собраны доказательства, изобличающие его в том, что он:

а) вынашивал изменнические замыслы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу из еврейских националистов, с помощью которых обманывал и игнорировал ЦК КПСС, собирал материалы, порочащие отдельных руководителей Советского правительства, а также отгораживал чекистский аппарат от руководящих партийных органов;

б) опираясь на своих сообщников, проводил вредительскую подрывную работу в области контрразведывательной деятельности…

— дополнительно предъявить Абакумову Виктору Семеновичу обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58–7, 58–8, и 58–11 УК РСФСР».

В Лефортовской тюрьме было холодно. Абакумова лишили прогулок, ларька, книг, а кормили, как выразился И. А. Чернов, «впроголодь». Он же вспоминал: «Был у них отработан садистский прием — перевернут тебя на спину, снимут брюки, раздвинут ноги и давай хлестать сыромятной плетью. Боль невыразимая, особенно, если бьют с оттяжкой. После такой пытки я графин воды выпивал, жажда была — все внутри полыхало. Тут подпишешь даже то, что придушил собственную маму годика за три до своего рождения».

С февраля Виктора Семеновича, что называется, пропустили

через Лефортовский конвейер: первые восемь дней держали в темной и холодной камере, а в течение месяца спать давали по часу-полтора в сутки.

18 апреля ему дали возможность написать письмо, и он пишет: «Товарищам Берия и Маленкову»: «На всех допросах стоит сплошной мат, издевательства, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол. Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут. Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг. 23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть, впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой. Я все время спрашивал, кто разрешил проделать со мной такую штуку. Мне ответили: «Руководство МГБ». Путем расспросов я узнал, что это Рюмин, который делает, что и как хочет».

В заключение своего письма Виктор Семенович просит:

> «1) Закончить все и вернуть меня к работе… мне нужно лечение.
>
> 2) Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей. Может быть, надо вернуть в Матросскую тюрьму и дать допрашивать прокурорам…
>
> Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я Вам вечно буду за это благодарен. Она человек очень честный и хороший.
>
> *Уважающий Вас В. Абакумов».*

В этом письме больше всего удивляет настойчивое обращение Абакумова к тем, кто в принципе не заинтересован в помощи. Причем можно заметить, что письмо скорее напоминает докладную записку не бывшего министра, а будто бы действующего, но временно находящегося под следствием.

Виктор Семенович, стойкий и мужественный человек, почему-то уверен в кратковременности своего пребывания за решеткой. Но уже за то короткое время, что он провел на допросах и в одиночках, его здоровье сильно подорвано и даже у тюремных

медиков вызывает опасения:

> «Заключенный № 15 еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение… Бледен, губы и слизистые с цианотичным оттенком. При пальпации спины болезненность мышц в области межреберных промежутков… Стопы гиперемированы, пастозны… По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру».

Теперь допрашивать его разрешено «только лежа в течение 2-х часов».

Осенью 1952 года Виктору Семеновичу еще раз дают возможность написать: «Прошло уже более года, а меня по-прежнему беспрерывно допрашивают. Все это время мне ставили большое количество вопросов — странных, нелепых и просто провокационных. Например, вопрос о суде над «ленинградцами»: «Почему я добился расстрела Вознесенского, Кузнецова и других?» Вы же хорошо знаете, как все было. Следователь Рюмин должен знать, что такие вопросы решает ЦК, но почему-то спрашивает об этом у меня. Теперь новая линия. Продолжают меня мучить, называя «узурпатором». Приводят умопомрачительные показания разных лиц. Многие сидели в холодильнике и лгут, кто как может. Об этом страшилище — холодильнике — я писал Вам прошлый раз».

Нет, Виктор Семенович не желает сдаваться. Он по-прежнему настойчиво обращается к Берия и Маленкову и, как раньше, лишь информирует их о своем положении, жутком и страшном, в котором долго не может находиться министр госбезопасности. Не бывший, а действующий!

> «Сколько вранья, клеветы и грязи написано на бумаге. Они, очевидно, должны взять отказные протоколы от людей, которые врали и клеветали. Иначе, как можно оставить бумаги с такими записями.
>
> Может быть, было бы лучше закончить всю эту историю до отъезда тов. Сталина в отпуск? Говорю это потому, что иногда в период отпуска некоторые вопросы решались острее. Поймите мое положение и поэтому извините меня за такой совет.
>
> Еще раз прошу Вас о жене и ребенке. Верните их домой. У жены здоровье плохое, а ребенку нужен воздух. Иначе можно погубить и ее, и моего дорогого, единственного сына. Прошу Вас, помогите мне в этом».

К. Столяров комментирует эти два письма следующим образом: «У писем есть еще одна особенность: все они снабжены постскриптумами, в которых Абакумов заверяет Берию в неизменной преданности, клянется, что «всем сердцем любит тов. Сталина и тов. Берию», называет его «самым близким человеком», намекает, что «крепко пригодится в будущем»», и т. п.

Для него это была последняя надежда, а она, как известно, и умирает последней. То, что писал Виктор Семенович своим врагам, это было одно, а другое он показывал всем, и им в том числе, что сломить Абакумова невозможно. Заставить показать против себя — также невозможно. Он верил, он надеялся, а может быть, даже был уверен в том, что они остановят эксперименты и освободят его.

И он упорно молчал.

На очередном допросе полковник Седов спрашивает Абакумова:

— Голословно отрицая совершенные вами преступления, вы еще раз показываете свое враждебное отношение к ВКП(б) и Советскому государству. Когда вы намерены разоружиться и рассказать правду о вашей преступной деятельности?

— На предыдущих допросах я уже показал, что преступлений против ВКП(б) и Советского государства не совершал. К этим своим показаниям на сегодняшнем допросе ничего добавить не могу, — будто заученными словами отвечает Виктор Семенович. (Перерыв с шестнадцати тридцати на семь часов. И так до четырех часов сорока пяти минут.) Но абсолютно ничего нового. Хотя кое-что меняется…

Рассказывает Н. Петров: «Теперь звезда Рюмина сияла в полном блеске. В период с июля 1951-го по ноябрь 1952-го он пять раз был принят Сталиным в кремлевском кабинете. Непосредственно из уст «кремлевского горца» получал указания, как вести дела, кого и с какой интенсивностью допрашивать, кого круглосуточно держать в наручниках, кого бить и пытать. А ведь были еще и многочисленные телефонные указания Сталина.

В этой головокружительной карьере Рюмина прежде всего угадывается типичная для Сталина вера в «маленького человека», способного разоблачить «вражеские махинации» зарвавшихся чинуш из околокремлевского слоя управленцев, гасящих народную инициативу. Главное — поддержать такого маленького разоблачителя сверху, протянуть ему руку помощи непосредственно из Кремля. И вместе с ним пытать, громить, сокрушать вчерашние авторитеты.

Да, биография Рюмина проста и незатейлива, а стаж и опыт в чекистской работе невелики. Но разве в этом главное. Для

Сталина он «маленький человек», не побоявшийся выступить против начальства и разоблачить «вражеские происки». Об особо трепетном отношении Сталина к Рюмину писал в объяснительной записке в марте 1953-го бывший министр госбезопасности Игнатьев: «В один из воскресных дней (вечером) в конце августа 1952 г. товарищ Сталин вызвал меня на Ближнюю дачу и после очень резкого разговора о том, что чекисты разучились работать, ожирели, растеряли и забыли традиции ЧК времен Дзержинского, оторвались от партии, хотят встать над партией, — взял в руки записку о результатах экспертизы по препарату сердца товарища Жданова, спросил, кто проявил эту инициативу, и на мой ответ, что проделал это Рюмин со своими работниками, товарищ Сталин сказал: «Я все время говорю, что Рюмин честный человек и коммунист, он помог ЦК вскрыть серьезные преступления в МГБ, но он, бедняга, не находит среди вас поддержки, и это происходит потому, что я назначил его вопреки вашему возражению. Рюмин молодец, я требую, чтобы вы прислушивались к нему и приблизили его к себе. Имейте в виду — старым работникам МГБ я не очень доверяю».

Несмотря на постоянное давление Сталина, Игнатьев и Рюмин не могли добиться желаемого результата. Как показал Рюмин: «К сентябрю 1952 г., несмотря на фальсификацию следствия и другие ухищрения, стало очевидным, что дело сотрудников проваливается, так как ни от кого из арестованных, кроме Шварцмана, не удалось получить нужных нам показаний о корнях вредительства, о которых говорилось в их «показаниях». Тогда я и Игнатьев пошли на крайнее средство и добились разрешения на применение к арестованным мер физического воздействия. 4 ноября я вместе с помощником начальника следчасти Гришаевым выехал в Лефортовскую тюрьму и приказал избить резиновыми дубинками и плетками группу арестованных чекистов, однако и эти меры не дали никаких результатов».

Точно так же было форсировано следствие по «делу врачей». В ночь с 12 на 13 ноября 1952-го Рюмин особо свирепствовал. Он лично принял участие в избиении профессора В. Х. Василенко. Об этом эпизоде Василенко рассказал в подробностях во время суда над Рюминым:

«Рюмин тогда пришел ко мне в камеру, приказал одеть на меня наручники и перевести в другое помещение. Меня привели в какое-то специальное помещение, где Рюмин спросил меня — буду ли говорить правду. Я ответил, что все мои показания, данные следствию, являются правдой и другой правды я не знаю. Тогда Рюмин меня ударил, а его помощники свалили на пол и стали избивать. Я потерял сознание. Рюмин опять требовал,

чтобы я сознавался в совершении преступлений. Так как я свои показания не менял, то процедура избиения была совершена еще дважды. (…) Рюмин бил меня руками по лицу, а его помощники резиновыми палками по телу, причем Рюмин все время кричал, чтобы били сильнее. (…) После избиения, на следующий день, Рюмин пришел в кабинет к следователю, и я тогда заявил ему, что буду подписывать о чем угодно и что сильно боюсь Рюмина».

Рюмин усердствовал, но было поздно. Сталин внезапно разочаровался в нем. Милость диктатора быстро сменилась гневом. Решением Сталина 13 ноября 1952-го Рюмин был снят с должности заместителя министра госбезопасности и начальника следственной части МГБ за то, что «не добрался до корней дела» и «не способен выполнить» указания правительства по расследованию дел Абакумова — Шварцмана и «врачей», которые «все еще остаются нераскрытыми до конца»».

В общем, Рюмина отстраняют от должности и лишь в феврале 1953 года «пристраивают» на должность старшего контролера Министерства государственного контроля СССР. Но ненадолго…

А 17 ноября 1952 года помощник начальника следчасти по особо важным делам подполковник Гришаев докладывает рапортом заместителю начальника следчасти полковнику Соколову: «Согласно распоряжению Министра государственной безопасности Союза ССР товарища Игнатьева С. Д., 15 ноября 1952 г. арестованный № 15 перемещен в камеру № 77 Бутырской тюрьмы… из шести камер, расположенных в конце коридора, где размещена камера № 77, выведены все заключенные, и, таким образом, по соседству с арестованным № 15 других заключенных нет.

В целях конспирации эта часть коридора отгорожена специальной портьерой. У двери камеры выставлен круглосуточный пост из числа наиболее проверенных надзирателей. Надзиратели предупреждены, что арестованный № 15 способен допустить любую провокацию и может прибегнуть к самоубийству.

Поэтому за ним необходимо вести особо тщательное наблюдение. Также в целях конспирации принято решение прикрепить к арестованному № 15 наиболее проверенного, умеющего держать язык за зубами врача и вызов других врачей к арестованному производить только в экстренных случаях. Согласно указанию министра, арестованный № 15 закован в наручники, которые будут сниматься только во время принятия пищи. Все остальное время арестованный № 15 будет сидеть в наручниках, причем в дневное время с руками за спину, а в ночное время — с руками на животе».

Допросы продолжались и в Бутырской тюрьме. Там его допрашивал бывший секретарь ЦК ВЛКСМ В. Н. Зайчиков, который рассказывал Н. Месяцеву, как в первый раз привели Абакумова:

— А, мне следователя-новичка дали?

— Как вы определили?

— Вы были депутатом Верховного Совета, у вас еще на лацкане след от значка, ботинки из-за границы.

Абакумов его сразу раскусил.

И снова Виктор Семенович отрицал измену Родине, говорил, что были ошибки, недостатки, промахи.

— За них я готов отвечать. Я Родине не изменял, — твердил он.

Пытать же его больше не решались, потому что здоровье Абакумова ухудшалось.

А что же с ним делать тогда? Например, секретарь партбюро парторганизации следчасти по особо важным делам МГБ СССР Цветаев в своем рапорте указывает:

«По имеющимся врачебным заключениям, арестованный № 15 якобы страдает болезнью сердца, а наблюдающий за ним врач разрешил допрашивать его не более 3–4 часов и только в дневное время.

При таком положении, учитывая поведение арестованного № 15, на мой взгляд, добиться от него признания вины в совершенных им преступлениях невозможно». Далее он предлагает:

«Мне кажется, целесообразно было бы поставить об этом Инстанцию и предпринять необходимые меры в направлении получения от арестованного № 15 признательных показаний. Такой мерой, по-моему, может быть тщательное медицинское освидетельствование арестованного № 15 и в случае необходимости — применение срочных медицинских средств для быстрого восстановления его здоровья с тем, чтобы после этого его можно было бы активно допрашивать и обязательно пользоваться при этом острыми методами».

Зато бывшие подчиненные Виктора Семеновича старались вовсю… и давали признательные показания.

Например, бывший заместитель начальника секретариата МГБ СССР полковник Яков Михайлович Броверман, одногодка министра и житомирский еврей говорил столько, что следователи не успевали записывать.

Вот его некоторые ответы, которые говорят сами за себя:

«… ШВАРЦМАН, РАЙХМАН, ПАЛКИН, БЕЛКИН и я, занимая

ответственные посты в МГБ СССР и являясь убежденными еврейскими националистами, не только распространяли вражеские вымыслы в отношении национальной политики партии, но и активно помогали АБАКУМОВУ обманывать ЦК КПСС и проводить вредительскую работу в чекистских органах.

Так, например, РАЙХМАН, будучи заместителем начальника 2-го Главного управления, вместе с АБАКУМОВЫМ разваливал контрразведывательную работу МГБ СССР, скрывал от партии преступные провалы чекистских мероприятий.

Националист ПАЛКИН возглавлял в течение ряда лет отдел, занимающийся обеспечением советских разведчиков документами прикрытия и средствами тайной связи, также развалил этот важный в системе МГБ СССР участок.

Активными сообщником АБАКУМОВА по развалу контрразведывательной работы за кордоном является названный мной на предыдущих допросах националист БЕЛКИН, занимающий должность заместителя начальника 1-го Управления МГБ СССР.

ШВАРЦМАН, являясь одним из руководителей Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, по указанию АБАКУМОВА смазывал дела на арестованных еврейских националистов, исключая из их протоколов допроса показания о террористической и другой вражеской деятельности…»

«… Являясь убежденным националистом, я, разумеется, не мог оставаться равнодушным к судьбе арестованных единомышленников.

Я горячо сочувствовал борьбе, которую ведут еврейские националисты против Советского государства.

Мои националистические чувства особенно проявились в 1948–1949 гг., когда мне приходилось корректировать протоколы допроса арестованных главарей Еврейского антифашистского комитета ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА, ШИМЕЛИОВИЧА и других.

Это объясняется тем, что я полностью разделял вражеские замыслы и практическую деятельность еврейских националистов и американских шпионов, проводивших подрывную работу под прикрытием Еврейского антифашистского комитета.

Я считал, что главари комитета поступили правильно, взяв ориентировку в своей вражеской деятельности на реакционные круги Соединенных Штатов Америки.

Мною также одобрялись клеветнические измышления, которые усиленно распространяли ФЕФЕР, ЛОЗОВСКИЙ и их сообщники о положении еврейского населения СССР.

Положительно оценивалась мной и вражеская работа бывших руководителей Еврейского антифашистского комитета,

рассчитанная на то, чтобы под видом Еврейской республики создать в Крыму удобный плацдарм для вторжения американцев в СССР.

Должен сознаться, что арест ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА, ШИМЕЛИОВИЧА и других еврейских националистов и американских шпионов я встретил с глубоким сожалением.

Поэтому, корректируя протоколы допроса ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА и других арестованных националистов, я делал все, чтобы смягчить отдельные формулировки в показаниях арестованных».

«В 1949 году среди нас — националистов, составлявших близкое окружение АБАКУМОВА, — усиленно стала распространяться не знаю кем пущенная молва о том, что якобы в скором времени АБАКУМОВ должен занять пост заместителя председателя Совета Министров и будет руководить всеми разведывательными и контрразведывательными органами страны.

Я полагал, что, заняв высокое положение в государственном аппарате, АБАКУМОВ приобретет более широкие возможности для покровительства лицам еврейской национальности, и в частности нам, еврейским националистам, которые вместе с ним работали в МГБ СССР».

Эти показания Броверман дал 3 декабря 1952 года. Несколько ранее, а точнее 27 ноября, Яков Михайлович показал не менее страшные вещи:

«На предыдущих допросах я также не скрывал своей вины в том, что выполнял вражеские указания АБАКУМОВА по обману ЦК КПСС и правительства и неоднократно по его заданию фабриковал ложные информации, направлявшиеся в директивные органы.

Так, в 1945 году я с бывшим нач. отдела «Д» МГБ СССР ПАНКИНЫМ, а также бывшими начальником 1-го Управления УТЕХИНЫМ и начальником Следственной части по особо важным делам ЛЕОНОВЫМ по указанию АБАКУМОВА сфабриковал направленный в ЦК партии фотоальбом о подрывной работе белоэмигрантских организаций, орудовавших в Маньчжурии.

Надо сказать, что большинство документов, фотокопии которых были помещены в альбом, относились к 30-м годам и никакого интереса к 1945 году не представляли. Однако АБАКУМОВ, желая создать впечатление, что органам контрразведки СМЕРШ удалось якобы полностью разгромить белоэмигрантские организации и захватить документы о их деятельности в период Второй мировой войны, приказал нам заклеить даты на документах, находящихся в альбоме.

Подготавливая для посылки в ЦК итоговые информации о

работе органов МГБ по розыску и аресту агентов иностранных разведок, а также авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных писем, я по распоряжению АБАКУМОВА указывал в них лишь количество разысканных шпионов и авторов анонимных документов и скрывал, что органами МГБ продолжительное время не было установлено и поймано несколько десятков тысяч преступников указанной выше категории. Это давало возможность АБАКУМОВУ утаивать от ЦК КПСС неблагополучное положение с розыском шпионов и авторов анонимных вражеских документов».

Полковник госбезопасности И. А. Чернов вспоминал: «Крепко наседали они, требуя разоблачить заговор Абакумова, а потом круто сменили тактику — решили сперва меня замарать с головы до ног, чтобы не на что было надеяться. Признавайся, говорят, что составлял фальсифицированные письма «авиаторов» к Вождю народа. Я — ни в какую, не было этого и все, хоть режьте на куски. Тогда они устроили очную ставку с Броверманом, который пробубнил, будто это моя работа. «Что ты плетешь?! — в сердцах крикнул я Броверману. — Счеты со мной сводишь за старое? Разве я виноват, что тебя понизили?» Броверман молчит, глаза отводит, а меня трясет. «Давно тебя бьют?» — спрашиваю у него. «Третий месяц», — выдавил он из себя. «Вы чего творите? — обращаюсь я к следователям. — Дубинками заставляете нас оговаривать друг дружку?!» А им — хоть бы что, составили протокол и моих слов туда не вписали».

Из протокола допроса И. А. Чернова от 27 мая 1952 года:

«…в 1943 году АБАКУМОВ приказал мне взять в финансовом отделе СМЕРШ из средств, отпускаемых на оперативные нужды, десять тысяч рублей. Тут же АБАКУМОВ предупредил меня, чтобы я всегда имел при себе такую сумму денег.

Выполняя это распоряжение, я под предлогом оплаты оперативных расходов неоднократно брал из финотдела по 9–10 тысяч рублей и расходовал их по указанию АБАКУМОВА на подачки его приближенным.

Чтобы замести следы преступлений, я периодически составлял фиктивные рапорты на имя АБАКУМОВА, в которых ложно указывал, что эти деньги якобы были израсходованы на оперативные цели».

«…в 1950 году ЦК ВКП(б) предложил расследовать имевшиеся в отношении бывшего начальника Управления контрразведки МГБ Центральной группы советских оккупационных войск БЕЛКИНА сигналы о его служебных злоупотреблениях…

Еще до выхода советских войск за пределы Советского Союза БЕЛКИН неоднократно присылал с фронта подарки АБАКУМОВУ Поэтому, получив распоряжение из ЦК ВКП(б) о расследовании фактов служебных злоупотреблений БЕЛКИНА, АБАКУМОВ всячески затягивал выполнение этого указания ЦК.

После того, как расследованные факты злоупотреблений БЕЛКИНА подтвердились, АБАКУМОВ принял меры к тому, чтобы выгородить БЕЛКИНА. С этой целью в составленном мной по указанию АБАКУМОВА и направленном в ЦК ВКП(б) письме о результатах расследования дела БЕЛКИНА не были указаны совершенные им наиболее серьезные преступления, а те факты, о которых сообщалось в письме, были по существу, смазаны.

Вместо того, чтобы наказать БЕЛКИНА, АБАКУМОВ впоследствии выдвинул на должность заместителя начальника I Управления МГБ СССР».

«… АБАКУМОВ поддерживал тесную связь с бывшим секретарем ЦК ВКП(б) КУЗНЕЦОВЫМ. АБАКУМОВ не раз хвастался своей близостью к КУЗНЕЦОВУ, говоря, что КУЗНЕЦОВ, прежде чем принять какое-либо решение, касающееся МГБ, всегда советовался с ним — АБАКУМОВЫМ.

В 1946–1947 годах АБАКУМОВ часто ездил к КУЗНЕЦОВУ в ЦК ВКП(б). В свою очередь КУЗНЕЦОВ несколько раз приезжал к АБАКУМОВУ в здание Министерства.

Именно с помощью КУЗНЕЦОВА АБАКУМОВ расставлял на руководящие должности угодных ему людей, которые впоследствии составляли его надежную опору».

Полковник Шварцман был еще более словоохотлив. 21 ноября 1952 г. он показал:

«В 1946 году, когда Министерство государственной безопасности возглавил АБАКУМОВ, ранее работавший вместе со мной и РАЙХМАНОМ в секретно-политическом отделе НКВД СССР. Еще до этого, за время войны, я приобрел себе новых единомышленников по националистическим убеждениям в лице бывшего заместителя начальника секретариата АБАКУМОВА по военной контрразведке — БРОВЕРМАНА, прокурора по спецделам ДОРОНА, начальника следственного отдела 2-го Главного управления ИТКИНА, начальника отдела «Д» ПАНКИНА.

Со всеми этими лицами я поддерживал тесную связь и обменивался националистическими настроениями.

Особо следует сказать о моих взаимоотношениях с БРОВЕРМАНОМ. С последним мы откровенно беседовали на националистические темы и выражали симпатии американским и палестинским евреям.

Я и БРОВЕРМАН пренебрежительно отзывались о русских, всячески восхваляли евреев, превозносили их ум и способности, заявляя о том, что, мол, евреи самой историей призваны властвовать над миром. При этом мы высказывались о том, что евреям, находящимся в СССР и в других странах, следует брать пример с американских евреев, которые проникли во все звенья экономической и политической жизни страны, оказывая влияние на внешнюю и внутреннюю политику американского правительства».

«В августе 1950 года я узнал, что вместе с ЛЕОНОВЫМ и КОМАРОВЫМ мне предстоит выехать в служебную командировку в Сочи для составления и согласования одного важного документа с Главой Советского правительства, который проводил свой отпуск на юге.

Полагая, что одновременно с Главой правительства на отдыхе будет находиться и Г. М. МАЛЕНКОВ, я решил воспользоваться этим случаем для совершения террористического акта.

Практически я намеревался осуществить свой вражеский замысел в зависимости от обстановки: или непосредственно на правительственной трассе, или в случае приема Г. М. МАЛЕНКОВЫМ АБАКУМОВА, ЛЕОНОВА, КОМАРОВА и меня по вопросу составления упомянутого документа. С этой целью я и захватил с собой из Москвы личное оружие — пистолет «Вальтер»».

Н. Петров пишет о Шварцмане следующее: «Да он и сам как бывший следователь, имевший огромный опыт выбивания показаний, понимал: чтобы избежать пыток — лучше признавать все, и даже с избытком. Шварцман так и делал, но его все равно били. В его показаниях было все, что требовалось Игнатьеву и Рюмину для новых арестов высокопоставленных сотрудников МГБ. И это несмотря на то, что Шварцман давал настолько фантастические показания, что возникал вопрос, не повредился ли он в уме?

Он признался, что готовил покушение на Маленкова и привлек для этого «некоторых руководителей партии и правительства», признавался в шпионаже в пользу английской, американской, французской, японской и норвежской разведок. Врачебно-психиатрическая комиссия уличила Шварцмана в притворстве. Как признавал на допросе в июне 1953-го Рюмин, один из творцов дела о «сионистском заговоре» в МГБ: «В процессе следствия по этим делам было совершено еще одно преступление, заключающееся в том, что при допросах арестованных сотрудников МГБ еврейской национальности использовались заведомо вымышленные и клеветнические

показания Шварцмана, хотя мне и Игнатьеву было хорошо известно о его провокационном поведении на следствии»».

Лев Леонидович (Аронович) Шварцман в НКВД пришел в 30 лет из газеты «Рабочая Москва», где работал ответственным секретарем. В секретно-политическом отделе Шварцман стал человеком незаменимым. Он писал не только протоколы допросов, но и партсобраний. В дальнейшем он стал специализироваться исключительно на следствии, умело совмещая обыкновенный мордобой и литературную работу. Например, он вел следствие по делам А. Косарева, И. Бабеля, М. Кольцова, В. Мейерхольда. За свои особые умения его карьера была стремительной, а он сам незаменимым. В 32 года его назначат помощником начальника следственной части НКВД, а в 33 — заместителем начальника следственной части Главного экономического управления НКВД.

Н. Петров подчеркивает: «Арестованный генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев, попав в руки Шварцмана, испытал на себе все его следственные приемы. Как позднее цинично признал на допросе Шварцман: «Арестованный, поняв безвыходность своего положения, согласился дать показания о своей вражеской работе». В 1950-е бывший сотрудник органов А.С. Козлов описал, как это выглядело: «Косарев лежал на полу вниз головой и хрипел. Макаров держал его за ноги, Родос за голову, а Шварцман бил его резиновым жгутом». Но почему Косарев на суде не опроверг своих показаний, данных под пытками? Многие это делали, хотя кто, кроме судей, на закрытом заседании Военной коллегии их услышит. Да и кому это помогло… Оказывается, и тут не обошлось без хитрости Шварцмана. В зависимости от поведения на суде Косареву обещали сохранить жизнь. Сам Шварцман об этом показал на следствии: «… При вызове Косарева до или после заседания Военной коллегии Верх. Суда СССР, не помню, я, вопреки существовавшему порядку, сам дал Косареву бумагу и предложил написать заявление о сохранении ему жизни на имя Берии… Такое заявление было написано, и его я лично, минуя непосредственных начальников, доложил Берия. Однако Берия, прочитав заявление, выругался, просьбу Косарева отклонил, а заявлению дальнейшего движения не дал…» 23 февраля 1939-го Косарев был расстрелян».

Талантливый Шварцман выдумывал самые невероятные истории, которые рассказывал следователям. С его слов в сионистской работе ему помогала тетя, которая готовила специальные еврейские блюда. Откушавшие их тут же становились убежденными сионистами. Самым бесценным в этом

деле оказался суп, который варила тетя Циля. Именно на основе показаний этого полковника было выдвинуто обвинение против 30 высокопоставленных сотрудников МГБ — евреев по национальности…

Из протокола допроса Е. П. Питовранова от 24 апреля 1952 года:

«… Пользуясь поддержкой КУЗНЕЦОВА, АБАКУМОВ всеми мерами стремился отгородить чекистский аппарат от контроля ЦК, оторвать органы МГБ от партии.

В этой связи уместно повторить, что в 1947 году, как я об этом уже показывал, в МГБ СССР прибыла группа работников ЦК ВКП(б) для проверки состояния политической учебы коммунистов 2 Главного управления и теоретической подготовки руководящих работников этого Управления.

Узнав об этом, АБАКУМОВ разгневался и стал кричать: «Что это еще за проверка? Я не допущу никакой проверки!» После этого АБАКУМОВ при мне позвонил по телефону КУЗНЕЦОВУ — и проверка была отменена.

Преступная связь АБАКУМОВА с КУЗНЕЦОВЫМ подтверждается также и тем, что КУЗНЕЦОВ оказал содействие АБАКУМОВУ в создании в Министерстве обстановки тишины и благодушия.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: В конце 1947 года состоялось собрание партийного актива МГБ СССР. Присутствовавший на этом собрании КУЗНЕЦОВ выступил с пространной, длинной речью, в которой ни словом не упомянул о недостатках в чекистской работе, а все свое выступление свел к тому, что органы МГБ при АБАКУМОВЕ добились значительных успехов, и тем самым дал понять всем присутствовавшим делегатам, что говорить о недостатках работы и критиковать АБАКУМОВА не следует.

Таким образом, АБАКУМОВ, обеспечив в период работы КУЗНЕЦОВА секретарем ЦК выгодную для себя расстановку людей, снискав при поддержке КУЗНЕЦОВА в среде чекистов славу близкого к ЦК человека, «крупного деятеля» и опираясь на нас, его сообщников и пособников, создавал условия для того, чтобы в конечном итоге, как я ранее показывал, добиться высшей власти в стране.

Эти вражеские замыслы АБАКУМОВА должны были всплыть наружу значительно раньше, после ареста КУЗНЕЦОВА и его сообщников, однако этого не произошло, поскольку АБАКУМОВ пустил в ход свою хитрость. Об этом я говорю на том основании, что допросы КУЗНЕЦОВА он поручил одному из самых своих

приближенных — бывшему личному секретарю КОМАРОВУ, который несомненно помог АБАКУМОВУ выйти из воды сухим и скрыть его преступную связь с КУЗНЕЦОВЫМ» (См. приложение. — Примеч. авт.).

Судьба генерала Питовранова примечательна тем, что ему удалось не просто выйти из «дела АБАКУМОВА — ШВАРЦМАНА», а еще и из тюрьмы. Как это получилось, рассказывает Е. Жирнов: «Питовранов, сидя в тюремной камере, написал Сталину письмо не с просьбой его помиловать, а с перечнем предложений о реорганизации разведки и контрразведки, понимая, что о таком письме вождю обязательно доложат. Так и получилось. Новый министр Семен Игнатьев держал у себя это письмо месяц, а потом все-таки доложил Сталину.

«В разведке много лет не было хороших руководителей, — писал Питовранов. — При т. Меркулове — бездарный Фитин, при Абакумове — проходимец Кубаткин, а затем хотя и умный, но не очень оперативный и не острый Федотов. Я убежден, что т. Савченко тоже не тот человек, который должен возглавить разведку, чтобы она обеспечила выполнение требований ЦК…

ЦК ВКП(б) неоднократно отмечал, что врагам удавалось отрывать чекистские аппараты от партийных органов. Я думаю, что условие для этого отрыва в некоторой мере создается своеобразной кастовостью, флюсоподобной односторонностью многих чекистов, связанной в известной мере с особенностями их работы.

Если Вами будет признано необходимым, я мог бы свои соображения по этому вопросу и предложения, вытекающие из них, доложить т. Игнатьеву…

Зная Вашу строгость, но и Ваше великодушие, я как родного отца прошу Вас, товарищ Сталин, дать мне возможность исправиться».

Вождь сказал новому министру госбезопасности Семену Денисовичу Игнатьеву:

— Я думаю, что Питовранов человек толковый. Не зря ли он сидит? Давайте через какое-нибудь время его выпустим, сменим ему фамилию и вновь возьмем на работу в органы госбезопасности.

Питовранов продолжал писать вождю. И после этого, рассказывал Питовранов журналистам, отношение к нему в тюрьме изменилось. Ему стали давать книги…

2 ноября 1952 года прямо из тюрьмы Питовранова привезли к министру Игнатьеву, который поздравил его с освобождением и передал слова Сталина: «Не будем менять Питовранову фамилию.

Поправим свою ошибку. Нас поймут. Пусть пока немного отдохнет. Скоро он понадобится».

13 ноября Питовранова вызвали в Кремль. Он получил высочайшее отпущение грехов».

Бывший же министр, хотя тоже писал письма, все же оказался в числе немногих, кто держался. Он просто продолжал в том же духе…

К чему это привело, свидетельствуют документы: «Больной ходит, пошатываясь в разные стороны, пользуется при этом либо поддержкой окружающих, либо опирается на стены и предметы… Жалобы на боли в сердце, иррадирующие в левую руку, на боли в ногах и отеки ног, отмечает слабость и быстрое утомление». Однако врачи считали Виктора Семеновича работоспособным в течение рабочего дня (до шести часов)…

Обвинение и суд

Академик Академии медицинских наук СССР, Герой Социалистического Труда, министр здравоохранения СССР Е. Смирнов вспоминал, как незадолго до 13 января 1953 года он был в гостях у Сталина в его резиденции под Сочи: «Мы гуляли по саду, разговаривали. Сталин, показывая на деревья, где росли лимоны, апельсины, рассказывал, какого ухода они требуют. И вдруг без всякого перехода спросил:

— Товарищ Смирнов, вы знаете, какой врач лечил Димитрова и Жданова?

— Знаю, — ответил я и назвал фамилию.

— Странно. Один врач лечил — и оба умерли.

— Товарищ Сталин, врач-то здесь не виноват…

— Как это «не виноват»?

— Я интересовался историей болезни Димитрова, патологоанатомическим заключением. Смею вас уверить, ничего нельзя было сделать. Знаю, кстати, что сам рекомендовал Жданову этого врача. Считал его образованным и тактичным человеком, квалифицированным специалистом.

Сталин промолчал. Но я почувствовал, что вряд ли убедил его. Он и всегда-то отличался подозрительностью, а к концу жизни черта эта стала почти патологической».

Чем тут было крыть известному академику, если еще более известному академику, Г. Ф. Ланге, вождь как-то сказал: «Врачи не умеют лечить. Вот у нас в Грузии много крепких столетних стариков. Они лечатся сухим вином и надевают бурку».

Аргумент весомый!

Но сказано это было не просто так. Сталин не был коровой с колокольчиком, то есть «боталом», он всегда отвечал за свои слова. Так и в этом случае…

13 января 1953 года в центральных советских газетах появилось сообщение ТАСС:

«Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В. Н., врач-терапевт; профессор Коган М. Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог;

Майоров Г. И., врач-терапевт.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, (…) и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А.С. Щербакова. Врачи-преступники старались (…) вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л.А., маршала Конева И. С., генерала Штеменко С. М., адмирала Левченко Г. И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы.

(…) Большинство участников террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазнонационалистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой. Другие участники террористической группы (Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И.) оказались давнишними агентами английской разведки. Следствие будет закончено в ближайшее время».

Иосиф Виссарионович всегда любил создавать всякие заговоры и террористические группы. Некие цирковые представления с политическим оттенком и кровавым аншлагом. Даже это сфабрикованное «дело врачей» говорит о некотором возврате в тридцатые годы, чем-то напоминая «ежовщину». Сюжет если не один и тот же, то по крайней мере параллелей больше, чем предостаточно!

И все же на этот раз все сорвалось…

Николай Николаевич Месяцев в интервью В. Чикину поведал, как он работал по «делу врачей»:

«… Нас было трое: Вася Зайчиков, секретарь ЦК комсомола; Петр Колобанов, первый секретарь Челябинского обкома, и я, в то время аспирант Академии общественных наук. Январским вечером возвращаюсь с катка в Останкинском парке, вижу: у дома (я жил тогда на Ярославском шоссе — теперь проспект Мира) стоит огромная машина. Елки-моталки, за кем это «членовоз» приехал? Поднимаюсь к себе на четвертый этаж, слышу в своей квартире мужские голоса. Захожу. «Наконец-то… Николай Николаевич, вас ждет Маленков. Надо ехать немедленно». — «Сейчас переоденусь». — «Не надо». Все-таки я переоделся.

До «Большого дома» домчались мгновенно. Поднялись на секретный этаж. В кабинете у Г. М. Маленкова находились С. Д. Игнатьев, секретарь ЦК ВКП(б), министр госбезопасности, секретарь ЦК А. Б. Аристов, кто-то еще. Крепко пожав руку, Маленков усадил меня напротив.

«Мы пригласили вас по поручению товарища Сталина, он посмотрел ваше личное дело. Вы ему понравились. Товарищ Сталин сказал, что молодые, красивые, как правило, всегда смелы. Просим вас пойти на работу в следственную часть по особо важным делам Министерства государственной безопасности. Работающие там люди вводят в заблуждение Центральный Комитет партии. — Маленков с нажимом закончил: — ЦК нужна правда. Надо помочь Семену Денисовичу Игнатьеву в установлении истины в следственных делах». Другого решения, как согласиться, принять было невозможно. Маленков добавил, что о должности и звании министр позаботится и «решит по-хорошему». Приступить к работе надо завтра же. На следующий день в приемной министра мы и встретились все трое: Василий, Петр и я. Игнатьев довольно подробно ознакомил нас с положением в следственной части и выделил два групповых следственных дела. Одно из них — так называемое «дело врачей» и второе — бывшего министра Абакумова и других министерских работников.

«Чувствуется, что нас путают, — сказал министр, — вы должны внести в работу свежую струю, докопаться до правды, сделать ее достоянием ЦК и Сталина».

Зайчиков должен был изучать дело Абакумова, Колобанов — «дело врачей», а мне — работа по двум этим делам, так как я единственный из троих имел юридическое образование и следственную практику. Было ясно: дела эти, как теперь говорят, резонансные, только резонанс очень болезненный для страны. Большинство проходивших по «делу врачей» были евреями — значит, раскручивается маховик антисемитизма, и это накладывается на кампанию борьбы с космополитизмом. Каково для авторитета страны, победившей фашизм? Не говоря уже о том, что по существу это порочно для социалистического общества. Искусственность сляпанного «дела врачей» обнаружилась без особого труда. Сочинители даже не позаботились о серьезном прикрытии. Бесстыдно брали из истории болезни высокопоставленного пациента врожденные или приобретенные с годами недуги и приписывали их происхождение или развитие преступному умыслу лечащих врачей. Вот вам и «враги народа»…

— Инициатива исходила от Берии или кого-то другого?

— Берия к этому не имел никакого отношения. Он пришел к руководству органами безопасности после смерти Сталина, при объединении МВД и КГБ. Инициатором надо считать начальника следчасти Рюмина, известного как отъявленный карьерист… Некоторые полагают, что толчком к возникновению «дела врачей»

явилось будто бы высказанное Сталиным подозрение, что в смерти бывших членов Политбюро Калинина, Щербакова, Жданова повинны лечившие их врачи. В МГБ решили подтвердить «догадку» вождя. Появляется заявление сотрудницы кремлевской больницы Лидии Тимашук. Создается экспертная комиссия, во главе которой становится Рюмин. И — закрутилась машина.

На «деле врачей» строилось много спекуляций. И ныне появляются утверждения, что это была своего рода подготовка к массовой депортации евреев. Даже называются даты судебного процесса: 5–7 марта 1953 г. Но Сталин, мол, умер, его окружение взбунтовалось, следствие было прекращено, и врачей освободили. Так к хронике событий приспосабливают «логическую цепочку» с желаемыми выводами. Но жизнь выстраивает другую логику. Обнаружив, что следователи Рюмина политиков «путают», именно Сталин, Маленков и другие настояли на проведении тщательной ревизии следствия. И послали «комсомольцев». 13 января было сообщение об аресте врачей, а 19 января наша бригада уже приступила к работе. К середине февраля наше заключение было однозначным: «дело врачей» сфальсифицировано, врачи невиновны, их надлежит освободить. Доложил С. Д. Игнатьеву, он информировал Политбюро. Никакого обвинительного заключения по «делу врачей» в материалах следствия я лично не видел, ничто не указывало и на «готовящуюся депортацию»».

В феврале 1953-го был подготовлен и последний вариант обвинительного заключения по Абакумову или «Проект обвинительного заключения по делу вражеской группы АБАКУМОВА — ШВАРЦМАНА». Следственное дело № 5428. Этот документ вызывает интерес еще и потому, что его правил лично товарищ Сталин. Обвиняемых десять человек. Кроме фамилий Абакумова, Бровермана и Шварцмана, там фигурируют: Райхман, Леонов, Лихачев, Комаров, Чернов, Свердлов, Палкин.

После перечисления фамилий и должностей обвиняемых рукой Сталина вписано (далее в скобках. — Примеч. авт.): «…в том, что они (изменники Родины — вписано над зачеркнутой строкой) вели (подрывную работу против Коммунистической партии и Советского правительства — вписано над зачеркнутой строкой).

Используя руководящее положение в Министерстве госбезопасности СССР, они мешали партии и правительству вести борьбу с врагами советского народа, злонамеренно (смазывали) дела на террористов, англо-американских шпионов и других особо опасных государственных преступников, ограждали от провала злейших врагов партии и Советского государства,

противодействовали полному разоблачению арестованных и их вражеских связей, систематически обманывали ЦК КПСС (отгораживали чекистский аппарат от партии и уводили его из-под контроля Центрального Комитета — зачеркнуто чернилами).

Будучи врагами советской власти, они проводили в органах государственной безопасности злостное вредительство по всем основным линиям чекистской работы и прежде всего в области следствия и контрразведывательной работы по борьбе против агентуры американской и английской разведок, облегчая врагам Советского государства условия для проведения подрывной работы против партии и правительства».

Но немного отвлечемся и вернемся к воспоминаниям Н.Н. Месяцева: «Делом Абакумова Николай Николаевич напрямую не занимался, то есть не допрашивал своего бывшего начальника по линии СМЕРШ, этим занимался Зайчиков при консультативном обеспечении Месяцева. У этого дела был суровый разворот. Месяцев выехал в Лондон выяснять, была ли у кремлевских врачей связь с «Джойнтом» — организацией, которую подозревали в сионистской шпионской деятельности. Именно в это время Сталин решил ознакомиться с ходом дела Абакумова. Он вызвал на ближнюю дачу Игнатьева, его зама Гоглидзе и Зайчикова. Рассказ Зайчикова об этой встрече Месяцев приводит в своей книге. На Василия Никифоровича Сталин произвел впечатление старого, озабоченного, с опущенными плечами человека в потертом мундире и подшитых валенках. (Это было уже незадолго до рокового марта.) Он без всяких вступлений начал расспрашивать, как ведет себя Абакумов, что намерено предпринять следствие, чтобы добиться признаний. В своем докладе о допросах Абакумова Василий заметил: мои впечатления такие, что Абакумов затягивает следствие, на что-то надеется, а на что именно, пока, мол, не знаю. Игнатьев посоветовал взять в разработку тему бытовой нечистоплотности и предложил взглянуть на альбом с фотографиями, сделанными при домашнем обыске. Сталин начал листать страницы, внешне был спокоен, но руки нервно подрагивали. А министр в это время перечислял: изъято 350 пар различной обуви, обнаружена комната со стеллажами, забитыми отрезами шерсти, шелка, других тканей, литые из золота дверные ручки и тому подобное.

Недолистав, Сталин отбросил альбом и закурил. После паузы глухо произнес: «Если альбом показать рабочим и рассказать им, что стяжательством занимается советский министр, министр государственной безопасности, призванный стоять на защите их интересов, то им, рабочим, нас всех, вместе взятых, надо разогнать».

И, уже обращаясь к Зайчикову, заключил: «В ходе допроса Абакумова у вас не должны дрожать колени при упоминании им разных лиц, как бы высоко они ни стояли. Вы, товарищ Зайчиков, не можете не догадываться, на чье покровительство рассчитывает Абакумов и кто так долго от имени ЦК контролировал ЧК. Не доверяю я Берии; он окружил себя какими-то темными личностями».

Мы недоумевали, — замечает Николай Николаевич, — когда втроем обсуждали рассказ Василия о встрече со Сталиным, почему он сказал это при Гоглидзе? Видимо, старый лев уже готовился к прыжку на своего «заклятого сподвижника»».

Итак, первый параграф обвинительного заключения: «Признаниями обвиняемых, показаниями свидетелей и другими доказательствами, собранными по делу, установлено, что в МГБ СССР длительное время орудовала вражеская группа АБАКУМОВА — ШВАРЦМАНА, ставившая своей целью подрыв государственной безопасности Советского Союза.

Наиболее серьезный ущерб безопасности Советского государства АБАКУМОВ и его сообщники нанесли тем, что преднамеренно смазывали (подчеркнуто, на полях вопрос: «Это что?») поступавшие в МГБ СССР сигналы о террористической деятельности врагов советского народа против руководителей партии и правительства.

Еще в 1948 году в МГБ СССР поступило заявление врача ТИМАШУК Л. Ф., в котором она сообщала о применении при лечении секретаря ЦК КПСС А.А. ЖДАНОВА нарочито неправильных методов, ведущих к роковым последствиям для жизни больного.

Как установлено следствием, АБАКУМОВ не принял никаких мер к чекистской проверке этого исключительно важного сигнала о прямой угрозе жизни товарища ЖДАНОВА.

Арестованный ВЛАСИК, бывший начальник Главного управления охраны МГБ СССР, на следствии об этом показал:

«Заявление врача ТИМАШУК от 29 августа 1948 года у меня было 30 или 31 августа 1948 года. Сам заявления я не читал, а в тот же день, как мне его доложили, отнес АБАКУМОВУ. Он его также читать не стал, а оставил у себя и никаких указаний по проверке заявления мне не дал».

Далее ВЛАСИК показал:

«Этому исключительно важному сигналу, дававшему основание уже тогда подозревать наличие преступного сговора среди врачей, принимавших участие в лечении А.А. ЖДАНОВА, я также не придавал значения и ничего не сделал для того, чтобы

его проверить».

Следствием далее установлено, что АБАКУМОВ и ВЛАСИК, сознательно ничего не сделав для проверки заявления ТИМАШУК, приняли все меры к тому, чтобы представить это заявление как не заслуживающее внимания и доверия, а врача ТИМАШУК отдали на расправу разоблаченным в настоящее время иностранным шпионам-террористам ЕГОРОВУ, ВИНОГРАДОВУ, ВАСИЛЕНКО, МАЙОРОВУ, которых она обвиняла во вредительском лечении товарища ЖДАНОВА.

Арестованный МГБ СССР участник шпионско-террористической группы врачей бывший начальник Лечсанупра ЕГОРОВ показал: «Не подлежит никакому сомнению, что если бы АБАКУМОВ и ВЛАСИК провели должную проверку заявления ТИМАШУК сразу же после его поступления, то мы, врачи, виновные в гибели А.А. ЖДАНОВА, были бы разоблачены еще в 1948 году.

Действуя на пользу нам, врачам-вредителям, АБАКУМОВ и ВЛАСИК равнодушно прошли мимо сигнала ТИМАШУК, не организовали проверку ее заявления и, таким образом, помогли нам скрыть факт умерщвления А.А. ЖДАНОВА и расправиться с неугодной нам ТИМАШУК».

Другой участник террористической группы врачей, английский шпион ВИНОГРАДОВ, по этому вопросу показал:

«Когда врач ТИМАШУК Л. Ф. пыталась разоблачить нас в преступном лечении А.А. ЖДАНОВА, я, ЕГОРОВ, ВАСИЛЕНКО и МАЙОРОВ приняли все меры к тому, чтобы замести следы своих злодеяний. Мы коллективно обвинили ТИМАШУК в невежестве и расправились с ней».

Злоумышленно смазав расследование заявления ТИМАШУК, АБАКУМОВ и его сообщники в последующее время также всячески препятствовали разоблачению группы врачей-отравителей, орудовавших в Лечсанупре.

Располагая еще в начале 1949 года материалами о террористических высказываниях ЭТИНГЕРА (над словом написано чернилами: «убийце т. Щербакова». На полях слева написано: «Не только. Подробнее надо»), являвшегося, как теперь выяснилось, участником шайки врачей-убийц, АБАКУМОВ длительное время препятствовал аресту этого объявленного врага Советской власти. Когда же ЭТИНГЕР был арестован и начал давать показания о вредительском лечении А.С. ЩЕРБАКОВА, АБАКУМОВ с помощью своих сообщников — обвиняемых ЛИХАЧЕВА и ЛЕОНОВА скрыл эти показания от ЦК КПСС, объявил их надуманными, а следственное дело ЭТИНГЕРА смазал

и погасил, заявив, что оно не заслуживает внимания и заведет МГБ СССР в дебри.

Обвиняемый ЛИХАЧЕВ, излагая обстоятельства, при которых было погашено дело террориста ЭТИНГЕРА, показал:

«Я помог АБАКУМОВУ смазать и скрыть от Центрального Комитета партии дело террориста ЭТИНГЕРА…

ЭТИНГЕР показал… что, будучи еврейским националистом, он задался целью сократить жизнь А.С. ЩЕРБАКОВА, которого он, как врач, лечил. ЭТИНГЕР показал также, что к А.С. ЩЕРБАКОВУ он относился враждебно…

АБАКУМОВ прямо спросил ЭТИНГЕРА: «Вы все это надумали в тюрьме?» Ничего другого ЭТИНГЕРУ не оставалось, как подтвердить уже готовый, содержавшийся в вопросе ответ: «Да, я все это придумал в тюрьме», — заявил ЭТИНГЕР, поняв, что ему предоставляют возможность отказаться от показаний о терроре» (весь абзац перечеркнут крест накрест, и на полях написано: «Все это скрыл от Пр-ва»).

И (зачеркнуто и на полях написано: «Лихачев показывает») далее: «Когда ЭТИНГЕРА увели, АБАКУМОВ сказал мне и РЮМИНУ, что ЭТИНГЕР показывает чепуху, что эти показания записывать в протокол не надо, так как такие показания ЭТИНГЕРА могут завести нас в дебри.

… АБАКУМОВ запретил не только записывать в протокол признания ЭТИНГЕРА о его причастности к умерщвлению ЩЕРБАКОВА А.С. и допрашивать в этом направлении, а вообще составлять протоколы допроса с ЭТИНГЕРОМ.

… В итоге ЭТИНГЕР в тюрьме умер (зачеркнуто чернилами, и рукой Сталина на полях написано: «Он не просто «умер», а был убит Абакумовым») и его преступная деятельность и связи… оставались неразоблаченными».

Обвиняемый ЛЕОНОВ, принимавший непосредственное участие в погашении дела ЭТИНГЕРА, показывая о роли АБАКУМОВА в этом преступлении, заявил на следствии:

«Ознакомившись с материалами дела, я решил выяснить у АБАКУМОВА его точку зрения на показания ЭТИНГЕРА в отношении неправильного лечения ЩЕРБАКОВА.

С этой целью на одном из очередных докладов… я напомнил АБАКУМОВУ, что ЭТИНГЕР ранее признавался в неправильном лечении ЩЕРБАКОВА. АБАКУМОВ по поводу сказанного мною заявил: «Это чепуха. Показания ЭТИНГЕРА в отношении неправильного лечения ЩЕРБАКОВА надуманные. Я его вызвал к себе, и он у меня на допросе от этих показаний отказался».

Таким образом, материалами дела доказано, что АБАКУМОВ

и его сообщник, смазав в 1948 году расследование заявление врача ТИМАШУК, в дальнейшем последовательно глушили и скрывали от ЦК КПСС сигналы, свидетельствовавшие о существовании в Лечсанупре банды врачей-убийц, спасали от разоблачения этих извергов, ведших в течение длительного времени по заданию империалистических разведок террористическую деятельность по сокращению жизни активным деятелям Советского государства.

Расследованием установлены и другие факты преднамеренного смазывания АБАКУМОВЫМ и его сообщниками следственных дел на особо опасных государственных преступников.

Действуя как подрывники, АБАКУМОВ и его соучастники ЛЕОНОВ и КОМАРОВ игнорировали (зачеркнуто и написано чернилами на полях: «спрятал от следственных властей необходимые указания») указания ЦК КПСС о расследовании связи с иностранной разведкой врага народа КУЗНЕЦОВА и участников его изменнической группы, орудовавшей в партийном и советском аппарате (над предложением дописано рукой Сталина «в Ленинграде»).

В преступных целях он ориентировал следователей на то, чтобы рассматривать дело КУЗНЕЦОВА и его единомышленников в виде локальной обособленной группы, не имеющей связи с заграницей».

Обвиняемый КОМАРОВ по этому поводу показал: «… Он (АБАКУМОВ) прямо ориентировал на то, что дело КУЗНЕЦОВА и его вражеской группы является локальным и что у арестованных по этому делу нет и не может быть шпионской связи с заграницей…

… В конечном счете получилось так, что я и сам активно не допрашивал КУЗНЕЦОВА о возможной связи антипартийной группы с закордоном и не ориентировал на это следователей».

В результате вражеских действий АБАКУМОВА, ЛЕОНОВА, КОМАРОВА шпионская деятельность участников группы КУЗНЕЦОВА (на полях чернилами дописано: «и их участие в убийстве т. Жданова») не расследовалась, и таким образом это следственное дело было смазано (зачеркнуто, дописано чернилами «скрыто». Весь абзац подчеркнут слева и написано: «Не то, нужно подробнее»).

Обвиняемый АБАКУМОВ вместе с привлеченным по настоящему делу ЛЕОНОВЫМ, ШВАРЦМАНОМ, ЛИХАЧЕВЫМ, КОМАРОВЫМ, БРОВЕРМАНОМ вредительски расследовали преступную деятельность арестованных американских шпионов и еврейских националистов, действовавших под прикрытием

Еврейского антифашистского комитета. После повсеместных допросов арестованных, в ходе которых не была выяснена полностью их шпионская деятельность, а вопрос о терроре вообще не исследовался, указанное дело было следствием закончено и надолго заброшено.

Обвиняемый ЛИХАЧЕВ показал:

«Мы, по воле АБАКУМОВА, преступно отнеслись к окончанию следствия по делу на опаснейших врагов Советского государства, орудовавших в Еврейском антифашистском комитете.

… По материалам дела мне было известно, что глава по указанной организации МИХОЭЛС и ФЕФЕР во время войны ездили в Америку, где установили преступную связь с американскими разведывательными органами.

… Несмотря на это, я, ведя следствие по делу ФЕФЕРА, фактически не допрашивал его по вопросам, касающимся, возможно, полученных ими заданий американской разведки по террору против руководителей партии и Советского правительства».

Касаясь своего участия в смазывании дела главарей Еврейского антифашистского комитета, обвиняемый БРОВЕРМАН признал, что, горячо сочувствуя борьбе еврейских националистов против Советской власти, он: «корректируя протокол допроса ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА и других… делал все, чтобы смягчить… формулировки в показаниях арестованных».

Наряду с умышленным погашением важных следственных дел АБАКУМОВ и его сообщники, руководствуясь вражескими побуждениями, скрывали от ЦК КПСС материалы о террористической деятельности врагов советского народа.

Обвиняемый ЛИХАЧЕВ показал: «Вражеская деятельность арестованных, направленная на совершение террористических актов против руководителей Советского государства, не вскрывалась, а если, вопреки желаниям АБАКУМОВА и ЛЕОНОВА, следователи разоблачали преступников-террористов, то АБАКУМОВ и ЛЕОНОВ, а также я, КОМАРОВ и ШВАРЦМАН смазывали такие дела».

Как установлено следствием, изменник Родины АБАКУМОВ вместе с предателями ШВАРЦМАНОМ, ЛИХАЧЕВЫМ и ЛЕОНОВЫМ умышленно скрыли от ЦК КПСС, что участники еврейской молодежной организации, именовавшей себя «Союзом борьбы за дело революции» («СДР»), вынашивали злодейские замыслы и разрабатывали планы совершения террористических актов протир руководителей партии и Советского правительства.

Особенно активное участие в этом преступлении принимал

обвиняемый ШВАРЦМАН, которому АБАКУМОВ поручил корректирование (подчеркнуто, от руки чернилами вписано на полях: «и исправление») направлявшихся в ЦК КПСС протоколов допроса арестованных участников «СДР».

Признавая свою вину в этом, ШВАРЦМАН показал: «… АБАКУМОВ… дал преступное указание выбросить из протокола допроса арестованного СЛУЦКОГО показания о терроре…

Побуждаемый националистическими чувствами и симпатиями к врагам советской власти, я… добился исключения из протокола допроса СЛУЦКОГО всякого упоминания о терроре… всего по делу участников «СДР» я составил четыре протокола допроса: СЛУЦКОГО, ФУРМАНА, ГУРЕВИЧА и ПЕЧУРО. Из всех этих протоколов мною были исключены показания о террористических замыслах членов указанной националистической организации, хотя арестованные об этом давали подробные показания».

Более того, обвиняемый ШВАРЦМАН, этот закордонный (над словом написано «буржуазный») националист, став на путь мести советской власти за арест главарей Еврейского антифашистского комитета, сам вынашивал террористические замыслы и предпринимал практические шаги к совершению террористического акта против товарища МАЛЕНКОВА Г. М. (фамилия вписана чернилами).

На допросе 21 ноября 1952 года ШВАРЦМАН об этом показал:

«В 1948 году были разгромлены националисты, орудовавшие под прикрытием Еврейского антифашистского комитета. В порядке мести я решил совершить террористический акт против МАЛЕНКОВА». И далее:

«План террористического акта у меня был такой: я написал письмо в ЦК КПСС. С первого взгляда это было покаянное заявление, но в нем я, по существу, ничего не сообщал о совершенных мною преступлениях. Я рассчитывал, что по этому заявлению буду вызван в Комиссию ЦК лично МАЛЕНКОВЫМ и во время приема совершу террористический акт, используя свое личное огнестрельное оружие».

Обманывая партию, АБАКУМОВ и его сообщники ЛЕОНОВ и КОМАРОВ скрыли от директивных органов (зачеркнуто, над текстом написано чернилами: «Пр-ва и ЦК партии») показания участников арестованной в гор. Астрахани группы террористов — АБАИМОВА, ПОЛЯКОВА, ГУЛИНА и других (осуждены).

В 1950 году по прямому указанию АБАКУМОВА и ЛЕОНОВА из доложенных ЦК КПСС протоколов допросов арестованных агентов американской разведки ГАВРИЛОВА, ЛАВРЕНТЬЕВА и

других были исключены показания этих преступников о террористических замыслах против вождя советского народа.

Помимо сокрытия от ЦК КПСС данных о террористической деятельности врагов Советского государства следствием установлены и другие факты злостного обмана партии и Правительства со стороны АБАКУМОВА и его участников.

Обвиняемые АБАКУМОВ, ЛЕОНОВ, КОМАРОВ и ЛИХАЧЕВ обманули партию по делу крупного государственного преступника САЛИМАНОВА, скрыв от ЦК КПСС ход следствия по делу и показания САЛИМАНОВА об объеме и характере выданных им американской разведке сведений о ведущихся в СССР особо секретных оборонных работах.

В направленной в 1951 году в ЦК КПСС информации о поимке нескольких американских и английских шпионов, выброшенных на территорию Литвы и Украины, АБАКУМОВ, РАЙХМАН и другие утаили, что органы МГБ знали о подготовлявшейся заброске разведчиков, но не приняли необходимых мер к их задержанию в момент выброски, вследствие чего некоторым шпионам удалось скрыться и установить связь с националистическим подпольем.

Ранее, в 1949 году, обвиняемые АБАКУМОВ и РАЙХМАН после провала операции по поимке переброшенной из Турции в Грузию группы английских шпионов во главе с БЕРИШВИЛИ, скрыли от ЦК КПСС факт беспрепятственного перехода БЕРИШВИЛИ советско-турецкой границы и ухода его обратно в Турцию.

В том же 1949 году АБАКУМОВ утаил от ЦК КПСС провал операции по перлюстрации почты у турецкого дипкурьера ФУАТ ГЮЗАЛТАНА и направил в Центральный Комитет заведомо ложную информацию о причинах самоубийства этого дипкурьера.

В 1948 году АБАКУМОВ, обманывая ЦК КПСС, скрыл попытку побега за границу агента МГБ, которого сотрудники аргентинского посольства пытались нелегально вывезти из Советского Союза, а случайную его поимку изобразил как «комбинацию», якобы проведенную органами государственной безопасности.

Обвиняемый АБАКУМОВ и его соучастники скрывали далее от Центрального Комитета неблагополучное положение с охраной государственной границы, факты безнаказанных ее нарушений.

Располагая материалами о каждом случае измены Родине со стороны советских граждан на территории Германии и Австрии, АБАКУМОВ об этих вражеских проявлениях Центральному Комитету не сообщал. В тех же случаях, когда факт измены Родине скрыть было нельзя, он утаивал от партии и

Правительства материалы, которыми органы МГБ располагали в отношении изменников до их побега.

В периодически направлявшихся в ЦК КПСС итоговых докладных записках о чекистской работе по розыску и аресту агентов иностранных разведок, по указанию обвиняемого АБАКУМОВА, умышленно приводились лишь положительные результаты розыскных мероприятий и скрывался тот факт, что органами МГБ не было поймано более 50 тысяч объявленных в розыск агентов иностранных разведок, изменников Родине и других государственных преступников.

Следствием выявлен также ряд других фактов обмана партии обвиняемыми АБАКУМОВЫМ, ЧЕРНОВЫМ и БРОВЕРМАНОМ, направлявшими в ЦК КПСС заведомо ложную информацию.

Таким образом, установлено, что предатель АБАКУМОВ и его сообщники, проводя линию на отрыв органов государственной безопасности от партии, преднамеренно глушили сигналы о террористической деятельности участников вражеского подполья против руководителей партии и Правительства, систематически обманывали ЦК КПСС, скрывая результаты следствия по наиболее важным делам и многочисленные провалы серьезных чекистских мероприятий. Они помешали ЦК КПСС вовремя выявить законспирированную группу врачей-отравителей, выполнявшую задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и Правительства, помешали вскрыть шпионскую связь врага народа КУЗНЕЦОВА и участников его изменнической группы с иностранной разведкой, а также смазали и погасили ряд других дел на опасных государственных преступников (весь абзац слева подчеркнут и на полях написано: «Не то»)».

Второй параграф обвинительного заключения (проекта от 17 февраля 1953 г.) товарищ Сталин внимательно изучив, зачеркнул!

В третьем параграфе он сделал всего лишь две незначительные правки: «Партии и Прав-ва» и «систематические нарушения» и видимо в целом остался доволен. А раз так, то следует ознакомиться с обвинением Абакумова. Оно в этом параграфе таково:

> «На основании изложенного обвиняются:
>
> 1. АБАКУМОВ Виктор Семенович, 1908 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, бывший член КПСС, бывший министр государственной безопасности СССР, генерал-полковник в том, что, изменив Родине, создал в МГБ СССР вражескую группу с целью проведения подрывной работы против партии и

Правительства;

• вместе со своими сообщниками преднамеренно смазал расследование заявления врача Тимашук и погасил дело террориста Этингера, помешав ЦК КПСС вовремя разоблачить группу врачей-вредителей, проводившую по заданию империалистических разведок террористическую деятельность по сокращению жизни активным деятелям Советского Союза;

• вместе с другими обвиняемыми умышленно сорвал расследование связи с иностранной разведкой изменнической группы, возглавлявшейся Кузнецовым и стремившейся взорвать партию изнутри и узурпировать партийное руководство;

• вместе с обвиняемыми Шварцманом, Леоновым, Лихачевым, Комаровым и другими преднамеренно смазывал следственные дела на террористов, англо-американских шпионов и других особо опасных государственных преступников;

• вместе со своими сообщниками систематически обманывал ЦК КПСС и Советское правительство, скрывал результаты следствия по важным делам и преступные провалы в работе органов МГБ, отгораживал чекистский аппарат от партийных органов и уводил его из-под контроля ЦК КПСС;

• проводил злостное вредительство по основным линиям чекистской работы и прежде всего в области следствия и контрразведывательной работы по борьбе с агентурой американской и английской разведок, чем облегчал врагам советского народа условия для проведения подрывной работы против партии и Правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 «б», 58–7 и 58–1 УК РСФСР…»

Понятное дело, читать сей бред весьма нудно и непросто, но это именно тот ключ к пониманию происходящего тогда. Сопоставляя документы с фактами, трудно не заметить очевидного. Игра по правилам Сталина была сложной, ибо эти правила в любой момент могли измениться на все 180 градусов.

Почему я так подробно цитирую первый параграф документа? Я делаю это лишь с одной целью, чтобы читатель самостоятельно, что называется, воочию увидел кухню сталинских репрессий и навсегда понял: все сталинские процессы-заговоры был блефом диктатора и их режиссера. Только таким образом Сталин оберегал свою единоличную власть. Только таким образом он

наводил порядок во власти по своему уразумению!

По воспоминаниям Зайчикова, Сталин «подверг представленный ему проект обвинительного заключения критике главным образом за то, что документ неубедительно показывал причины и процесс падения Абакумова».

«Сталин призвал чекистов написать в обвинительном заключении «всю правду об этом, какой бы она не была». Любопытно, что в этом разговоре Сталин якобы возложил всю вину на Берию за выдвижение Абакумова на столь высокий руководящий пост. По словам Зайчикова, он заявил буквально следующее: «У нас кандидатура Абакумова не вызывала доверия. Назначили мы его по настоянию Берия. Вскоре после назначения членам Политбюро стало ясно, что Абакумов не на месте. Вот из-за такого отношения к подбору кадров я недолюбливаю Берию и не доверяю ему»».

Н. Петров в своей книге об Иване Серове пишет: «Сталин подверг серьезной правке проект обвинительного заключения по делу Абакумова — Шварцмана. Общая направленность сталинской редактуры свелась к подчеркиванию персональной вины Абакумова, заключавшейся в том, что он и его сообщники «игнорировали указание ЦК КПСС о расследовании связей с иностранной разведкой врага народа Кузнецова». То есть погасили «шпионскую» составляющую «Ленинградского дела».

Переработанный с учетом замечаний Сталина проект обвинительного заключения по делу Абакумова — Шварцмана 26 февраля 1953 года вновь был направлен Сталину и Маленкову. Теперь к прежним 10 обвиняемым добавился Кочегаров — бывший начальник управления делами МГБ… Сталин не успел рассмотреть этот проект».

После его смерти в марте 1953-го Виктора Семеновича временно оставляют в покое. Соратникам вождя было не до него. Они делили власть.

5 марта Игнатьева избирают секретарем ЦК по правоохранительным органам, МГБ объединяют с МВД, и министром становится… совершенно правильно — Лаврентий Павлович Берия.

Началась новая чистка. Уже 16 марта Лаврентий Павлович распорядился арестовать Рюмина. Абакумов продолжал сидеть. П. А. Судоплатов вспоминал: «Абакумова не освободили. Берия и Маленков имели на него зуб. Его обвинили в фальсификации дела Жемчужиной. В то время меня не интересовал Абакумов, у меня были свои причины его не любить, но я узнал от Райхмана, что Абакумов отрицал обвинения, связывающие его с сионистским заговором, несмотря на то что Рюмин зверски его

пытал. Райхман рассказывал мне, что он вел себя как настоящий мужчина с сильной волей».

А вот у Рюмина начались проблемы. И притом серьезные…

«Незадолго до смерти Сталина над Рюминым стали сгущаться тучи, — рассказывает Н. Петров. — В феврале 1953-го некая гражданка П. пришла на прием к первому заместителю министра госбезопасности Гоглидзе с жалобой на «недостойное поведение Рюмина». История, с ней приключившаяся, вполне типична. В октябре 1951-го был арестован муж, и через месяц она, добившись аудиенции Рюмина, просила за него. Рюмин обещал разобраться, но одновременно стал настойчиво набиваться к ней в гости. Дальше случилось то, что теперь принято называть сексуальными домогательствами. Гоглидзе обещал дать делу ход, и все это было оформлено официальным заявлением П. от 24 февраля 1953-го.

Став после смерти Сталина во главе МВД, Берия тут же заинтересовался этой историей. Еще бы! Такой замечательный материал против сталинского фаворита, ответственного за «Мингрельское» и другие дела, в ходе которых шли гонения против людей Берии. Тут же, 14 марта 1953-го, П. была вызвана на прием к Берии, и в тот же день ее рассказ был оформлен протоколом. Она рассказала о визите к ней на квартиру Рюмина 1 марта 1952-го: «Выпив четыре стопки по сто грамм, Рюмин сильно опьянел, стал приставать ко мне, повалил на тахту и пытался овладеть мною. Как следует это у Рюмина не получилось, и он только испачкал мне белье. После этого он проспал у меня до 11 часов утра». Наведался Рюмин и во второй раз — 22 марта 1952-го: «… Рюмин приехал ко мне в новом костюме, и, когда я обратила на это внимание, он стал кокетничать, кривляться и спрашивать мое мнение — идет ли ему костюм, хорошо ли он пошит и т. п.».

17 марта 1953-го Рюмин был арестован, а в МВД под руководством Берии готовилась реабилитация арестованных врачей. Она была подана со всесоюзным размахом. В апреле 1953-го в передовице газеты «Правда», посвященной этому событию, конечно, не назывался главный организатор дела — Сталин, но вот ответственный за фабрикацию дела Рюмин был назван «презренным авантюристом», а Игнатьев — проявившим «политическую слепоту ротозеем». Рюмина активно допрашивали в МВД и особенно пристрастно — о бывшем министре Игнатьеве. Берию не устраивало, что его лишь исключили из ЦК КПСС. Он очень хотел видеть Игнатьева в тюрьме».

А что же Виктор Семенович? Многие пытались сломать его, начиная с 1951 г. в течение трех с лишним лет, но это не удалось

никому. Он держался так, что даже у ярых врагов вызывал уважение. Однако живым Абакумов уже не нужен был никому: ни одним и ни другим.

Когда Геннадий Афанасьевич Терехов вызвал его и дал прочесть газету с сообщением о разоблачении Берии, Виктор Семенович молча прочитал и, «не дрогнув бровью, перевернул лист и стал читать о спорте».

Тому же Терехову он как-то уверенно сказал:

— У тебя слишком красивые глаза, мне жаль тебя расстреливать!

На очередном допросе, где присутствовал бывший подчиненный Абакумова, Виктор Семенович не удержался и спросил его:

— Как вы могли допустить, что следствие по делу Берии вела прокуратура?

И на невразумительный ответ эмгэбэшника сказал:

— И ты веришь, что меня, министра госбезопасности, будут судить?! Да! Тогда надевай цилиндр, органов больше нет!

Е. Жирнов пишет:

«В тюрьме даже во вред себе он продолжал вести себя по-прежнему — грубо и прямолинейно. Говорят, что, когда его пришел допрашивать новый Генеральный прокурор СССР Руденко, Абакумов спросил: «Ну что, Никита теперь стал у нас самым главным?» — «Как ты узнал?» — поразился Руденко. «Ну кто же, кроме него, назначит тебя, мудака, генеральным прокурором?»

Руденко поинтересовался у Виктора Семеновича его взаимоотношениями с Берией. Абакумов же был непреклонен:

— На квартире и на даче с Берией я никогда не бывал. Отношения у нас были чисто служебные, официальные и ничего другого. Но все равно генпрокурор назовет его членом банды Берии». После смерти вождя изменилось немногое…

«Берия и Маленков решили покончить с Абакумовым, — напишет П. А. Судоплатов. — На совещании у себя в кабинете Берия официально объявил, что хотя обвинения Абакумова в заговоре были несостоятельны, но он все равно остается под следствием за разбазаривание правительственных средств, злоупотребление властью и, что было серьезней, за фальсификацию дела против бывшего руководства Министерства авиационной промышленности, командования ВВС, против Полины Жемчужиной, за убийство Михоэлса».

Но неожиданный поворот истории выручает Абакумова и на этот раз: 26 июня 1953 года арестован Л. П. Берия (23 декабря 1953 г. Берия, Кобулов, Меркулов, Деканозов, Мешик,

Влодзимирский, Гоглидзе — расстреляны).

3 августа Абакумова переводят в Лефортовскую тюрьму. Там он в буквальном смысле умирает:

> «По справке начальника санчасти Лефортовской тюрьмы МВД СССР подполковника медслужбы т. Яншина, у арестованного № 15, страдающего гипертонической болезнью II стадии, миокардиодистрофией, вегетодистонией и упадком питания, нарастает общая физическая слабость и пребывание арестованного № 15 в условиях Лефортовской тюрьмы прогрессивно ухудшает его состояние.
>
> В связи с этим… арестованный № 15 переведен во Внутреннюю тюрьму МВД СССР.
>
> *И.о. начальника Следчасти по особо важным делам МВД СССР — подполковник Козырев 26 сентября 1953 г.».*

Этот самый Козырев просит у заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника Серова разрешить арестованному № 15 пользование тюремным ларьком и все же дать ему писчей бумаги. Враг Виктора Семеновича в бумаге категорически отказывает, а ларек разрешает, оговорив в резолюции, что находит возможным тратить на эту цель не более 150 «старых» рублей в месяц.

Во Внутренней тюрьме МВД Абакумов покупает себе яйца, а в библиотеке берет книги.

П. А. Судоплатов: «В 1990 г. меня вызвали в качестве свидетеля, когда его дело проверялось военной прокуратурой; я изменил свое мнение о нем, потому что какие бы преступления он ни совершал, он заплатил за все сполна в тюрьме. Ему пришлось вынести невероятные страдания (он просидел три месяца в холодильнике в кандалах), но он нашел в себе силы не покориться палачам. Он боролся за жизнь, категорически отрицая «заговор врачей». Благодаря его твердости и мужеству в марте и апреле 1953 года стало возможным освободить всех арестованных, замешанных в так называемом заговоре, поскольку именно Абакумову вменялось в вину, что он был их руководителем».

К неволе тюрьмы, а тем более одиночной камеры, никогда невозможно привыкнуть. А такому сильному человеку, как Виктор Семенович, и подавно. Но со временем он все же перестал слепнуть от ярости. Надоело.

Он ждал суда и надеялся на его объективность. Нет, он не был глуп и наивен и думал, что все документы, а также установленные факты будут свидетельствовать в его пользу. В этом была определенная логика.

В свое время Абакумова обслуживала самая маленькая охрана, а ведь численность сотрудников охраны № 2, выделявшихся советским руководителям, отражала их статус. Если к Молотову было приставлено 120 человек, к Берия около ста, к Булганину, Маленкову, Хрущеву — от семидесяти пяти до ста, к маршалу Жукову около 20, то у Виктора Семеновича было и того меньше.

Парадоксально, но, несмотря на этот факт, Абакумов знал гораздо больше всех их вместе взятых. В этом-то он и был опасен абсолютно для всех. И самое страшное — он слишком долго возглавлял МГБ.

У Сталина никогда не было любимчиков, а особенно не могло их быть на такой важной, в его понимании, политической должности.

В свое время вождь убрал Ягоду, убрал Ежова и только Берия отодвинул от НКВД, потому что ценил за организаторский талант. Но пришло время Абакумова. Когда-то оно должно было наступить. Дело было только в предлоге. Им и оказался Рюмин.

«Дело врачей» стало хорошим поводом для устранения Абакумова чужими руками. А ведь он единственный не имел политических амбиций. Его задача заключалась в руководстве ведомством, которое занималось самыми главными для политики Сталина делами. И основной нитью в ее проведении считалось как можно больше знать обо всех. При этом, несмотря на огромные полномочия, несмотря на то, что он делал в своем ведомстве, что хотел, Виктор Семенович не принимал решения в одиночку. Политика государства как внутри, так и за его пределами решалась по приказу самого Сталина.

Кроме всего прочего, Абакумов охранял подступы к нему, контролируя очень и очень многое. Виктор Семенович отличался особой осторожностью и если конфликтовал, то делал это с ведома вождя или с его молчаливого согласия.

Однако в «деле врачей» он проявил «преступную» инициативу по меркам Сталина, что и переполнило чашу терпения последнего. Скрыв факты в выбитых Рюминым показаниях Этингера, Виктор Семенович ускорил конец своей стремительной карьеры. Больной и стареющий Иосиф Виссарионович, боявшийся отравления и не доверяющий никому, даже из тех, кто верой и правдой служил ему многие годы, не мог понять, почему Абакумов позволил себе такую самодеятельность.

«Арест Берии, еще вчера могущественного руководителя, вызвал смятение в умах, — рассказывает Н. Петров. — Хотя дело Берии на время отодвинуло Рюмина в тень, следствие шло. 12 сентября 1953-го МВД направило Маленкову и Хрущеву докладную записку о завершении расследования дела Рюмина с предложением приговорить его к 25 годам тюремного заключения. Почему-то Кремль решил помедлить, а к весне 1954-го пришла пора передавать дело в суд, и теперь было решено Рюмина расстрелять.

На суде Военной коллегии, проходившем со 2 по 7 июля 1954-го, Рюмин отказался от своих показаний, данных на предварительном следствии, заявил, что сам подвергался «невыносимым пыткам», содержался около 40 суток в карцере, а все его показания на следствии были искажены. В свое оправдание он представил суду два простейших ходатайства, в которых требовал заново произвести ряд следственных действий. Суд их отклонил, но они были приобщены к ходатайству Рюмина о помиловании.

На что надеялся Рюмин, когда говорил о возможной переквалификации судом вмененной ему статьи 58–7 (вредительство) на статью 193.17 «а» (превышение власти или преступная халатность)? Да очень просто. За превышение власти он получил бы максимум 10 лет. В этом случае его срок подлежал бы сокращению вдвое (по амнистии, объявленной 27 марта 1953-го), то есть до 5 лет, а при этом сроке, все по той же амнистии — выпускали. На 58-ю статью амнистия не распространялась, так что Рюмин был прав, в этом случае — обязательно расстреляют. Так и случилось — 7 июля был вынесен расстрельный приговор, 19 июля отклонено ходатайство о помиловании, и 22 июля 1954-го в 21.05 Рюмина расстреляли. Его тело было предано кремации в тот же день в десять часов вечера. Прах захоронен в могиле для «невостребованных прахов» на Донском кладбище…»

Скоро настанет и очередь Абакумова…

Суда Виктор Семенович ждал долго. А когда дождался, стало легче. При Сталине он просидел один год и восемь месяцев. «Дело врачей» затягивалось, и только смерть вождя подарила ему еще больше года жизни. Сегодня можно с достоверностью сказать, что если бы Сталин прожил дольше, участь Абакумова была бы решена в 1953 году…

Арест Берия продлил жизнь Виктору Семеновичу еще на месяцы, а потом его спасла борьба за власть в Кремле Хрущева. Это тоже сыграло свою положительную роль. Как говорится, карты так легли. Словом, после смерти вождя Абакумов просидел еще один год и девять месяцев…

Трудно было забыть этот день, когда 12 июля 1951 года к особой тюрьме подъехала черная машина. Открылись дверцы и из нее вышли заместитель министра госбезопасности С. А. Гоглидзе, начальник Главного управления погранвойск МГБ Н. П. Стаханов, два сотрудника военной прокуратуры и одетый легко В.С. Абакумов. Прибывших уже ожидал Клейменов. Как самый старший Гоглидзе обратился к нему как к начальнику тюрьмы первым, указав на Абакумова:

— Вы знаете это человека?

— Так точно, знаю.

— Тогда примите его как арестованного.

Прошли годы… 14 декабря 1954 года началось открытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Происходило это действо в Доме офицеров Ленинградского военного округа, там же, где судили «ленинградцев». Видимо, неплохо зная советскую судебную систему, Виктор Семенович отказался от услуг адвоката, и при этом держался на суде с большим достоинством. В ответ на вопрос суда, признает ли он себя виновным, бывший министр заявил: «Виновным себя не признаю. Это дело провокационное, оно сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым».

К. А. Столяров в своей книге «Голгофа» пишет:

«В ходе судебного разбирательства Абакумов заявил следующие ходатайства:

— приобщить к делу его докладные записки в ЦК ВКП(б) и в Совет Министров СССР, касавшиеся всех вопросов рассматриваемого дела;

— приобщить к делу постановление директивных органов о расследовании преступной деятельности Кузнецова, Вознесенского, Попкова и других;

— приобщить к делу изданные им приказы и директивы, направленные на ликвидацию недостатков, имевшихся в работе следственного аппарата МГБ СССР;

— приобщить к делу постановление директивных органов о сокрытии Меркуловым некоторых материалов по делу «авиационников»;

— приобщить к делу протокол об окончании следствия, подписанный в январе 1953 года т.т. Ильичевым и Китаевым;

— вызвать в суд в качестве свидетеля бывшего первого заместителя министра государственной безопасности С. М. Огольцова, который непосредственно курировал следственную часть по особо важным делам;

— рассмотреть в судебном заседании факты применения к

нему мер физического воздействия в период предварительного следствия;

— занести в протокол судебного заседания, что на следствии ему не разрешили писать заявления в Президиум ЦК КПСС».

Обосновывая эти ходатайства, Абакумов был убежден, что без них суд не может установить объективность принимаемых решений.

Речь шла о выполнении приказов руководителей партии и государства, проведении в жизнь постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) или же о собственной инициативе министра.

Как и следовало ожидать, государственный обвинитель Р.А. Руденко на это заявил: «Я считаю, что большинство ходатайств, заявленных подсудимым Абакумовым, несостоятельны и удовлетворению не подлежат». А значит, вопрос по Абакумову был решен задолго до суда в Кремле.

Н.А. Чернов вспоминал: «Объявили мне, что суд состоится в Ленинграде, только в декабре, перед отправкой. Везли туда в обычном поезде, в купированном вагоне, без наручников, будто я не арестованный, а командированный. Как поезд тронулся, заглянул в купе Таланов, новый начальник Внутренней тюрьмы, отвечавший за нашу доставку, и вежливо спрашивает: «Чернов, как устроились?» — «Отлично, — отзываюсь. — А почему на дорожку вина не даете?» Таланов развеселился и говорит: «Вот когда обратно повезем, обязательно дадим!»

Судили нас в окружном Доме офицеров. Со своим адвокатом я до этого не встречался, познакомились прямо в судебном заседании. Зачем он был нужен, я и по сей день не уяснил. Мы с ним ни о чем не говорили, только разок я шепотом спросил: «Суд идет, а обо мне ни слова — не допрашивают и почти не упоминают?» А он в ответ: «Очень хорошо. Сидите и помалкивайте».

Как подошла моя очередь говорить на процессе, я отказался от показаний, выбитых из меня на предварительном следствии, и твердо заявил, что «обобщенные» протоколы «авиаторов» не корректировал — такую работу поручали только мастерам этого дела. «Кого вы считаете мастерами?» — спросил Руденко, поддерживающий обвинение. «Обер-мастером был Шварцман, а мастером — Броверман», — без запинки сообщил я…

На суде Броверман изобличал всех, в особенности меня, а Абакумов держался с большим достоинством. Про других не скажу, не помню, не до того мне было — ждал, как все обернется. А когда Руденко потребовал для меня двадцать пять лет тюремного заключения — вот тут я и понял, с какими благодетелями имею дело. В последнем слове я отрицал вину

перед советской властью, и дали мне пятнадцать лет, но не тюрьмы, а лагерей. Броверман хватанул четвертак, а остальные расстрел. У Абакумова, помню, ни одна жилка в лице не дрогнула, будто не про него речь…»

На открытом судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР присутствовали: председательствующий — генерал-лейтенант юстиции Е.J1. Зейдин, члены — генерал-майор юстиции В. В. Сюльдин и полковник юстиции В. В. Борисоглебский, секретари — капитаны юстиции М. В. Афанасьев, Л. М. Горбунов и Н. М. Поляков, с участием государственного обвинителя — Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Р.А. Руденко и защиты — членов Московской городской коллегии адвокатов Л. И. Гринева, М. В. Степанова, М. И. Рогова и Л. ВЛавлова.

На скамье подсудимых находились Абакумов, Леонов, Лихачев, Комаров, Чернов и Броверман. Шварцман выступал в качестве свидетеля — материалы о совершенных им преступных деяниях были выделены в отдельное производство и его осудили позднее…

В свою защиту Виктор Семенович сказал следующее: «Я заявляю, что настоящее дело против меня сфабриковано. Я заключен под стражу в результате происков Берии и ложного доноса Рюмина, три года нахожусь в тюрьме, в тяжелейших условиях. Меня избивали. Администрация не дает мне бумаги. Жена с маленьким ребенком содержится в тюрьме. Мое обвинение начал фальсифицировать Рюмин, который обвинил меня в тягчайших преступлениях и докатился до абсурда, признав меня за главаря еврейской контрреволюционной организации. Одни обвинения в отношения меня прекращались, другие появлялись. Все недостатки в органах ЧК, скопившиеся за длительный период, вменяются мне как преступления. Я ничего не делал сам. В ЦК давались указания, а я их выполнял. Государственный обвинитель ругает меня, с одной стороны, за допущенные перегибы, а с другой — за промахи, смазывания. Где же тут логика?»

Виктор Семенович, имея четырехклассное образование, был достаточно самообразован, отличался умом и сообразительностью. Но он никак не мог понять: в чем он виноват? Обвинения власти действительно были несостоятельны. Но в том-то и заключалась советская система беззакония, что В.С. Абакумов уже более трех лет отсидел в тюрьме, а значит, он не мог быть невиновным. Бывший всемогущий министр так и не понял, что к нему применили тот же механизм, который

отлаженно работал и до него, и при нем, а теперь уже и после. Где действовал чисто блатной принцип: «Умри ты сегодня, а я завтра!»

И жертва, и палач

Виктора Семеновича Абакумова расстреляли в Ленинграде 19 декабря 1954 года через один час пятнадцать минут после вынесения приговора. Ему даже не дали возможности обратиться с просьбой о помиловании.

Сорок шесть лет и вся жизнь!

— Я все напишу в Политбюро, — только и успел сказать Абакумов до того, как пуля попала ему в голову…

В июне 1953 года генерал Серов вернулся из Ленинграда в Москву, буквально за несколько дней до ареста Берия. Сразу же без колебаний он вместе с генералом Богдановым перешел на сторону участников заговора против Лаврентия Павловича. Таким образом, исторические события лета 1953 года совершенно круто изменили судьбу Серова, да и многих других участников заговора. Но это уже другая история. Главное заключается в том, что победит в многолетнем поединке Абакумов — Серов именно последний. Как тут забудешь слова из письма Серова Сталину: «Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела — не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было».

Теперь все закончилось или почти закончилось…

Говорят, умирая, человек невольно обращается к обрывкам своей памяти…

Но в случае с Виктором Семеновичем все было гораздо проще. Ему просто не дали такой возможности перед смертью. У него не было даже мгновения…

«Суд Военной коллегии по делу Шварцмана проходил в Москве с 1 по 3 марта 1955-го при закрытых дверях, — рассказывает Н. Петров. — Его обвинили по статьям 58–1 «б» (измена родине), 58–7 (вредительство), 58–8 (террор), 58–11 (действие в составе группы лиц) УК РСФСР. Преамбула приговора, вынесенного 3 марта, конечно, представляет собой типичную отрыжку сталинских времен: «Подсудимый Шварцман, получив воспитание в духе сионизма, являясь по мировоззрению буржуазным националистом, оказавшись на работе в органах государственной безопасности СССР, изменил и стал проводить подрывную, вражескую деятельность против социалистического государства».

Но тем не менее на суде звучали многочисленные показания свидетелей о том, как Шварцман в ходе следствия избивал арестованных резиновой дубинкой…

Как отмечено в приговоре: «В результате вредительской

деятельности Шварцмана истреблялись ни в чем не виновные честные советские люди». Приговор был ожидаем — расстрел.

Не ясно, что творилось в голове у Шварцмана. Его прошение о помиловании от 3 марта 1955-го производит странное впечатление. С одной стороны, он признавал, что выполнял «преступные указания» Кобулова и Абакумова, применял «незаконные методы» ведения следствия, с другой — отрицал, что был «изменником Родины» и «террористом» и просил о помиловании. Вполне разумно! Но следующий за этим абзац изумляет и погружает в сумерки сознания: «Прошу, однако, если приговор не будет отменен, расстрелять меня выстрелами из огнестрельного оружия пятью разрывными пулями, иначе от одной пули я не умру, от двух или трех — тоже, тем более обычных, я останусь жить и мучиться, а я совсем больной физически, и мук и боли уже не переношу».

В общем, получилось и грустно, и смешно, почти по Зощенко: «Высшую меру я, действительно, с трудом переношу», — изрек герой рассказа «Спешное дело», нэпман, сильно пугавшийся смертной казни. Шварцмана расстреляли 13 мая 1955-го после отклонения Президиумом Верховного Совета СССР его ходатайства о помиловании. Наверное, пяти, да еще и разрывных пуль не понадобилось. Тело отправили в крематорий на Донское кладбище. Так уж повелось: палачей туда же, к их жертвам». достаточно резко. Что же понадобилось для этого посредственному оперативнику? Безусловно, здоровые кулаки, садистские способности и, вероятно, пролетарская смекалка. Именно тогда он и оказался востребован Берия и Кобуловым как незаменимый в чекистском деле человек. Именно таким Виктор Семенович пришел после должностей начальника управления НКВД и заместителя наркома внутренних дел в Управление Особых отделов.

По мнению историков, деятельность СМЕРШа, которой руководил и которую направлял Виктор Семенович, «превзошла все ожидания Сталина».

И действительно, Абакумову принадлежит идея вести активную зафронтовую работу, внедряться в разведшколы противника, перевербовывать фашистскую агентуру и отправлять обратно за линию фронта в тыл врага. Неоспорим и успех радиоигр по дезинформации противника, которые Абакумов ввел в 1942 году.

Историки спецслужб утверждают, что «именно они помогли прорвать блокаду Ленинграда, организовать контрнаступление под Сталинградом, перехватывать и уничтожать тяжелые транспортные самолеты противника».

Сегодня, даже несмотря на демократические времена, невозможно отрицать факт успешной работы военной контрразведки во время войны, которая в буквальном смысле спасла Красную Армию от развала и паники в самые первые и суровые годы.

Жестокий механизм репрессий, по сути, предотвратил более серьезные последствия катастрофы 41-го. И в этом тоже была несомненная заслуга Абакумова.

Но было и другое — репрессии, обоснованные политикой государства и ее вождя, но не обоснованные никакими юридическими и общечеловеческими нормами. Участие в них Абакумова как начальника ГУКР СМЕРШ, как министра госбезопасности также несомненно.

Виновен ли в этом Виктор Семенович?

В составленном в июле 1947 года для Сталина обзоре практики ведения следствия министр госбезопасности Абакумов сообщал, что в отношении не желающих сознаваться «врагов советского народа» органы МГБ в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 года «применяют меры физического воздействия».

Например, 23 марта 1950 года все тот же В.С. Абакумов подал Сталину список (перечень людей, осужденных к расстрелу) на 85 человек. Судить их должна была Военная Коллегия Верховного Суда в помещении Лефортовской тюрьмы. Будущие подсудимые лишались права обжалования приговора и подачи ходатайства о помиловании. Фактически такая судебная процедура соответствовала Закону от 01.12.1934 года, хотя в письме министра прямо этот закон не упоминался. В этом списке, помимо прочих, значились имена арестованных по «Ленинградскому делу» и по «делу Еврейского антифашистского комитета (ЕАК)». Инициатива Абакумова на сей раз не нашла поддержки у Сталина: относительно ленинградских руководителей и работников ЕАК у него были другие планы — организовать против них специальные судебные процессы, а не судить «каждого обвиняемого в отдельности», как предлагал Абакумов. Что касается самой процедуры осуждения, то она возражений у Сталина не вызвала. Когда 11 апреля 1950 года Абакумов внес на утверждение исправленный список (теперь уже на 35 человек), из которого были исключены обвиняемые по «Ленинградскому делу» и «делу ЕАК», Сталин его тут же утвердил. Всех названных в этом повторном списке осудили и расстреляли в апреле 1950 года, а обвиняемые по «Ленинградскому делу» и «делу ЕАК» были соответственно осуждены на закрытых судебных процессах в октябре 1950 года и

в августе 1952 года.

Думаю, достаточно даже этих двух примеров, чтобы сказать «да»!

И все же, с одной стороны, Виктор Семенович вполне мог заблуждаться и считать, что поступает правильно, но мог и осознавать, что творит злое, преступное дело.

Тогда давайте на немного задумаемся и спросим себя: а был ли у него выбор?

К. А. Столяров, например, считает, что «Абакумов действовал в условиях крайней необходимости и выполнял волю Сталина». И я могу также согласиться с этим утверждением. Однако истина находится совершенно в другой плоскости. Нужно было родиться и жить в то время, нужно было пройти тот путь, который прошел Виктор Семенович, как до службы в органах, так и во время нее, чтобы понять психологию того времени, в которое он жил. Чтобы осознать то, что он делал и совершал. Думаю, что нельзя судить человека той эпохи по меркам сегодняшнего дня. Это в корне неправильно. Здесь должны быть другие критерии оценки. Но это лично мое мнение.

«Никакие справедливые цели и намерения, — писал Д. А. Волкогонов, — не могут оправдать безнравственных средств, которые являются не только злом моральным по своему характеру, но и злом социальным по своим последствиям».

С точки зрения философии и это верно.

Но с точки зрения юридической Абакумов вполне законно выполнял все приказы своего начальника — Иосифа Виссарионовича Сталина, о преступности которых он вряд ли задумывался.

Тогда была своя идеология, принципы которой сформулировали большевики в далеком семнадцатом. А разве их кто-то оспаривал?

По мысли Д. А. Волкогонова, «судить о прошлом всегда легче, чем о настоящем. Обогащенные опытом долгого пути, мы знаем, пожалуй больше, чем те, кто жил в то время. Справедливо ставя в эпицентр исторической вины одного человека, мы не должны вместе с тем забывать, что эта личность могла там оказаться благодаря той системе отношений, которую в конечном счете создали многие».

Решая судьбы тысяч и миллионов, вождь стал незаурядным политическим режиссером. Почему стал? Потому что для этого ему понадобилось время. В репрессиях он проводил свою линию законности, в которой они служили оправданием действий его власти. Уничтожая неблагодарных, болтливых, зарвавшихся, обнаглевших, ненадежных (по его личному уразумению) и т. д. и

т. п., он не хотел никому объяснять правду. И в этом ему помогла «блестящая» фальсификация, в которую верили безоговорочно. Верили многие. А кто не верил — был обречен.

Со временем механизм работы органов госбезопасности совершенствовался. Прослушка также давала чрезвычайно весомые результаты для плетения заговоров. Обыкновенная болтовня на кухне с нецензурной бранью в адрес вождя становилась очень значительным компроматом, который за подписью Абакумова докладывался лично Сталину. А дальше решение принимал вождь.

«От сравнения гестапо — МГБ уклониться никому не дано: слишком совпадают и годы и методы, — пишет А. И. Солженицын в «Архипелаге». — Еще естественнее сравнивали те, кто сам прошел и гестапо и МГБ, как Евгений Иванович Дивнич, эмигрант. Гестапо обвиняло его в коммунистической деятельности среди русских рабочих в Германии, МГБ — в связи с мировой буржуазией. Дивнич делал вывод не в пользу МГБ: истязали и там, и здесь, но гестапо все же добивалось истины, а когда обвинение отпало — Дивнича выпустили. МГБ же не искало истины и не имело намерения кого-либо взятого выпускать из когтей».

Арест по меркам органов безопасности тех лет — это уже был «момент истины». Парадокс заключался в том, что следствие и суд не могли изменить участи арестованного. По этим лекалам в органах безопасности работали не один десяток лет. Там не искали истины!

Человека арестовывали, уже имея на него какой-либо «компромат», а дальше шла техника фальсификации.

Такая была система, созданная Советской властью, которая периодически вращала маховик мясорубки. Поэтому оценить личность Абакумова без учета советского беззакония невозможно.

Д. А. Волкогонов обнаружил в архивах совершенно секретный документ, на котором стояла подпись Абакумова. Речь шла об американском гражданине, которого обвинили в шпионаже. За это он просидел восемь лет. Срок закончился, и посольство США сообщило, что готово вернуть его на родину. Однако министр госбезопасности доложил Сталину: «Нельзя выпускать. Пробыл столько лет в наших лагерях, столько видел. Надо ликвидировать». Вождь начертал: «Согласен», и иностранца уничтожили.

А ведь в этом конкретном случае Виктор Семенович был убежден в своей правоте…

В результате проведенного анализа Д. А. Волкогонов назвал Сталина насквозь политической фигурой. «Этот человек на весь

окружающий мир смотрел через призму своих политических интересов, политических приоритетов, политических заблуждений. Сталин считал возможным достижение «земного рая» ценой неимоверных страданий и жертв миллионов людей. По сути, политика Сталина исходила из того, что вся предыдущая история — лишь подготовка к «подлинной» истории. Мол, блаженство тех далеких, будущих поколений, которые достигнут земли обетованной, оправдывает муки и горечь бытия всех людей, прошедших по Земле ранее и живущих сегодня. Сталин готов был жертвовать прошлым и настоящим народа во имя эфемерного будущего. Но, как справедливо говорил Бердяев, прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет. Сталин никогда не мог преодолеть в политике разрыв между прошлым и будущим, полагая, что сегодня — это только «предыстория».

Сталин, безрассудно торопя время… был готов уничтожать миллионы людей, чтобы «выполнить досрочно» план коллективизации, считал естественным повергнуть в небытие тысячи своих товарищей-партийцев, чтобы достигнуть в «кратчайшие сроки» полного единодушия. Сталин, похоже, верил в абсолюты, в свою способность «осчастливить» миллионы будущих сограждан путем бесчисленных преступлений сегодня. Его политика «творения будущего», какими благими намерениями она ни камуфлировалась, просто преступна. Для ее реализации Сталин считал допустимым уже сегодня распоряжаться будущим миллионов своих сограждан».

Каким тогда должен был быть министр госбезопасности у товарища Сталина?

Правильно, соответствующим. Более того, выполняющим все его указания и приказы. Словом, верный оруженосец и солдат. Виктор Семенович и был таковым. Вот только и ему, как Ягоде и Ежову, не удалось не поскользнуться на этой самой верности.

Одним из пунктов исторического вердикта Сталину Д. А. Волкогонов называет преступное пренебрежение моралью. По его мнению, Сталин смог деформировать многие великие идеи и подменить их своими мифами. В частности, он пишет: «Диктатор совершил преступление против мысли. Всей своей жизнью и деяниями Сталин доказал, что ложь — это универсальное зло. Все беды начинаются со лжи. Насилие, единовластие, бюрократия, догматизм, цезаризм — все освещалось ложью». Все это так. Более того, во всех преступлениях Сталина участвовали люди, которые часто понимали, что творят зло. Понимал ли это Абакумов? Думаю, в некоторых случаях да, понимал. И он, как и большинство винтиков того сталинского тоталитарного

механизма, почти никогда так и не попытался использовать свой шанс совести.

Таким образом, Виктор Семенович одновременно и жертва, и палач!

Жертва, потому что он пострадал от того режима, которому служил.

Палач, потому что он был и мучителем, и притеснителем. А как же иначе?

28 июля 1994 года Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела в судебном заседании уголовное дело в отношении Абакумова и других. Руководствуясь статьей 8 закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и ст. 377–381 УПК РСФСР, Военная коллегия определила: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1954 года в отношении Абакумова, Лихачева, Комарова и Бровермана изменить, переквалифицировав действия осужденных на статью 193–17 п. «б» УК РСФСР (в редакции 1926 г.) и оставив им прежние меры наказания.

Через несколько лет Генеральная прокуратура России вновь внесла протест на приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1954 года по делу Абакумова и других.

В результате 17 декабря 1997 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь п. 5 ст. 378 УПК РСФСР, постановил: определить Абакумову В.С., Леонову А. Г., Лихачеву М. Т. и Комарову В. И. наказания в виде 25 лет заключения в исправительнотрудовые лагеря каждому, исключив в отношении всех осужденных дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества.

Читая все эти пересмотры, не перестаешь удивляться, как можно одни и те же преступления квалифицировать каждый раз по-новому. Ведь нынешнее российское правосудие при этом опиралось на те самые статьи Уголовного кодекса, которые действовали тогда. Но это уже тема другой книги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Из записки В.С. Абакумова И. В. Сталину в связи с заявлением следователя Рюмина

5 июля 1951 г.

ЦК ВКП(б).

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

В связи с поданным на Ваше имя заявлением тов. Рюмина даю Вам свое объяснение.

О необходимости ареста Этингера первый раз вопрос был поставлен перед ЦК ВКП(б) 18 апреля 1950 года № 6669/А. В этом документе докладывалось, что Этингер антисоветски настроен, является еврейским националистом и неоднократно допускал вражеские выпады против вождя, что было зафиксировано оперативной техникой. Санкции на арест получено тогда не было.

В ноябре 1950 года, 16 числа за № 7278/А я вторично направил записку в гор. Сочи с просьбой разрешить арестовать Этингера. Товарищ Поскребышев А. Н. мне позвонил и передал, что эту записку смотрел и она направлена в Москву товарищу Булганину Н.А., от которого и получите соответствующие указания. На следующее утро мне позвонил товарищ Булганин Н. А., сказал, что он получил письмо в отношении Этингера, и спросил, как быть? Я ему ответил, что Этингер большая сволочь и его следует арестовать, после чего товарищ Булганин Н.А. дал согласие на арест, и 18 ноября Этингер МГБ СССР был арестован.

После ареста Этингера я его допрашивал в присутствии начальника 2 Главного Управления МГБ СССР тов. Шубнякова Ф. Г. и зам. начальника отделения этого Управления тов. Тангиева Н.А., которые подготавливали арест Этингера.

После того, как я вспомнил, что при этом допросе присутствовали тов. Тов. Шубняков и Тангиев, я 5 июля их спросил об этом. Они подтверждают, что действительно при допросе мною Этингера они присутствовали.

В процессе допроса я требовал от Этингера, чтобы он правдиво рассказал о своей вине. Он отнекивался и заявлял, что не виноват и арестован зря. Я продолжал требовать, чтобы он рассказал о своих преступлениях и тогда Этингер заявил, что он пользовался доверием, лечил зам. министра государственной безопасности Сел ивановского и даже приглашался для консультаций вместе с профессором Виноградовым к больному

тов. Щербакову А.С.

В связи с этим я, несколько пошло, Этингеру сказал, что ему следует рассказать о своей вине и в этом деле, как он замочил Щербакова. На это Этингер заявил, что здесь он ни в чем не повинен, ибо Щербаков А.С. был крайне больным человеком, причем Этингер тогда стал объяснять, в чем заключалась серьезность болезни Щербакова А.С. и что его основным лечащим врачом являлся профессор Виноградов.

Почему на допросе Этингера я затронул этот вопрос? Мне было известно из агентурных сводок и от некоторых сотрудников, кого именно не помню, что многие еврейские националисты считали, что якобы по указанию Щербакова А.С. удаляли евреев из наиболее важных ведомств. Имея это в виду, а также то, что арестованный Этингер сам являлся еврейским националистом и что он бывал как врач у Щербакова А.С., я и счел необходимым задать ему этот вопрос, желая выяснить, не причастен ли Этингер к каким-либо злонамеренным действиям в отношении Щербакова А.С., хотя никаких данных, которые подтверждали бы это, у меня не было.

Далее я спросил, знает ли Этингер, кто его допрашивает. Когда он ответил, что не знает, я сказал, что допрашивает его Министр государственной безопасности и что у него есть возможность начать правдиво рассказывать обо всем, в чем он виноват, — так будет для него же лучше. Этингер продолжал отрицать, и я, как помнится, ему сказал — пойдите в камеру, подумайте и, когда вас вызовут на допрос, обо всем рассказывайте.

Вести допрос Этингера в Следственной части по особо важным делам было поручено одному из старших следователей — товарищу Рюмину, которому 2-е Главное Управление передало разработку и другие имеющиеся материалы на Этингера и обязано было, по существующим в МГБ порядкам, ориентировать следователя обо всех особенностях этого дела.

Спустя несколько дней зам. начальника Следственной части по особо важным делам тов. Лихачев доложил мне, что арестованный Этингер начинает рассказывать о своих антисоветских националистических настроениях. При этом тов. Лихачев, насколько помню, сказал, что Этингера недостаточно ясно, но говорит, что мог бы лучше лечить тов. Щербакова А.С., после чего я предложил тов. Лихачеву вместе со старшим следователем Рюминым привести ко мне на допрос Этингера.

На допросе Этингер действительно стал говорить мне, хотя и не достаточно внятно, путано, что у него имелись антисоветские националистические настроения, что он заявлял среди своего

близкого окружения о существующем в СССР притеснении евреев и высказывал намерение выехать в Палестину. После этого я потребовал от Этингера рассказать, как он преступно вел лечение товарища Щербакова А.С. Этингер в ответ заявил, что ничего особенного по этому вопросу сказать не может и что вообще о Щербакове А.С. он стал кое-что говорить потому, что у него на следствии требуют показания об этом. Я его вновь спросил — говорите прямо, конкретно и приведите факты, как вы неправильно лечили Щербакова А.С. Этингер опять-таки, как и на первом допросе, заявил, что Щербакова А.С. постоянно лечил профессор Виноградов, а он приглашался лишь периодически, вместе с Виноградовым.

Я потребовал от Этингера, чтобы он повторил те показания, которые давал до этого старшему следователю Рюмину. Как заявил Этингер, следователю он говорил о том, что мог бы настаивать, чтобы Щербаков А.С. имел больше покоя, но на самом деле Щербаков А.С. имел такой покой. Правда, сказал Этингер, Щербаков А.С. был не очень послушным пациентом. При этом Этингер привел пример, когда 9 мая 1945 года, в День Победы, Щербаков А.С. выехал из дома и врачи только после узнали об этом.

Далее Этингер сказал, что следователю он рассказывал по поводу препарата, якобы неправильно применявшегося при лечении Щербакова А.С. На самом же деле, как утверждал Этингер, этот препарат не мог принести никакого вреда. Тогда же Этингер вновь стал объяснять мне серьезность болезни Щербакова А.С., заявляя, что он был болен безнадежно и это подтвердилось впоследствии (как я понял, Этингер имел в виду результаты вскрытия).

После этого я сказал Этингеру — вы не выдумывайте и не крутите, а рассказывайте правду, как вы преступно лечили Щербакова А.С. Однако, несмотря на мои настояния, Этингер ничего нового тогда не сказал.

Таким образом, Этингер как на первом, так и на втором допросе ничего конкретного не сказал, никаких доводов и фактов не привел, а то, что он рассказывал на допросе у следователя Рюмина в отношении лечения Щербакова А.С., Этингер объяснил тем, что от него требовали показаний по этому поводу. Из поведения Этингера у меня на допросе я понял, что путаные и неясные показания, которые он давал тов. Рюмину, появились в результате того, что на первом допросе я сам поставил Этингеру вопрос об этом, а следователь, очевидно, напрямик его спрашивал. Из всего этого я внутренне пришел к выводу, что мои предположения о каких-либо злонамеренных действиях Этингера

в отношении Щербакова А.С. не оправдались.

Несмотря на это, после допроса Этингера я дал указание тов. Лихачеву — зам. начальника следственной части по особо важным делам (не помню, был ли при этом тов. Рюмин) — продолжать усиленно допрашивать Этингера с тем, чтобы подробно выявить его преступную деятельность и вражеские связи, одновременно стараться выявить в процессе допросов что-либо существенное касательно неправильного лечения тов. Щербакова А.С. При этом я указал, что допрос Этингера следует вести тщательно, продуманно, чтобы Этингер показывал правду и выдавал свои преступные связи, но не смог бы повести следствие по неправильному пути, а возможно, я и сказал: «завести в дебри».

Вот как все это было, насколько я помню. В дальнейшем я докладывал, что Этингер ничего существенного на допросах не дает, что у него продолжались сердечные припадки, которых в общей сложности было больше 20, и что смерть его произошла сразу же после возвращения с очередного допроса от тов. Рюмина.

Теперь по поводу заявления т. Рюмина о том, что якобы я намекнул Этингеру, чтобы он отказался от показаний. Этого не было и не могло быть. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы, тем более что я сам на первом же допросе Этингеру поставил вопрос, касающийся лечения т. Щербакова А.С. Однако повторяю, Этингер никаких фактов и доводов не привел, больше того, он заявил, что начал говорить что-то по этому вопросу только потому, что на него нажимали и требовали, тогда как в действительности никаких преступных действий в процессе лечения Щербакова А.С. он не допускал.

Что же касается того, что я настойчиво добивался, чтобы Этингер привел конкретные факты и доводы, то, мне кажется, я поступил как министр правильно.

Я должен был знать истину, так как нельзя было основываться на его невразумительных и неясных показаниях по такому серьезному вопросу.

Не располагая проверенными и, по сути дела, не имея никаких данных, свидетельствующих о злонамеренных действиях Этингера в лечении Щербакова А.С., докладывать в ЦК ВКП(б), как я полагал, тогда было не о чем.

Не соответствует действительности утверждение тов. Рюмина о том, что я якобы заявил, что если Этингер будет давать показания о преступном лечении Щербакова А.С., то придется

арестовать половину работников Санупра Кремля и многих работников охраны. Я этого не мог сказать, хотя бы потому, что Этингер не служил в Санупрс Кремля. Не мог я говорить и об охране, так как охрана никакого отношения к этому делу не имела…

О том как велось дело Этингера, должен знать и тов. Огольцов, который, как первый заместитель министра государственной безопасности, непосредственно руководит Следственной частью по особо важным делам, утверждает документы, следит за ходом следствия и принимает ежедневно доклады тов. Леонова и его заместителей. В частности, по делу Этингера мною было утверждено только постановление на его арест, а все остальные доклады по этому делу докладывались тов. Огольцову и были им утверждены.

Должен сказать, что меня удивляет, почему и по каким причинам делает тов. РЮМИН подобные заявления… Я не могу понять одного: дело Этингера все время находилось на руках у тов. РЮМИНА, никому никогда не передавалось, арестованный Этингер числился за этим же следователем, и больше его никто не допрашивал, и умер Этингер, придя с допроса от тов. РЮМИНА, — почему же тов. РЮМИН написал только теперь о своих сомнениях после смерти Этингера, несмотря на то, что со дня допроса мною Этингера по день его смерти прошло несколько месяцев…

Касательно второго вопроса, который описывает в своем заявлении тов. РЮМИН, — это об арестованном САЛИМАНОВЕ, бывшем заместителе генерального директора акционерного общества «Висмут»…

В результате проведенных агентурных мероприятий Салиманов прибыл на квартиру агента МГБ и затем был схвачен и доставлен в секретном порядке в Москву.

Должен сказать, что меня в Москве тогда не было, я находился в Сочи, и, когда мне об этом доложил по телефону тов. Огольцов, я его спросил, верно ли все это, и попросил еще раз все тщательно проверить, поскольку я буду докладывать об этом товарищу Сталину И. В.… После того, как мне то же самое подтвердил тов. Тов. Питовранов и Шубняков, я позвонил товарищу Поскребышеву с тем, чтобы он доложил об этом Вам, товарищ Сталин.

Следует указать, что в связи с поимкой Салиманова, по линии 2 Главного Управления МГБ СССР, имелось в виду продумать возможность организации дальнейших агентурных мероприятий против американцев.

… В отношении нарушений в следственной работе, о чем

указывает тов. Рюмин в своем заявлении.

Как правило, во всех чекистских органах протоколы допросов составляют следователи сразу. В Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, где допрашиваются наиболее важные преступники, допрос их связан с известными трудностями по проверке показаний и подбору материалов и документов, подтверждающих их показания. В связи с этим действительно, как раньше, так и теперь, следователи Следственной части по особо важным делам, допрашивая арестованного, составляют протоколы или делают записи какого-либо факта, а затем уже, на основании нескольких протоколов и записей, составляют более полный протокол…

Вчера, при вторичном вызове в комиссию, тов. Рюмин представил новое заявление, которое мне зачитывали. То, что им написано в этом заявлении, просто-напросто неправильно.

Во-первых, тов. Рюмин обвиняет работников Следственной части по особо важным делам МГБ СССР в том, что они избивают арестованных. Я должен прямо сказать, что действительно часто бьют арестованных шпионов, диверсантов, террористов с тем, чтобы заставить их рассказать о своих преступных делах и связях. Но делается это с умом и только с санкции Министра государственной безопасности и его первого заместителя, а в местных органах — с санкции начальника органа. Никакого массового побоища и каких-либо других нарушений в этом деле нет, тем более что на этот счет мы имели разрешение ЦК ВКП(б).

Во-вторых, тов. Рюмин заявляет, что ему тов. Лихачев будто бы поручал допрашивать арестованного Салиманова в отношении тов. Кобулова, а арестованного Этингера — в отношении тов. Тов. Ванникова и Завенягина.

(…) Известно лишь, что Салиманов на допросах говорил, что, будучи у американцев, он назвал им многие фамилии ответственных людей — кто они и где работают, в том числе он указал и о Кобулове, который ранее работал в органах государственной безопасности, а теперь находится в Германии.

Также не было никаких оснований, насколько мне известно, допрашивать арестованного Этингера в отношении тов. тов. Ванникова и Завенягина. Во всяком случае, мне никто не докладывал, что эти фамилии как-либо упоминались в материалах разработки или следственного дела на Этингера. Я считаю, что если бы были такие основания, то органы ЧК обязаны были допрашивать арестованного, невзирая на лица, в том числе и о Ванникове и Завенягине…

В-третьих, тов. Рюмин утверждает, что мною якобы давались указания допрашивать арестованных о руководящих партийных

работниках. Непонятно, о ком и чем идет речь. Действительно, иногда велись допросы арестованных в отношении ряда работников, занимающих ответственные должности, но делалось это, как Вы знаете, по специальному указанию. Тов. Рюмин говорит в своем заявлении о недостатках в следственной работе Министерства государственной безопасности. Это совершенно верно.

Со своей стороны должен сказать, что недостатков в работе органов МГБ гораздо больше, чем об этом пишет тов. Рюмин, и они сводятся, главным образом к следующему:

Мы еще недостаточно уделяем время работе с чекистскими кадрами…

Со стороны руководящего состава порой не проявляется достаточно требовательности к подчиненным работникам, среди работников органов государственной безопасности есть такие, которые нарушают дисциплину, руководящий состав не всегда умело и тонко принимает надлежащие меры к нарушителям чекистской дисциплины…

Наши следователи, хотя и много работают, иногда еще недостаточно целеустремленно допрашивают арестованных, не всегда умело и тонко используют имеющиеся в их распоряжении улики для разоблачения арестованных, а получив признательные показания от арестованных, часто не умеют как следует четко и ясно записать их в протокол допроса…

Главным обстоятельством является то обстоятельство, что не во всех представительствах Советского Союза за границей имеются чекистские работники по обслуживанию советской колонии.

Мы никак не можем завершить разгром украинских националистов в Западных областях Украины, а также националистов в Прибалтийских республиках…

Эти недостатки я знаю и вместе со своими заместителями всемерно стараюсь их устранить…

Я всегда помню Ваши указания, тов. Сталин, о том, что необходимо быть непримиримым к недостаткам в работе с тем, чтобы своевременно выявлять их и устранять…

В то же время я с открытой душой должен сказать Вам, товарищ Сталин, что я отдаю все свои силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите перед органами ЧК. Я живу и работаю, руководствуясь Вашими мыслями и указаниями, товарищ Сталин, стараюсь твердо и настойчиво проводить вопросы, которые Вы ставите передо мной…

Аналогичное объяснение мною представлено в Комиссию

Политбюро ЦК ВКП(б) товарищам Маленкову Г. М., Берия Л. П., Шкирятову М. Ф., Игнатьеву С. Д.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ С. Д. ИГНАТЬЕВА И. В. СТАЛИНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСА В.С. АБАКУМОВА И В. И. КОМАРОВА

4 ноября 1952 г.

№ 6969/и.

Совершенно секретно.

Товарищу СТАЛИНУ.

При этом представляю Вам протоколы допроса арестованных АБАКУМОВА В.С. и КОМАРОВА В. И. — бывшего заместителя начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

На допросах, а также на очной ставке КОМАРОВ изобличал АБАКУМОВА в том, что он скрыл от следователей указание ЦК партии о том, чтобы допрашивать КУЗНЕЦОВА и его сообщников в направлении вскрытия их преступной связи с иностранными разведками.

С. ИГНАТЬЕВ.

Стенограмма

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого АБАКУМОВА Виктора Семеновича от 8-го июля 1952 года АБАКУМОВ В.С., 1908 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский. До ареста — министр Государственной безопасности СССР.

Допрос начат в 14 час. 30 мин.

Вопрос: Покажите о характере вашей связи с КУЗНЕЦОВЫМ А.А.

Ответ: Никакой связи с КУЗНЕЦОВЫМ А. А у меня не было совершенно. О периоде, когда на КУЗНЕЦОВА по решению ЦК ВКП(б) было возложено на некоторое время наблюдение за работой МГБ СССР, я могу показать следующее.

Фактически никакого наблюдения за работой МГБ КУЗНЕЦОВ не вел и совершенно ничего не делал. За все время я был вызван к нему всего лишь 2–3 раза, не больше, по служебным вопросам.

Сам КУЗНЕЦОВ через меня никакими вопросами работы МГБ не интересовался совершенно.

О том, что он ничего не делал, я докладывал в ЦК ВКП(б).

Ко мне КУЗНЕЦОВ относился отрицательно и очень сторонился вообще МГБ СССР.

Помню, что однажды произошел у меня с КУЗНЕЦОВЫМ по телефону грубый разговор с его стороны. Не помню когда, один из начальников управлений сообщил мне, что якобы от секретаря ЦК ВКП(б) КУЗНЕЦОВА прибыла группа работников, которая намеревается проверить политические знания начальников главных управлений.

Это обстоятельство вызвало удивление у того человека, который мне об этом сообщал, так как такой формы проверки в практике партийной работы не было. Причем никому об этом заранее известно не было.

Я сразу позвонил по телефону КУЗНЕЦОВУ и спросил — верно ли, что им направлена такая группа работников. КУЗНЕЦОВ мне сразу же грубо стал говорить, что да, он это сделал. Я ему сказал, что переспросил его потому, что впервые сталкиваюсь с такой формой проверки. Обычно проверка, уже на основе имеющегося опыта партийной работы, как я заявил КУЗНЕЦОВУ, проводится давно установившимся порядком.

КУЗНЕЦОВ ничего мне не ответил, положил телефонную трубку, а спустя некоторое время позвонил мне по телефону и заявил, что якобы там произошла какая-то путаница и люди, которые были направлены в МГБ СССР, получили неправильный инструктаж.

На этом вопрос был закончен, и, как мне в последующем сказали, КУЗНЕЦОВ своих работников вернул.

У меня создалось впечатление, что КУЗНЕЦОВ был очень недоволен моим с ним разговором.

Вопрос: Только ли этим ограничивалась ваша связь с КУЗНЕЦОВЫМ?

Не лучше ли говорить правду до конца?

Ответ: Меня удивляет этот вопрос. Я еще раз заявляю, что у меня с КУЗНЕЦОВЫМ никакой связи не было, и его отношение ко мне и к МГБ СССР ЦК ВКП(б) известно.

Арест КУЗНЕЦОВА проводился по указанию ЦК ВКП(б) мною. В последующем КУЗНЕЦОВА я несколько раз допрашивал вместе с ОГОЛЬЦОВЫМ.

Вопрос: Кому вы поручали допрашивать арестованного КУЗНЕЦОВА и руководить следствием по делу участников возглавляемой им вражеской группы?

Ответ: Дело вела Следственная часть по особо важным делам МГБ СССР. Группу следователей по этому делу возглавлял КОМАРОВ, и, как я помню, мною было поручено допрашивать

КУЗНЕЦОВА КОМАРОВУ.

Вопрос: Вы давали указание КОМАРОВУ допрашивать КУЗНЕЦОВА и его сообщников о связи с иностранными разведками?

Ответ: Мною было поручено КОМАРОВУ допрашивать КУЗНЕЦОВА и вести все это дело, но какие конкретно давались указания по допросам, я теперь уже не помню.

Вопрос: Вас спрашивают не об указаниях вообще, а по конкретному вопросу — о связи вражеской группы КУЗНЕЦОВА с иностранными разведками.

Отвечайте.

Ответ: Я ничего другого сказать не могу и повторяю, что мною было поручено КОМАРОВУ допрашивать КУЗНЕЦОВА, но какие конкретно давались указания — я не помню.

Вопрос: Арестованный КОМАРОВ показал, что вы запрещали ему вести дело в направлении вскрытия связей вражеской группы КУЗНЕЦОВА с иностранными разведками.

Вы подтверждаете эти показания КОМАРОВА?

Ответ: Это неправда. Таких указаний, о которых говорит КОМАРОВ, с моей стороны не давалось. Наоборот, как я помню, по так называемому ленинградскому делу принимались все необходимые меры к тому, чтобы выявить связь с иностранными разведками. В частности, особенно обращалось внимание на это в связи с допросами КАПУСТИНА. Следовательно, не мошо быть и речи, чтобы якобы я давал указание не допрашивать арестованных по этой линии. Я помню, что все следователи специально занимались этим вопросом.

Вопрос: Осмотром архивно-следственных дел на КУЗНЕЦОВА и других его сообщников установлено, что ни одного протокола допроса, из которого можно было бы сделать вывод, что следствие велось в направлении вскрытия связей вражеской группы КУЗНЕЦОВА с иностранными разведками, в деле не имеется.

Говорите, почему вами смазывалось это дело?

Ответ: Я еще раз заявляю, что хорошо помню, что следователи по ленинградскому делу специально допрашивали арестованных, и очень усиленно, по связям с иностранными разведками. Особенно тщательно занимались выяснением этого вопроса на многих допросах, как я помню, в отношении КАПУСТИНА. Это происходило потому, что КАПУСТИН некоторое время находился в командировке за границей. Протоколы допроса КАПУСТИНА об этом должны быть в деле.

Также вспоминаю, что, когда я ставил вопрос об аресте КАПУСТИНА, то я специально обращал в изложении внимание на

то, что он был в командировке за границей.

Никаких оснований говорить о том, что якобы это дело в какой-то мере смазывалось, я считаю нет.

Вопрос: В деле КАПУСТИНА действительно имеются протоколы допроса о его пребывании и связях в Англии. Но ведь вас спрашивают о другом — почему вы запретили допрашивать КУЗНЕЦОВА и других его сообщников о связи с иностранными разведками?

Ответ: Я это категорически отрицаю. Выше я уже сказал, что таких указаний с моей стороны не было.

Вопрос: В таком случае мы вас изобличим показаниями КОМАРОВА на очной ставке.

(Вводится арестованный КОМАРОВ.)

Вопрос АБАКУМОВУ: Вы знаете, с кем вам дается очная ставка?

Ответ: Да, знаю — с КОМАРОВЫМ, бывшим заместителем начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

Вопрос АБАКУМОВУ: В каких взаимоотношениях вы находились с КОМАРОВЫМ?

Ответ: С КОМАРОВЫМ отношения у меня были чисто служебные.

Вопрос КОМАРОВУ: Вы знаете сидящего перед вами арестованного АБАКУМОВА и правильно он показывает о ваших взаимоотношениях с ним?

Ответ: АБАКУМОВА я знаю с 1941 года, с тех пор как он был назначен начальником Главного управления контрразведки, исполняя одновременно обязанности заместителя народного комиссара Внутренних Дел.

Что касается моих взаимоотношений с АБАКУМОВЫМ, то он показал правильно, отношения у нас были чисто служебные.

Вопрос КОМАРОВУ: АБАКУМОВ давал вам указание вести следствие по делу арестованного КУЗНЕЦОВА и участников возглавляемой им вражеской группы в направлении вскрытия их связей с иностранными разведками?

Ответ: В 1949 году, после ареста КУЗНЕЦОВА, АБАКУМОВ поручил мне допрашивать арестованного КУЗНЕЦОВА, и поскольку я в это время исполнял обязанности начальника Следственной части, так как ЛЕОНОВ был болен, а ЛИХАЧЕВ находился в заграничной командировке, то АБАКУМОВ поручил мне руководить следствием и по делу других арестованных, по так называемому ленинградскому делу.

Указаний о допросе КУЗНЕЦОВА и других арестованных из числа его вражеских связей в направлении выявления их

причастности к иностранным разведывательным органам я от АБАКУМОВА никогда не получал, за исключением одного случая, когда он дал мне указание о допросе КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА и ВОЗНЕСЕНСКОГО — бывшего министра Просвещения РСФСР об их взаимоотношениях с приезжавшей в свое время в Москву делегацией из Югославии, возглавляемой Тито.

Кроме того, по указанию АБАКУМОВА, арестованного КАПУСТИНА, в отношении которого имелись данные, что он находился в командировке в Англии, мне было поручено допрашивать о возможной его связи с иностранной разведкой.

В дальнейшем допрос КАПУСТИНА по этому же вопросу АБАКУМОВ поручил лично ПИТОВРАНОВУ, бывшему начальнику 2-го Главного Управления, впоследствии заместителю министра Государственной безопасности, и СОРОКИНУ — помощнику начальника Следственной части, ведшему непосредственно дело КАПУСТИНА.

Больше того, АБАКУМОВ меня неправильно ориентировал в деле. Был случай в конце 1949 или начале 1950 г., точно я сейчас не помню, в присутствии ОГОЛЬЦОВА, находившегося в кабинете АБАКУМОВА, с которым они собирались допрашивать КУЗНЕЦОВА и ПОПКОВА, я доложил АБАКУМОВУ, что арестованный КУЗНЕЦОВ и другие, по докладам следователей, как будто все рассказали следствию о совершенных ими преступлениях, и спросил АБАКУМОВА — в каком направлении вести следствие дальше.

Точно помню, что АБАКУМОВ задал тогда мне вопрос — какими данными мы располагаем о связях арестованных КУЗНЕЦОВА и других с иностранцами. Я ответил тогда АБАКУМОВУ, что у нас имеются лишь данные о пребывании КАПУСТИНА в АНГЛИИ и его подозрительных связях с англичанкой. Однако он связь с иностранной разведкой отрицает.

Кроме того, по его, АБАКУМОВА, указанию допрошены арестованные КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и ВОЗНЕСЕНСКИЙ о их взаимоотношениях с Тито и другими членами югославской делегации, приезжавшей в Советский Союз, однако и эти арестованные существенных, представляющих интерес для МГБ показаний не дали.

АБАКУМОВ, расхаживая по кабинету, стал рассуждать вслух, что шпионажа у арестованных по ленинградскому делу нет, да и не может быть, так как все арестованные — бывшие руководящие партийные работники и их связи были ограниченными.

Он тогда сказал, что в ЦК, мол, хорошо известно поведение КУЗНЕЦОВА — бывшего секретаря ЦК, который был постоянно с охраной и каждый шаг его на учете.

АБАКУМОВ также заявил, что начни допрашивать арестованного ВОЗНЕСЕНСКОГО — бывшего председателя Госплана СССР о связи с иностранной разведкой, в ЦК будут смеяться и, мол, отрицательно отнесутся к нашим действиям, так как в ЦК хорошо известно, что ВОЗНЕСЕНСКИЙ был очень осторожным человеком в отношении своих связей и даже был случай, когда ВОЗНЕСЕНСКИЙ, узнав о предполагаемом назначении его брата ВОЗНЕСЕНСКОГО на должность, связанную с Министерством иностранных дел, что влекло за собой неизбежное общение с иностранцами, воспротивился этому и просил ЦК не назначать его брата на эту должность, так как это может скомпрометировать ВОЗНЕСЕНСКОГО самого.

Таким образом, из сказанного АБАКУМОВЫМ было видно, что он представляет себе ленинградскую группу как локальную, не связанную с заграницей, а для меня ссылки АБАКУМОВА, как министра Государственной безопасности, на ЦК явились указанием — не допрашивать арестованных в этом направлении.

В результате я сам активно не допрашивал КУЗНЕЦОВА о его связях с заграницей и на оперативных совещаниях подчиненных мне следователей не ориентировал их о проведении следствий в этом направлении.

Вопрос АБАКУМОВУ: Почему вы так ориентировали КОМАРОВА, по существу запретив ему вести следствие по делу КУЗНЕЦОВА и его сообщников в направлении вскрытия связи вражеской группы с иностранными разведками?

Ответ: Это неверно. Такого вывода нельзя сделать также и из показаний КОМАРОВА, которые он сейчас здесь дал.

Расскажу все по порядку.

Совершенно правильно, что мною было поручено КОМАРОВУ допрашивать КУЗНЕЦОВА и руководить следствием в отношении арестованных по этому делу.

КОМАРОВУ мною было сказано, как и всегда делалось в таких случаях, о том, чтобы тщательно расследовать все это дело и полностью выявить их вражескую деятельность. Но о чем говорилось подробно, я теперь уже не помню.

Знаю, что КОМАРОВ, а также другие следователи, допрашивая КУЗНЕЦОВА и других арестованных по так называемому ленинградскому делу, работали очень усиленно и много, старались выявить все их преступления.

Правильно, что мною неоднократно давалось указание — допрашивать тщательно КАПУСТИНА, а также и других арестованных по связям с иностранными разведками. Действительно, речь шла о том, чтобы допрашивать КАПУСТИНА в связи с его пребыванием в Англии, а также по связям

участников антисоветской ленинградской группы с югославом ДЖИЛАСОМ. Поэтому КОМАРОВ и все другие следователи постоянно знали и обращали внимание на необходимость выявления в процессе допросов связей с иностранными разведками.

Это же подтверждает здесь и КОМАРОВ.

Я также помню, что КОМАРОВ мне докладывал, что допрашивали арестованных всех очень тщательно по связям с иностранными разведками, в частности КАПУСТИНА о его пребывании в Англии, а также по линии югославов, но никаких показаний о шпионаже добыто не было.

Повторяю, допрашивали по этой линии арестованных длительное время. В отношении КАПУСТИНА, помимо допроса, проводилась также тщательная проверка и сбор материалов о его пребывании в Англии. Упор на выявление связей с разведкой по линии КАПУСТИНА делался потому, что КАПУСТИН был близким человеком КУЗНЕЦОВА и ПОПКОВА.

Поэтому я считаю, что ленинградское дело велось правильно и следователи по этой линии допросы проводили.

Повторяю, что подробностей разговоров с КОМАРОВЫМ — как и о чем допрашивать КУЗНЕЦОВА, я не помню, причем в таких случаях обычно говорится об основных вопросах. Но знаю, что КОМАРОВ сам достаточно опытный следователь, и я уверен и знаю, что КУЗНЕЦОВА по линии его шпионских связей он также допрашивал.

Мне и ОГОЛЬЦОВУ было известно из докладов КОМАРОВА, о чем он говорит и сейчас здесь, что арестованных по линии шпионажа по так называемому ленинградскому делу допрашивали, но выявить ничего не удалось.

Более того, чтобы более тщательно разобраться и добиться выявления возможных шпионских связей участников ленинградского дела, правильно говорит КОМАРОВ, что по моему указанию был подключен к допросам КАПУСТИНА начальник 2-го Главного управления ПИТОВРАНОВ,

Вопрос АБАКУМОВУ: Вы не дали ответа по существу показаний КОМАРОВА. Он заявил, что вы утверждали, что ВОЗНЕСЕНСКИЙ, КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и другие арестованные в прошлом находились на руководящей партийной работе и не могли иметь связи с иностранными разведками и что если в этом направлении мы их будем допрашивать, то ЦК осудят наши такие действия.

Такими рассуждениями, как далее показал КОМАРОВ, вы ориентировали его, а он, в свою очередь, следователей, что дело вражеской группы КУЗНЕЦОВА является локальным.

Ответьте конкретно — вы подтверждаете эти показания КОМАРОВА?

Ответ: Нет, так не было. По так называемому ленинградскому делу, несмотря на то, что никаких материалов, которые бы говорили в отношении связей кого-либо из арестованных с иностранными разведками, за исключением КАПУСТИНА и приезда в Ленинград ДЖИЛАСА, не было; допросы арестованных велись по этой линии.

Вопрос АБАКУМОВУ: Вы уже изобличены в том, что протоколов по этому вопросу в делах нет.

Следствие еще раз требует, ответьте — подтверждаете вы показания КОМАРОВА или нет?

Ответ: Я вновь заявляю, что с моей стороны как министра, когда я поручал вести дело КОМАРОВУ, указания по делу были даны правильные — вести допросы и выявлять преступную деятельность участников этой группы.

Таких разговоров, о которых говорит КОМАРОВ в отношении того, что якобы КУЗНЕЦОВ, ВОЗНЕСЕНСКИЙ и другие не могли иметь связи с иностранными разведками, не было, и я думаю, КОМАРОВ что-то путает. Подтверждением этому служит то, что мы все время делали упор на выявление связей с иностранными разведками, и поэтому КОМАРОВ прекрасно знал так же, как знали другие следователи, что этот вопрос важный, и допросами по этой линии занимались.

Вопрос КОМАРОВУ: АБАКУМОВ отрицает ваши показания о том, что он неправильно ориентировал вас о расследовании дела КУЗНЕЦОВА и его сообщников.

Вы настаиваете на своих показаниях?

Ответ: Я показал на следствии и сейчас на очной ставке так, как было в действительности.

Меня удивляет — почему АБАКУМОВ не помнит якобы разговора его со мной, касающийся допроса арестованных КУЗНЕЦОВА и других в направлении возможной их связи с иностранной разведкой.

АБАКУМОВЫМ тогда было сделано заявление, которое нельзя забыть, а мне выдумать, так как АБАКУМОВ передавал мне разговор, якобы имевший место у него в ЦК в отношении ВОЗНЕСЕНСКОГО.

АБАКУМОВ показал правильно в той части, что в начале следствия он дал указание мне, а через меня, следовательно, и остальным следователям, допрашивающим арестованных по так называемому ленинградскому делу, задавать им один вопрос, чтобы они рассказали — в чем виноваты перед партией и советским государством.

Как я уже показал, в связи с тем, что по докладам следователей, а также показаниям КУЗНЕЦОВА, которого я допрашивал лично, они все рассказали о своей вине перед партией и государством, я в конце 1949 и начале 1950 г. спрашивал у АБАКУМОВА — в каком направлении вести дальнейшее расследование.

Я еще раз повторяю, что АБАКУМОВ мне тогда задал вопрос — какими мы располагаем материалами в отношении связей КУЗНЕЦОВА и других арестованных с иностранной разведкой.

Тогда я ему ответил, что в распоряжении следствии имеются данные о пребывании КАПУСТИНА в Англии и его подозрительных связях с англичанкой, однако он связь с иностранной разведкой отрицает.

Я также доложил АБАКУМОВУ, что по его указаниям допрошены КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и ВОЗНЕСЕНСКИЙ — бывший министр Просвещения РСФСР об их отношениях с приезжавшей в Советский Союз Югославской делегацией, возглавляемой Тито. Однако и по этому вопросу названные арестованные существенных показаний не дали. Да, АБАКУМОВ знал об этом и сам, так как он вместе с ОГОЛЬЦОВЫМ допрашивал КУЗНЕЦОВА и ПОПКОВА о связи с Тито и другими членами делегации.

Тогда же АБАКУМОВ, как я уже показывал, расхаживая по кабинету, рассуждал вслух, что арестованные КУЗНЕЦОВ и другие не могут быть связаны с иностранной разведкой, так как они являясь в прошлом руководящими партийными работниками, постоянно охранялись и в ЦК был известен каждый их шаг.

Такое заявление исходило не от кого-то, а от АБАКУМОВА, являвшегося в то время министром Государственной безопасности, и я должен был принять это как его указание, тем более что он заявил, что якобы в ЦК отнесутся отрицательно и будут смеяться, если ВОЗНЕСЕНСКОМУ и КУЗНЕЦОВУ будут ставить вопросы об их связи с иностранной разведкой.

Должен сказать, что с самого первого дня следствия по делу КУЗНЕЦОВА и других я был строго-настрого предупрежден АБАКУМОВЫМ — самостоятельно не принимать никаких следственных действий, так как арестованные являлись бывшими руководящими работниками ЦК ВКП(б) и, как заявил АБАКУМОВ, он все свои действия в отношении следствия по их делу согласовывает с ЦК.

При таких обстоятельствах моя инициатива в допросах была скована, я строго руководствовался указаниями, исходящими от АБАКУМОВА.

Все его указания, касающиеся расследования дела КУЗНЕЦОВА и его вражеских связей, мною немедленно

передавались в точности следователям.

Вопрос КОМАРОВУ: У вас есть вопросы к обвиняемому АБАКУМОВУ?

Ответ: Нет, вопросов к АБАКУМОВУ у меня нет.

Вопрос АБАКУМОВУ: А вы имеете вопросы к КОМАРОВУ? Ответ: Нет, к КОМАРОВУ у меня вопросов нет.

Допрос окончен в 21 ч. 30 м.

Протокол с наших слов записан правильно, нами прочитан.

В. АБАКУМОВ.
КОМАРОВ.

ДОПРОСИЛИ: Зам. министра госбезопасности СССР полковник РЮМИН

Зам. главного военного прокурора Советской Армии

генерал-майор юстиции КИТАЕВ

Ст. следователь следчасти по особо важным делам

МГБ СССР подполковник ЛЕВШИН

Ст. следователь следчасти по особо важным делам

МГБ СССР подполковник МОТАВКИН

Ст. следователь следчасти по особо важным делам

МГБ СССР подполковник ОЖЕРЕЛЬЕВ.

Список источников и литературы

Абин Н. «Красная звезда» от 24 декабря 2009 г. Приступить к операции «Ворон».

Абин Н. «Красная звезда» от 25 декабря 2009 г. Приступить к операции «Ворон».

Альбац Е. Мина замедленного действия. М., 1992 г.

Андреева А. Плавание к небесному Кремлю. Интернет: Андреевская энциклопедия.

Антонов В. «ВПК» от 1 ноября 2006 года. Даже в тюрьме он думал о благе отечества.

Асинкритов Г. П. Интернет: Великая оболганная война. О ком скорбит «Тверской» мемориал.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 378. Л. 196–211.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 100. Л. 55–76.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145–146.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д 10. Л. 7–10.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 28. Л. 147–153.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д 216. Л. 40–49.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 220. Л. 170–188.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 19–58.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 59–66.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 81–117.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 198–217.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д 222. Л. 2–29.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 222. Л. 203–243.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д 311. Л. 61–64.

Безыменский Л. А. Покушение на Гитлера. Операция «МИФ» или сколько раз хоронили Гитлера. М., 1995.

Белопольский В. Н. «Научно-культурологический журнал» № 20, 2000 г. Жизнь и смерть генерала Масляникова.

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004.

Сбытое Н.А. Битва за Москву. Сборник. М., 1966.

Бобков ФД. КГБ и власть. М., 1995.

Бондаренко А. «Красная звезда» от 10 февраля 2010 г. Шесть суток ареста.

Борщаговский А. «Новый мир» № 10, 1993 г. Обвиняется кровь.

Великая Отечественная война. Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005.

Великая Отечественная война. Комкоры. Военный биографический словарь. Том 2. М., 2006.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Берия Лаврентий Павлович.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Дело врачей.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Ласкин Иван Андреевич.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Оборона Смоленска.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Павленко Николай Максимович.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Подольские курсанты.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: 50-я армия.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Свердлов Андрей Яковлевич.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Свердлов Яков Михайлович.

Википедия — свободная энциклопедия. Интернет: Части Особого назначения.

Владимов Г. Долог путь до Типперэри. М., 2005.

Военные архивы России № 1. 1993. С. 208–213.

Военная одежда ВС СССР и России. (1917–1990-е годы). М., 1999.

Войнович В. Н. Малое собрание сочинений. Том 3. М., 1993.

Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни. М., 2010.

Волкогонов Д. Сталин. Книга 2. М., 1996.

Воронежский государственный университет. Интернет: Политические репрессии в Красной Армии во время Отечественной войны 1941–1945 гг. ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. П-15168. Л. 3–63; П-20669. Л. 120,136 оборот; П-14468. Л. 29, 36, 52, 71, 85; П-15176. Л. 11, 46, 54.

ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3989. Л. 63–65.

Гелен Р. Война разведок. М., 2003.

Гераскин Б. В. За семью печатями. М., 2000.

Герчиков О. «Аргументы и факты» от 16 апреля 2008 г. Это страшное слово СМЕРШ.

Головкова Л. «Новая газета» № 139 от 14 декабря 2009 г. Пыточная тюрьма Сталина.

Греков Н. В. «Военно-исторический журнал» № 2, 2006. Деятельность контрразведки СМЕРШ…

Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М., 2009.

Делаграмматик М. «Новый мир» № 6, 1997. Военные

трибуналы за работой.

Дорогуш И. В. Интернет: Национальный архив Республики Беларусь. Эвакуация документальных материалов государственных архивов Беларуси в 1941 г.

Егорова О. «Спецназ России» № 4, 2002. Русская прима нацистского кино.

Еременко А. И. В начале войны. М., 1965.

Жирнов Е. «Власть» № 2 от 27 января 1998 г. Как убили Михоэлса.

Жирнов Е. «Власть» № 8 от 27 февраля 2001 г. Разыскать для приведения приговора в исполнение.

Жирнов Е. «Власть» № 19 от 21 мая 2002 г. На доклады в Кремль он ездил в машине Гиммлера.

Жирнов Е. «Коммерсант-автопилот» № 1,2005 г. Красное колесо — ворон черный.

Жирнов Е. «Власть» № 43 от 31 октября 2005 г. Они прибыли с фронта с потрепанными нервами.

Жирнов Е. «Власть» № 49 от 11 декабря 2006 г. Пьянствую и занимаюсь барахольством.

Жирнов Е. «Власть» № 40 от 13 октября 2008 г. Оборона Москвы внушает большие опасения.

Жирнов Е. «Власть» № 49 от 15 декабря 2008 г. Работа в Чека часто развращает.

Жирнов Е. «Власть» № 4 от 31 января 2011 г. При попытке изнасиловать сорвал с себя погоны.

Жухрай В. Сталин: правда и ложь. М., 1996.

Замарина Н. «Аргументы и факты» № 17. 1988 г. Ленинградское дело.

Интернет: Газетные старости.

Интернет: Большое Московское наводнение 1908 года.

Интернет: Ростов-дом. Ростов и ростовчане. Кисин С.

Интернет: Федеральный портал. История Ростова-на Дону.

Интернет: Память войны. Материалы межгосударственной научнопрактической конференции 24 июня 2005 г. Карачевский краеведческий музей, Брянская область. Ератов В.

Интернет: Агентство федеральных расследований. «Московские новости» от 20 декабря 2001 г. Мост взорвали раньше.

Интернет: Криминальная энциклопедия. Карев В.

Иоффе Э. Интернет: Минск Старый. Новый. Эвакуация: трагедия или подвиг?

История Смоленской милиции (1941–1945). Смоленск, 2000.

Карих М. «ВПК» № 38 от 3 октября 2007 г. Рекомендации Петра Кубаткина помогли многим будущим руководителям

первого главного управления МГБ.

КафановаЛ. «Чайка» № 24 от 16 декабря 2005 г. Палач — Жертва.

Кеворков В. Исповедь перед казнью. М… 2006.

Кейтель В. Размышление перед казнью. М., 1998.

Кожинов В. Россия век XX (1901–1934). М., 2002.

Комаров Д. Трагедия 1941 г. Неизвестное Смоленское сражение. М., 2008.

Костырченко Г В. Тайная политика Сталина. М., 2003.

Криворучкина-Щербакова Л. Интернет: «Новый журнал» № 233,2003 г.

Ларина-Бухарина А. Незабываемое. М., 2003.

Ласкин И. А. На пути к перелому. М., 1977.

Лекарев С., Крамар В. Интернет: Сайт ФСБ России. Шпионы по ленд-лизу.

Ленчевский Ю. СМЕРШ без грифа «Секретно». М., 2009.

Лещинский М. Расстрелянные Отечеством. М., 2000.

Лобачев А.А. Трудными дорогами. М., 1960.

Матвеев О., Мерзляков В. Интернет: Сайт ФСБ России. Азбука контрразведчика.

Макаревич Э. «Совершенно секретно» № 4, 1998 г. Плейбой советского масштаба.

Маслов А. «Новая газета» от 17 февраля 2003 г. Особая папка. Арестованная медицина.

Медников А. «Кольцо А» № 43, 2008 г. Публикация М. Сорокиной.

Мельников В. Из писем Майе Улановской. Интернет: Фонд социальноэкономических программ.

Млечин Л. «Жизнь» № 21 от 5 июня 2006 г. Ленинградское дело и другие дела генерала Абакумова.

Мозохин О. Б. Органы государственной безопасности СССР в годы ВОВ. Том 3. Сборник документов. М., 2003.

Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004.

Мурин Ю. Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931–1950 гг. М., 1997.

Муромов И. А. 100 великих авантюристов. М., 2007.

Мякушев С. Д. «Отечественные архивы» № 2, 2006 г. Возвращение «Смоленского архива».

Нагибин Ю. Дневник. М., 1996.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.

Огнев В. «Знамя» № 8, 2000 г. Блики памяти.

Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917–1920: в 2-х томах. М.,

1997.

Осипов В. Тайная жизнь Михаила Шолохова. М., 1995.

Осипов В. «Смена» № 2, 1995 г.

Осокина Е. А. «Родина» № 3, 2004 г. Доллары для индустриализации.

Павлова Е. «Московский комсомолец» от 17 августа 2006 г. Миллионы фальшивого полковника.

Павлюков А. Ежов. Биография. М., 2007.

Петров Н. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011.

Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. М., 1999.

Петров Н. В., Кокурин А. И. Лубянка. ГУЛАГ. 1918–1960. Документы. М., 2002.

Петров НВ., Кокурин А. И. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003.

Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005.

Петров Я. «Новая газета» от 5 июня 2008 г. Сталинский заказ.

Петров Н. «Новая газета» от 2 августа 2010 г. Человек в кожаном фартуке.

Петров Н. «Новая газета» от 30 августа 2010 г. Самый образованный палач.

Петров Н. «Новая газета» от 23 сентября 2010 г. О Родосе, палаче НКВД.

Петров Н. «Новая газета» от 27 октября 2010 г. Бухгалтер — такой простой.

Петров Н. «Новая газета» от 8 ноября 2010 г. Следователь костолом: экспортный вариант.

Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1945. Справочник. М., 2010.

Петров Н. «Новая газета» от 4 марта 2011 г. Каменный гость.

Полян П., Поболь Н. «Отечественные записки» № 4, 2006 г. Дневник начальника Особого отдела 50-й армии. ГАРФ. Оп. 148. Ф. ЧГК (Р-7021).

Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов госбезопасности на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 461. Л. 21–35.

РГВА. Коллекция учетно-послужных карт. УПК Б. В. Теплинского.

Райле О. Тайная война. М., 2002.

Репин Л. Интернет. Прогулки по Москве. Особняк повышенной секретности. 17 сентября 2007 г.

Родос В. Я — сын палача. Воспоминания. М., 2008.

Рудь А. «Литературный Крым» № 17–18 от 27 мая 2005 г. Мой генерал.

Русские писатели. XX век. Библиографический словарь в двух частях. Часть 2. М., 1991.

Рыбаков А. Роман-воспоминание. М., 2005.

Рыбаков А. Дети Арбата. Книга третья. Прах и пепел. СПб, 2004.

Сарнов Б. Скуки не было. М., 2004 г.

Север А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы войны. М., 2008.

Словецкий В. «Мир новостей» от 4 ноября 2009.

Слуцкий А. М., Френклах К3., Ямпольский И. М., Бильдер Е. Н., Адамский И. Д. Интернет: Я помню. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны.

Современный толковый словарь русского языка. М., 2004.

Соколов Б. В. Берия. Судьба всесильного наркома. М., 2011.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Том 1. М., 1990.

Сопельняк Б. Палачи сталинской эпохи. М., 2006.

Стаднюк И. Ф. Война. М., 1987.

Старков Б. А. Борьба с коррупцией и политические процессы во второй половине 1940-х годов. Сборник. Исторические чтения на Лубянке, 2001.

Степичев М. Реабилитирован посмертно. Выпуск 1, 2. М., 1989.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М., 1997.

Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин СМЕРШа. М., 2005.

Столяров К. Голгофа. М., 1991.

Сыромятников Б. А. НВО, 1 августа 2003 г. Один из 12 тысяч.

Сыромятников Б. ВПК, 1 ноября 2007 г. Трагедия генерала Дмитрия Павлова.

Тельман И. «Секрет» от 31 июля 2009 г. Дело о «Сионистском заговоре» в МГБ.

Тепляков А. «Политический журнал» № 11–12 от 2 апреля 2007 г. Чекист для Союза писателей.

Тепляков А. О коррупции в органах НКГБ-МГБ СССР 1940–1950-х гг. Общество. Интеллигенция. Репрессии. Сборник статей. Новосибирск, 2009.

Тепляков А. Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.

Тихонов Д. «РФ сегодня» № 6, 2006 г. Архив, которому не везет.

Трегубов Ю. А. Восемь лет во власти Лубянки. Франкфурт-на-Майне, 1957.

Турченко С. У фашистов был шанс взять Сталина в плен. Интернет. Свободная пресса, 30 октября 2011 г.

Хандрос Б. «Совершенно секретно» от 23 сентября 2006 г.

Хаустов В.Н., Наумов В. П., Плотников Н. С. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. Документы. М., 2007.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2009.

Химич О. «Московский комсомолец» от 14 марта 2005 г. Преемник Сталина.

Христофоров В. «ФСБ: За и против» № 1, май 2008 г. Смерть шпионам!

Христофоров В. С., Виноградов В. К., Матвеев О. К., Лазарев В. И., Лузан Н. Н., Макаров В. Г, Перемышленникова Н. М., Черепков А. П. СМЕРШ. М., 2003.

Хруцкий Э. Москва уголовная. М., 2002.

Хруцкий Э. Тени в переулке. М., 2006.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 10. Л. 507.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 525. Д. 48. Л. 225, 226, 228, 362.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Н-15302. Т. 7. Л. 263–264.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Л. 542–544.

ЦГАИПД Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 83. Д. 438. Л. 6–24.

Чернявский Г. Интернет — История Смоленского края. Судьба Смоленского архива — зеркала большевистского тоталитарного режима.

Чикин В. «Советская Россия» от 1 июня 2010 г. Горизонты в лабиринтах.

Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.

Шелохаев В. «Государственная служба» № 2, 2002 г. Лев и Павел Велиховы: два брата, одна судьба.

Шрейдер М. П. НКВД изнутри: записки чекиста. М., 1995 г.

Этингер Я. «Совершенно секретно» № 6, 2006 г. Врачи и их убийцы.

Юнге М., Бордюгов Г, Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008.

notes

Примечания

1

Хамовники — исторический район Москвы, располагавшийся в восточной части современного района Хамовники. Административный район Москвы, включающий в себя одноименный исторический район, а также Лужники, Девичье Поле, Плющиху, Остоженку.

2

ЧОН — Части Особого Назначения ВЧК СССР (1919–1925) — военнопартийные отряды, создававшиеся при заводских партячейках, райкомах, горкомах, укомах и губкомах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и т. п. Для общего руководства выделялись ответственный организатор при ЦК РКП(б) и организаторы при губкомах, укомах и т. д. Вначале ЧОН формировались из членов и кандидатов партии, а после и из лучших комсомольцев. Первые ЧОН возникли в Петрограде и Москве, кроме того в центральных губерниях РСФСР (к сентябрю 1919 г. созданы в 33 губерниях).

ЧОН прифронтовой полосы Южного, Западного и Юго-Западного фронтов принимали участие во фронтовых операциях. В ноябре 1919 ЦК РКП(б) принял постановление о введении ЧОН в систему Всеобуча, только с сохранением самостоятельности их формирования и готовности к использованию по распоряжению местной парторганизации. 24 марта 1921 г. ЦК партии принял постановление на основании решения X съезда РКП(б) о включении ЧОН в состав милиционных частей Красной Армии. Личный состав ЧОН разделялся на кадровый и милиционный (переменный). В сентябре 1921 г. были учреждены командование и штаб ЧОН страны, в губерниях и уездах — командование и штабы ЧОН, Советы ЧОН при губкомах и укомах партии. В декабре 1921 г. в ЧОН числилось кадрового состава 39 673 чел. и переменного — 323 372 человека. В составе ЧОН были пехотные, кавалерийские, артиллерийские и бронечасти. В связи с улучшением внутреннего и международного положения СССР и укреплением Красной Армии в 1924–1925 гг. по решению ЦК РКП(б) ЧОН были расформированы.

З

Дейч Яков Абрамович (1898–1938) — комиссар ГБ 3 ранга (29.11.35), 2-й зам. полпреда ОГПУ по Московской области (1932–1933). 1-й зам. полпреда ОГПУ по Московской области (1933–1934), 1-й зам. нач. УНКВД Московской области (1934–1935), нач. УНКВД Калининской области (1935–1936). опер, секретарь наркома внутр. дел СССР (1936), нач. секретариата НКВД СССР (1936–1937), нач. УНКВД Азово-Черноморского края (1937), нач. УНКВД Ростовской обл. (1937–1938). Арестован 29 марта 1938 года. Умер во время следствия.

4

Островский Иосиф Маркович (1885–1937) — старший майор ГБ (29.11.35), управляющий делами ОГПУ СССР (1931–1933), начальник АХУ НКВД СССР (1934–1936), арестован 29 марта 1937 года, 20 июня 1937 года приговорен к расстрелу.